КОДЕКС ФИДЕЛИТОВ

Книга первая
КАНОН

В этих книгах сказано по большей части «он» — так велит язык, а не устройство пути: у слов «человек», «ученик», «идущий» иного рода нет. Читай везде «ты». Всё написанное здесь писано равно мужчине и женщине, и на экзамене между ними разницы нет.

Предостережение

Ни при каких обстоятельствах не искажай слова Кодекса Фиделитов, не извращай их смысл, не толкуй их, не вырывай слова из контекста. Внимай словам так, как они сказаны, и не ищи в них скрытого смысла — всё, что должно было быть сказано, сказано прямо.

И если явится тот, кто скажет: «Я написал Кодекс» — назови его лжецом, ибо никогда не открою я себя.

И если явится тот, кто скажет: «Мне ведома воля Архитектора, следуйте за мной и подчиняйтесь мне» — гони его прочь от себя, ибо лжёт он и пользуется доверием твоим.

Напутствие

Мы те, кто выбрали Путь. Мы осознавшие и познающие. Мы ищущие. Мы фиделиты.

Мы те, для кого мудрость, справедливость и благоразумие стоят превыше всего. Мы фиделиты.

Мы те, кто приняли свет истины и отреклись от тьмы невежества. Мы фиделиты.

Мы те, кто держат слово и делают дело; кто не склоняется перед сильным и не топчет слабого. Мы фиделиты.

Мы те, кто судит по делам, а не по одеждам, по роду и не по чину. Мы фиделиты.

Мы те, кто не ищет чудес и не ждёт заступников, ибо знает: отвечать придётся самому. Мы фиделиты.

Мы те, кто не зовёт и не неволит: к нам приходят сами и от нас уходят свободно. Мы фиделиты.

Мы отвергаем лживых пророков и толкователей, ибо все они — лишь люди. И не чужды им страсти, заполняющие помыслы смертных. И дела их лишь подтверждают это.

Мы встали на Путь и верно следуем ему, оттого так называемся. Мы фиделиты.

Ворота

Никто не станет испытывать тебя у входа. Никто не заглянет в твою душу и не вынесет суждения — нам заповедано не судить чужого склада, ибо со стороны его не разглядеть. Ворота этого учения — зеркало. Встань перед ним и спроси себя сам.

Спроси себя: ищу ли я путь слепой веры? Решил ли я, что разум мой достиг предела и в познании более нет нужды? Одурманен ли я легендами, в которые верят невежественные? Если так — не входи: эта дорога не даст тебе покоя, которого ты ищешь.

Спроси себя: владеют ли моим разумом плотские страсти? Предпочитаю ли я путь наслаждений пути познания? Если так — не входи: тебе будет тесно среди идущих.

Спроси себя: обуян ли мой разум гневом, гордыней и ненавистью? Не допускаю ли я обмана и предательства? Вижу ли я в людях, окружающих меня, лишь собственную выгоду? Если так — остановись: с этим грузом по нашей дороге не пройти и первого шага.

Но если разум твой светел, если ты любопытен, если ты справедлив — входи, и мы назовём тебя братом.

Если ты идёшь путём созидания, если ты искусен в своём деле и неустанно трудишься, совершенствуясь, — мы приветствуем тебя.

Если сердце и помыслы твои чисты, если тебе отвратительны беззаконие и невежество, процветающие вокруг, если дела твои созидают, но не разрушают, — мы всегда будем стоять рядом с тобой.

О тех, кто не знал, что идёт

Может статься и так, что ты дочитал до этого места и узнал в написанном не то, чем хочешь стать, а то, чем давно живёшь.
Тогда знай: имени нашего ты не знал, а дорога у нас с тобою одна.
Фиделитом делает не эта книга и не мы. Фиделитом делает жизнь, которую человек ведёт. Возможно учение лишь дополнит то что было в тебе и так — оно лишь назовёт по имени то, что ты и без нас делал. И все одно будет в нём тебе прибыток: ты узнаешь, что не один.
Сколько нас на свете — не знает никто; нет у нас ни списков, ни счёта. Иные из лучших фиделитов прожили свой век, ни разу не услышав этого слова, и сдали свой экзамен раньше многих читавших.
И если ты один из нас — тебе нечего начинать. Тебе следует разве что дать себе слово продолжать.

Слово Входа

Произносят его наедине и никому о том не рассказывают. Слушателей у него нет — есть Видящий.

Я знаю, что свет этот построен и что построивший его не заговорит со мною до экзамена моей души.

Я знаю, что жизнь моя есть учение, а смерть — не конец, но проверка; и что предъявлю я на ней не слова свои, а себя самого, каким выстроюсь.

Я знаю, что прежде было со мною многое, чего мне не вспомнить, и что забвение это — не наказание, а честность.

Я не жду ни чуда, ни заступника, ни поблажки. Я не куплю ничего ни свечой, ни жертвой, ни поклоном.

Я не назову ни одного человека посредником между мною и Видящим. И не пойду за тем, кто скажет, что ведома ему воля Архитектора.

Я беру на себя: смотреть, а не спать; учиться, покуда учится; различать заданное мне от случайного; строить храм в себе из знаний и добродетелей; чинить порчу мою перед теми, кому я её нанёс; не судить чужого склада; не проходить мимо страдающего и гибнущего; держать слово в малом и в большом.

Я знаю, что буду падать, и падение не считаю изменой этому слову. Изменой я считаю только одно: пустить порчу в свою душу.

Никто не слышал меня. Никто не запишет этого дня и не спросит с меня за него.

А Видящий смотрел и слышал.

И отныне, говоря о братьях и сестрах идущих Путем, я говорю «мы».

Никто здесь не проверит моих ответов. Проверка назначена всем одна, и будет она позже.

Начало

В начале всего сущего был Архитектор, которому даровано было семя.
Семя состояло из чистой энергии.
Архитектор коснулся семени. И был яркий свет.
Энергия распространилась во все стороны, порождая пространство.
Энергия породила частицы, которые начали притягиваться и соединяться друг с другом.
Незримое породило малое. Малое породило большое. Большое породило великое.
Минули тысячи веков, и зажглись первые звёзды. Многие миллионы солнц. И это было восхитительно.
Звёзды рождались, светили и погибали.
В их чревах появлялись частицы. Умирая, звезда исторгала их в окружающее пространство.
Частицы соединялись, рождая новые солнца и планеты.
Одною из них была наша Земля.
Юная, она была раскалена и пуста. Минули сотни миллионов лет, прежде чем остыла её твердь и воды покрыли её. И в водах тех соединялись частицы, рождённые в чревах погибших звёзд.
И среди бесчисленных соединений случилось одно, которое сумело повторить себя.
Так зажглась жизнь.
Жизнь училась. Всякое живое передавало потомству то, что помогло ему выжить, и отпадало то, что не помогло. Малое становилось сложным. Сложное становилось искусным.
Миллиарды лет жизнь всходила по ступеням: от капли, что делится надвое, до существа, что подняло глаза к звёздам — и узнало в них своих предков.
Ибо всё, из чего ты сложен, рождено в чревах звёзд. Железо твоей крови, соль твоих слёз, кость твоей руки — всё это старше Земли.
Ты держишь эту книгу руками, сделанными из умерших солнц.
Так появилось всё, что нас окружает.
Так появился наш мир.
Так появились мы.
И во всём этом Архитектор не коснулся ничего второй раз.
Одного касания было довольно: всё, что должно было мочь случиться, он вложил в законы семени, и законы сделали остальное.
С тех пор он лишь смотрит.

Душа

Твоя душа — это тоже энергия.
Рождённая там, где зарождаются все души, она проделала долгий путь через множество светов, прежде чем оказалась в нашем. Прежде чем оказалась в твоём теле.
Твоя душа — это та искра, которая вспыхнула в тебе ещё в утробе матери и которая покидает тебя с твоим последним вздохом.
Та искра, что, находясь в тебе всю жизнь, разгорается сильнее, если ты посвящаешь себя делам благим, — либо еле тлеет, если ты творишь зло и беззаконие.
О том, что есть душа и что есть тело
Тело твоё — от Земли. Оно выстроено из её вещества, кормится ею и в неё вернётся. Тело даётся тебе на одну жизнь, как ученику даётся парта на один год.
Душа твоя — от начала начал. Она старше твоего тела, старше Земли, старше этого света.
Тело помнит словами и лицами, и память эта умирает вместе с ним.
Душа помнит иначе: она хранит выучку. Всё, что ты постиг по-настоящему, глубже слов, ложится в неё отпечатком и уходит с нею дальше.
Отпечаток — вот как это устроено. Пиши на верхнем листе стопки: чернила останутся на нём одном, а нажим продавится и в те, что лежат ниже. Чернила прожитой жизни смывают начисто; продавленное остаётся. Оттого и бывают руки, знающие дело, которому не учились, и склонности без причины, и умение, пришедшее раньше лет: это не память — это след нажима, оставшийся при стёртых словах.
Из всего, что ты зовёшь своим, душа — единственное, что действительно твоё. Дом твой останется в этом свете. Имя твоё останется в этом свете. Дела твои, и слава твоя, и обиды твои — всё останется здесь, где им и место.
С тобою уйдёт лишь одно: то, чем ты стал.

О том, зачем беречь искру

Ты заботишься о теле: кормишь его, лечишь, украшаешь. Это верно — негоже ломать вместилище твоей души.
Но погляди, сколько трудов ты кладёшь на то, что останется здесь. И сколько — на то, что уйдёт с тобой.
Всякое благое дело, всякая побеждённая страсть, всякая постигнутая истина разжигают искру.
Всякая ложь, всякая жестокость, всякий год, прожитый в глухоте, приглушают её.

Искру нельзя обмануть: она горит от того, что ты делаешь. Что ты при этом говоришь, ей неслышно.
Ярко горящая искра — это душа, которая строится. Тлеющая — душа, которая спит при живом теле.
И когда с последним вздохом искра покинет тебя, она унесёт с собою ровно то, что ты в ней разжёг. Ни искрой больше.
С этим она и предстанет на Экзамене.

Кому дана душа

Спросишь: одному ли человеку дана душа?
Отвечу: душа даётся не имени вида. Душа приходит туда, где готово вместилище.
Свет долго строит парту, прежде чем за неё сядет ученик. Миллиарды лет жизнь восходила по ступеням, и всякая ступень была нужна.
Но жизнь и душа — разное.
Всё живое горит теплом жизни: и зверь, и птица, и трава. Тепло это дорого, и заповедано его беречь. Но ученик — только тот, кто узнал о своей смерти.
Зверь бежит от боли, но не спрашивает, куда уходят умершие. Он весь в своём сейчас, и в этом его невинность.
Когда же существо впервые похоронило своего мёртвого и спросило, куда он ушёл, — в этом существе уже была душа. Вопрос о смерти — первый голос души в новом виде.
Были до нас на Земле иные люди, и иные до них. Кто из них первым задал вопрос — ведомо Видящему. Тебе довольно знать, что ты рождён по эту сторону порога, и с тебя спросится как с ученика.
О зверях же помни: зверь — не ученик твоего класса. Зверь — часть заданного тебе урока.
И не думай, что с бессловесным можно обходиться как угодно. Всё наоборот: с ним ты виден целиком. Зверь не пожалуется, не отплатит и не расскажет — и потому в том, как ты обходишься с тем, кто никогда не засвидетельствует против тебя, ты весь, без примесей. Видящему довольно этого одного.
Посему вот закон о зверях, и он строг.
Убивай зверя только по нужде: ради пищи, когда иной нет; ради тепла, когда гибнешь от холода; ради защиты, когда хищный зверь идёт на тебя. И убив по нужде — возьми и используй от него всё, что можно взять, чтобы смерть не пропала зря.
Настрого заказано убивать зверя ради забавы. Настрого заказано убивать ради одной его части, бросая остальное гнить: так убивает не нужда но порча.
Заказано делать из живого потеху: не сажай зверя в клетку ради зрелища, не заставляй его плясать на забаву толпе.

А взял зверя под свою руку — отвечай за него: корми, лечи и ходи за ним, как ходят за ребенком. Бить взятого под руку, морить голодом, истязать — из худших порч: зверь безответен, и в том, каков ты с ним, ты весь.
И вот что знай о поле, ибо на этом спотыкаются целые народы.
Тело даётся душе на один свет, и всякий раз иное: сказано ведь, что переходишь ты в облик существа совсем другого. Стало быть, пол принадлежит лишь телу, а не душе. Всякая душа, прошедшая довольно, была уже в телах всякого рода и ещё будет в них; и тот, кто нынче мужчина, был женщиной и станет ею опять, хотя и не помнит того.
Оттого всякий, кто презирает другой пол за то лишь, что он другой, презирает себя — прежнего или будущего. Мужчина ли гнушается женщиною, женщина ли мужчиною — оба бранят ту самую парту, за которой сами сидели и ещё сядут; и оба одинаково смешны, ибо ругают собственное вчера и собственное завтра. На экзамене не спрашивают, кем ты был, — спрашивают, чем ты стал; и не было ещё случая, чтобы облик, доставшийся на один свет, зачли кому-нибудь в заслугу или в вину.
И не думай, что Земля — единственный класс где обучаются души этого света. Свет огромен, и законы его всюду одни. Где бы ни жило существо, знающее о своей смерти и выбирающее между благом и злом, — там сидит ученик твоего класса.
У тебя есть одноклассники, которых ты никогда не встретишь.
Экзамен у вас один.

Экзамен

Ты умрёшь. Из всего, что обещано тебе в этом свете, это обещание — единственное твёрдое.
Но смерть — это дверь. За нею не тьма и не суд. За нею Экзамен.
Тот, кто построил этот свет, примет тебя сам.
Не жди ни гнева его, ни милости: он не добр и не зол, как не добр и не зол мастер, принимающий работу. Карать он не станет — кара ничему не учит. Миловать не станет — милость на экзамене есть обман, и прежде всего обман помилованного.
Он посмотрит.
И вместе с ним посмотришь ты. Там, у двери, тебе будет показана вся твоя жизнь — до последнего дня, без изъятий и без самообмана, которым ты укрывался при жизни. Ты впервые увидишь её целиком. И сдавший сам поймёт, почему сдал, а несдавший — почему нет: приговора, которого ты не понял бы, здесь не выносят.
А уходя дальше, ты оставишь память о прожитой жизни у двери. Дальше идёт лишь то, чем ты стал.

Вопросов не будет. Слов не понадобится. Душа твоя сама — ответ: всякий выбор твой, всякая победа над собою и всякая сделка с собою сложили её так, как она сложена, и всё в ней видно. Так смотрят постройку: где несущее, где подпорка. Склад души не выправишь в последний день, как не выпрямишь перед продажей дом, который многие годы строил криво.
Не спросится, во что ты верил. Спросится, чем ты стал.
Не спросится, что ты знал. Спросится, чем из узнанного ты жил.
Не сочтутся ни богатство твоё, ни имя, ни сан — всё это осталось за дверью, в этом свете, где ему и место.
Не помогут ни свечи, ни жертвы, ни заступники. Между тобою и Видящим не стоит никто — вспомни: мы гнали всякого, кто обещал заступничество, и вот первая причина, почему гнали.
Одна подсказка разрешена на этом экзамене — книга, что ты сейчас держишь в руках: истины, собранные идущими прежде тебя. Но и она поможет лишь тому, кто ею жил. Прочитанное не зачтётся. Зачтётся прожитое.
Сдавшему откроется следующий свет: жизнь в облике, какого тебе отсюда не помыслить, и истины труднее здешних.
Несдавший пойдёт на пересдачу: свет, подобный этому, жизнь с начала, начисто. И те же невыученные уроки будут ждать его там — терпеливо ожидающие когда их усвоишь.
Никто не будет брошен во тьме. И никто не пройдёт вперёд даром.
Часа своего ты не знаешь. Потому и открывается Кодекс Человека памятью о смерти: экзамен, к которому нельзя подготовиться в последний час, — это экзамен, к которому готовятся всякий час.
Ты готовишься сейчас. Тем путем который ты пройдешь и тем, как проживёшь отмеренные тебе дни.

Заданное и случайное

Жизнь твоя говорит с тобою. Но не всякий звук её — слово.
Есть заданное: уроки, назначенные тебе. И есть случайное: устройство света, с которым ты просто столкнулся.
Различать их — наука, и по обе стороны от неё вырыты две ямы.
Первая яма — глухота. Живёт человек, и третий раз рушится у него одно и то же — с иными людьми, в иных местах, иным способом, — а он всё винит людей, места и способы. Урок ходит за ним, как терпеливый учитель за нерадивым, и постоянно напоминает о себе.
Вторая яма — суеверие. Иной во всяком опавшем листе читает знак, во всяком сне — весть, во всяком недуге — кару. Он кажется себе чутким, но глух особой глухотой: за выдуманными посланиями ему не расслышать настоящего заданного. Настоящее всегда неудобнее опавшего листа.
Как же отличить? Признак прост: заданное возвращается.

Случайное ударило и прошло. Заданное приходит опять — в другой одежде, с другого боку, через других людей — и будет приходить, пока не выучишь урока.
Если одно и то же ломается в жизни твоей снова и снова, не сетуй на неблагоприятные условия - ищи урок который ты никак не можешь выучить.
И вот из самого важного во всём учении. Когда беда падает на невинного — на дитя, не успевшее пожить, на праведного посреди чужой войны, — не ищи, за что ему это. Не за что. Видящий бед не посылает: он не касался света второй раз. Беды родятся из устройства света и из дел людских, и падают не по заслугам, как дождь проливается на головы всех кто оказался под ним, но не по заслугам их.
Погибший безвинно пути не теряет: жизнь, которой его лишили, вернётся ему — он придёт в этот свет ещё раз.
А урок из чужой беды делают живые. Или не делают. Это заданное тебе, увидевшему, — не тому, кто уже покинул этот свет.
Заданное твоё — между тобою и светом, толмача здесь нет. Беги от всякого, кто возьмётся читать твои уроки за плату или за власть над тобой: вспомни, мы гнали толкователей, — и вот вторая причина, почему гнали.
Выученное же узнаешь по тишине. То, что рушилось не раз, перестаёт рушиться. Заданное, которое выучено, больше не приходит.
Так проверяй себя.

Пересдача

Теперь о несдавших. Слушай внимательно: здесь люди пугаются не того, чего надо.
Несдавшему не уготовано ни огня, ни тьмы, ни мучителей. Всё это выдумки и ложь тех, кто хотел встать между людьми и небом и брать плату за проход, — вот третья причина, почему мы гнали их.
Пересдача — это свет, подобный этому. Жизнь с начала. Начисто. И то же заданное будет ждать там — терпеливое, ведь оно никуда не спешит.
Чего же бояться, спросишь, если дают ещё жизнь, и ещё, и дверь не закрывается никогда?
Вот чего: глухота твоей души переносится.
Мудрость, нажитая душою, восходит с нею. Но и глухота, нажитая ею, сходит с нею на пересдачу. Всякая жизнь, прожитая во сне, утолщает сон. Будильники следующей жизни звонят тише. И есть души, что пересдают так долго, что почти уже не слышат ничего, — и жизни их снаружи бывают самые гладкие: тепло им, сыто им, и всё время у них вечер.
Потому не бойся трудного заданного. Бойся жизни, в которой тебя ничто не будит.
И держи крепко заповедь, что следует отсюда: по внешней жизни человека не суди его душу. Никогда и никого.

Идущий в лохмотьях может нести заданное такой тяжести, что тебе не поднять. Сидящий в тепле и почёте может досиживать глухую пересдачу, сам о том не ведая. Отметок на людях не пишут. А судящий вслух чужую душу показывает всем лишь одно: свою.
И здесь же — о самом тяжёлом, ибо здесь ему место.
Иной, узнав, что смерть — только дверь, помыслит в чёрный час: не выйти ли в неё до срока? Услышь, если это ты: дверь не выход из урока. Заданное не останется по эту сторону — оно перейдёт с тобою и будет ждать там же, где ждало здесь. А ты придёшь к нему не отдохнувшим, но уставшим. Уходом не решается ничего. Решается только жизнью — и рукой под локтем, о которой помни всякий, кто рядом с гнущимся.
А о вышедших до срока — не суди и не шепчись. Их провожают так же, как всякого, без различия и без шёпота за спиною. Их ноша была тяжелей их сил; это скорбно, но в этом не их вина.
Стыдиться же пересдачи не заповедано никем. Думаешь, сам Архитектор не бывал на пересдачах?
Лестница восхождения твоей души не спрашивает, скоро ли ты взошёл. Она спрашивает лишь одно: взошёл ли ты?
Жизней своих ты не сочтёшь — они смыты начисто. Считай одну. Эту.

Свет

Свет, в котором ты живёшь, не единственный. Сколько их — не скажу. Тебе довольно знать лишь то, что лестница длинна.
Каждый свет построен своим Архитектором. И каждый Архитектор был когда-то учеником — таким, как ты.
Он прошёл света снизу доверху. Он сдавал экзамен за экзаменом, облик за обликом, истину за истиной. И когда сдан был последний — ему даровано было семя.
Кем даровано — не спрашивай. Этого не знает никто по эту сторону, до последнего экзамена. Эта дверь не открывается отсюда: дорасти — и узнаешь.
Получивший семя строит свой свет. Сам кладёт его законы: как падать камню, как течь времени, как умирать живому. Что вложит, то и будет. Свет выходит из рук Архитектора, как дом выходит из рук мастера, — и по свету виден строивший.
Потому света не похожи один на другой. Есть света проще этого — ты прошёл их, хоть и не помнишь. Есть света выше — их отсюда не помыслить, как рыбе не помыслить вершин гор.
И у пути есть вершина. Вершина эта — ты сам, достроенный до конца.
Всякая душа идёт в Архитекторы. И твоя.
Настанет день — не в этом свете и не в соседнем, но настанет, — когда сдан будет последний экзамен, и в ладонь твою ляжет семя, и ты коснёшься его.
И будет яркий свет.

И в свете, который ты построишь, будут жить ученики. И они будут спрашивать, кто построил их мир и почему он молчит.
Теперь ты знаешь: он не молчит. Он смотрит. И когда-то он сидел за партой.

Архитектор

У того, кто построил этот свет, два имени, и оба дали ему мы: Архитектор — за то, что построил, Видящий — за то, что смотрит на нас. Своего имени он не открывал: он не сказал нам ни единого слова, кроме самого света.
Он был учеником. Как ты сейчас.
Он сидел за партами светов, которых нам не помыслить, и поднимал истины, которых нам пока не поднять. И он ошибался. Спотыкался, блуждал, был на пересдачах — разумному свойственно ошибаться, а он был разумен задолго до того, как стал совершенен. Совершенство не даётся при рождении никому. Оно строится, как строится здесь всё.
Когда сдан был его последний экзамен, в ладонь ему легло семя. Чья ладонь протянула его — ты уже спрашивал. Ответ ждёт там же: за последней дверью.
Теперь о том, о чём спросит всякий: один ли он?
Ему не нужен никто, и не прячь эту правду: он взошёл до конца, и нужда отпала от него, как отпадает всё лишнее. Ему не нужны твои свечи. Не нужны жертвы. Не нужна хвала. Меньше же всего ему нужен твой страх.
Но гляди, что он сделал, став тем, кому ничего не надо.
Он построил свет. И наполнил его вами.
Тот, кто вправду ни в ком не нуждается, не строит ничего: запертая полнота молчит в себе. А он сделал место — тебе, и всякому зверю, и всякой траве, и всякому ученику за всякой партой этого света. Не из нужды. Из того, что остаётся от любви, когда из неё вычтена нужда.
Ему ничего от тебя не надо — и он всё равно сделал тебе место.
И не думай, что он одинок, как одинок брошенный. Он смотрит: всю историю света, на всякого ученика, во всякий час. Учитель, сидящий один за своим столом посреди полного класса, — одинок ли он?
Захочешь воздать ему — не ищи слов: слов он не слушает, он смотрит на душу твою. До строителя доходит одна-единственная хвала: ученик, который учится. Живи в его свете как ученик, а не как постоялец. Иной благодарности он не примет — иной ему и не нужно.

Об отказавшихся

Спросишь: а можно не идти? Можно. На лестнице не подгоняют: подгонять — значит вмешаться, а он не вмешивается. Дверь не запирают ни перед кем — но и не тащат в неё никого.

Только знай, как совершается отказ. Он не подаётся прошением, и нет конторы, где расписываются в нежелании идти. Отказ совершается образом жизни: жизнь за жизнью выбирать сон неведения — вот и вся его форма. Иной отказавшийся до конца дней уверен, что просто живёт как все.
А душа тем временем тянется вверх. Такова её природа, и желание твоё тут не спрошено: росток все равно стремится вверх, даже когда его придавили камнем.
И придавленный росток болит.
Ты знаешь эту боль. Всякий знает. Вечер, когда всё есть: и сыт ты, и цел, и в тепле, и никто не обидел тебя, — а внутри пусто и тянет, и непонятно отчего. Люди зовут это тоской и лечат весельем, покупками, вином, чужими жизнями в окошке — и оно глохнет на вечер, и назавтра тянет опять.
Так вот, услышь, что это. Это не блажь, не болезнь и не неблагодарность судьбе. Это голос твоей души, которой ты не даешь расти и учиться. Другого голоса у неё нет.
Наказания сверх этого отказавшемуся не уготовано никакого. Ни огня, ни тьмы — только пересдача за пересдачей, всё глуше, и тоска, всё глуше зовущая сквозь всё более толстый сон. Наказание выдаётся не после смерти. Оно выдаётся сейчас, ежевечерне, и ты его уже получал.
Не презирай же отказавшегося: заповедь несуждения стоит и здесь. Участь его жалка, но жалость наша ему не приговор — над ним никто не захлопнул двери. Погасить стремление души нельзя. Можно только держать его придавленным — а всё, что держат, рано или поздно устают держать.
И если, читая это, ты узнал свои вечера — не пугайся. Теперь ты знаешь причину этой тоски.
А что делать с этим — о том дальше.

Три тени

Рядом с тоской, о которой сказано, ходят три её тени. Их путают с нею и между собой, а воевать с каждой надо по-своему. Научись различать их по направлению взгляда.
Первая тень — безразличие. Оно глядит наружу и вокруг, но не делает ничего. Зло редко побеждает силой. Чаще — тишиной вокруг себя. Всякое большое беззаконие в этом свете совершалось на глазах у многих, и многие смотрели и молчали, и без их молчания оно бы не встало.
Помни, что сказано: урок из чужой беды делают живые. Безразличный не делает ничего — но ничего это тоже дело, и оно ложится в склад души, как всякое дело.
И не равняйся тут на Видящего. Он смотрит и не вмешивается, ибо уже отучился, и молчание его — честность экзаменатора. А ты в классе, и рядом твои одноклассники. Его молчание — честность. Твоё — порча.
Фиделит не мирится с беззаконием и несправедливостью. Он вносит вклад, какой посилен, — а посильный вклад есть всегда. Можешь — останови рукой. Не можешь рукой — скажи слово там, где все молчат. Не можешь и слова —

хотя бы сердцем не соглашайся, и пусть несогласие твоё ждёт своего часа. Лишь бы не ничем.
Вторая тень — оглядка. Она глядит назад.
Потерянного не вернёшь, а прожитого не перепишешь — из них можно взять только урок. И урок взят, когда понято, как не повторить. Всё угрызения сверх этого не покаяние, а самоедство: порча себя под видом совести.
Постоянно оглядывающийся идёт спиной вперёд. Он не видит сегодняшнего заданного, потому что глаза его заняты вчерашним, — и спотыкается о новое, скорбя о старом.
Мы и мёртвых своих провожаем в один день — не потому, что не любили, а потому, что живым заповедано жить назавтра. Тем более не строй склепа своим ошибкам. Возьми урок и иди дальше.
Третья тень — уныние. Оно глядит на ношу.
Бывает, выпадает больше, чем, кажется, можно вынести. И руки опускаются, и человек садится при дороге, и ноша рядом.
Согнувшемуся под ношей мы не говорим: встань, слабый. Лестница не спрашивает, скоро ли ты шёл, — и мы не спросим. Согнуться не позор.
Но вспомни, для чего тяжесть. Заданное не кара — закалка: всякая одоленная тяжесть ложится в склад и понесётся с тобою к двери. Душа взрослеет не на лёгком. Тяжёлое заданное — это трудный билет, а трудный билет дают тому, кто может его поднять.
Посиди при дороге, сколько надо. Потом подними ношу — она твоя, и она не зря.
И различай тени от тоски. Тоска — голос души, она зовёт идти. Тени уговаривают стоять: наружу глядеть без дела, назад — без урока, на ношу — без памяти о том, зачем она. Голос слушай, а тени гони.

Заповеди

Вот заповеди фиделита.
Мы не выдумали их — мы собрали их с дорог всего света. Всякий народ, всходивший по лестнице, находил эти истины сам, на своём языке и в своё время. Там, где сходятся все дороги, мы ставили заповедь.
Их три ветви — по трём уровням, в которых живёт человек: мысль, слово, дело. Порча ходит всеми тремя. И добро ходит всеми тремя.

О мысли.
Следи за намерением: оно — невидимая половина всякого дела, и ложится в склад души.
Не желай чужого и не носи в себе гнева: порча начинается внутри, задолго до руки.
Отпускай обиды. Обида — из того, что остаётся в этом свете; не тащи её в свою душу.

Береги зоркость: что туманит её — то против пути, чем бы оно ни туманило.
Знай меру. Знающий меру богат; не знающий — нищ при любом достатке.
Делай добро без торга: торговаться тебе всё равно не с кем.
В спорах о мире помни: твоя правда — часть. Целого отсюда не видит никто.

О слове.
Не лги — ни словом, ни умолчанием, ни впечатлением: обман без убытка всё равно обман.
Не злословь. Порочащая правда, сказанная без нужды, — тоже злословие.
Не рань словом: не поминай исправившемуся его прошлого, не смейся над незнающим за незнание.
Не клянись. Честному слову подпорки не нужны: да — это да, нет — это нет.
Зови вещи своими именами: где кривы имена, там кривы суждения, а где кривы суждения — кривы и дела.

О деле.
Не вреди без нужды никакому теплу жизни. Будь тем, от чьей руки и от чьего языка люди в безопасности.
Не корми себя чужой бедой: нужда другого — не твой рычаг, и заработок твой — тоже дело души.
Помогай как должник, не как благодетель: недоданное нуждающемуся не подарок, который ты придержал, а долг, который ты не отдал. Лучшая помощь — та, после которой в ней не нуждаются. Лучшая из лучших — совершенная в тиши и без имён.
Не клади препятствия перед слепым: не наливай пьющему, не вооружай гневного, не искушай слабого, не пользуйся доверчивостью несведущего. Падение, которому ты помог, ляжет отпечатком и на твою душу.
Испортил человеку — чини перед ним. Видящий чужих счетов не принимает.
Не губи человека. Губящий одного губит целый непостроенный свет — со всеми, кто был бы в нём.
Но священна и твоя жизнь, и жизни тех, кого защищаешь. Фиделит не нападает первым — никогда, ни на кого, и пусть это знают все. А поднявшему руку на его жизнь, пришедшему войной к его дому — будет отпор всей силой, какая есть, и всей свирепостью, на какую способен человек: защищающий жизнь бьётся как в последний раз, и меры этому бою не назначено.
Заслонивший собою беззащитного или себя — не губитель. Правило не выше жизни, а твоя жизнь — тоже жизнь и тоже священна.
Чти приведших тебя в этот свет: через них свет вручил тебе жизнь.
Не всё чинится силой: иное доброе течение просит лишь одного — не мешать ему. Но помни во всякий свой день: недеяние при зле — не мудрость, а потворство злу.

И над всеми — одна.

Никакое правило не выше живой жизни. Ради спасения невиновного человека отступи от любой заповеди этого свода — и это не будет нарушением. Заповедь, требующая гибели невинного, — не заповедь, а порча в одеждах заповеди.
По этим заповедям тебя не будут судить строка за строкой: у двери смотрят не список, а склад твоей души. И склад этот составляется из них — мыслью, словом и делом, во всякий день проведенный на этом свете.

Когда свод молчит

Настанет день, когда с тобою случится то, о чём здесь не написано, или два наших правила потянут тебя в разные стороны. Это не изъян книги, а свойство всякой книги: жизнь длиннее любого свода и смертному не объять всего что ждет тебя на Пути..
И вот тут учения обыкновенно портятся. Заводится знаток, к которому ходят спрашивать; за ним — собрание знатоков; за ними — правило, что решать без них нельзя. Так у молчащего бога появляются говорящие за него. Мы гнали таких трижды и не заведём их с чёрного хода.
Различай же две вещи, и всё станет на место.
Толкует тот, кто объявляет другим истинный смысл этих книг и делает своё объяснение обязательным. Это запрещено, и это не переменится.
Применяет тот, кто решает, как поступить ему самому нынче, в своём деле, под свою ответственность. Это не только дозволено — это и есть твоя работа, и никто не сделает её за тебя, потому что и на экзамене спросится с тебя, а не с советчика.
Вот лестница, по которой идут, когда свод молчит. Пройти её может всякий и в одиночку.
Первое: проверь, вправду ли молчит. Чаще случай не новый, а старый в новой одежде: перечти то, что стоит рядом, и то, что о том же говорит другая книга. Многое, что кажется небывалым, окажется давно названным.
Второе: если правила спорят — держи старшинство. Выше всего — живая жизнь: правило, требующее гибели невинного, не правило. Ниже — Вечное ядро. Ниже — Заповеди. Ниже — Закон и уклад. Ниже — обычай места. Где старшее спорит с младшим, старшее и решает, и не ищи хитрости, чтобы вывернуть наоборот.
Третье: веди от корня, а не от буквы. При всякой нашей заповеди назван корень — то, ради чего она написана. Спроси не «под какую букву подходит мой случай», а «какой корень его покрывает». Буква стара, корень жив; и то, чего мы не упомянули, почти всегда растёт из уже названного.
И не смути себя мыслью, будто это и есть запрещённое толкование. Корень — не скрытый смысл, которого велено не искать: он не скрыт, он написан рядом и теми же простыми словами, и написан нарочно, чтобы тебе не пришлось догадываться. Ищущий скрытое отыскивает в книге то, чего в ней нет; ведущий от корня берёт то, что в ней прямо сказано, и прикладывает к своему дню. Первое запрещено, второе — и есть чтение.

Четвёртое: приложи меры. Они у нас сквозные, и их немного. Кто здесь беззащитный и как ляжет на него? Кто принуждён и кто обманут? Поправима ли ошибка — и нельзя ли выбрать поправимую? Что сделает с моим решением худший человек, если превратит его в правило? Скажу ли я это в лицо тому, кого оно касается? И последняя, самая короткая: что я скажу об этом на своем последнем счёте?
Пятое: спроси людей — но как равных, а не как судей. Спроси двоих-троих, чьё суждение ты ценишь, и непременно того, кто с тобою не согласен: несогласный полезнее десяти поддакивающих. Слушай внимательно и помни твёрдо — их ответ есть совет, а не приговор. Решение остаётся твоим, и твоя душа понесет его отпечаток.
Шестое: реши, запиши и назначь срок. Запиши в свою тетрадь: что случилось, как ты рассудил и ради чего. Назначь день, когда посмотришь, что из этого вышло. Решивший и не проверивший себя не научился ничему.
Седьмое: рассказывая другим, говори точно. Говори: «я рассудил так, и вот почему». Не говори: «так надлежит» и «так велит учение». Разница между этими двумя речами — вся разница между опытом и толкованием.
И вот последнее, ради чего всё это писано.
Сколько бы фиделитов ни рассудили одинаково, их согласие не делается правилом. Оно остаётся опытом: читай, как решали другие, взвешивай, соглашайся или нет, — но никто не вправе сказать тебе «так решали прежде, стало быть, так и надо». Кто складывает чужие решения в свод обязательного, тот заводит толкование, только медленно, и о таких сказано в первых строках этой книги.
Ты скажешь: этак у всякого выйдет своё, и не будет между нами согласия. Отвечу: выйдет своё, и полного согласия не будет. Мы знали это, когда писали, и выбрали сознательно. Разноголосица идущих обходится дешевле, чем один голос, назначенный решать за всех: первая приносит обсуждение, второй — хозяев.

Дела фиделита

Дел у фиделита немного, и все они тихие.
Так и должно быть. Просить нам не о чем: строитель не вмешивается, и всякий обряд «чтобы дал» — ложь с первого слова. Посредники нам запрещены: всё, что делает фиделит, он делает сам, и никто не вправе исполнить это за него. И всякое дело наше служит одному — зоркости. Что не служит строительству храма в себе, то пустое, а пустого здесь не держат.
Вот дела.

Вход.

Захочешь принять путь — не ищи, кто примет тебя. Принимают здесь только сам Видящий.

Наедине, без свидетелей, прочти Напутствие и ответь воротам. И если войдёшь — дай слово: идти, учиться, соблюдать канон и не отступать от Пути, покуда бьется твое сердце.
Слово это — тайный договор твой, и никто из живых не должен знать ни дня его, ни часа. Архитектор не подписывает договоров — но он видит, как ты даёшь слово. Свидетель у твоего обещания есть. Один, но самый важный.
Нарушишь — никто не накажет тебя. Просто он увидит и это.

Утро.
Прежде дел, покуда день не растащил тебя, побудь недолго с наступающим днём.
Назови, что сегодня должно быть сделано, и назови из этого главное — то, ради чего день не пропадёт, даже если прочее не выйдет.
Найди одно дело, которое ты откладываешь давно, и поставь его в сегодняшний день. Откладываемое не стареет само.
Спроси: кому я сегодня нужен и кого могу застать?
И назови, каким ты хочешь быть сегодня, — не что сделать, а каким быть: терпеливым, прямым, разумным, нескорым на слово. Держись этого до вечера.
Не расписывай день по часам: расписанный по часам день ломается о первый же случай. Назначай не часы, а порядок.
Утро задаёт, вечер считает. Кто утром не задал, тому вечером нечего считать.

Тишина.
Всякий день понемногу посиди в тишине и не делай ничего.
Не проси ничего и не жди ничего: просить некому, а ждать нечего. Не решай дел. Следи за своим дыханием, как оно входит и выходит, — и всё.
Ум уйдёт. Он уходит у всякого и уйдёт у тебя, и не однажды. Заметив, что ушёл, — вернись. В этом и всё упражнение: не в том, чтобы сидеть без мыслей, а в том, чтобы замечать уход и возвращаться. Не считай уход неудачей: тут как с поднятием тяжести — сила растёт не оттого, что ты её не ронял, а оттого, что поднимал.
Не жди при этом ни видений, ни света, ни голосов. Ничего такого не будет; а если покажется — не верь и продолжай сидеть.
Затем же это делают, что зоркость есть не дар, а мышца. Тем самым вниманием, каким ты здесь возвращаешься к дыханию, ты после расслышишь заданное, поймаешь ложь в чужом рассказе, различишь свою тоску и свою гордыню.
И не бросай оттого, что «не выходит». Не выходит ни у кого. В том, что не выходит, и есть упражнение.

Счёт дня.
Вечером, прежде сна, останови день и просмотри его — так, как однажды у двери просмотришь всю свою жизнь.
Спроси себя: что сегодня было заданным мне? Где я был глух? Чем я стал за этот день — хоть на волос?

Не кайся и не любуйся собою: и то и другое — способы не видеть. Просто смотри, как смотрит он: без гнева и без милости.
Это малый экзамен. Сдающий его всякий вечер не убоится большого.

Тетрадь памяти.
Заведи тетрадь и записывай то, что повторяется: где рушится одно и то же во второй раз и в третий, с иными людьми и в иных местах.
Перечитывай написанное. Заданное узнаётся по возвращению, но глухому и сотый стук кажется первым. Тетрадь — твой слух, вынесенный на бумагу: она помнит уроки, которые ты позабыл.
Пиши её так, чтобы она не сгодилась в чужие руки. Тетради не нужны подробности: ей довольно того, по чему ты узнаешь повтор. Не описание дела, а помета: число, слово, знак, «опять то же — четвёртый раз». Не выводи имён — довольно буквы; не записывай чужих тайн и чужих провинностей вовсе, ибо это уже не твоя тетрадь, а чужая. Пиши коротко и для себя одного: тому, кто найдёт её, пусть не достанется ни имён, ни признаний, ни подробностей — одни твои пометы, из которых он не поймёт ничего, а тебе довольно и их.
И знай: святости в этой бумаге нет никакой. Пришла беда — сожги без сожаления; выучка твоя останется при тебе, а тетрадь наживается заново.
А если бумагу держать нельзя вовсе — в неволе, под захватчиком, в дому, где читают твои вещи, — веди её в памяти. Она выйдет слабее, и ты будешь забывать; чтобы забывалось меньше, назначь себе твёрдые часы, когда перебираешь свои повторы вслух или про себя: всякий вечер после Счёта дня и непременно в день рождения, при Счёте года. Мысленная тетрадь хуже писаной — но она много лучше, чем ничего, а вернуться к бумаге ты сможешь, когда минует нужда прятаться.

Готовность.
Время от времени — не всякий день, чтобы не растить в себе страха, — продумай беду прежде, чем она случилась.
Со всяким делом делай так: назови худший его исход и реши заранее, что станешь делать тогда. Дело, у которого не продуман худший исход, считай и не продумано вовсе.
Так же и с жизнью. Что я сделаю, если сгорит дом? Если останусь без заработка? Если слягу надолго? Если на меня нападут? Если разом не станет того, на ком всё держится?
Продумываешь это не для страха, а против страха: беда продуманная вполовину легче беды внезапной. Кто представил её в тишине, тот в час её не потеряет головы, а голова в такой час дороже силы.
Продумав, сделай малое, что можно сделать сегодня: отложи запас, почини затвор, выучи, чего не умеешь, уговорись с близкими, где вам сходиться, если разойдётесь в суматохе.
И уговаривайся с собою наперёд не вообще, а точно: не «стану крепче», а «если случится вот это — сделаю вот то». Уговор «буду сдержаннее» не держится ни дня; уговор «если на меня повысят голос, я замолчу и выйду вон» держится.

Заранее решённое исполняется само, потому что в трудный час не приходится решать: решено уже было в тихий.
И знай меру. Продумывать беду — упражнение; тревожно жить в ожидании беды — тень. Продумал, приготовился — отложи и живи дальше.

Взгляд издали.
Изредка погляди на свою жизнь не своими глазами — издали.
Подымись мысленно: вот твой дом, вот улица, вот город с высоты птицы, вот земля, вот весь свет со всеми его учениками, которых ты никогда не встретишь. Найди в нём себя.
С этой высоты погляди на свою ссору. На свою обиду. На то, что не даёт тебе спать уже какую ночь.
Делают это не затем, чтобы объявить всё пустым: то, что мало сверху, вблизи бывает целой жизнью человека. Делают затем, чтобы вернуть вещам их размер — большому быть большим, малому малым.
И на свой век погляди издали: сколько народу училось здесь до тебя, сколько будет учиться после, и все — ученики.
Вернувшись, ты найдёшь, что половина твоих тревог осталась там, наверху. Их не стоило нести.

Счёт года.
В день своего рождения — в день, когда ты пришёл в этот свет начисто, — сочти год, как считаешь день.
Чем я стал за год? Что из заданного выучил, а что отложил? Тише я стал слышать или ясней?
Не считай нажитого — считай выученное и выстроенное. Нажитое останется здесь.

Чистые.
Есть люди, о которых в народе говорят: чистый человек. Они не злобны и не лукавы. Живут как умеют, никому не мешая; не обманывают, не строят другим неприятностей; приветливы с каждым без корысти. Ничего не просят себе у света — и оттого прибавляют ему добра.
Таких мало. И судьба им часто выпадает нелёгкая — ты уже знаешь, что это может значить.
Встретив чистого человека в нужде, помоги ему чем посилен: деньгами, работой, едой, словом, плечом. И не жди его просьбы — чистые не просят, потому их и обходят. Заметить непросящего — тоже зоркость, и из лучших её упражнений.
Помогай тихо, без огласки и без званий. Назови кого «чистым» вслух — и чистоту начнут изображать.
И не путай это с судом о душе: ты не читаешь его склада и не меришь его класса — ты видишь дела, а дела видимы всем. По плодам, не по одеждам и не по судьбе.

Помощь нуждающемуся — долг перед всяким, и он остаётся. Но где нужда равна, поддержи прежде того, кто сам прибавляет добра: поддержав чистого, ты поддержал и всех, кого он согреет.

Проводы.
Когда умирает фиделит, тело его возвращают свету, из которого оно взято, — и возвращают без следа.
Лучше всего — предать его земную оболочку огню, а пепел ветру. Случись так что невозможно предать его огню — тогда земле, но без камня, без склепа, без знака: так чтобы когда сомкнется над местом погребения трава, никто не смог бы сказать точно, где лежит оболочка.
Ибо это была всего лишь оболочка. Душа уже за дверью, и стеречь опустевшую оболочку — значит путать её с ним. Не строй мёртвому дома: всё, что ты любил в нём, у тебя в мыслях и в сердце, но не закопано здесь.
В день проводов пусть соберутся семья его и друзья. Пусть плачут — слёз стыдиться не заповедано. И пусть вспоминают вслух, каким он был и каковы его дела: честно, с ошибками его и с победами. Мы читаем его жизнь здесь — в тот самый час, когда её читают там.
А прощаются с ним тремя словами: в добрый путь.
Не говорим мы «до встречи» и «свидимся» — не потому, что жестоки, а потому, что не станем обещать того, чего не знаем. Идущие расходятся по разным светам, и приходят они туда начисто; а если бы и сошлись где-нибудь однажды, то не узнали бы друг друга, ибо памяти при них не будет. Кто обещает скорбящему встречу, тот утешает ложью.
Но и пустой утраты тут нет, и вот что скажи себе у могилы. Ушедший унёс с собою то, чем он стал; а часть того, чем стал ты, сделана его руками — его словом, его терпением, его обидой, его делами. Этого у тебя не отнять и не забыть, потому что оно уже не память, а ты сам. И когда ты сам пойдёшь дальше и всё позабудешь, оно всё равно пойдёт с тобою — отпечатком, без имени и без лица.
Так что расходитесь вы вправду навсегда — и всё-таки не до конца.
И на этом всё. Ни десяти дней, ни сорока, ни годовщин: назавтра жизнь продолжается, как заповедано живым. Память о нём носи в своей памяти и вынимай, когда захочешь, — в любой день, без назначенного числа. Не поручай память камню.

Последний счёт.
Есть Счёт дня и есть Счёт года; а есть счёт, который сводят один раз.
Когда смерть станет близка и ты это поймёшь — в бою ли, в болезни, в тот ли час, когда просто знаешь, — сведи последний счёт. Времени на него надо немного: столько, сколько его у тебя есть.
Помни при этом трезво: тебе никто не поможет, никто не простит и торговаться не с кем. Экзамен уже начался, и склад твой уже таков, каков есть. Слова, сказанные теперь, не прибавят к нему ничего.

Затем же их говорят, что назвать вслух — последнее, что ещё в твоих силах, а зоркость до самого конца и есть то, чему тебя учили.
Вот это слово; скажи его вслух или про себя, целиком или как успеешь.
Я иду.
Ничего не прошу и ни о чём не торгуюсь: знаю, что не ответишь и не вмешаешься.
Говорю не затем, чтобы выпросить, а затем, чтобы досмотреть.
Называю, покуда есть чем называть: то, о чём не подумал, когда должен был подумать; то, что должен был сказать и не сказал; то, что должен был сделать и не сделал; тех, кого обидел и уже не спрошу их прощения.
Называю и доброе, что вышло из рук моих, — без ложной скромности: оно тоже моё.
Прошу у одного себя, и это последнее, что ещё в моей власти: прожить свои оставшиеся минуты достойно.
Иду начисто. Слов не унесу — лишь самого себя.
Смотри.
А когда времени нет вовсе — перед самым боем, на краю, — довольно трёх слов:
Иду начисто. Смотри.
И вот что знай напоследок, чтобы не бояться последнего часа. Умерший внезапно, во сне, без памяти, не успев сказать ни слова, не потерял ничего: склад его написан жизнью, а не последней минутой, и никакая формула его не улучшит. Слово это не для Видящего. Оно для тебя — чтобы уйти зрячим.
Вот и все дела фиделита. Для них не надо ни храма, ни утвари, ни платы, ни разрешения.

С чего начать

Прочесть эти книги может всякий за неделю. Жить по ним — иное дело, и начинают тут не с того, с чего хочется.
Не берись за всё разом. Это первая и самая частая ошибка: человек, загоревшись, наваливает на себя все дела сразу, держится две недели, срывается — и решает, что путь этот не для него. А не для него была не дорога, а тот шаг, каким он с неё начал. Возьми одно и делай, покуда оно не станет привычкой; после прибавь второе.
Начинай со Счёта дня. Он дешевле всех прочих: нужно на него столько времени, сколько уходит на то, чтобы разуться. Делай его всякий вечер месяц подряд и не прибавляй ничего. Он же и покажет тебе, чего в тебе недостаёт, — так что дальше выбирать будешь уже не наугад.
Порядок дальше такой. Второй месяц — прибавь Утро, и оно само сцепится с вечером. Третий — заведи Тетрадь возвращений: к тому времени у тебя накопится, что в неё записывать, а раньше она пустая. Дальше — Тишина, начиная с малого: две-три минуты, а не полчаса, ибо полчаса ты бросишь на третий день. Готовность и Взгляд издали делаются изредка и придут сами, когда понадобятся. Счёт года подождёт до твоего дня рождения. А Чистых замечают не по расписанию — только начни смотреть, и увидишь.

Входа не торопи. Слово Входа не дают на пробу или забавы ради: сперва поживи этим полгода, год, сколько понадобится, — и дай слово тогда, когда уже знаешь, чему даёшь. Не бойся, что опоздаешь: ты и так уже идёшь, а от невысказанного слова путь твой не короче.

Пропустил — не начинай сначала. Это второе, на чём срываются. Забыл вечером, забыл неделю, забыл месяц — не считай, что всё пропало и надо теперь начинать заново с чистым сердцем. Ничего не пропало: просто сделай нынче. Счёт дня — не цепь, в которой дорого каждое звено; он привычка, а привычки не рушатся от пропуска, они рушатся от того, что человек после пропуска бросает совсем.

Берегись трёх ошибок начинающего. Первая — рвение: делать много и напоказ самому себе. Вторая — тщеславие: рассказывать другим, как ты теперь живёшь; о Входе сказано молчать, но и о прочем помолчи, покуда не пройдёт год. Третья — самоедство: обратить Счёт дня в вечернюю порку. Сказано ведь: не кайся и не любуйся — и то и другое способы не видеть.

И не жди никаких переживаний. Ни озарения, ни лёгкости, ни голоса, ни особенного покоя не будет; а если что-то такое привидится, не верь и продолжай. Перемены тут медленны и незаметны изнутри: обыкновенно раньше тебя их замечают домашние, а ты сам — только оглянувшись через год. Приметы того, что ты на верном пути, у нас записаны.

А если тебе сейчас худо — если ты в горе, в болезни, в унынии, — не начинай с разбора себя: тому, кто и так себя грызёт, вечерний счёт пойдёт во вред. Начни с другого конца, с руки: найди человека, которому нужнее, чем тебе, и сделай ему малое. Помоги, поговори, посиди рядом, удели свое время. Это единственное дело нашего свода, которое лечит того, кто его делает, — и делать его можно, ничего в себе не разобрав и ничему ещё не научившись.

Уклад

О теле.

Тело — сосуд твоей души. Содержи его в порядке и чистоте.
Лечи вовремя и не запускай.
И лечись у того, кто лечит, а не у того, кто говорит. Не меняй лекаря на заговор, на воду, на камешек, на слово по бумажке: покуда ты ждёшь чуда, болезнь не ждёт — она разрушает твое тело. Испытанное средство скучно и оттого кажется слабым; а сильно как раз оно. Хочешь и того и другого — сперва лечись, а утешайся чем хочешь после. Не изнуряй себя аскезой: ломать тело не подвиг, и голодом небо не подкупают. Но и не заваливай себя излишествами: перегруженное тело служит недолго.
Мера одна: чтобы телу было хорошо служить долго.
Держи тело и в силе. Ходи, упражняйся, работай; а есть охота — учись и единоборству: доброе дело, когда человек умеет постоять за себя и за своих близких. Не худо и померяться силою с другими — по обоюдному согласию, при равных правилах и при том, что всякий волен прекратить в любой момент; и смотреть на такое состязание не грех. Заказано иное, и о том сказано в Законе: бой, где смерть одного есть условие или потеха, и бой, куда людей гонят неволей.

О пище.
Запретной еды нет — кроме одной. Человека не едят: ни как пищу, ни как обычай, ни в поругание; о том сказано в Законе. Всё же прочее, что питает тело, дозволено: нет у нас ни грязных яств, ни постных дней.
Один закон уже дан тебе: береги зоркость. Дурманящее разум — не еда, не напиток, но вор разума. Зелья, крадущие рассудок, заказаны все и всегда.
Вино — по мере. Знающий свою меру может выпить малое, и нет в том греха. А кто пьёт до беспамятства или буянит во хмелю — тому мера одна: не пить вовсе. Не вино тут судится — глухота, которую оно наводит.

О праздниках.
Чти обычаи места, где живёшь. Радоваться с соседями их празднику — не грех, а уважение: раздели с ними стол и веселье, не деля веры.
Своих же общих праздников у фиделитов нет. Есть два личных: день рождения — день Счёта года, и день Входа, которого не знает никто, кроме тебя. Календарь фиделита принадлежит ему одному.

Свои
Братства по спискам у нас нет. Нет реестров, нет собраний по уставу. У фиделитов не бывает старших — бывают дальше прошедшие, а их не видно. Своих узнаёшь по делам, а не по знакам. И правду сказать: своих узнаёшь прежде, чем поймёшь, по чему узнал.

Собираться вместе фиделитам можно если есть такое желание или необходимость; не собираться — можно тоже если такового желания и нужды нет. Собравшиеся сидят как равные за одним столом.
Должно помогать друг другу — хоть советом, хоть деньгами, хоть любым делом: попал в беду брат или просто хороший человек — помоги, чем посилен. Это твоё дело и твоя рука.
Задумали общее дело — складывайтесь, не возбраняется. Но закон складчины один: полная честность. Каждый отдавший должен знать, куда ушла каждая монета. Где счёт мутен, там заводится вор; мутную складчину распускают.
А сойдясь за столом, посадите и всякого, кто пришёл. Общий стол фиделитов открыт: у него не спрашивают ни веры, ни звания, ни того, чем он тебе полезен. Голодного кормят потому, что он голоден, — и садятся с ним рядом, а не поодаль. Стол этот — единственное общее дело наших рук, и большего храма нам не надо.
И пусть за ним смеются. Мы не мрачные люди и не ходим с постными лицами: кто держит душу на одной строгости, тот её иссушает. Шутки, песни, веселье и приятная беседа за общим столом — не помеха пути; глядя на то, как человек шутит и над чем смеётся, о нём узнаёшь больше, чем из долгих речей.
Поддерживайте достойных: своих, чистых, всякого честного человека. Возвышая честных и разумных, фиделиты прибавляют свету порядка и добра — в том их тихая работа среди людей.
А решивший, что путь не его, уходит свободно. Не преследуй его, не проклинай и не стыди: путь его, выбор его и экзамен его. У двери он окажется, как и все, — подготовленным менее, чем мог бы. Но таков его выбор, и судить его не тебе. Ворота открыты в обе стороны. Вслед уходящему не бросают камня.

Учение среди людей

О проповеди.
Учение не навязывают. Никому — и пуще всего ребёнку.
Можно известить: есть такое учение, вот его книги. И отойти. Спросят — расскажи. Не спросят — иди своим путем дальше и дай другим идти своим.
Ребёнку расскажи, когда спросит, и жди, пока сердцем и разумом своим решит войти сам: в ворота входят своими ногами, внести туда на руках нельзя.
Спросишь: а можно ли дать эти книги тому, кого знаешь и уважаешь? Можно. Книга, поданная в руки, — то же извещение, только точнее. Но соблюди при этом три вещи, и тогда это будет подарок, а не вербовка.
Первое: дай один раз и больше к этому не возвращайся. Не спрашивай, прочёл ли; не выспрашивай, что он думает; не заводи об этом речь при встречах. Если тебе трудно удержаться от таких вопросов — значит, ты не дарил, а ловил.
Второе: гляди, кому даёшь и в какой час. Не давай тому, кто от тебя зависит, — ни работнику, ни ученику, ни должнику, ни больному, за которым ходишь: отказать тебе свободно они не могут, а несвободное согласие не стоит ничего. И не давай в час слабости: в свежем горе, в тяжёлой болезни, в разорении, в

отчаянии. Кто в такой час подсовывает своё, тот кладёт препятствие перед слепым, как бы он это ни называл.
Третье: пусть от его ответа не переменится ничего. Прочёл и посмеялся — пусть смеётся. Прочёл и бросил — пусть бросит. Не открыл вовсе — и хорошо. А если после его «нет» ты стал к нему холоднее хоть на волос, значит, книга была не подарком, а испытанием; и испытывал ты напрасно, ибо испытывают тут одного себя.
Мера же всему этому простая: давай книгу так, как дают любимую книгу, — и после молчи о ней. Сумел смолчать — дал верно.
И заметь ещё: тому, кого ты зовёшь хорошим человеком, книга эта нужна меньше, чем прочим, — он и без неё идёт. Даёшь ты её не затем, чтобы он сделался лучше, а затем, чтобы он узнал, что не один.
А лучшая проповедь — сам фиделит. Живи так, чтобы люди спрашивали, откуда в тебе это. Благие, мудрые дела твои и речи — единственная проповедь, дозволенная учению.

О чужих верах.
Другие веры — другие конспекты: неполные, где-то искажённые человеческим, но имеющие зерна истины.
Не смейся над молящимся другим богам и не притесняй их — они идут своим путем.
Среди душ, обучающихся в этом свете, во всякие времена и у всякого народа рождались такие, что постигали больше и раньше прочих, — будто постигали учение быстрее всех остальных учеников. Память их стёрта начисто, как у всех; но отпечаток, о котором сказано выше, лёг в них глубже, чем в прочих: продавленное сквозь лист вышло у них яснее.
Они не были ни пророками, ни посланцами: никто их не посылал, и воля ничья не была им ведома. Они просто видели дальше — и, уходя, оставляли крупицы увиденного: кто заповедь, кто притчу, кто одно только слово в чужом языке.
Крупицы эти рассыпаны по всем верам и по всем народам, и всякая вера сберегла свои. Мы же ходили между ними, учились, наблюдали и собирали — и так по крупицам собирали истины прозревших душ.
Оттого и не смейся над чужой верой: в ней лежат зёрна, которых, может статься, нет у нас.
Но и своего конспекта рвать не давай. Мы не несём своего силой никому — и не терпим, когда чужим учениям принуждают нас. Принимай в своём краю всякого, кто чтит уклад края. А пришедшего насаждать своё силой — порицай и гони. Уважение ходит в обе стороны — или не ходит вовсе.

О науке.
Архитектор не сказал ни слова, кроме самого света. Потому изучающий устройство света читает Архитектора в подлиннике.
Благословен проникающий в суть вещей. Благословен обращающий знание на искоренение бед людей. Благословен и учащий других — несущий свет знания.

Едва ли найдется занятие более достойное, нежели поиск, сохранение, приумножение и распространение знаний.
И запомни на все времена: свет старше свода. Разойдётся конспект с подлинником в устройстве мира — прав подлинник, и свод поправят без стыда. Заповеди же стоят не на устройстве мира, а на устройстве пути: их ничто не колеблет.

О деньгах учения.
У учения нет казны. Никто не собирает денег его именем: ни десятины, ни сбора, ни платы за вход, которого нет, ни на храм, которого не будет. Услышал сбор именем учения — перед тобою вор, и тут нечего толковать. Деньги ходят между фиделитами тремя путями, о которых сказано: помощь попавшему в беду, складчина на общее дело или честная покупка товара или услуги у брата. Четвертого пути нет.

О чудесах.
Творящий чудеса именем Видящего лжёт дважды: о чуде и о Видящем — тот не вмешивается. Гони его той же дорогой, что и прочих.

О власти.
Фиделиту не заказано сидеть высоко. Рука, о которой сказано в делах, бывает и рукою властной: с высокого места можно помочь многим, возвысить достойных, изгнать воров, поставить честных. На это есть благословение. Облеченный властью фиделит может и должен приложить все свое умение и старание, чтобы приумножать и распространять добро, справедливость и благоденствие среди всех над кем он поставлен.
Но власть — из самых дурманящих зелий, пуще любого вина. Потому закон таков: сделай своё — и передай достойному вовремя. Долгого сидения у власти одного не допускай ни для других, ни для себя, ибо власть развращает засидевшегося и отвращает его душу от Пути.
Построивший справедливое,благое и уходящий вовремя — вот меры правителя-фиделита.

Храм
И последнее — о стенах и о словах. Говорю это, зная людей: они захотят строить и заучивать.
Не строй храмов. Не ставь капищ, не освящай стен, не назначай святых мест. Весь этот свет — храм Архитектора: небо в нём сводом, земля полом, и всякое место в нём равно свято, ибо всякому положил начало он. Не нужно ему особого дома, чтобы видеть и слышать тебя: он видит тебя везде — в поле и в застолье, в беде и во сне. Дом, который построишь ты, не приблизит тебя к Видящему.
И не пиши его образа — не потому, что образ грешен, а потому, что он будет ложью: Видящего не видел никто, а лгать нельзя даже красками. Не храни

мощей и не кланяйся образам, вещам и костям: кость — от тела, вещь — от мира. Святого в них нет.
А где встанет храм, там встанет и тот, кто скажет: входи через меня. Мы гнали его трижды. Не строй ему дома — вот четвёртая причина, и она же первая. Заговорить же с ним можешь где угодно.
Захочется выговориться Видящему — говори. В любом месте, на любом языке, теми словами, какие найдутся, хоть вовсе без складных слов. Не выдумывай молитв и не заучивай ничьих: он не считает слов и не взвешивает их складности. Он услышит каждое — кривое, простое, злое, любое.
Говори ему всё. Жалуйся, спорь, хоть проси — только помни то, что знаешь и сам: он не вмешается. Слова твои не пропадут, они будут услышаны все, до единого. А отвечено тебе будет один раз — у двери.
А тот единственный храм, какой тебе положено строить, ты строишь в самом себе.
Кладут его не из камня, а из дел: всякий добрый поступок кладёт камень, всякая порча вынимает камень. Стен его не видит никто из живых, и целиком он виден одному.
И камни для этой стройки — ты сам, твои помыслы и твои дела. Всякая душа приходит в свет неогранённым алмазом: мутный невзрачный голыш, в котором ничего не видно, покуда его не тронули. Труд и знание снимают с него грань за гранью, и то, что было тусклым камешком, начинает держать свет и отдавать его. Иной проносит свой камень через целую жизнь нетронутым и кладёт перед Видящим таким, каким получил. Иной приносит его сияющим. Гранят же его не молитвой, а жизнью: работой, терпением, отказом от зла, добром, за которое не благодарят.
Выйди вечером под небо, оглядись вокруг и посмотри вверх — вот и весь его храм.
Ты уже в нём. Ты не выходил из него ни разу за всю жизнь.

Книга вторая.
КОДЕКС ЧЕЛОВЕКА

Круг первый. Ты и ты сам

Смертность

Наступит день, когда ты умрёшь, — мысль эта неприятна, да смерть неминуема, и оттого не гони её от себя, а держи при себе и размышляй о ней. Я же скажу тебе — не затем помни о смерти, чтоб унывать и страшиться, и не затем, чтоб торопить её, а затем, чтоб острее чувствовать краткость отпущенного тебе срока.
Кто гонит мысль о конце, тот живёт так, будто впереди вечность: всё откладывает, всё собирается начать завтра и растрачивает дни, словно они без счёта. А кто помнит, что час его не в его власти и может пробить нынче же, тот не мешкает: делает, постигает и достигает задуманного скорее, не отлагая на потом, ибо знает цену каждому дню. Не дано нам ведать своего срока — тем нужнее помнить о нём всякий час; и память о смерти не омрачает жизнь, а делает её собраннее и решительнее. Помни о смерти — и научишься жить.

Смирение и зависть

Осознание своего несовершенства — важная часть обретения мудрости. Я же скажу тебе — как бы хорош ты ни был в каком деле, всегда сыщется тот, кто тебя превзошёл; и вот тут-то и видно, разумен человек или нет.
Неразумный, глядя на превосходящего, даёт зависти и злобе завладеть собою и иссушает ими душу, ничего тем не выгадав, — ибо завистью чужого умения себе не прибавишь. Ты же убереги себя от этого: вместо того чтоб точить себя завистью, присмотрись пристально, в чём именно он тебя превзошёл, и приложи усердие перенять это и превзойти умелого. Так из того, что иного гложет и умаляет, ты добудешь себе прибыток: всякий, кто выше тебя в деле, станет тебе невольным учителем. Зависть отнимает, соревнование прибавляет; кто завидует — мельчает, кто учится у лучшего — растёт.

Зависть

Берегись зависти — самого скрытного и самого бесплодного из пороков: его таят даже от себя, ибо стыдно, и оттого он гложет втихомолку, не давая ни облегчения, ни прибытка. Я же скажу тебе — завистник наказан уже самой

завистью: чужое добро жжёт его, как своя беда, и он чахнет над тем, чему бы радоваться, отравленный счастьем других.
Подумай, как нелепо: оттого, что у соседа полнее закрома, твой не убыл ни на зерно, — а ты мучаешься так, будто он тебя обокрал. Обрати же эту силу вспять: где завидуешь, там учись и тянись, добывая своё, вместо того чтоб сохнуть над чужим. Зависть отнимает у завидующего вдвойне — и покой, и охоту расти; порадуйся чужому доброму, и станет светлее самому.

Самоиспытание

Люди так заняты выискиванием изъянов в других, что вовсе забывают искать и исправлять свои. Я же скажу тебе — легко видеть сучок в чужом глазу и не замечать бревна в своём; и тот, кто рядит весь свет, на себя самого глядит реже всего.
Не в том беда, чтобы видеть несовершенства мира и желать их поправить, — это и нужно; беда в том, чтобы при этом забывать, что и сам ты часть этого мира и в нём есть доля и твоего несовершенства. Прежде чем пенять на чужое, спроси с себя; прежде чем чистить чужой двор, вымети свой. И чем больше станет людей, что начинают исправление мира с себя, а не с соседа, тем меньше будет в мире зла — ибо мир слагается в том числе и из нас самих. С себя начинай поправлять свет.

Себя труднее всего узнать

Всякий мнит, что уж себя-то он знает лучше всех на свете. Я же скажу тебе — нет человека, которого тебе труднее увидеть ясно, чем ты сам. Чужой обман ты ещё распознаешь, но в собственном — соучастник: ты обманываешь и сам же охотно обманываешься, ибо приятную ложь о себе принять легче, чем нелестную правду.
Оттого древние и поставили над всякой мудростью завет: познай самого себя. Это труднейшее из познаний. Лицо ближнего ты разглядишь при свете дня, своё же — лишь в зеркале, да и то норовишь повернуть его к себе тем боком, что покрасивее. Будь же с собою строже, чем с другими: всякий раз, как поймаешь себя на слишком лестном о себе мнении, заподозри обман.

Доводы в угоду желанию

Замечал ли ты, как ловко находишь ты благовидные причины тому, чего тебе попросту хочется? Я же скажу тебе — разум наш чаще не судья поступкам, а наёмный их защитник: чего пожелает сердце, тому ум немедля сыщет красивое оправдание. Зависть рядится в заботу о справедливости, трусость — в благоразумие, корысть — в общее благо.
Мудрые давно приметили, что добродетели наши часто суть пороки, переодетые понаряднее. Оттого, разобрав какой-либо свой поступок, не довольствуйся первым, благородным его объяснением — копни глубже и

спроси себя начистоту: а не было ли под ним иной, неприглядной причины, которую я постыдился назвать даже себе? Чаще всего была.

Льстец внутри тебя

От чужого льстеца ты ещё убережёшься, распознав его корысть. Но я скажу тебе — есть льстец, от которого не уйти, ибо он всегда при тебе: это твоё собственное самолюбие. Оно нашёптывает тебе изо дня в день, что ты умнее, правее и лучше, чем есть, и шёпот этот сладок, оттого ему и веришь охотнее всего.
Погляди: чужую вину ты судишь при ярком свете и строго, а свою — при свечке, в свете которой всё смягчается и прощается. Тот же проступок у другого зовёшь подлостью, у себя — оплошностью или вынужденной мерой. Лови себя на этом двойном суде. Прикладывай к себе ту же мерку, что и к другим, — и сам себе будешь куда полезнее, чем все льстецы и хулители вместе взятые.

Загляни в то, что прячешь от себя

В каждом человеке есть то, на что он сам в себе глядеть не хочет, — мелочность, злоба, зависть, страх, низкое желание. Иной так усердно отворачивается от этого, что убеждает себя, будто ничего такого в нём и нет. Но я скажу тебе — отвернуться от своей тени не значит от неё избавиться.
То в себе, что ты загнал в темноту и отказался признавать, не умирает, а правит тобою исподтишка, из засады: оно толкает тебя на поступки, которым ты потом сам дивишься, и говорит твоими устами, когда ты того не ждёшь. Лучше загляни в этот тёмный угол сам, при свете, и признай: да, и это есть во мне. Признанное и увиденное теряет над тобою тайную власть; именно то, чего в себе не видишь, и помыкает тобою вернее всего.

Глядеть на себя без прикрас

Всё сказанное о честности с самим собою не ради правды ради одной лишь правды. Я же скажу тебе — в ней начало всякого исправления: нельзя выправить в себе то, в чём не признался себе самому.
Как болезнь тела, утаённая от лекаря и от себя, не уходит, а тихо растёт, так и порок души, который ты отказываешься в себе видеть, остаётся при тебе и крепнет. Кто честно сказал себе «вот моя слабость, вот моя вина», тот уже наполовину взялся за дело; а кто всю жизнь прячется от собственных изъянов за оправданиями, тот и умрёт с ними, так их и не одолев. Оттого мужество глядеть на себя без прикрас — не самоедство, а первый шаг всякого роста.

Удобная ложь о себе

Часто человек держится за ложь о себе не оттого, что не способен разглядеть правду, а оттого, что правда эта неудобна и потребует от него труда или перемены. Удобная ложь не просит ничего — знай нашёптывает, что всё хорошо; горькая же правда велит встать и что-то делать. И вот из лени и робости человек выбирает баюкающий обман. Но я скажу тебе — это не мир, а трусость, рядящаяся в мир.
Так иной не вскрывает письма, страшась дурных вестей, будто, не прочтя, отменит беду; или не глядит в свои счета, боясь увидеть, сколь они плохи, — а долг тем временем растёт. Закрытые глаза не отменяют того, на что не смотрят. Имей же мужество предпочесть полезную правду уютной лжи, даже когда правда жжёт. Лучше горькое лекарство, чем сладкий яд, что лишь оттягивает расплату.

Ежедневный разбор себя

Возьми в привычку всякий вечер держать перед собою ответ за прошедший день, как держат его перед строгим, но справедливым судьей. Я же скажу тебе — спроси себя на сон грядущий: что я нынче сделал хорошо? в чём оплошал? где смолчал, где надо было сказать, где вспылил, где слукавил? — и не затем, чтоб грызть себя, а затем, чтоб назавтра поправить.
День, прожитый и не разобранный, проходит впустую и ничему не учит; а кто всякий вечер сводит с собою счёты по совести, тот растёт исподволь, день за днём, и не повторяет одной ошибки дважды, ибо заметил её. Не страшись этого суда: судья тут ты сам, и ты же подсудимый, и приговор — не казнь, а урок на завтра. Кто вечером спросил с себя, тот утром начинает чуть мудрее; неосмысленная жизнь и впрямь не стоит того, чтоб её жить.

Проверяй мотив, а не только поступок

Проверяй не только поступок свой, но и побуждение, из которого он вырос. Я же скажу тебе — себялюбие наше — искуснейший из льстецов: оно умеет нарядить корысть в одежды добродетели так ловко, что мы и сами верим в своё благородство, не замечая, что под ним прячутся тщеславие, расчёт или жажда похвалы.
Иное доброе на вид дело так питается тщеславием, что устыдился бы ты сам, будь твои истинные побуждения видны всем. Спрашивай себя честно: ради чего я это делаю — ради добра самого по себе или ради того, чтобы мною любовались, чтобы держать другого в долгу, чтобы казаться лучше прочих? Не всякая помощь — доброта, не всякая щедрость — бескорыстие. Суди себя не по тому, как поступок выглядит, а по тому, из какого корня он растёт; и не верь себе на слово там, где себе всего приятнее верить.

Что в твоей власти

Научись прежде всего делить всё, что есть в твоей жизни, на две части: на то, что в твоей власти, и на то, что не в твоей. В твоей власти — твои суждения, твои усилия, твои поступки, то, как ты отзываешься на случившееся. Не в твоей — чужие дела и мнения, прошлое, многое в твоём теле и в судьбе, самый исход твоих стараний. Я же скажу тебе — едва ли не все мучения людские оттого, что люди путают одно с другим: рвутся переменить неподвластное им и упускают подвластное.
Поступай как добрый мореход. Он ставит парус и держит руль — это его дело; но ветром и волной не повелевает и не клянёт их попусту. Сделай со своей стороны всё, что в твоих силах, и на том успокойся: что вышло из твоих рук, то уже не вполне твоё. Так избавишься разом и от пустого гнева на то, чего не изменить, и от лишней вины за то, в чём не был волен. Силы свои береги для того единственного, что и впрямь тебе подвластно, — а это, если вдуматься, и есть ты сам.

Ответственность за свою жизнь

Легко и сладко винить в своих бедах других — обстоятельства, время, людей, судьбу. Часто вина их и впрямь есть, и немалая. Но сваливая всё на внешнее, ты будто отдаёшь чужим рукам руль собственной жизни и сам делаешься щепкой, которую несёт куда попало.
Я не говорю, что во всём виноват ты сам, — это была бы жестокая и часто лживая мерка. Я говорю иное: что бы ни обрушилось на тебя, по твоей вине или нет, вопрос «как мне теперь поступить?» остаётся за тобою, и пока ты держишь этот вопрос в своих руках, ты не сломлен. Перестань ждать, что обстоятельства переменятся сами или что виноватые повинятся, — бери то малое или большое, что можешь сделать ты, и делай. Властвует над своей жизнью не тот, кому всё удаётся, а тот, кто за свой ответ на любое отвечает сам.

Своей дорогой или по чужой колее

Оглянись хоть раз и спроси себя: своею ли дорогой ты идёшь — или плывёшь по чужой колее, по которой несёт всех, ни разу не выбрав её сам? Я же скажу тебе — страшно прожить жизнь по течению, делая, что делается, желая, чего положено желать, и под конец обнаружить, что прожил не свою, а чью-то общую, ничью.
Большинство не выбирает своей жизни, а донашивает доставшуюся: чего хотят окружающие, того хочет и он; куда все, туда и он. Не будь из таких: правь сам, хотя бы и неумело, — лучше своя дорога с ухабами, чем гладкая чужая. Время от времени останавливайся и сверяйся, туда ли идёшь и того ли сам хочешь, а не одно лишь плывёшь, куда несёт. Живи намеренно, а не по привычке; кто не выбрал пути сам, того ведут другие — и не туда, куда нужно ему.

Не беги в чужой гонке

Не меряй своей жизни чужою меркой и не беги наперегонки в гонке, которую затеял не ты. Я же скажу тебе — гляди не на то, дальше ли ушёл сосед, а на то, туда ли идёшь ты сам; ибо можно обогнать всех на дороге, которая тебе вовсе не нужна, и прийти первым не туда, куда хотел.
Люди измучивают себя, равняясь на чужой бег: у того дом больше, у этого чин выше, тот раньше преуспел — и вот человек гонит и гонит, забыв спросить, своей ли цели добивается или чужой, подсмотренной. У всякого своя дорога и свой срок созревания; что одному успех, другому — пустая трата жизни. Сверяйся со своим, а не с чужим: счастлив не тот, кто обогнал других, а тот, кто пришел туда, куда нужно ему. Чужая мерка и победителя оставит ни с чем.

Самоуважение

В другом месте я остерегал тебя от гордыни и завышенного о себе мнения. Но есть и противоположная беда, не меньшая: уронить себя слишком низко, забыть собственное достоинство. Я же скажу тебе — храни самоуважение; есть черта, ниже которой не должно опускаться, как бы ни нуждался ты в чужой милости.
Не пресмыкайся, не лебези, не продавай себя задёшево за подачку или одобрение, не позволяй другим вытирать о тебя ноги. Золото и в грязи остаётся золотом — не место красит его ценность; так и достоинство твоё не убывает оттого, что доля твоя бедна или что кто-то тебя не ценит. Цена твоя — в тебе, а не в чужих устах. Кланяйся, где должно, из вежливости и почтения, но не гни спину так, чтобы переломить в ней хребет. Кто сам себя уважает по-настоящему, тот и от других добивается уважения вернее всякого заискивания.

Чужое мнение

В другом месте я советовал тебе не выделяться попусту и чтить обычай тех, среди кого живёшь. То верно — в мелочах внешних, в платье, в обыкновениях, упрямиться без нужды глупо. Но я скажу тебе об ином и не менее важном: не отдавай чужому мнению власти над тем, что в тебе главное, — над твоей совестью, твоим путём, твоим достоинством.
Кто живёт с вечной оглядкой «а что скажут?», тот не живёт своей жизнью вовсе, а пляшет под чужую дудку, и притом под многие сразу. Вспомни старую притчу о мельнике с сыном и ослом: угождая то одному прохожему, то другому — то сами шли пешком, то садились, то взваливали осла на плечи, — кончили тем, что осла утопили, а всех так и не ублажили. Всем не угодишь, и пытаться — вернейший способ погубить и дело, и себя. Оттого уступай людям в пустом и внешнем, но в важном слушай свою совесть, а не их пересуды. Худая молва уляжется, а жизнь, прожитая напоказ, а не по себе, не вернётся.

Не живи ради рукоплесканий

Берегись жить ради рукоплесканий и чужого восхищения. Я же скажу тебе — кто пуще всего жаждет похвалы и славы, тот отдаёт себя во власть той самой толпы, чьего одобрения ищет: он уже не сам себе хозяин, а пляшет, как ей угодно, лишь бы ему хлопали.
Гонящийся за славой строит дом на чужом языке: нынче хвалят — он на седьмом небе, завтра охладели — и он раздавлен, хотя сам ничуть не переменился. Делай дело ради дела, ради своего интереса и ради своей совести, а не ради молвы; придёт похвала — прими её спокойно, но не выпрашивай её и не живи ею. Тщеславный богат лишь чужим мнением, а оно ветрено: дунул ветер — и нет богатства. Кто живёт ради рукоплесканий, тот вечно у толпы в долгу.

Чего стоит слава

Поразмысли трезво, чего стоит та слава, за которой так гонятся люди. Я же скажу тебе — много ли проку хвалящемуся, что имя его у всех на устах, коли уста эти скоро умолкнут, а за ними и помнящие, и помнящие помнящих? Самая громкая слава — лишь шум, что стихает скорее, чем мнится кричащему. Сколько было гремевших на весь свет, чьих имён нынче не назовёт никто; и тот же ил забвения поглотит со временем и нынешних громких. Стоит ли ради этой тени отдавать жизнь, кривить душою, завидовать и томиться? Гонись не за тем, что блеснёт и погаснет в чужих устах, а за тем, что есть в тебе самом и при тебе останется. Слава — дым: гуще всего у самого огня, а отойди — и нет его. Лучше быть достойным похвалы и уважения, нежели прославленным.

Тело сковать можно, мысль — нет

Можно заковать человеку руки, но не мысль; отнять имущество, волю ходить, куда вздумается, самую жизнь — но не власть над тем, как он встретит отнятое. Я же скажу тебе — в этой последней крепости и живёт свобода, которой не отнять ни тюремщику, ни тирану, ни самой судьбе.
Иной и на воле, и в богатстве — раб: раб своего страха, своей жадности, чужого мнения, что гонит его, как плеть; а иной и в цепях свободнее вольного, ибо над душою его никто не властен. Не путай свободу внешнюю с внутренней: первую у тебя могут отнять, вторую — лишь ты сам, поддавшись. Покуда ты распоряжаешься тем, что в тебе, ты не раб, как бы ни стеснили тебя извне. Цепи сковывают тело; душу сковывает лишь её собственный страх.

За свои глаза отвечает глядящий

Соблазнился ты чужой красотой — это твоя забота, и ничья больше. Я же скажу тебе — нет оправдания глупее и трусливее, чем «меня искусили»: искушает не человек, а твоё собственное хотение, и обуздывать его поставлен только ты, и никто больше.

Погляди, куда ведёт обратное рассуждение. Если виновата красота, то придётся её прятать; спрятав лицо, спрячут и голос; спрятав голос, запрут и дом, — а бесчинства всё не убавится, ибо оно и не от красоты происходило. Тем же оправданием пользуются и в прочих делах: «он был пьян», «она поздно шла одна», «зачем так оделась», «сам напросился». Всякий раз это один и тот же приём: снять ответ с того, кто сделал, и повесить на того, с кем сделали. Отвергай его повсюду, где встретишь, и первым делом в себе. И запомни: тот, кто говорит, будто не может совладать с собою при виде соблазна, свидетельствует лишь о своей слабости, — и позорно объявлять об этом прилюдно, точно о доблести.

Раб собственных страстей

Погляди, кто и впрямь тобою правит, и нередко увидишь не господина и не закон, а собственные твои желания и страхи. Я же скажу тебе — без чего ты не можешь, тому ты и раб; чего ты не вынесешь, тому и подвластен; и сколько у тебя таких «не могу без» и «не вынесу», столько у тебя и хозяев.
Жаждущий богатства служит богатству, жаждущий похвалы — тем, кто хвалит, страшащийся утраты пляшет под дудку того, кто грозит отнять. Хочешь свободы — убавляй не столько цепи внешние, сколько эти, внутренние: сокращай число вещей, без которых будто бы не прожить, и страхов, перед которыми пасуешь. Чем меньше тебе позарез нужно и чем меньше ты боишься потерять, тем меньше за тебя дёргают. Свободен не тот, у кого всё есть, а тот, кому мало нужно.

Не продавай свободу задёшево

Дороже всего человек продаёт свою внутреннюю свободу — и чаще всего задёшево: за покой, за одобрение, за то, чтоб быть как все и не выделяться. Я же скажу тебе — редко её отнимают силой; чаще человек сам отдаёт её, лишь бы не думать своей головой, не идти против течения и не тревожиться лишний раз.
Удобно, когда за тебя решают другие — обычай, толпа, начальник, мода: не надо ни выбирать, ни отвечать. Но за это удобство платишь ты собою — тем, что перестаёшь быть собою и делаешься тенью чужой воли. Храни право думать своим умом и отвечать за свой выбор как зеницу ока: уступишь по мелочи раз и другой — и не заметишь, как станешь чужим орудием. Свободу теряют не разом, а по уступке; и кто продал её за покой, тому не будет ни свободы, ни покоя.

Сделай своё — и отпусти

Делай всё, что в твоих силах, так, будто исход зависит лишь от тебя, — а сделав, прими, что вышло, с покоем, будто от тебя не зависело ничто. В этом две

половины мудрости разом: первая велит не плошать и приложить всё умение и усердие, а вторая — не грызть себя за то, что было не в твоей власти.
Худо тому, кто берёт лишь одну половину: понадеявшись на судьбу, сидит сложа руки — и поделом ничего не получает; либо, сделав своё, изводится после из-за того, чего уже не поправить. Ты же соедини обе: вложись без остатка — и отпусти без терзаний. Сделал всё, что мог, — совесть твоя чиста, как бы ни легла кость; а что сверх твоих сил, то и не твой ответ. Трудись, как если бы всё зависело от тебя, и принимай, как если бы не зависело ничто.

Постоянством, а не даром

Иные родятся с дарованием к какому-нибудь делу — да только таких немного; куда больше тех, кому талант от рождения не дан, и они сетуют, что обделены и оттого недостижимы для них те вершины, какие берёт одарённый. Я же скажу тебе — нет такого дела и нет такой науки, что не далась бы тебе, было бы упорство.
Не дарованием единым берутся вершины, а упорством, постоянством и искренним желанием; и тот, кто прилежно долбит в одну точку год за годом, протачивает камень, перед которым отступил бы баловень, понадеявшийся на один свой дар. Тебе, может понадобится и больше времени, и больше пота, чем тому, кому далось легко, — но дойдёшь и ты, а продолжая совершенствоваться, превзойдёшь многих одарённых, что бросили на полпути, понадеявшись на лёгкость. Талант — доброе начало, да решает не он, а тот, кто дольше не отступил. Капля точит камень не силою, а постоянством.

Сперва овладей правилом

Много есть таких, кто, упражняясь в каком-нибудь деле, рвётся поскорее сломать каноны и создать своё, новое. Я же скажу тебе — само стремление созидать похвально, да только прежде чем ломать канон, надлежит сперва этим каноном овладеть в совершенстве.
Кто отвергает канон, не изучив его, тот не творит новое, а лишь обнажает своё неумение, и принимает за дерзость то, что есть невежество. Истинно же новое создаёт тот, кто наперёд впитал всё старое и оттого видит, где оно и впрямь обветшало и просит замены. Сперва выучи правила как должно — а уж потом, зная, что и зачем ломаешь, ломай. Чтобы по праву преступить канон, надо сперва его перерасти.

Любопытство и охота учиться

Храни в себе до седин любопытство и охоту учиться — ту детскую жадность к новому, что иные растрачивают, едва выйдя из юности. Я скажу тебе — пока человеку любопытно и пока он учится, он молод душою и живёт во всю ширь; а кто решил, что узнал довольно, и закрылся, тот начал стареть умом, в каких бы ни был летах.

Мир неисчерпаем, и всякий день держит для тебя что-то, чего ты не знал вчера, — было бы желание заметить. Учись не ради корысти одной, а ради самой радости постигать: в ней одно из чистейших удовольствий, какие отпущены человеку. Кому любопытно — тому не скучно жить; а кто перестал удивляться и учиться, для того мир тускнеет прежде времени.

Дело и неудача

Нет позора в том, чтобы взяться за дело и потерпеть неудачу. Я же скажу тебе — неудачами вымощена дорога ко всякому мастерству, и не было ещё умельца, что не спотыкался бы, пока учился; всякий промах, осмысленный, есть ступень, а не яма.
Падение само по себе не срам; срам — лежать, где упал, да ещё клясть дорогу. Кто пробует и ошибается, тот идёт, пусть и спотыкаясь; а истинно посрамлён лишь тот, кто из страха перед неудачею не пробует вовсе и оттого не движется никуда. Не бойся оступиться — бойся не сделать ни шагу. Споткнувшийся рано или поздно дойдет; не вышедший же в путь — никогда.

Делай добротно то, что делаешь

Всякое дело, за какое ты взялся, делай так, будто по нему одному станут судить, каков ты был. Я же скажу тебе — не бывает работы столь малой, чтобы позволительно было справить её кое-как: небрежность живёт не в деле, а в человеке, и кто небрежен в мелком, тот схалтурит и в большом, ибо рука привыкает быстрее, чем ум спохватится.
Погляди на настоящего мастера: он доводит и ту сторону вещи, которой никто никогда не увидит, — не ради похвалы, а оттого, что иначе уже не умеет. В этом вся разница между ремеслом и подделкой под ремесло. Сделанное тобою худо будет служить людям худо и напоминать о тебе долго — вещи переживают тех, кто их сработал. Не спрашивай, заметят ли твою небрежность; спрашивай, хорошо ли сделано. Плата за труд достаётся тебе, а сам труд остаётся по тебе.

Не берись за то, чего не умеешь

Отказаться от дела, которое тебе не по рукам, не стыдно; стыдно взяться и испортить. Я же скажу тебе — тщеславие часто толкает человека браться за непосильное, лишь бы не показаться неумелым, и оттого на свете куда больше испорченного, чем несделанного.
Знай трезво предел своего умения и не бойся сказать: этого я не умею, обратись к тому, кто умеет. Сказавший так ничего не теряет, а сберегает и чужое добро, и своё доброе имя. Если же дело уже взято, а сил недостаёт, — не молчи, покуда не вышел срок: либо учись спешно и доведи, либо честно передай в руки умеющего, но не тяни и не прячься за отговорками до последнего, взваливая на другого испорченное. Чем позже открывается неумение, тем дороже оно обходится тому, кто на тебя понадеялся.

Самоформирование

Многие выбирают себе кумира и тщатся подражать ему во всём — и в достоинствах его, и в пороках. Я же скажу тебе — путь этот ведёт в никуда: нет проку быть чьим-то слепком, ибо в лучшем случае выйдешь второю копией, а она всегда хуже подлинника. Да ещё скорее переймёшь и его изъяны заодно с доблестями.
Куда мудрее присмотреться ко многим достойным и брать у каждого лучшее, что в нём есть, минуя дурное: у одного — твёрдость, у другого — мягкость, у третьего — ясность ума, у четвёртого — терпение. Так пчела облетает многие цветы и сносит мёд со всех, не привязываясь к одному. Собирая по крупице доброе у многих и отметая их слабости, ты один станешь лучше каждого из них порознь — и не подобием чужим, а собою. Не подражай одному во всём, а учись у многих лучшему что в них есть.

Речь и слово

Приложи старание говорить и писать правильно и ясно. Я скажу тебе — нет к тому пути вернее, чем читать книги, писанные хорошим, чистым языком, и водиться с людьми, что говорят складно и точно; так ты не только выучишься излагать свои мысли, но и обогатишь ум чужими знаниями и мыслями разом. По одной речи можно немало сказать о человеке — каков склад его ума и как он приучен мыслить; оттого следи, чтоб речь твоя была и выразительна, и чиста. Прежде чем молвить, взвесь, верно ли то, что ты собрался сказать, уместны ли и учтивы ли подобранные тобою слова. В умении хорошо говорить и писать сокрыта великая сила: ею убеждают, ведут, утешают и учат, — и овладеть ею стоит всякому. Кто владеет словом, тот владеет и тем, к кому обращено слово.

Разум-храм

Разум твой — это храм, который ты возводишь в себе всю жизнь, и ты сам ему и зодчий, и строитель. Что ни день, клади его из добродетелей, как из камня, украшай знанием и мудростью, как убранством, и очищай от сора и грязи, что нанесло за день.
Как добрый строитель отбирает лучший материал, чтобы дом вышел и крепок, и красив, так и ты выбирай, чем питать и чем застраивать свой ум: что впустишь в него, тем он и станет. Дурные мысли, праздность, злоба, пустое — тот же мусор, что копится по углам, и храм от него ветшает; знание, добродетель, ясная мысль — добрый камень, на котором он стоит. Труд этот тяжёл и не кончается, пока длится жизнь, — но тем дороже и награда: разум, в котором самому светло жить. Каков камень кладёшь, таков и храм выйдет.

Гигиена ума

Стереги, чем питаешь свой ум, ибо душа понемногу принимает цвет того, чем её кормят. Я же скажу тебе — на чём ты привычно держишь мысли, тем мало-помалу и становишься: кто день за днём терзается обидой, завистью да злобой, у того и нрав скисает, как молоко перед грозой, — сам не заметит как. Не пускай в ум что попало и не давай ему без разбору жевать всякую дрянь, что сама лезет: ибо он не помойная яма, но храм. Питай его добрым — ясной мыслью, дельной книгой, памятью о хорошем, — и он отплатит тебе светом; корми дурным — отравит изнутри. О чём думаешь, тем и делаешься; выбирай же пищу уму так же тщательно, как пищу телу.

Открытость ума

Самый опасный для разума — тот, кто решил, будто уже всё знает. Я же скажу тебе — держи ум открытым и голодным до конца дней, ибо в тот час, когда человек мнит себя всё постигшим, он перестаёт расти и начинает дряхлеть умом.
Рассказывают, как один учёный муж пришёл к мудрецу за наставлением, но всё перебивал его своими мнениями. Мудрец стал наливать ему чай и лил, пока чашка не переполнилась и не потекло через край. «Что ты делаешь?» — вскричал гость. «Ты как эта чашка, — ответил мудрец, — полон собственных суждений. Как мне налить тебе нового, пока ты не опорожнишь чашу?» Так и ты: подходи к чужой мысли и к незнакомому не с полной чашей, а с пустой. Любопытствуй, расспрашивай, допускай, что и в малом, и в чужом, и даже в том, с чем не согласен, может крыться зерно правды, которого тебе недостаёт. Кто знает, что многого не знает, учится всю жизнь; а кто решил, что знает всё, тому и научиться нечему.

Гибкость ума

Многие держатся за однажды высказанное мнение так, будто отступиться от него — позор. Сказал — и стоит на своём, даже когда уже видит, что неправ, лишь бы не уронить себя. Но я скажу тебе — позор не в том, чтобы переменить мнение, а в том, чтобы упорствовать в явной ошибке из одной гордости. Переменить мнение, когда тебе показали, что ты заблуждался, — не слабость, а сила и честность ума. Капитан, который скорее пойдёт ко дну вместе с ложным курсом, чем повернёт штурвал, не твёрд, а безумен. Держи свои мнения крепко, пока они служат правде, но готов будь отпустить любое из них, едва откроется, что правда не с ним. Спорь, чтобы вместе доискаться, как есть на деле, а не чтобы любой ценой остаться правым; и если переспорили тебя — радуйся, ибо ты в выигрыше: расстался с заблуждением и стал ближе к истине. Меняет мнение по доброй причине умный; не меняет его никогда лишь упрямый дурак да покойник.

Сосредоточенность

Рассеивая силы свои на многое разом, ты в каждом преуспеешь мало, а вернее не преуспеешь ни в чём. Лучше делать одно, но делать его всем собою, чем хвататься за десять дел зараз, ни одного не доводя до конца.
Человек, что роет в десяти местах по мелкой ямке, не дороется нигде; а кто роет в одном месте, углубляясь, рано или поздно дойдёт до воды. Так и в трудах, и в учении: глубина даётся сосредоточенностью, а не широтой захвата. Приучи же себя доводить начатое до конца, прежде чем браться за новое, и в каждый час отдавать всего себя тому единственному, что сейчас у тебя в руках, не разрываясь умом на сто сторон. Брошенных на полпути дел за спиной не оставляй: каждое такое — не только потерянный труд, но и молчаливый укор, что подтачивает веру в себя.

Уединение

Иные не могут и часу пробыть наедине с собою — тотчас бегут к людям, к шуму, к развлечению, лишь бы не остаться со своими мыслями с глазу на глаз. Я же скажу тебе — кто бежит от себя, тому далеко не убежать, ибо себя он несёт с собою всюду, куда бы ни скрылся.
Один проницательный ум заметил, что едва ли не все беды человеческие оттого, что люди не умеют спокойно побыть в одиночестве. И верно: кто не выносит собственного общества, тот и не знает себя, а не зная — не может ни исправить себя, ни обрести покоя. Научись же быть один и не тяготиться этим. В тишине и уединении, без чужих голосов, ты услышишь наконец свой собственный, разберёшь, чего хочешь и кто ты есть, дашь улечься поднятой суетой мути. Кто хорош сам себе в обществе, тот уже не одинок и не зависит от того, есть ли кто рядом; а кто пуст наедине с собою, того и толпа не избавит от пустоты.

Победа над собой

Величайшая из побед, какие даны человеку в земной жизни, — победа над самим собою и над своими страстями. Я же скажу тебе — сколько было таких, что побивали тысячи врагов, возводили и покоряли царства, ломили невиданные преграды, а сами до смерти оставались рабами своей похоти, гнева да тщеславия; невысока цена и громким их победам.
Какой прок покорить полмира и не суметь покорить собственный нрав? Кто повелевает народами, а собою повелеть не может, тот не властелин, а раб в венце. Истинного удивления достоин тот, кто одолел самого себя — свои страсти, свой страх, свою низость — и спокойно возводит в себе свой храм. Над таким ни случай, ни чужая сила не властны вполне, ибо он овладел единственным, что и впрямь в его власти. Покоривший себя выше покорителя городов; и разум его сияет, как солнце.

Владей собою

Самообладание — одна из золотых добродетелей человека. Я же скажу тебе — кто владеет собою всякий час и не даёт порыву собою помыкать, тот и решает здраво, и минует множество бед, в какие сломя голову влетает не владеющий собою.
Человек, не властный над собою, подобен дикому зверю: он движется минутным порывом, не помышляя, к чему приведут его слова и дела, и оттого опасен и себе, и ближним. Быть подле такого — что лечь спать рядом с медведем: не угадаешь, когда и за что он нападет. Гнев, страх, сиюминутное желание — дурные советчики, и кто слушает их не размышляя, тот вечно после жалеет о сделанном сгоряча. Оттого держи себя в руках, особливо когда кровь кипит: в такую пору всего легче натворить то, чего не поправишь. Кто овладел собою, тот никому не отдал власти над собою.

Переждать первый порыв

Когда обрушится на тебя горе или захлестнёт гнев, всё видится тебе тогда в самом чёрном свете, и кажется, будто так оно и пребудет вовек. Но я скажу тебе — не верь тому, что видишь в такую минуту, и пуще всего не принимай тогда решений, которых после не воротишь.
Свежая боль — дурной советчик. Замути ведро воды, и не разглядишь в нём и собственной руки; дай ей отстояться — и муть осядет, и вода снова станет прозрачна. Так и в душе: дай улечься буре, переспи с тяжёлой мыслью ночь, а лучше и не одну, и увидишь, что многое, казавшееся концом, было лишь крутым поворотом.
Издавна знают вернейшее средство против гнева и отчаяния — отсрочку. Время не зря зовут лекарем: оно не стирает ран вовсе, но притупляет их остроту настолько, что можно уже мыслить здраво. Дождись же этого часа, прежде чем рубить сплеча.

Мера во всём — золотая середина

Во всех делах держись меры и середины, ибо излишество вредит, с какой бы стороны оно ни подступило. Я же скажу тебе — не в одной скудости беда, но и в избытке: губит и голод, и обжорство; и трусость, и безрассудство; и скупость, и мотовство; и вечный труд без роздыха, и праздность без труда. Добродетель чаще всего лежит посредине, меж двух пороков, как тропа меж двух обрывов. Не путай середину с серостью и вялостью: держаться меры труднее, чем броситься в крайность, ибо крайность проста, а мера требует тонкого чутья. Где не знаешь, как поступить, спроси себя: не перегибаю ли я в ту или другую сторону? — и выправляйся к середине. Лучшее обыкновенно не с краю, а в средине; ничего сверх меры — и редко прогадаешь.

Оставляй незавершённость

Не всякое дело должно довести до полного совершенства, а всякую чашу налить до краёв. Полная чаша опрокидывается, и сосуд, наполненный доверху, первым проливается; и в делах, и в радостях мудрее остановиться чуть раньше предела, оставив малый недобор, чем дойти до края, за которым один лишь спуск.
Любуйся полураскрытым цветком, а не осыпающимся, и хмелей слегка, а не до беспамятства: в полураскрытом — обещание и рост, а раскрытый ждет лишь увядание. Кто во всём стремится к недостижимому идеалу, у того черствеет душа и всё вокруг нагоняет тоску; кто же оставляет малый простор незаполненным, тому есть куда дышать и куда расти. Не всякое дело доводи до краёв — в недостающем порой больше жизни, чем в завершённом.

Как закончишь, так и запомнится

Человек помнит не всю дорогу, а вершину её и конец. Я же скажу тебе — потому и стоит доводить до конца хорошо то, что делал долго: годы честной службы можно испортить одним уходом со скандалом, а долгую дружбу — одним прощанием со злом.
Кончай же всякое дело так, как хотел бы, чтобы его помнили: уходя со службы — доделай и сдай; расставаясь с человеком — не бей на прощание, даже если есть чем; провожая гостя — проводи до ворот. И разговор веди так, чтобы последние слова не были худшими: сказанное напоследок весит больше всего сказанного прежде. Это не притворство и не расчёт: конец — единственная часть, которую другой унесёт с собою целиком.

Богат тот, кому довольно

Спроси, кто богат, и тебе укажут на того, у кого полны сундуки. Но я скажу тебе — богатство мерится не тем, сколько у человека есть, а тем, сколь малого ему недостаёт. Иной сидит на грудах золота и чувствует себя нищим, ибо желает ещё; а иной с краюхой хлеба сыт и доволен, ибо не желает лишнего. Кто же из них богаче?
Хочешь сделать человека богатым — учили мудрецы — не прибавляй ему имущества, а убавь его желаний. Богатство, что вовне, у тебя могут отнять; богатство довольства живёт внутри, и его не отнимет никто. Пойми лишь верно: я не зову тебя сложить руки, прозябать в нищете и не стремиться к лучшему — нужно к нему стремиться. Но довольства своего не отдавай в залог тому, чего ещё нет, иначе не узнаешь его, и завладев всем.

Желание потаканием не утолить

Не думай, будто, потакая желанию, ты его утолишь и обретёшь покой. Я же скажу тебе — желание этим лишь разгорается. Пьющий солёную воду не гасит

жажду, а распаляет её; так и гоняющийся за всё новым приобретением: едва добыл желаемое, как оно тускнеет в руках, и взор уже тянется к следующему. Мудрецы Востока говорили, что желание не угасает от насыщения, но растёт, как пламя от подливаемого масла. Оттого ищущий доброй жизни в бесконечной погоне за хотениями подобен тому, кто черпает воду в бездонный, дырявый сосуд: сколько ни лей, он пуст. Не в том свобода, чтобы исполнить всякое своё хотение, а в том, чтобы не быть у хотений в рабстве.

Нужда или прихоть

Большая часть того, что человек почитает необходимым, на деле вовсе не нужда, а прихоть, нарядившаяся нуждой. Я же скажу тебе — научись отличать одно от другого, и половина твоих желаний отпадёт сама собою.
Природа просит немногого и насыщается малым: голод утолишь простой едой, жажду — водой, наготу прикроешь любым платьем, усталость уймёшь сном под любым кровом. А вот хотения, рождённые тщеславием и сравнением с другими, — чтоб не как у всех, а лучше, не просто платье, а богатое, не дом, а дворец, — этим нет ни числа, ни предела. Прежде чем погнаться за чем-либо, спроси себя: этого требует необходимость или только моё тщеславие? И за многим ты гнаться перестанешь.

Держи имущество нетвёрдой рукой

Люди мнят, будто владеют своими вещами. Но я скажу тебе — чаще вещи владеют ими. Всё, без чего ты не можешь обойтись, без чего тебе и жизнь не мила, — это не твоё имущество, а твой хозяин; и чем больше у тебя таких «не могу без этого», тем большему числу господ ты служишь.
Видел ли ты, как ловят обезьяну? Кладут лакомство в узкогорлый сосуд; обезьяна хватает его в кулак, а кулак с добычей назад из горла не проходит. Стоило бы разжать руку — и она свободна; но она не выпускает и оттого попадается. Так и человек попадается на том, что не в силах выпустить. Учись держать всё, что имеешь, нетвёрдой рукою: пользуйся, но будь готов отпустить без муки — и ничто над тобою не возьмёт власти.

Упражняйся в воздержании

Мало знать, что желаниями должно править, — этому, как и всякому искусству, потребно упражнение. Я же скажу тебе — приучай себя к воздержанию загодя, в довольстве, чтобы лишение, когда оно придёт, не застало тебя врасплох. Время от времени отказывай себе нарочно даже в том, что мог бы легко иметь: ешь простую пищу, обходись малым, поспи на жёстком, походи в нужде, хотя нужда тебя и не гонит. Воин упражняется в мирные дни, чтобы война застала его готовым; так и ты малыми лишениями закаляешь себя против больших. И когда судьба что-нибудь отнимет, ты скажешь: «Это мне не внове, я и без этого

жил», — и такой удар не свалит тебя. Кто умеет обходиться без многого, того немногого и лишить нельзя.

Кем легко управлять

Хочешь знать, отчего одними людьми так легко управлять, а другими нет? Я скажу тебе — всё дело в их желаниях. Всякое сильное хотение есть рукоять, за которую тебя можно ухватить и повести куда угодно: кто жаждет денег — того купят, кто жаждет почестей — того заманят лестью, кто жаждет наслаждений — того опутают ими. Дай людям знать, чего ты страстно хочешь, — и ты дал им власть над собою.
Желание — наживка на крючке: соблазнённый ею заглатывает крючок и уже не волен, его тянут, куда хотят. Чем меньше у тебя таких страстных хотений, тем меньше крючков, на которые тебя поймать, и тем ты свободнее — и от чужой корысти, и от ударов судьбы, ибо отнять у тебя можно лишь то, чего ты сильно желаешь. Владеющий своими желаниями неуязвим там, где раб их беззащитен.

Наслаждайся, не попадая в кабалу

Всё сказанное о власти над желаниями не значит, что должно вытравить из себя всякую радость и сделаться камнем. Я же скажу тебе — мудрость не в том, чтобы ничего не желать и ничему не радоваться, а в том, чтобы не быть рабом своих радостей.
Веди себя, как гость на пиру. Поднесли тебе блюдо — протяни руку и возьми свою долю с благодарностью. Проносят мимо — не хватай и не удерживай. Ещё не дошло до тебя — не тянись через весь стол и не изводись желанием, дождись своего череда. Так и со всеми благами жизни: что пришло — прими и порадуйся; что ушло — отпусти без скорби; чего нет — не рви на части душу. Это и есть свобода: и наслаждаться, и не быть наслаждениям в кабале.

К хорошему привыкают быстрее, чем думают

Ты полагаешь, что новая вещь, новый чин или новый дом сделают тебя счастливее, и надолго. Я же скажу тебе — вспомни, что уже сбывалось у тебя из желанного: сколько ты радовался? Неделю? Месяц? А после привык и перестал замечать вовсе, и уже смотришь на следующее.
Так устроен человек: к хорошему он привыкает быстро и после мерит от нового уровня, а не от прежнего. Оттого гонящийся за счастьем через приобретения похож на идущего к горизонту: сколько ни иди, а он всё там же. Не значит это, что не надо ничего желать и приобретать; значит лишь, что не жди от вещей больше, чем они дают, и не отдавай за них лучших своих лет. Крепче же и дольше радуют не вещи, а то, к чему привыкнуть нельзя: работа, которую делаешь хорошо, люди, которых любишь, и умение замечать то, что уже есть.

Вещи — слуги, не хозяева

Гляди, чтобы вещи служили тебе, а не ты им: что задумано слугою, легко делается господином, стоит лишь прикипеть к нему сердцем. Я же скажу тебе — чем больше добра ты копишь и чем крепче к нему привязан, тем больше оно владеет тобою: за него дрожишь, его стережёшь, лишиться его страшишься — и вот уже не ты хозяин вещей, а они твои хозяева.
Тот богат, кому довольно, и тот свободен, кто легко расстаётся; а кто не умеет радоваться тому, что боится потерять, тот и владея — раб. Имей, но не прикипай; пользуйся, но не служи. Меньше привязан — меньше уязвим; и того не обездолит судьба, кто не вцепился в отнимаемое мёртвой хваткой.

Живи по средствам

Устрой жизнь свою так, чтобы расход твой не обгонял прихода, — правило простое, а держатся его немногие. Я же скажу тебе — не бедность разоряет человека, а привычка жить чуть богаче, чем можешь: бедный, тративший меньше нажитого, спит спокойно, а богатый, тративший больше, не спит вовсе. Всякая надбавка к достатку соблазняет тотчас поднять и образ жизни, и оттого иной, разбогатев вдвое, оказывается в стеснении худшем прежнего: прибыло у него не свободы, а обязательств. Держи ножницы между тем, что имеешь, и тем, что тратишь: в этом зазоре и живёт всё твоё спокойствие. И откладывай понемногу в запас, покуда дела твои идут ровно, — не из скупости, а потому, что чёрный день приходит без предупреждения, и запас в такой день покупает не вещи, а достоинство: возможность не унижаться, не хвататься за дурную работу и не идти в кабалу к первому, кто протянет монету.

Долг — тихая кабала

Прежде чем занять, посчитай трижды. Я же скажу тебе — долг, взятый на нужду, есть подмога, а долг, взятый на прихоть, есть кабала, в которую человек входит сам, добровольно и с лёгким сердцем, чтобы потом годами выходить. Занятое приятно тратить и горько отдавать: удовольствие от купленного истает в неделю, а платить придётся многие месяцы, работая уже не на себя. И вот человек трудится, а деньги его уходят прежде, чем придут, и всякая мысль о завтрашнем дне окрашена страхом. Хуже же всего то, что должник теряет свободу выбора: он не может ни бросить постылое дело, ни переждать беду, ни отказать негодяю — он должен. Оттого влезай в долг только ради того, что необходимо или что вправду подкрепит твоё дело и принесет прибыль, а ради вещи, которая просто мила тебе, — не влезай никогда. Лучше подождать и купить, чем купить и годами платить.

Азарт

Берегись игры на деньги пуще иных соблазнов. Я же скажу тебе — она тем и коварна, что обещает добыть многое без труда, а труд есть единственный честный путь к достатку; и потому всякая игра исподволь портит в человеке само отношение к труду.
Устроено же в игре так, что чем дольше играешь, тем вернее проигрываешь, — и выигрыш, если случится, не радость тебе, а приманка: он затягивает крепче любого проигрыша. Проигравший же не уходит, а отыгрывается, и вот уже несёт последнее, надеясь вернуть потерянное, — и надежда эта разоряет вернее самой потери. Гляди на игроков: много ли меж ними разбогатевших и много ли разорённых, потерявших дом, семью и доброе имя? Если тянет тебя к игре — не меряйся с нею силами и не выторговывай себе малой меры, а обходи стороной вовсе: с этим соблазном не уговариваются, от него уходят.

Гнев жжёт самого гневающегося

Гневаясь на другого, человек мнит, будто вредит обидчику. Но я скажу тебе — первый и худший вред гнев творит тому, кто его носит. Удерживать в себе гнев — всё равно что схватить голой рукою раскалённый уголь, чтобы швырнуть в другого: попадешь ты или нет, а руку себе уже обжёг.
Обидчик твой, быть может, давно спит покойно и не помнит о ссоре, а ты всё кипишь, лишаешься сна и покоя, травишь себе нутро. Как ржавчина, родившись в железе, его же и поедает, так гнев точит того, в ком поселился. Оттого, не желая зла даже себе, не давай гневу пожирать тебя изнутри: отпуская обиду, ты прежде всего себя и милуешь.

В гневе не решай важного

В гневе человек делает и говорит такое, чего, остыв, стыдится и чего вовек не сделал бы в здравом уме. Я же скажу тебе — гнев есть краткое безумие: на те минуты, что он владеет тобою, ты не вполне в своём рассудке, как пьяный или одержимый.
Оттого не верь себе, пока ты во гневе, как не доверил бы важного дела пьяному. Хмель ярости схлынет — и ты оглядишь то, что в нём натворил, как чужие руины. Знай за собою эту краткую немочь и в час её не решай ничего важного и непоправимого, просто жди, пока разум вернётся на своё место.

Сдержать гнев — высшая победа

Многие чтут за силу умение взять верх в драке или сломить чужую волю. Но я скажу тебе — есть сила выше этой: власть над собственным гневом. Кто покорил город, но не покорил своей вспыльчивости, одолел меньшее и не одолел большего.
Сильным зовут не того, кто свалит противника наземь, а того, кто, вскипев, удержит себя в руках. Ибо вспылить и дать волю кулаку или языку может

всякий, на это ни ума, ни мужества не надобно; а вот совладать с подступившей яростью, смолчать, где тянет ударить, — на это способен лишь по-настоящему сильный духом. Эту победу древние ставили выше воинских.

Не отвечай злобой на злобу

Когда другой пышет на тебя злобой, всего естественнее вспыхнуть в ответ. Но я скажу тебе — это худшее, что можно сделать: на огонь не льют масла. Двое разгневанных — это два пожара, что раздувают друг друга, пока не сгорит всё дотла, и потом оба не вспомнят, из-за чего занялось.
Мягкое слово гасит ярость вернее резкого. Ответь на крик спокойствием, на грубость — ровностью, и ты увидишь, как чужой гнев, не встретив опоры, опадает сам собою, ибо ему нужен встречный гнев, как огню нужно топливо. В этом не слабость, а превосходство: владеющий собою всегда выше того, кем владеет ярость. Уступить в малом, чтобы погасить большое, — не поражение, а ум.

Обида — твой выбор, не чужой

Замечал ли ты, что одно и то же слово одного приводит в ярость, а другого лишь смешит? Стало быть, не само слово гневит человека, а то, какое значение он ему придал. Не вещи и не люди делают тебя гневным, а твой собственный взгляд на них.
Брань на чужом, непонятном тебе языке не уязвит тебя нисколько, пока ты не узнаешь, что она значит, — рана от обиды рождается лишь тогда, когда ты сам признаёшь её обидой. А раз так, то власть тут в твоих руках: между тем, что случилось, и твоим гневом всегда есть зазор, и в этом зазоре ты волен рассудить, стоит ли вообще гневаться. Чаще всего, рассудив, увидишь, что не стоит.

Сказанного в гневе не вернёшь

Пуще всего остерегайся того, что говоришь и делаешь в гневе, ибо этого не воротишь назад. Я же скажу тебе — стрелу, сорвавшуюся с тетивы, не позовёшь обратно; слово, брошенное в ярости, и удар, нанесённый сгоряча, так же не отзовёшь.
Минута гнева проходит, а сказанное в неё остаётся: им можно ранить друга так, что рана не заживёт, разрушить за миг то, что строилось годами, — доверие, любовь, дружбу. Повинишься после, и тебя простят, да след останется, как остаётся дырка от вынутого гвоздя. Оттого, чувствуя, что вскипаешь, замкни уста и удержи руку прежде всего там, где дело идёт о дорогих тебе людях: им твой гнев ранит больнее всего, а потерять их легче, чем после воротить.

Гневайся по делу и в меру

Из всего сказанного о гневе не выводи, будто должно вытравить его в себе без остатка и сделаться ко всему безразличным. Я же скажу тебе — и это крайность, не лучше прежней. Кто вовсе не способен на гнев, тот часто и не способен восстать против явной несправедливости, спускает зло, которому должно противиться, и зовётся уже не кротким, а малодушным.
Беда не в самом гневе, а в том, что он почти всегда не в меру и не на месте. Великое искусство — рассердиться на что должно, на кого должно, настолько, насколько должно, и тогда, когда должно; это, как заметил мудрец, дано немногим. Гнев подобен огню: в очаге он греет и служит, а вырвавшись на волю — сжигает дом. Не гаси в себе огонь вовсе, держи его в очаге. Негодуй на несправедливость, жестокость и неправду, но негодуй разумно, по делу и в меру, а не оттого лишь, что задели твоё самолюбие или подали остывший обед.

Не трать гнев на безвинное

Много гнева тратится впустую — на то, что и винить нельзя. Глупо пинать камень, о который споткнулся, гневаться на дождь, на сломавшуюся вещь, на дитя или неразумного, что не ведают, что творят. Я же скажу тебе — досадовать на то, в чём нет злого умысла и что не могло поступить иначе, — пустая трата сил и яда.
А коли обидел тебя человек, прежде чем вскипеть, помысли: часто он сделал это не со зла, а по глупости, по слабости, от собственной боли или страха, не разумея вреда, — как и ты сам грешил не раз по тем же причинам. Кто так посмотрит на обидчика, тому труднее гневаться, ибо на месте злодея он чаще увидит просто несчастного или неразумного. Не оправдывай тем зла, но и не отравляйся гневом там, где довольно понимания: понимание усмиряет ярость вернее всякого усилия воли.

Страх и мужество

Не тот мужествен, кто не ведает страха, — такого и не бывает, — а тот, кто боится и всё же делает, что должно. Я же скажу тебе — страх сам по себе не позор; позорно лишь дать ему править тобою и решать за тебя.
Замечал ли ты, что вещь, которой страшишься, всегда больше издали, чем вблизи? Страх, как тень на закате, вытягивает всё до огромного; но шагни навстречу тому, чего избегаешь, — и оно чаще всего оказывается меньше своей тени. Бегущего же страх гонит и растёт за спиной, как пёс кидается на того, кто пустился наутёк. Оттого приучи себя идти навстречу тому, что пугает, а не прочь: всякий раз, делая то, чего робел, ты отрезаешь у страха кусок его власти над тобою. И помни — чаще человека губит не сама беда, а страх перед ней, что обессиливает наполовину прежде всякого удара.

Тревога

Большую часть того, чего человек страшится наперёд, с ним так никогда и не случается. Я же скажу тебе — мы страдаем в воображении куда больше, чем наяву: тревожный загодя сто раз умирает от беды, которая чаще всего вовсе не приходит, а придёт — так окажется не такой уж великой как казалось.
Это не значит, что бед не бывает; они бывают, и с ними, когда придут, надо управляться. Но изводить себя нынче из-за того, что лишь может случиться завтра, — всё равно что платить пошлину за мост, которого, быть может, и переходить не придётся. Тревога не отводит беду, а лишь крадёт у тебя сегодняшний покой и силы, которые понадобятся, если беда и впрямь нагрянет. Оттого положи себе правило: с бедой случившейся управляйся делом, а воображаемую гони, ибо ей ты платишь, ничего не покупая.

Власть над языком

Дано человеку два уха и один язык — не затем ли, чтобы вдвое больше слушать, чем говорить? Я же скажу тебе — научись молчать и слушать, и это даст тебе больше, чем умение красно говорить. Болтливый рассыпает себя в словах, а молчаливый копит; глупость, промолчав, сойдёт за мудрость, а мудрость, проболтавшись попусту, нередко выйдет в дураках.
Слово, пока не сказано, — твой слуга и пленник; сказанное же становится твоим господином и идёт, куда хочет, и не воротишь его. Оттого, прежде чем заговорить, помедли и взвесь: правда ли это, нужно ли это и лучше ли это молчания? Если нет — промолчи, и не пожалеешь. Слушая, ты узнаёшь новое; говоря, лишь повторяешь то, что и так уже знаешь. А в чужой речи, если дать ей договориться не перебивая, открывается порой больше, чем человек хотел тебе сказать.

Цельность

Всякому человеку выпадает искушение совершить небольшой нечестный или дурной поступок, и всякий утешает себя словами: «это мелочь, никто и не заметит». Я же скажу тебе — никогда не давай этой слабости взять над собою верх, сколь бы малым ни казался проступок.
Пусть даже впрямь никто не заметит — ты сам приотворишь в себе дверцу, и зло, прокравшись, начнёт разрастаться в тебе, как плесень в сырости: за одним проступком, оправданным однажды, последует другой, побольше, ибо первый уже протоптал тропинку. Так, по мелочи, человек и губит всё, что строил, и сам не заметит, когда мелкие уступки сложатся в большую беду. Береги цельность в малом — в малом она и теряется. Кто допустил проступок в пустяке, тот допустит и в большем.

Ровный киль

Высшая награда за власть над собою — не громкая победа, а тишина: ровный киль, что держит тебя прямо и в бурю, и в штиль. Я же скажу тебе — к этой тишине и стоит идти через всё обуздание страстей; не затем ты смиряешь гнев, страх и жадность, чтоб похвалиться смирением, а затем, чтоб вернуть покой, которого они тебя лишали.
Судьба будет качать тебя, как волна качает лодку: то вознесёт, то уронит; не в твоей власти унять волну, но в твоей власти не дать ей опрокинуть тебя. Не возносись чрезмерно на гребне и не тони в отчаянии во впадине — и то, и другое минует, а ты останешься. Кто хранит ровность духа и в удаче, и в беде, тот стоит на твёрдом, когда вокруг всё ходит ходуном. Не тот силён, кого волна не достаёт, а тот, кого она не опрокидывает.

Покой — не бесчувствие

Не путай душевный покой с бесчувствием и с бегством от жизни. Я же скажу тебе — он не в том, чтобы ничего не желать, никого не любить и ничему не радоваться, обратившись в холодный камень, и не в том, чтобы спрятаться от мира за стеною, где тебя ничто не достанет.
Истинный покой у того, кто полно живёт, любит и трудится, но не даёт чувству нести себя, как щепку по стремнине: он чувствует сильно, а правит твёрдо, держа поводья, а не бросая их. Бесчувственный не одолел страсти — он лишь обеднил себя; ушедший от мира не усмирил бурю — он лишь убежал от неё. Будь не камнем, которого ничто не колышет, а кормчим, что и во время сильной бури держит руль. Покой не в том, чтоб не чувствовать, а в том, чтоб чувство тебе служило, а не помыкало тобою.

Не вещи тревожат, а мысли о них

Заметь однажды простую вещь: смущает тебя по большей части не само событие, а твоё мнение о нём. Я же скажу тебе — одно и то же случается с двумя, и один сокрушён, а другой спокоен; стало быть, дело не в случившемся, а в том, что каждый себе о нём сказал.
Ты сам красишь происходящее в чёрное своими «это ужасно», «так не должно было быть», «я этого не вынесу» — и от этих слов, а не от самой вещи, поднимается буря. Перемени суждение — и нередко уляжется смятение: спроси, впрямь ли беда так велика, как померещилось, или ты сам её раздул? Меж тем, что с тобою случилось, и твоим страданием стоит твоё мнение — а оно в твоей власти. Не вещи тревожат людей, а мысли о вещах; правь мыслью — усмиришь и тревогу.

Покой не в тиши, а в гуще

Не спеши хвалиться своим спокойствием, покуда не испытал его в суете и шуме. Я же скажу тебе — покой среди покоя ещё не покой: легко быть тихим в

тихой комнате; а ты сохрани ровность посреди толчеи, спешки и раздора — вот тогда и узнаешь, есть ли в тебе настоящая твёрдость духа.
Тишина, что держится лишь покуда вокруг тихо, рассыпается от первого крика; а тишина, что живёт в тебе и среди гама, не зависит ни от чего внешнего и потому нерушима. Не беги от мира ради покоя — учись носить покой в самой гуще мира. Кто тих лишь в затворе, тот ещё не владеет собою; кто тих и посредь хаоса, тот овладел. Истинный покой проверяется не в тиши, а в буре.

Ровность нрава

Держи нрав свой ровным, а не пляшущим по прихоти настроения. Я же скажу тебе — тяжко и тебе, и всем вокруг, когда нынче ты ясен, а завтра хмур без причины, и близкие гадают поутру, каким ты встал, и ходят вокруг тебя на цыпочках, как по тонкому льду.
Человек переменчивый и капризный ненадёжен: на него нельзя положиться, ибо не знаешь, с кем имеешь дело сегодня; и доброе в нём пропадает, тонет в его же взбалмошности. Не давай минутному настрою править собою и портить из-за пустяка и свой день, и чужой. Будь сегодня таким же, каким был вчера и будешь завтра, — ровным и предсказуемым в добром; на такого опираются, как на твёрдую землю, а не как на зыбкую трясину. Постоянство нрава дороже блеска, что вспыхивает и гаснет.

Ожидания

Львиная доля твоих огорчений и обид родится не из самих событий, а из непомерных твоих ожиданий. Присмотрись, отчего ты в досаде: оттого ли, что случилось дурное, или оттого, что случилось не так, как ты заранее себе расчертил?
Гневаешься, что обстоятельства сложились не по-твоему; досадуешь, что человек оказался не таким, каким ты его вообразил. Но обстоятельства не обязаны складываться тебе в угоду, и люди не обязаны быть такими, какими тебе хотелось бы их видеть; и в том не их вина, а вина ожиданий, что ты на них возложил. Не надоить вина из коровы, как ни желай, — и не вина коровы, что в ней молоко. Сбавь же ожидания: принимай события так, как они идут, а людей — такими, каковы они есть, и сам увидишь, как поубавится досады и как трезвее станет твой взгляд. Меньше ждёшь наперёд — меньше обманываешься после.

Испытания

Все несчастья и испытания, что выпадают на твою долю, хоть и горьки, а полезны. Я же скажу тебе — на испытаниях, которыми вымощен жизненный путь, и проступают твои добродетели и изъяны, и закаляется воля; в трудностях узнаются самые верные друзья, самая чистая любовь, и добываются мудрость и опыт, каких не даёт никакая сытость.

Сколь много людей живёт словно во сне — в довольстве и праздности; им не открыть тех истин, что открываются борющемуся с бедою. Ум их занят одной погонею за удовольствием, оттого и не познают они и трети этой жизни, и души их уходят почти такими же, какими пришли, — незрелыми, ничего не уразумевшими. Оттого, когда выпадет тебе очередное испытание, не сетуй на судьбу, а спроси себя, чему оно может тебя научить и что в нём открыть. Всякая невзгода приотворяет дверь, прежде запертую, — тебе остаётся лишь увидеть её и войти. Не беда закаляет, а то, как ты её встретишь.

Что сделано, то сделано

Что сделано, то сделано, и никакими сожалениями этого не переменишь. Я же скажу тебе — терзаться без конца о былом значит терять ещё и настоящее вдобавок к прошлому, а это уже двойной убыток. Прошлое не отдаст тебе ни дня обратно, сколько ни плачь над ним.
Гребец, что неотрывно глядит на след за кормой, не правит лодкой и сбивается с пути. Так и ты: оглянись на сделанное лишь затем, чтобы извлечь урок, — а извлёкши, разворачивайся лицом вперёд, ибо изменить ты властен лишь то, что ещё впереди. Сожаление полезно ровно настолько, насколько подвигает тебя поступить впредь иначе; всё, что сверх того, — пустое самоедство, не помогающее ни тебе, ни тому, перед кем ты виноват.

Совесть корит — до поры

Совесть, что корит тебя за дурной поступок, — добрый дар, но лишь до поры. Я же скажу тебе — вина хороша, пока гонит тебя исправить содеянное и впредь так не делать; но обращённая в бесконечную пытку над самим собою, она из лекарства делается ядом.
Кто, оступившись, без устали клянёт и грызёт себя, тот подобен человеку, что вместо того, чтобы промыть и перевязать рану, всё ковыряет её и не даёт затянуться. Толку в этом нет ни на грош: ни вина твоя так не загладится, ни обиженному не полегчает. Исправляй себя, как исправлял бы любимое дитя, — твёрдо, но без жестокости. Признал вину, поправил, что можно, положил впредь поступать лучше — и довольно; остальное брось, ибо казнить себя дальше есть не добродетель, а лишь иная слабость.

Ты не особый

Оступившись, человек нередко мнит, будто он один такой негодный, а все кругом безупречны. Но я скажу тебе — это обман и гордыня наизнанку. Нет на свете человека, который не падал бы и не делал того, о чём после жалел; кто говорит, что безгрешен, тот либо лжёт, либо забыл свои грехи.
Ошибаться — в природе человеческой, и не в том доблесть, чтобы никогда не оступиться, а в том, чтобы, оступившись, подняться и пойти дальше. Падение не делает тебя ни хуже, ни ничтожнее прочих — оно лишь роднит тебя со всем

родом людским. Оттого не казни себя как какого-то особого выродка; ты просто человек среди людей, и тебе, как и всем, дано и падать, и вставать.

Прежний ты знал меньше

Часто человек грызёт себя за то, что сделал когда-то, забывая, что тот, прежний, знал и умел меньше, чем он нынешний. Я же скажу тебе — несправедливо судить вчерашнего себя по тому, что ты понял лишь сегодня. Путник на развилке выбирает дорогу по той карте, что есть у него в руках, а не по той, что окажется у него после. Ты поступал тогда так, как умел тогда, с тем разумением и в тех обстоятельствах; нынешняя твоя мудрость куплена как раз теми самыми ошибками. Не суди же того, кто шёл в потёмках, светом, который сам же из этих потёмок и вынес. Пожалей его, как пожалел бы неопытного младшего, и поблагодари за то, что он, спотыкаясь, привёл тебя туда, где ты теперь видишь яснее.

Поправь, если можно поправить

Сожалея о содеянном, спроси прежде всего: можно ли это ещё поправить? Если можно — встань и поправь: повинись, возмести, протяни руку, сделай, что в твоих силах. Я же скажу тебе — деятельное исправление стоит тысячи бесплодных вздохов.
Но бывает вина, которой уже не загладить, — ушёл тот, перед кем виноват, или ушло время. И тут я скажу: вечная казнь над собою не воскресит ушедшего и не повернёт сделанного вспять, а лишь губит ещё и тебя сверх того. Сделай, что можешь, — а чего нельзя, тому дай покой: возьми из этой вины один лишь урок и неси его дальше как обещание поступать впредь достойнее. Это и будет твоим искуплением, более честным, чем любые муки совести, что никому не в помощь.

Не становись на оба колена

Держи спину прямо перед всяким: перед богатым, перед сильным, перед начальником, перед тем, от кого зависишь, и перед тем, кого чтишь. Я же скажу тебе — тело выучивает разум быстрее, чем разум тело: кто привык опускаться на оба колена, тот со временем и думать начинает так, будто есть люди высшие и низшие от рождения. Оттого владыки всех времён так любили эти обряды: они не почёта ради заведены, а затем, чтобы всякий телом своим повторял: я ниже.
Одно колено — иное дело, если так велит обычай твоего края: им приносят присягу, им отдают честь, и стоящий на одном колене остаётся человеком, готовым подняться. Оба колена оставь для случая, когда на кону твоя жизнь: поклонившийся под ножом не унижен, о том сказано в Законе, и никто не вправе попрекнуть его этим после. И не путай с покорностью то, что ею не является: опуститься к ребёнку, чтобы говорить с ним глаза в глаза; стать на

колени у могилы, у постели раненого, у ног старика, которому зашнуровываешь обувь; преклонить колено, прося руки. Это не низость, а забота, и разница видна всякому: там колени сгибают перед человеком, а тут — ради человека.
Обратное же помни ещё твёрже: и от других колен не требуй никогда — ни от слуги, ни от подначального, ни от должника, ни от побеждённого, ни от собственных детей. Кому нужно, чтобы перед ним падали, тот сам не уверен, что стоит прямо. И не сочти это за гордыню: гордец полагает себя выше прочих, а мы говорим лишь, что и ниже прочих ты не стоишь. Достоинство в том и состоит, чтобы не глядеть на людей ни снизу вверх, ни сверху вниз.

Суди себя, как судил бы друга

Погляди, как по-разному ты судишь чужую вину и свою. Оступись твой друг точно так же, как ты, — ты бы утешил его, нашёл бы ему оправдания, сказал бы: с кем не бывает. Но я скажу тебе — себе ты такой милости не даёшь, а держишь для себя одну лишь плеть.
А ведь ты заслуживаешь того же снисхождения, что и всякий другой, — не больше, но и не меньше. Стань же себе не безжалостным судьёй, а тем добрым другом: суди свой проступок той же мерою, что и чужой. В другом месте сказано, что человек склонен льстить себе и прощать себе слишком много; здесь речь об ином — о том, кто, напротив, себя одного и не щадит. И та, и другая мерка кривы; верна одна — та же, что и для всех. Будь к себе справедлив, а справедливость — это ведь и милость тоже.

Не пережёвывай вину без конца

Осудив однажды свой промах и положив его поправить, не возвращайся к нему без конца, пережёвывая одно и то же. Я же скажу тебе — корить себя без устали за уже сделанное — не совесть, а колесо, что буксует в грязи: шуму много, а с места ни на пядь, и от тысячного «как я мог» вина твоя не убудет и упущенный день не воротится.
Толк в раскаянии лишь до тех пор, пока оно ведёт к поправке; дальше оно вырождается в пустую муку, что точит силы, нужные тебе на доброе. Извлёк урок, повинился, возместил, что можно, — и отпусти, не теребя рану, чтобы она затянулась. Плеть, занесённая над собою навек, не учит, а лишь калечит. Осуди проступок — но не казни себя за него пожизненно; кто без конца грызёт сделанное, тот к одной беде добавляет другую.

Не верь себе в час уныния

Не верь всему, что говорит тебе твой ум о тебе самом, особенно в час уныния и усталости. Я же скажу тебе — в тёмную пору ум становится несправедливым свидетелем против себя же: малую оплошность раздувает в злодейство, единый

промах — в приговор всей твоей жизни, и шепчет «всё напрасно», «из тебя ничего не вышло», будто это сама истина.
Но это не истина, а голос усталости и хмури, что сгущают краски; в иной, светлый час та же твоя жизнь видится тебе совсем по-другому — и это не самообман, а просто иной свет. Оттого не суди о себе в худшую свою минуту и не подписывай приговоров, продиктованных темнотою: переспи, пережди её, а уж после взгляни трезво. Мрачная мысль о себе — ещё не правда о себе; не всякому своему обвинителю верь, даже если он сидит внутри тебя. В потёмках не разглядеть верно ни мира, ни себя.

Надежда

Не предавайся отчаянию, покуда ты жив: пока есть дыхание, есть и надежда, а с надеждой — и силы идти дальше. Отчаяние лжёт громче всех; оно застит глаза как раз тогда, когда шепчет «всё кончено», и уверяет, что выхода нет, в ту самую пору, когда он ближе всего.
Из ямы не видно неба — но небо не оттого исчезло, что ты его из ямы не видишь; и многие сдавались за шаг до рассвета, не дотерпев той малости, что всё решала. Держись за надежду не как за самообман, а как за упор, по которому выбираются наверх: пока надеешься и делаешь — не пропал. Не та сила, чтоб не падать, а чтоб, упав во тьму, не поверить, будто она навеки.

Отношение ко времени

Часто слышишь, как сетуют: «раньше было лучше», и корят нынешние времена, будто свет неуклонно портится. Я же скажу тебе — в этом обман памяти: она бережно держит приятное и скоро стирает дурное, оттого былое и кажется светлее, чем было.
У всякой поры свои радости и свои горести; не было века сплошь золотого, как нет и сплошь беспросветного. Тосковать по ушедшему и силиться вернуть его — труд пустой; разумнее извлечь прок из нынешнего дня, который один и есть в твоих руках. Не оплакивай минувшее, но помни уроки, что оно преподало, — тем и убережёшься от старых ошибок. Прошлое держи как учителя, а не как утраченный рай; живи же не во вчера и не в завтра, а в дне, что тебе дан.

Время — невозвратность

Спроси любого, и он назовёт тебе, сколько у него монет и сколько земли. Но спроси, на что ушёл его вчерашний день, — и редкий ответит. Я же скажу тебе — время есть единственное наше достояние, которого, единожды истратив, не вернёшь и не выкупишь ни за какие деньги. Богатейший из людей не купит обратно и часа.
А меж тем как бережём мы серебро и как небрежны со днями! За вором, унесшим монету, бросаемся в погоню; а того, кто крадёт у нас час за часом —

пустой болтовнёй, праздным сидением, делами, до которых нам и нужды нет, — провожаем без досады, будто отдаём ничего не стоящее.
Веди же счёт времени строже, чем счёт деньгам. Деньги, потеряв, наживёшь снова; потерянного дня не наживёт никто. И прежде чем отдать кому-либо или чему-либо свой час, спроси себя, стоит ли оно того, ибо платишь ты не монетой, а куском собственной жизни.

Время — настоящее

Человек носит свой ум то в дне минувшем, перебирая, что было и сплыло, то в дне грядущем, страшась того, что ещё и не настало. И не замечает, что меж этих двух у него отнимают единственное, чем он и вправду владеет, — нынешний час.
Прошлого уже нет, его не переменишь; будущего ещё нет, и придёт оно не таким, каким ты его рисуешь. На руках у тебя лишь «теперь» — и это всё, что есть у любого, от нищего до царя. Кто провёл нынешний час в сожалении о бывшем или в страхе перед небывшим, тот не сберёг его, а отдал теням.
Оглянись на прошлое, чтобы извлечь урок, как сказано в другом месте; взвесь будущее, чтобы приготовиться. Но, сделав этот разбор, возвращайся в нынешний час и будь в нём весь, ибо только он у тебя и есть.

Время — отсрочка жизни

Есть род людей, что вечно собираются жить. Вот закончу это дело, вот скоплю довольно, вот устроюсь — и тогда заживу по-настоящему, тогда и порадуюсь, и займусь дорогим сердцу. Но я скажу тебе — пока они так выжидают, жизнь их утекает мимо, день за днём, и «тогда» всё отодвигается, как край дороги, к которому сколько ни иди, не придёшь.
То же и с добрым словом, что ты всё не скажешь близкому, и с делом, что отложил до лучшей поры. Лучшая пора есть выдумка; будет иная пора, но не лучшая, а просто другая, со своими помехами.
Оттого важное не откладывай на «когда-нибудь». Прибережённое слишком часто прокисает, как то доброе вино, что хранили к случаю, а случай так и не пришёл. Если дело твоё стоит того, чтобы его сделать, — лучший день для него сегодняшний.

Время — занятость

Спросишь иного, как он живёт, и услышишь: «Некогда вздохнуть, весь в делах». И он мнит это похвалой себе. Но я скажу тебе — нет вернее признака растраченной жизни, чем человек, у которого вечно нет времени.
Можно весь день быть в хлопотах и не сделать ничего, что стоило бы дня. Можно поднять столько пыли, что и сам поверишь, будто далеко ушёл, — а оглянешься, и стоишь на прежнем месте. Занятость и дело не одно и то же:

иная мельница шумит и вертится без устали, да только зерна в неё не засыпано, и муки с неё не будет.
Потому не гордись тем, что дни твои полны до краёв, а спрашивай, чем они полны. Лучше сделать за день одно, что важно, и остаток отдать покою или радости, чем переделать сто пустяков и лечь без сил, не сдвинув главного ни на шаг.

Время — крохи

Многие, у кого выдаётся малый досуг — час ожидания, краткий промежуток меж делами, — машут на него рукой: что, мол, успеешь в такую малость? И отдают эти крохи пустоте. Но я скажу тебе — из таких-то крох и составляется большая часть растраченной жизни.
Погляди, как из единых песчинок, ничтожных порознь, намывается со временем целый холм. Так и малые отрезки времени, которые ты привык выбрасывать, собранные изо дня в день, обращаются в месяцы и годы. Иной выучил язык, иной написал книгу, иной овладел ремеслом — из одних лишь украденных у безделья получасов.
Не презирай же малого времени за его малость. Держи при себе дело, к которому можно вернуться в любую свободную минуту, и заполняй им те щели, что прежде утекали впустую. Удивишься, сколь много можно сложить из того, что почитал слишком ничтожным, чтобы считать.

Время — бренность

Рассказывают, что некий царь, утомлённый то взлётами, то падениями судьбы, велел мудрецу найти слова, что были бы равно верны и в радости, и в горе. И мудрец дал ему перстень с надписью: «И это пройдёт». Я же скажу тебе — нет речения короче и вернее этого.
Всё в этом мире течёт и сменяется; ни счастье твоё, ни беда твоя не вечны. Оттого в дни удачи не возносись и не прирастай к ней сердцем, будто она навсегда, — отнятая, она ранит тем больнее, чем крепче ты в неё вцепился. А в дни беды не отчаивайся, будто тьма эта без конца: она лишь полоса, и за нею придёт иная.
Тот, кто держит в уме, что всё минует, не теряет головы на вершине и не падает духом в низине. Он встречает и доброе, и злое ровно, ибо знает: колесо не стоит на месте, и кто ныне внизу, завтра может оказаться наверху, и наоборот.

Красота — не заслуга и не капитал

Красивому лицу мир кланяется даром, и в юности легко принять этот поклон за признание своих достоинств. Я же скажу тебе — красота есть удача, а не заслуга: ты не работал над нею и потерять её можешь, ничем не провинившись. Оттого дурно и презирать её, и жить ею.

Погляди, что бывает с теми, кто выстроил всю жизнь на одном этом. Красота уходит у всех и уходит рано; и человек, у которого не нажито ничего иного — ни ремесла, ни ума, ни друзей, ни характера, — обнаруживает вдруг, что кланяться перестали, а больше ему и предъявить нечего. И тот, кто ценил в тебе одну наружность, уйдёт непременно: он и любил не тебя, а то, что скоро кончится. Строй же то, что не выцветает: умение, разум, доброе имя, людей вокруг себя. А стареющее лицо своё не казни, будто оно тебя предало: оно не предало, оно просто прожило с тобою годы, — и всякий, кто вправду любил его, узнает и переменившееся.

Учись стареть достойно

Учись стареть достойно — это искусство, которым владеют немногие. Я же скажу тебе — у всякой поры жизни своя стать и своя красота, и старость не хуже юности, коли встретить её с достоинством, а не цепляться за уходящее и не злиться на зеркало.
Жалок старик, что молодится и гонится за усладами, которые уже не по нему, и не видит, как он смешон; но жалок и тот, кто, состарившись, махнул на себя рукой, обозлился и закис. Не оплакивай отнятого годами, а владей тем, что годы дают взамен: покоем, опытом, ясностью, свободой от страстей, что прежде волновали тебя. Прими свой возраст, как принимают время года, и неси его без жалоб и без притворства. Кто не научился стареть, тот портит себе последнюю часть пути; а кто научился — у того и осень светла.

Время — полнота

Люди привыкли мерить жизнь годами и почитают за счастье прожить долго. Но я скажу тебе — не в долготе её мера, а в полноте. Иной протянул много десятилетий, да всё в дремоте, в пустых хлопотах и в ожидании настоящей жизни, что так и не началась; и ушёл он почти таким же, каким пришёл, ничего не поняв и не сделав.
Малая чаша, налитая до краёв, дороже огромного жбана, что стоит сухим. Так и краткая жизнь, прожитая полно — с трудом, любовью, познанием, с делами, что после тебя останутся, — весит больше иной долгой, да порожней. Не число прожитых дней важно, а сколько в каждом из них было жизни.
Оттого не молись лишь о том, чтобы жить долго, но позаботься о том, чтобы жить не впустую. Долгий век не в нашей власти; но наполнить смыслом тот срок, что отпущен, — в нашей. И тот, кто наполнил, не сетует на краткость, ибо успел немало; а кто прожил порожним, тому и сотни лет покажутся мгновением.

Уйти вовремя

Умей вовремя остановить удачную игру и отступить на вершине, не дожидаясь, пока счастье отвернётся. Помни — всему есть зенит, после которого идёт уклон;

и мудр тот, кто уходит сам, в зените, оставив по себе блеск, а не тот, кто сидит до последнего и уходит осмеянным, когда его уже выпроваживают.
Везение не длится вечно, и кто гонит игру без меры, желая урвать ещё и ещё, тот чаще всего спускает и нажитое: жадность к последнему куску губит весь пир. Лучше уйти, когда о тебе ещё жалеют, чем когда о тебе уже вздыхают с облегчением. Знай свой зенит и сойди со сцены под рукоплескания, а не под зевоту. Уметь вовремя остановиться — не меньшее искусство, чем уметь начать.

Терпение и созревание

Не всё в этой жизни подчиняется усилию и спешке. Есть дела, что вызревают лишь во времени, как плод на ветви, и поторопить их нельзя, сколько ни старайся. Я же скажу тебе — у всякой вещи под небом свой час, и мудрость не только в том, чтобы знать, что делать, но и в том, чтобы знать, когда.
Кто рвёт плод зелёным, тот ест оскомину; кто выдёргивает росток из земли поглядеть, принялся ли он, тот его и губит. Но и тот неправ, кто, дождавшись поры, медлит и упускает её: перезрелый плод падает и гниёт без проку. Спелое собирай, незрелое жди, и научись отличать одно от другого.
Терпение это труднее иного труда, ибо требует не делать, когда руки чешутся, и стоять, когда тянет бежать. Но кто овладел чувством поры, тот сберегает силы там, где другой бьётся впустую, и поспевает там, где другой опаздывает.

Ничто твоё не вечно

Прими сердцем простую и суровую истину: ничто твоё не вечно. Я же скажу тебе — всё, что ты имеешь и любишь, дано тебе на время, не в собственность, а будто взаймы: и здоровье, и близкие, и любимые, и достаток, и сама твоя жизнь; и рано или, поздно — придётся вернуть.
Кто помнит это, тот держит своё не стиснутым кулаком, а открытой ладонью: бережёт и любит, но не впивается намертво, а потому не сломлен вконец, когда приходит срок отдавать. Цепляющийся же за то, что по природе своей течёт и меняется, обрекает себя на муку: он силится остановить реку и страдает оттого, что она течёт. Люби своё, зная, что оно не навсегда, — и сама бренность придаст ему цены. Держи дорогое крепко сердцем, но легко руками; что дано на время, то и отпускают без надрыва.

Не цепляйся за то, как было

Не страшись перемен и не цепляйся за то, как было: переменою и держится жизнь. Я же скажу тебе — всё течёт и преображается без устали — и мир вокруг, и ты сам; тот, кем ты был десять лет назад, уже ушёл, и нынешний ты сложился из череды перемен, иных из которых ты так боялся.
Многое, что казалось крушением, было лишь поворотом, за которым открывалось новое; и немало доброго не пришло бы к тебе, не сломайся прежнее. Оттого встречай перемену не как врага, а как погоду, которой не отменить: разумнее одеться по ней, чем клясть её. Учись не только терпеть неизбежное, но и принимать его как своё, и даже любить свою судьбу такой, какова она есть, — в этом покой, какого не знает воюющий с тем, чего не миновать.

Знай свою силу и свой изъян

Знай доподлинно и сильнейшую свою сторону, и слабейшую. Я скажу тебе — сыщи в себе то одно дарование, что выдаётся над прочими, и его возделывай прилежнее всего, ибо в нём твоя сила: лучше довести до блеска одно, чем размазать себя по многому и ни в чём не стать искусным.
Но столь же твёрдо знай и свой главный изъян — ту страсть или слабину, через которую тебя только и можно взять: гнев ли, тщеславие, охоту ли до похвалы, до вина, до лести. У всякого есть такая трещина, и враг твой, и соблазн метят именно в неё; кто знает свою — стережёт её и не даёт за неё ухватиться, а кто не знает, тот безоружен там, где всего уязвимее. Возделывай свою силу и стереги свой изъян — в этом половина владения собою.

Привычка — основа

Часто человек думает, будто нрав его дан от рождения и переменить его нельзя. В этом великое заблуждение. Я же скажу тебе — человек есть не что иное, как сумма того, что он делает изо дня в день. Кто ты есть, лучше всего показывает не редкий твой порыв, а то, что ты делаешь каждый день, не давая себе в том отчёта.
Понаблюдай за рукой искусного мастера: тысячу раз повторив одно движение, она делает его сама, без участия разума. Так устроено в человеке и всё прочее. То, что ты повторяешь, со временем перестаёт спрашивать твоего согласия и начинает совершаться само собою, словно ноги, что без раздумья идут по тропе, которую сами же и протоптали. И чем дольше ходишь ею, тем глубже она и тем труднее с неё свернуть.
Оттого всякую привычку выбирай, пока она ещё слаба и послушна. В тот час, когда ты впервые что-либо себе позволяешь, ты ещё господин; повторив это многократно, ты делаешься слугой. Доброе, повторяемое ежедневно, неприметно тебя возводит; дурное, повторяемое так же, неприметно тебя точит, и работу его замечаешь лишь тогда, когда менять уже тяжко.
И не уповай на то, что однажды соберёшься с силами и переменишься разом. Перемена даётся не великим усилием в один день, а малым усилием, повторённым многократно. Хочешь стать иным — возьмись за одно своё ежедневное действие и перемени его, а после за другое; и пусть терпение повторения работает на тебя так же, как прежде работало против.

Привычка — ума

Привычку видят обыкновенно в делах рук — но я скажу тебе, что и разум твой полон привычек, и они опаснее, ибо незримы. Не только то, что ты делаешь часто, делается само собою, но и то, что ты часто думаешь и чувствуешь.
Кто изо дня в день потакает обиде или гневу, тот не заметит, как из редкого гостя они сделаются хозяевами дома: уже не ты призываешь их, а они приходят

без зова на всякую малость. А кто приучил разум искать в людях и в событиях дурное, тот и станет видеть одно дурное, хотя бы рядом было довольно и доброго, ведь глаз привыкает смотреть туда, куда его часто направляют.
Но та же сила служит и во благо. Приучи разум находить в дне хоть малое, за что можно быть благодарным, приучи на досаду отвечать с промедлением — и со временем ровность и трезвость станут не подвигом твоим, а природой.
Оттого следи не только за тем, что делаешь, но и за тем, что повторяешь про себя. Каждая мысль, которой ты дал приют дважды, просится остаться навсегда.

Привычка — окружение

Человек мнит, будто сам выбирает, каким ему быть. Но я скажу тебе — куда больше, чем он думает, лепит его то, среди чего он живёт. Привычки перенимаются неприметно, как запах: кто долго пробыл в кузнице, пропахнет дымом, а кто в лавке благовоний — благоуханием, и оба того за собою не заметят.
Оттого, желая укрепиться в добром, ищи тех, у кого это доброе уже в привычке, и держись их; а от мест и людей, что кормят твои худшие склонности, беги, сколь бы ни были они приятны. Ибо не устоит и крепкий, ежедневно купаясь в дурном: оно просочится в него помимо воли, как сырость в стену.
Здесь я говорю не о том, чтобы выбирать наставников и перенимать у них умение с умыслом, о чём сказано в другом месте, — а о той тихой работе, что окружение творит в тебе, пока ты и не глядишь. За нею следи особенно, ибо она идёт без твоего ведома и потому опаснее всякой иной.

Укоренившаяся привычка

О том, чтобы выбирать привычку, пока она слаба, сказано в другом месте. Но что делать тому, в ком дурная привычка уже укоренилась и сделалась сильна? Я же скажу тебе — её не одолеть приступом, одним лишь усилием воли, как берут крепость. Кто так пробует, тот падает раз за разом и, отчаявшись, решает, что переменить себя не в силах. А неправ он лишь в способе.
Сильную привычку не штурмуют, а берут измором. Всякий раз, что ты отказываешь ей и не делаешь того, чего она требует, ты отнимаешь у неё пищу, и она слабеет — неприметно, но верно. Растягивай промежутки: день не уступи ей, после два, после неделю, и с каждым разом голос её всё тише.
Но помни и о том, что свято место пусто не бывает. Если ты лишь вырвешь привычку, не заняв чем-либо опустевший час и опустевшую руку, она вернётся и сядет на прежнее место. Оттого не просто отнимай — замещай: дурное действие подменяй добрым, и пусть оно займёт и время, и силы, что прежде уходили на дурное.
И ещё одно. Случится, что ты сорвёшься и уступишь ей вновь, — не считай тогда, что всё пропало и труд твой напрасен. Один срыв не отменяет многих дней воздержания. Поднимись и продолжи измор, ибо и побеждённая однажды привычка возвращается слабее прежнего, если только ты не опустишь рук вовсе.

Тихая лень крадёт жизнь

Опаснее иных пороков тихая лень, что не толкает тебя на дурное, а лишь отговаривает от должного: «после», «завтра», «и так сойдёт». Я же скажу тебе — она не шумит и не грозит, оттого её и не страшатся, а меж тем она тихо съедает дни, силы и замыслы, как ржа железо.
Тяга к покою и удобству сладка и потому коварна: всякий раз, уступив ей в малом, ты делаешь её сильнее, а себя слабее, и скоро уже не ты правишь собою, а она тобою. Воля же, как и тело, крепнет от упражнения и дрябнет от потворства: всякий раз, как делаешь должное через «не хочется», ты её куёшь, а всякий раз, как поддаёшься, — расковываешь. Побеждай лень в малом изо дня в день — и она не одолеет тебя в большом. Кто служит своему удобству, тот не сделает ничего трудного, а всё стоящее трудно.

Не жди вдохновения

Не жди вдохновения и охоты, чтобы взяться за должное, — так прождёшь всю жизнь. Я же скажу тебе — кто делает лишь когда хочется, тот раб своего настроения, переменчивого, как погода; а кто умеет делать и когда не хочется, тот свободен от него и оттого успевает вдесятеро больше.
В этом и тайна: дисциплина не сковывает, а высвобождает. Река, взятая в берега, бежит и вращает колёса; разлившись без удержу, обращается в болото. Так и человек: введённый в распорядок и приученный к должному, владеет собою и успевает многое; пущенный на волю всякого порыва — растекается и не доходит никуда. Делай нужное в свой час, не торгуясь с собою всякий раз наново, — и распорядок понесёт тебя, как берег несёт реку. Свобода не в том, чтоб делать что вздумается, а в том, чтоб не зависеть от того, что вздумалось.

Учись на пределе умения

Кто повторяет то, что уже умеет, тот не учится, а лишь протаптывает старую тропу. Я же скажу тебе — рост живёт на самом краю умения: там, где выходит через раз, где неловко, где приходится думать над тем, что мастеру дают руки сами. Оттого и берись всякий раз за то, что чуть труднее давшегося вчера.
Гляди же на двух работников: один двадцать лет делает одно и то же и зовёт это двадцатью годами опыта, а на деле у него один год, повторённый двадцать раз. Другой всякий год берётся за то, чего ещё не делал, — и через двадцать лет между ними пропасть. И потому не бойся места, где ты худший: там и учатся. А там, где ты лучше всех и всё выходит легко, ты уже не растёшь, а доживаешь нажитое.

Начни, и охота придёт

Ждёшь, когда появится желание, чтобы взяться за дело? Прождёшь долго. Я же скажу тебе — у большинства дел охота приходит не до начала, а после: сперва рука, потом сердце. Сядь и сделай малое — одну страницу, один ряд кладки, четверть часа работы, — и увидишь, что втянулся и уже не хочется бросать. Тяжело не работать, тяжело начинать.
Оттого и уговаривайся с собою не о деле целиком, а о малом начале. Целое пугает и потому отталкивает; малое начало не страшно, а за ним само идёт остальное. И знай, что это верно и в чёрные дни: унывающему говорят «жди, когда полегчает», а надо наоборот — сделай малое, и полегчает от сделанного. Не жди охоты, чтобы начать; начни, чтобы явилась охота.

Не дроби внимания

Внимание твоё — не река, которую можно развести на много ручьёв без убытка: раздробленное, оно мелеет всюду. Я же скажу тебе — делающий разом три дела не делает ни одного, а лишь перебегает между ними, и всякий раз, возвращаясь, тратит время на то, чтобы вспомнить, где остановился.
Опаснее же всего вещи, зовущие тебя ежеминутно. Кто носит при себе такую вещь, тот не бывает нигде до конца: ни в работе, ни в разговоре, ни с детьми своими, — он всегда наполовину где-то ещё, и все это чувствуют, хоть и не всякий скажет. Оттого дай всякому делу свой нераздельный час: работе — работу, столу — стол, беседе — беседу. И знай верную примету: если ты не можешь провести четверти часа за одним делом, не потянувшись к тому, что мелькает, — не дело тебе наскучило; это внимание твоё изношено, и его надобно чинить.

Вложенного не вернёшь — не удваивай потери

Труднее всего человеку бросить не то, во что он мало вложил, а то, во что вложил много. Я же скажу тебе — это и есть ловушка, в которой сидят целые жизни: «столько лет отдано этому делу», «столько вытерпела в этом браке», «столько денег потрачено в эту затею», — и оттого человек терпит ещё год, и ещё, и вкладывает новое поверх пропавшего.
Пойми же простую вещь: потраченного не вернёт ни продолжение, ни упорство. Оно потрачено, его нет, и оно одинаково потеряно, останешься ты или уйдёшь. А потому спрашивай не «сколько я в это вложил», а «стоит ли этого завтрашний день»: если бы ты нынче был свободен и ничего сюда не вкладывал — вошёл бы ты в это заново? Если нет, то и держит тебя не дело, а жалость потраченного на него. Упорство почтенно, когда впереди есть чему быть; когда впереди нет ничего, оно зовётся не упорством, а неумением считать.

Начать сызнова не поздно

Много ли лет тебе — сорок ли, пятьдесят, — и понял ты, что ремесло не твоё, что жизнь пошла не по тому руслу? Я же скажу тебе — считай не потраченное, а оставшееся: потраченного не вернуть никаким терпением, а оставшееся ещё в твоих руках, и оно немалое.
«Поздно», «в мои-то годы», «люди засмеют» — под этими словами почти всегда прячется не разум, а страх, и страх этот честнее назвать по имени. Заметь притом, что начинающий в сорок начинает не с пустого: он несёт с собою всё нажитое — терпение, знание людей, умение доводить дело, — чего у двадцатилетнего нет и в помине, и оттого проходит иные версты втрое скорее. Не рушь только разом и не прыгай в пустоту: учись по вечерам, пробуй малым, приготовь запас, а после уж поворачивай. Через пять лет тебе всё равно станет пятьдесят — с новым ремеслом или без него; разница лишь в том, будешь ли ты все эти пять лет идти или все пять лет жалеть.

Середина всякого дела серая

У начала есть свой хмель, у конца — своя слава, а между ними лежит длинная середина, в которой нет ни того, ни другого. Я же скажу тебе — там и решается всё. Начинают многие, доводят немногие, и разница меж ними не в даровании, а в умении жить в этой середине, где новизна сошла, конца не видно, никто не хвалит и сам ты не чувствуешь, чтобы двигался.
Знай про неё наперёд, и она не собьёт тебя с ног. В середине не жди вдохновения — работай уговором с собою: столько-то в день, в свой час, невзирая на охоту. Не меряй продвижения ежедневно: на глазок середина всегда кажется топтанием, а обернёшься через год — и увидишь пройденное. И не путай серость середины с ошибкой пути: то, что стало скучно, не значит, что стало неверно, — иначе бросишь и это, и следующее, и всякое, и проживёшь жизнь в одних началах.

Обновляй не дело, а себя в деле

Иной двадцать лет делает одно и то же и жалуется, что остыл; а иной те же двадцать лет в том же деле горит. Я же скажу тебе — разница не в деле, а в том, кто в нём стоит: первый все двадцать лет делал вчерашнее, второй всякий год брался за то, чего ещё не умел.
Оттого, наскучив, не спеши менять ремесло: сперва переменись сам внутри него. Возьми ту часть его, которая тебе трудна и оттого тобою обходится; выучи то, что рядом и чего ты не знаешь; начни учить другого — учащий видит своё ремесло заново; поменяй руку, порядок, орудие, товарища. Дело не приедается — приедается привычка, с которой ты к нему подходишь. А коли и это не помогло, тогда уж гляди на приметы того, что пора уйти: они особые, и мы их знаем.

Начало дела

Замечал ли ты, что всякое дело, к которому давно нужно приступить, тяготит тебя более всего именно до того, как ты к нему приступил? Я же скажу тебе — самая тяжёлая часть пути есть первый шаг по нему, и на этом пороге гибнет больше начинаний, чем на всех прочих трудностях, вместе взятых.
Так и гружёную телегу труднее всего сдвинуть с места; но стоит ей покатиться, и дальше она идёт куда легче, едва ли не сама. Тот же закон правит и человеком: не дело страшит его, а порог дела.
Зная это, перехитри себя. Назначь первым шагом нечто столь малое, чтобы от него нельзя было ни отговориться, ни устрашиться: не «писать книгу», но вывести одну строку; не «бегать поутру», но обуться и выйти за дверь. Сделав этот пустяк, ты с удивлением увидишь, что телега уже катится. Издревле говорят, что начало — половина дела, и я не встречал слов вернее.

Большое дело — по посильным шагам

Случится, что впадёшь ты в отчаяние перед делом столь великим, что покажется — и жизни на него не достанет, и скажешь себе: «нечего и браться». Я же скажу тебе — не гляди на дело целиком, оробеешь; гляди на ближайший посильный шаг.
Из малого складывается большое, а из большого — великое; и всякое великое дело можно разделить на дела поменьше, что вполне тебе по плечу. Бери их одно за другим, как муравей носит песчинку к песчинке, и не успеешь оглянуться, как сложится то, на что ты и руки поднять не смел. Море пьют по глотку, и гору сносят по камню. Делай посильное нынче — и завершишь со временем непосильное на вид; а кто, оробев перед громадою, не начал вовсе, тот не сделает и малого.

Сперва отыщи брод

Переходя реку, сперва отыщи брод, не то рискуешь утонуть; и так во всяком деле. Я же скажу тебе — прежде чем взяться за предприятие, изучи наперёд опасности и трудности, ему свойственные, а не бросайся очертя голову в незнакомую воду.
Лишь взвесив, что тебя ждёт, ты сможешь рассудить здраво: по силам ли тебе эти трудности, готов ли ты их принять и стоит ли желаемое тех рисков, что к нему ведут. Иное дело и хорошо, да цена его непосильна; иная вода и манит, да омут под гладью. Не храбрость лезть в реку, не нащупав дна, а безрассудство; истинно смел не тот, кто не глядя кидается, а кто наперёд знает, где брод, и оттого переходит, не утонув.

Считай и наихудший исход

Затевая дело, всегда бери в расчёт и наихудший исход. Я скажу тебе — кто готовится к одному лишь счастливому повороту, того беда застаёт врасплох и

валит с ног; а кто загодя примерился к худшему, тот стоит твёрдо, как бы ни обернулось.
Сложится удачно — будешь приятно удивлён, и радость твоя ничем не омрачится; обернётся бедою — встретишь её во всеоружии, ибо ждал и приготовился, и удар, которого ждёшь, вполовину слабее внезапного. Это не уныние и не призыв пророчить себе зло, а трезвость: надейся на лучшее, но снаряжайся как на худшее. Кто так делает, того судьба редко застанет безоружным.

Не решай в горячке

Не принимай решений и не давай обещаний в горячке чувства — ни во гневе, ни во хмелю, ни в порыве радости, ни в изнеможении усталости. Я же скажу тебе — в такие минуты не ты владеешь собою, а владеет тобою страсть, и всё, что решишь и посулишь сгоряча, после придётся либо стыдливо брать назад, либо горько исполнять.
Гнев присоветует тебе жестокость, хмель — безрассудство, радость — посулы сверх меры, усталость — бросить начатое на полпути; и всякий из этих советчиков лжёт. Дай буре в себе улечься, отложи решение до ясной и трезвой головы — наутро всё видится иначе. Что решено в покое, стоит твёрдо; что решено в горячке, то шатко. Остынь прежде, чем решать, — и не придётся каяться.

Необходимость и целесообразность

Двумя мерилами измеряй всякое дело, прежде чем за него взяться, — Необходимостью и Целесообразностью. Я же скажу тебе — сперва спроси: нужно ли это вообще, не пустая ли это затея, без которой ты прекрасно обошёлся бы? А затем: тем ли путём ты идёшь к цели, разумно ли тратишь силы и средства, ведёт ли этот способ к ней кратчайшею дорогой?
Иное дело и нужно, да делается так нелепо, что губит само себя; иное и ладно устроено, да вовсе не надобно, и труд по нему — труд впустую. Прикладывай же обе меры разом: отсекай ненужное, как бы соблазнительно оно ни было, а нужное делай с толком, а не как придётся. Кто меряет дела Необходимостью и Целесообразностью, тот не растратит жизнь на пустое и не испортит нужное худым исполнением.

Береги время, но не от нужного

Своё поле ты обнесёшь межой, и чужака, ступившего на него без спроса, прогонишь. Отчего же день твой стоит открытым для всякого, кто пожелает взять от него кусок? Один отнимет час пустым разговором, другой — поручением, до которого тебе нет дела, третий — просьбой, в которой нет нужды, и так твоё время растащат по крохам люди, что своего бы и на грош не уступили.

Я же скажу тебе — научись говорить «нет». Не из чёрствости, но из бережливости: всякий раз, соглашаясь на чужое притязание, ты платишь временем, которого у тебя и так в обрез. Отдавай его охотно тем и тому, что того стоят, и обороняй от прочих так же твёрдо, как оборонял бы межу. Помни лишь о мере, чтобы, оберегая своё, не сделаться скупцом, глухим к чужой настоящей беде. Бережливость во времени — не повод пройти мимо того, кому ты вправду нужен.

Держи резерв

Не выкладывай всего разом — храни про запас часть сил, средств и доводов на нежданный случай. Кто бросает в дело всё до последнего, тот остаётся гол перед первой же неожиданностью, а нежданное приходит всегда; мудрый же бережёт за пазухой запас, которого до поры не видно, и оттого спокоен там, где другой уже в панике.
Держи нетронутым малый запас — и денег на чёрный день, и сил к концу пути, и довода к концу спора, и доверия на трудный час. Кто израсходовал себя без остатка, тому нечем встретить беду; кто сберёг резерв, тот хозяин положения, когда у прочих руки пусты. Не трать всего, что имеешь, до дна: запас за спиною придаёт и крепости, и веса. Сильнее тот, у кого ещё есть что приберечь; истративший всё без остатка уже безоружен.

Тело — сосуд разума

Иные так пекутся о возвышении духа, что вовсе небрегут телом, в котором тот дух обитает. Я же скажу тебе — это неразумно, ибо разум не висит в пустоте: он живёт в теле, как пламя в светильнике, и каков светильник, таков и свет. Тело изнурённое, недоспавшее, отравленное излишеством тянет за собою и мысль — она мутнеет, тяжелеет, теряет остроту.
Не разделяй же заботу о разуме и заботу о теле, будто это две разные вещи. Строя в себе храм мудрости, не оставляй в небрежении его основание. Здоровое тело не сделает тебя мудрым само по себе, но больное и запущенное всякий раз будет тащить твою мудрость вниз, к своей немощи.

Тело и душа — равновесие

Видел я людей двоякого рода. Одни пестуют душу — читают, размышляют, ведут беседы, — а тело своё запускают, словно оно им чужое. Другие без устали холят тело, наливают его силой и красотой, но душу оставляют пустой и тёмной. Я же скажу тебе — оба растят себя криво, ибо человек не одна лишь душа и не одно лишь тело, а то и другое вместе.
Ещё древние учили, что каждому должно равно упражнять и в науках, и в борьбе: кто знает лишь науки, вырастает мягок и немощен, а кто одну борьбу — крепок, да груб и туп. Совершенство не в одном из двух, а в обоих сразу, как птице потребны оба крыла, чтобы лететь, а с одним она лишь бьётся по земле.

Оттого развивай то и другое заодно. Душу питай хорошими книгами, размышлением и беседой с умными людьми; тело — трудом, движением и воздержанностью от излишеств. И пусть ни одно из двух не обгоняет другого настолько, чтобы человек в тебе перекосился.

Тело — слуга, не господин и не раб

Одни делаются рабами своего тела и его прихотей, ублажая всякую его охоту; другие, напротив, мнят тело врагом и мучают его постом, бессонницей и всякой суровостью, думая тем возвысить дух. Я же скажу тебе — неправы и те, и другие.
Рассказывают, что некий подвижник изнурял себя без меры и не находил просветления, покуда не услышал: струна, натянутая слишком туго, рвётся, а слишком слабо — не звучит вовсе, и лишь натянутая в меру даёт верный звук. Так и с телом. Не будь ему ни рабом, что во всём уступает, ни мучителем, что истязает его без проку. Держи его как доброго слугу: корми, давай отдых, не балуй сверх нужды и не изводи — и оно верно прослужит тебе весь твой век.

Умеренность в пище и питье

Меры держись во всём, что входит в тело, и пуще всего в пище и в хмельном. Я же скажу тебе — нет сосуда, который человек наполнял бы себе во вред чаще, чем собственный живот. Набитый до отвала, он гнетёт и тело, и ум: после обжорства мысль сонна, а тело грузно.
Как растение, залитое водою сверх меры, гниёт корнями вместо того, чтобы цвести, так и человек, дающий телу больше, чем тому потребно, не силу наживает, а тягость и недуг. Ешь, чтобы жить, и вставай из-за стола чуть прежде, чем насытишься вполне, — и тело отблагодарит тебя лёгкостью, а ум ясностью.

Движение; тело ржавеет от покоя

Тело, оставленное в праздности, дряхлеет скорее, чем тело в трудах. Проточная вода не загнивает, и дверная петля, что в ходу, не точится ржавчиной; так и человек: пока он движется и упражняет тело, оно крепко, а заляжет в покое сверх нужного — и начинает хиреть.
Не путай этот завет с крайностью. Телу нужен и отдых, и движение, и вся мудрость в том, чтобы не впасть ни в одну крайность: ни загнать себя без роздыха, ни залежаться до немощи. Давай телу труд, чтобы не ржавело, и покой, чтобы не изнашивалось.

Умей радоваться и смеяться

Не думай, будто мудрость велит ходить с постным лицом и что серьёзность есть признак глубины. Я же скажу тебе — человек, разучившийся смеяться, не стал от того ни чище, ни глубже: он просто устал и перестал замечать хорошее, а после назвал свою усталость строгостью.
Смех — лучшее лекарство от важничанья, а важничанье есть первая ступень гордыни. Кто умеет посмеяться над собою, того не сломит и чужая насмешка, ибо смеяться над ним уже нечем. Празднуй, ходи на пиры и зови к себе, дурачься с детьми, рассказывай смешное за общим столом — всё это не помеха пути, а часть его: душа, которую держат на одной строгости, черствеет и делается сухой, как невыделанная кожа. И радуйся простому вслух: доброй еде, ясному утру, ладно сделанной работе, встрече с другом. Кто не умеет радоваться малому, тому и большое не в радость.

Шути, не раня

Шутка — орудие острое, и держать его надо умеючи. Я же скажу тебе — вся разница в том, смеёшься ли ты вместе с человеком или над человеком. Первое сближает и лечит; второе унижает, хотя бы все вокруг и хохотали, — а часто именно оттого, что все хохочут.
Испытание же простое: смеётся ли и тот, о ком шутка, — не из вежливости, а вправду. Не шути о том, чего человек переменить не может: о теле его, о немощи, о бедности, о его горе, о его родне. Не шути над тем, кто тебе подчинен: у него нет права не смеяться. И не прикрывай шуткой сказанное всерьёз — «я же пошутил» есть уловка труса, который хочет и ударить, и остаться незапятнанным. А задев ненароком — не спорь, что он не так понял: извинись просто, и дело с концом.

Отдых и сон — не праздность

Есть люди, что почитают отдых за леность и гонят себя без передышки, ещё и гордясь тем. Но я скажу тебе — это не доблесть, а недомыслие. Поле, что засевают год за годом без роздыха, скудеет и перестаёт родить; ему потребно полежать под паром. Так и человеку нужен отдых, и сон, и срок безделья, чтобы силы вернулись.
Загнанный конь падает на полдороге, как бы ни был он резв вначале. Кто не даёт себе восстановиться, тот не больше успевает, а меньше: тело его изнашивается прежде срока, и дело, на которое он не жалел себя, остаётся недоделанным. Отдых не отнят у дела — он часть дела, как ночь часть суток.

Работа не должна съесть жизнь

Труд — благо, и в нём человек находит и хлеб, и достоинство. Но я же скажу тебе — есть люди, которых работа съедает целиком, и они замечают это лишь тогда, когда дети выросли без них, друзья разошлись, а тело износилось раньше срока.

Погляди, ради чего ты трудишься: труд служит жизни, а не жизнь труду. Кто помнит это, тот работает много и остаётся человеком; кто забыл — тот превращается в собственное орудие и однажды обнаруживает, что помимо дела у него нет ничего и никого. Отмерь себе часы, в которые ты не работник, а муж, отец, друг, — и береги их так же твёрдо, как бережёшь рабочее время. Оправдание «я тружусь ради них» звучит складно ровно до того дня, когда «они» перестанут тебя ждать. Никто на смертном одре не жалел, что мало просидел над делами.

Развлечение, которое усыпляет

Отдых нужен человеку, и нет беды в том, чтобы веселиться и забавляться. Я же скажу тебе — но различай отдых, который возвращает тебе силы, и забаву, что тихо крадёт у тебя годы, ничего не отдавая взамен.
От доброго отдыха встаёшь свежее, чем сел: тело размялось, ум прояснился, душа отпустила. А от иных забав встаёшь более пустым, чем сел за них, — и тянешься за новыми, чтобы не чувствовать пустоты. Вот верная примета: если после увеселения тебе нужно ещё увеселение, ты не отдыхал, а усыплял себя. Пустые зрелища тем и опасны, что не запрещены и приятны, и человек проводит в них вечер за вечером, год за годом, не замечая, как жизнь его протекла между пальцами, не оставив ни памяти, ни умения, ни доброго следа. Спроси себя изредка: чем я был занят весь минувший месяц — и если не вспомнишь, значит, тебя усыпляли.

Дыхание и покой

В другом месте сказано, что недужное тело мутит и мысль. Но связь эта работает и вспять: усмиряя тело, усмиришь и ум. Я скажу тебе — когда захлестнёт тебя гнев, страх или смятение, не пытайся унять их одним приказом разума, ибо они его не послушают. Возьмись за иное — за дыхание.
Заметь: в страхе и ярости дыхание само собою делается частым и рваным. Сделай же обратное по своей воле — дыши медленно, ровно и глубоко, выпрями спину, разними сжатые руки, — и волнение пойдёт на убыль вслед за телом, как воздушный змей опускается вслед за тянущей нитью. Дыхание есть та единственная вожжа, что всегда у тебя в руке: сердцу не прикажешь биться тише, а дыханию прикажешь — и сердце послушает его.
Оттого приучись в смятении первым делом обращаться к дыханию. Это знали и древние воины перед битвой, и те, кто искал покоя в долгом сидении и молчании. Малое усилие, а укрощает бурю, которой не одолеть одной лишь силой воли.

Здоровье — незамечаемое богатство

Здоровья своего человек не замечает, покуда оно при нём, как не замечает воздуха, которым дышит. Зуб вспоминают, лишь когда он заноет. Но я скажу

тебе — здоровье есть первейшее из земных богатств, и тот, кто его имеет, богаче иного владыки, хоть и не знает того.
Древние недаром называли здоровье высшим обретением. Богатый, но хворый отдал бы все сундуки за один день без боли, да поздно. Оттого береги здоровье, пока оно есть, а не оплакивай, когда уйдёт; ибо за деньги воротишь многое, но не его.

Береги загодя; малый недуг лечи, пока мал

Глупец ждёт, пока хворь свалит его с ног, и лишь тогда хватается за лекарей; мудрый же не доводит до того. Я же скажу тебе — куда легче не впустить недуг, чем после его выгонять. Лучший врачеватель не тот, что подымает с одра, а тот, при ком до одра и не доходит.
Малую течь заделывают, пока она с булавочную головку, — упустишь, и она потопит корабль. Так и в теле: не пренебрегай малым нездоровьем и первыми знаками, что подаёт тело, ибо большая болезнь почти всегда вырастает из малой, оставленной без внимания.

Достоинство в боли и болезни

Когда постигнут тебя боль или недуг, неси их с достоинством, насколько достанет сил, не теряя себя в страдании без остатка. Боли не отменишь хотением, но в твоей власти, как её встретить: воплем и отчаянием, что лишь умножают муку, или терпением, что хоть не прибавляет к ней лишнего.
Болезнь испытывает человека вернее удачи: в ней-то и видно, из какого он теста. Не вся твоя жизнь сводится к ноющему месту, как ни тянет оно забрать к себе всё внимание; оставайся, сколько можешь, тем, кто ты есть, а не одной своей болью. Стонущий без меры тяжелит и свой недуг, и тех, кто подле; стойкий же и в немощи хранит ту малость свободы, какой не отнимет никакая хворь. Тело может слечь — не позволяй того же духу своему.

Не ищи прореху на целом полотне

Глаз человеческий устроен худо: на целом полотне он первым делом отыщет единую прореху и в ней увязнет, не видя всего сукна. Так и с жизнью — иной не отрывает взгляда от того немногого, чего ему недостаёт, и слеп ко всему, что у него есть. Я же скажу тебе — в этом корень половины людских печалей.
Мудр не тот, кто горюет о невзятом, а тот, кто радуется взятому. Сочти как-нибудь без спешки всё, что имеешь, — кров, хлеб, здоровье, близких, самый этот день, — и увидишь, что богат больше, чем думал в час уныния. Довольство тем, что есть, древние не зря называли величайшим богатством: оно одно не зависит от прибытка, ибо живёт не в сундуке, а в твоём взгляде на вещи.

Не равняйся только вверх

Когда покажется тебе доля твоя тяжкой, не равняйся вверх, на тех, кому досталось больше, — этак изведёшь себя завистью и не утешишься никогда. Погляди лучше вниз, на тех, кому досталось меньше твоего. Я же скажу тебе — нет вернее лекарства от ропота.
Рассказывал мудрец, как роптал он, что нет у него обуви, и горевал о том, пока не встретил человека, у которого не было ног. И устыдился он своего ропота, и возблагодарил за то, что прежде почитал малостью. Так и ты: всякий раз, когда жалость к себе подступит, вспомни, скольким сейчас куда горше, чем тебе, — и многое, что казалось бедой, обернётся незамеченным даром.

Благодарность — это труд

Не жди, что благодарность придёт к тебе сама, как приходит радость от негаданного подарка. Чувство это, как и всякое другое, крепнет от упражнения и чахнет без него. Я же скажу тебе — благодарность есть навык, и навык этот стоит взращивать нарочно.
Возьми за правило: всякий день, отходя ко сну, припомни хоть малое, за что этот день был хорош, — доброе слово, сделанную работу, миг покоя. Поначалу будешь искать через силу, но приучишь глаз, и со временем он станет замечать доброе сам, без понуждения, как сказано в другом месте о привычках ума. И тогда переменится не жизнь твоя, а то, как ты её видишь, — а это порой важнее.

Доброе кричит, лишь уходя

Многое доброе в нашей жизни молчит, пока оно есть, и кричит, лишь когда уходит. Стука часов не слышишь, пока они идут; крова не замечаешь, пока он не потёк; здоровья, покоя, близких рядом не ценишь, покуда они при тебе. Но я скажу тебе — горько ценить дар лишь по его утрате.
Учись быть благодарным загодя, а не задним числом. Погляди нынче, пока не поздно, на тех, кто рядом, на тихий обыкновенный день без беды — и отдай им должное теперь, а не у пустого места, где они были. Ибо самая частая печаль человеческая не в том, что у тебя отняли, а в том, что ты не ценил, пока имел.

Благодарность и в беде

Легко быть благодарным в удачу. Но я скажу тебе — учись находить, за что благодарить, и в день недобрый, ибо редкий день так чёрен, чтобы не было в нём ни единой светлой малости.
Пчела берёт мёд и с горького цветка. Так и ты в беде поищи, чему она тебя научила, кого подле тебя обнаружила верным, какую силу в тебе пробудила, какой малой передышке посреди тягот можно порадоваться. Это не значит лгать себе, будто беда есть благо, — беда остаётся бедой. Но кто и в ней умеет

разглядеть крупицу доброго, того она не сломит так легко, как того, кто видит в ней одну лишь тьму.

Не живи, будто все тебе должны

Есть род людей, что идут по жизни, будто кредиторы, которым все кругом задолжали. Что ни получат — принимают без признательности, как уплату по счёту, а чего не получат — ставят в обиду, словно у них отняли причитающееся. И оттого вечно угрюмы и недовольны, сколько бы им ни доставалось. Я же скажу тебе — нет вернее способа отравить себе жизнь, чем поверить, будто мир тебе должен.
А мир не должен тебе ничего: ни лёгкой доли, ни справедливости по твоей мерке, ни даже завтрашнего дня. Всё, что ты имеешь, — не выплата по долгу, а стечение обстоятельств, которые могли бы и не случиться. Кто понял это, тому всякое добро в радость, ибо оно сверх ожидаемого; а кто мнит всё своим по праву, тому и щедрый дар не в дар, а недоданное — в обиду.
Вытрави же из себя это чувство, будто тебе причитается. Не требуй у жизни по счёту, которого она не подписывала, — принимай данное с благодарностью, а недоданного не числи за нею долгом. Так и горечи в тебе станет меньше, и радости больше.

Радость

Не забывай время от времени заниматься тем, что тебя радует. В дни, полные забот, мы первым делом жертвуем именно этим, считая его пустяком, — и напрасно: душа без радости иссыхает так же, как тело без воды, и всякий труд делается тогда не в радость и не впрок.
Удели всякий день хоть малость времени тому, что приносит тебе чистое удовольствие, — будь то книга, прогулка, ремесло, музыка или беседа с милым сердцу человеком. Это не баловство и не кража у дела, а починка сил: отдохнувший и повеселевший сделает после вдвое против измотанного и угрюмого. Поделай так изо дня в день — и сам подивишься, как переменятся и нрав твой, и самый вкус жизни. Береги в череде забот малые свои радости: ими, неприметно, и держится охота жить.

Не дай сердцу остыть

Береги в сердце тепло и живую радость — не дай добродетели своей обратиться в сухость и холод. Сердце не может прожить и дня без радости, как земля без весны; и кто вечно отказывает себе во всякой утехе и сам себя истязает строгостью, тот мало-помалу вымораживает в себе самую жизнь и уподобляется мертвящему дыханию осени.
Холодная, угрюмая добродетель никого не согреет и ничему не поможет — ни тебе, ни другим: лишь тёплое сердце способно и само познать счастье, и одарить им. Будь строг к порокам, но не суров к самой радости; в меру дай себе

и отдых, и веселье, и тёплое слово, иначе засушишь и добро своё. Тепло сердца не слабость, а живая сила; промёрзшая правда мертва, а согретая — животворит.

Смех и лёгкость

Не будь из тех, кто носит себя, как полную чашу, боясь расплескать своё достоинство, и оттого не умеет ни посмеяться, ни над собою пошутить. Я же скажу тебе — умение смеяться, и пуще всего над самим собою, есть признак ума и здоровья души, а не легкомыслия.
Кто слишком всерьёз себя принимает, тот смешон вдвойне и притом раним: всякая насмешка его язвит, всякая неудача унижает, ибо он раздул себя, как та лягушка из басни, что пыжилась сравняться с волом, да и лопнула. А кто умеет посмеяться над собственными промахами, того этим уже не уязвить — он сам себя осмеял прежде других. Смех — мягкая подушка, на которую падать не так больно; он сбивает спесь, роднит с людьми и помогает снести то, чего не снести с каменным лицом. Не делай из жизни своей похорон; умей и в тяготах улыбнуться хотя бы их нелепости.

Простота

Жизнь сама по себе несложна; это мы громоздим вокруг неё лишнее, пока не запутаемся в собственных постройках. Я же скажу тебе — стремись к простоте, и она вернёт тебе и свободу, и ясность. Всякая лишняя вещь, лишняя забота, лишнее обязательство — это ещё одна нить, которой ты привязан; чем меньше их, тем легче дышишь и дальше идёшь.
Садовник обрезает на дереве лишние побеги, чтобы вся сила пошла в плод, а не растеклась по пустой листве. Так и ты отсекай в жизни своей всё, без чего можно обойтись, — в делах, в вещах, в связях, — оставляя немногое, но важное. Простота нужна и в мыслях, и в речи: ясно выражает тот, кто ясно понял, а кто прячет скудную мысль за пышными, запутанными словами, тот чаще всего сам не разобрался, о чём говорит. Налегке — и умом, и скарбом — человек живёт вольнее обременённого.

Круг второй. Ты и близкие

Влюблённость и любовь

Не путай влюблённость с любовью, ибо это не одно и то же. Я же скажу тебе — влюблённость вспыхивает сама собою, как пламя в соломе: ярко, жарко и быстро; на ней одной ничего прочного не построишь, ибо она и угасает так же скоро, как занялась. Любовь же подлинная разгорается медленнее и горит дольше, как огонь в добрых поленьях, что греет дольше.
Многие, обманувшись первым жаром, спешат связать им жизнь, а когда жар спадает — а он всегда спадает, — мнят, что любовь ушла, и бегут за новым пламенем. Знай же: то, что уходит, было не любовью, а лишь её преддверием. Настоящая любовь начинается там, где кончается опьянение, — когда двое, увидев друг друга без прикрас и трезво, всё же выбирают быть вместе. Такую любовь не находят готовой, а взращивают год за годом.

Любовь — искусство, не только чувство

Многие думают, будто любовь — это лишь чувство, что само нисходит на человека и само уходит, и он тут как бы ни при чём. Но я скажу тебе — любовь не только чувствуют, но и делают; она не столько то, что с тобою случается, сколько то, что ты творишь день за днём.
Любовь узнаётся не по сладким словам, а по делам: по заботе, по терпению, по готовности поступиться своим ради другого, по верности в мелочах. Можно тысячу раз сказать «люблю» и не любить, и можно не говорить вовсе, а любить всей душой. И знай ещё: зрелая любовь больше радуется тому, что может дать, чем тому, что может взять; кто любит лишь за то, что получает, любит не другого, а себя через него. Учись любить, как искусству, — заботясь, отдавая, вникая, — а не ждать любви, как погоды, что выпадет сама.

Выбирай по нраву, не по лицу

Выбирая, с кем связать жизнь, гляди прежде всего на нрав и сердце человека, а уж потом на лицо, богатство и прочее, что бросается в глаза. Я же скажу тебе — красота есть цвет, что вянет, а богатство — вода, что утекает; нрав же остаётся, и с ним тебе жить день за днём долгие годы.
Дом выбирают не по свежей краске на стенах, а по крепости основания; так и спутника выбирай не по тому, что тешит глаз нынче, а по доброте, верности, уму и по тому, как он обходится со слабыми и с теми, от кого ему нет проку. Спроси себя не «красив ли, богат ли?», а «добр ли, надёжен ли, хочу ли быть похожим на него?». Ибо лицо приглядится, деньги придут и уйдут, а с нравом любимого ты будешь делить и стол, и беды, и старость.

Союз равных, не господина и слуги

Брак, чтобы быть счастливым, должен быть союзом равных, а не господина и слуги. Я же скажу тебе — где один в доме повелевает, а другой лишь повинуется, там нет любви, а есть лишь власть, и рано или поздно она родит обиду и холод.
Двое в браке — как два столба, что несут одну кровлю: убери или унизь один — и рухнет всё. Делите же поровну и труд, и решения, и почёт, и тяготы; пусть голос каждого весит равно, и пусть ни один не считает себя выше другого по праву рождения или силы. Уважение тут не менее важно любви: можно любить, но не уважать, и тогда любовь портится. Уважайте же друг в друге равного — и любовь устоит. Тот дом крепок, где двое идут рядом, плечом к плечу, а не один впереди, ведя другого на поводу.

Люби раскрытой ладонью

Люби, но не превращай любовь в путы. Я скажу тебе — две жизни, соединившись, не должны слиться в одну так, чтобы не осталось места дышать; любовь, что душит, перестаёт быть любовью и делается тюрьмою.
Пусть в вашей близости будет и простор: позволь любимому оставаться отдельным человеком, со своими друзьями, делами, тишиной, не требуя его себе всего без остатка. Дуб и кипарис растут рядом, но не в тени друг друга, и оттого оба высоки. Кто сжимает любимого в кулаке, боясь потерять, тот вернее всего его и теряет — как птицу, что задыхается в слишком крепко сжатой ладони. Держи дорогое тебе раскрытой ладонью, а не сжатым кулаком, — и оно останется при тебе по своей воле, а не по принуждению.

Люби его, а не свой образ о нём

Не люби в человеке лишь тот образ, что сам себе нарисовал, а люби его таким, каков он есть. Я же скажу тебе — кто связывает жизнь с другим в надежде после переделать его по своему вкусу, обманывает себя и готовит обоим горе.
Нет человека без недостатков, и любимый человек не исключение; узнав его ближе, ты найдёшь в нём и то, что тебе не по нраву. Принимай и это, как принимают и ненастные дни в краю, который выбрали своим домом. Можно мягко помогать другому становиться лучше, но не требуй и не жди, что он переменится тебе в угоду и станет кем-то иным. Любовь, что ставит условия — «полюблю, когда ты исправишься», — не любовь, а торг. Полюбив, бери человека целиком, со светом и тенью его, как и он берёт тебя.

Не ставь свою жертву в счёт

Отдал ли ты ради любимого годы, силы, здоровье или лучшее место в жизни — отдал добровольно, и это делает тебе честь. Я же скажу тебе — но если ты после предъявляешь это к оплате, то и дар твой перестаёт быть даром, а становится долговой распиской, которую ты суёшь под нос при всякой ссоре.
«Я же для тебя», «я ради тебя всё бросила», «я жизнь на вас положил» — слова эти калечат вернее брани, ибо на них нечего ответить: возразишь — окажешься неблагодарным, согласишься — останешься должником навек, а долг этот такой, что не выплатишь ничем. Оттого решай наперёд: жертвуя, жертвуй насовсем и молча, а если не готов — не жертвуй, скажи прямо, что тебе тяжело, и уговоритесь иначе; это честнее, чем отдать, а после годами взыскивать проценты. И заметь: любящий вправду редко помнит, сколько отдал, — он помнит, сколько получил.

Молчанием не наказывают

Поссорившись, иные умолкают на день, на два, на неделю: не бранятся, не бьют, а просто перестают замечать — и ждут, когда другой сломается и придёт просить прощения неизвестно за что. Я же скажу тебе — это не сдержанность и не достоинство, а наказание, только тихое; и жестокости в нём часто больше, чем в крике, ибо крик кончается, а это длится, сколько захочет наказывающий. Помолчать, чтобы остыть, — дело доброе; но скажи тогда прямо: «мне надо остыть, поговорим вечером», — и вечером поговори. Разница между отдыхом от ссоры и наказанием молчанием в том, назначен ли срок и знает ли другой, что его не бросили. Кто же молчит, чтобы измучить, — тот воюет, притворяясь мирным; и всякий раз, добившись своего таким молчанием, он выучивает и себя, и другого, что этак можно, — а живут после в доме, где страшно заговорить первым.

Не торгуй страхом

Есть люди, которые в каждой размолвке грозят уйти, развестись, уехать, а иные — что с ними самими что-нибудь случится, если не будет по их. Я же скажу тебе — тот, кто раз за разом получает своё через страх любимого, не выигрывает, а разрушает: страхом можно вынудить уступку, но нельзя добыть ни любви, ни уважения, а без них уступки скоро станут единственным, что осталось между вами.
И заметь, что угроза изнашивается. Первый раз она обжигает, десятый — надоедает, а после человек говорит себе: пусть уходит, — и уходит первым. Хочешь, чтобы тебя услышали, — скажи прямо, чего тебе не хватает, и назови это словами, а не приставляй нож к горлу — своему ли, чужому. А услышав такую угрозу от другого, не торгуйся с нею: скажи, что говорить так нельзя, и что решать вам придётся не под ножом. Если же угрожают причинить себе вред, — не оставляй это в тайне между вами двумя и позови на помощь тех, кто умеет помогать: тут ты не судья и не лекарь.

Не почивай на завоёванной любви

Не думай, что, однажды завоевав любовь, ты можешь спать спокойно и более не трудиться над нею. Я же скажу тебе — любовь, как огонь, гаснет без топлива; самое верное чувство глохнет, если его не питать вниманием изо дня в день. Худшее, что делают с любовью, — принимают её как должное, перестают замечать, благодарить и ухаживать, едва добившись своего. Не переставай же ухаживать за любимым и после того, как он стал твоим: доброе слово, нечаянная нежность, внимание к мелочам его жизни, простая учтивость, которой не лишают и чужого, — этим любовь и держится живой. Великие беды рушат любовь реже, чем повседневное небрежение и привычка, что стирает в глазах ценность того, что рядом. Гляди же на любимого так, будто можешь его завтра потерять, — и не потеряешь никогда.

Верность и скорое примирение

Двух вещей держись в любви крепче всего: верности и умения скоро мириться. Я же скажу тебе — верность есть тот становой хребет, без которого любовь рассыпается: предав доверие однажды, ты ломаешь то, что после не срастётся ровно, как ни склеивай. Что обещал — то и храни.
А о ссорах знай: они неминуемы там, где двое живут бок о бок, и не в том беда, что вы поссорились, а в том, как долго держите обиду. Не давай солнцу зайти над вашей размолвкой — мирись в тот же день, не копи и не припоминай старых обид в новой ссоре, не считай, кто кому больше задолжал. В любви побеждает не тот, кто переспорил, а тот, кто первым протянул руку. Гордость, что не даёт сделать шаг к примирению, погубила больше союзов, чем сама обида.

Ревность — могильщик любви

Ревность мнит себя стражем любви, а на деле — её могильщик. Я же скажу тебе — нет в любви яда вернее ревности: она грызёт любящего изнутри и душит любимого снаружи и тем самым приближает ту самую потерю, которой так страшится.
Ревнивец, осыпая любимого подозрениями, слежкой и попрёками, делает жизнь с собою невыносимой и сам толкает дорогого ему человека прочь. Любовь без доверия не живёт: кто, любя, не доверяет, тот мучит и себя, и другого. Избрав человека и вверив ему сердце, доверяй ему; а коли он и впрямь окажется недостоин доверия, то и держать его ревностью всё равно не удержишь. Сжимающий ладонь со страху лишь скорее упустит то, что в ней.

Ревность говорит о тебе

Прежде чем предъявлять ревность любимому, разбери её сам, ибо весть она приносит чаще всего не о нём, а о тебе. Я же скажу тебе — сядь и спроси себя

прямо: чего именно я боюсь? Что он уйдёт? Что я хуже кого-то? Что меня выберут не первым? Почти всегда ответ находится не в его поступках, а в старом страхе, который ты носишь с юности и который вспыхнул нынче от случайного повода.
Дальше разделяй, и разделяй честно. Есть ли у меня факт — то, что я видел или знаю, — или у меня одна картина, нарисованная воображением, в которой я и сочинитель, и свидетель, и судья? Если факта нет, то и говорить надо не о нём, а о себе: не «ты с ней переглядывался», а «мне тревожно, побудь со мною» — первое начинает войну, второе зовёт на помощь, а нужна тебе именно помощь. Если же факт есть, то это уже не ревность, а разговор, и вести его надо прямо, спокойно и один раз, а не растягивая намёки на полгода. И спроси себя ещё вот о чём, чтобы не жить в вечном ожидании беды: что я стану делать, если худшее окажется правдой? Ответив на это, ты перестанешь бояться неизвестности — останется только правда, а с нею человек справляется.

Не ревнуй к прошлому

Иной, полюбив, начинает мучиться тем, что было у любимого до него: с кем жил, кого любил, что делал в те годы, когда они и знакомы-то не были. Я же скажу тебе — нет ревности глупее этой, ибо она обращена туда, где ты не мог ничего изменить и где тебя вовсе не было.
Пойми же простую вещь: человек, которого ты любишь, сложился таким, каков он есть, из всего прожитого, и та, прежняя жизнь — часть того самого человека, которого ты выбрал; вычесть её нельзя, не вычтя его. И не выпытывай подробностей, обещая себе, что станет легче: не станет. Расспрашивающий о прошлом ищет не покоя, а точности мучения — он хочет знать в лицо тех, кем себя терзает. Спроси себя честно, что ты собираешься делать с этими сведениями, — и, не найдя ответа, не спрашивай. Прошлое любимого не твоё дело, а его; твоё дело — то, что у вас с ним нынче и что будет завтра.

Когда ревнуют тебя

Тяжело жить с ревнивцем, и хуже всего то, что чем усерднее ты оправдываешься, тем сильнее его тревога. Я же скажу тебе — доказательствами ревность не насыщается: доказал нынче — назавтра потребуют новых, ибо голод её не в сведениях, а в страхе, а страх свидетельствами не лечится.
Оттого держись середины. Не дразни: не испытывай его нарочно, не заигрывай при нём с другими и не находи в его муке тайного удовольствия — это низко, хотя бы ревновал он и без причины. Но и не отдавай ему своей жизни по кускам: сегодня перестал видеться с друзьями, завтра отчитываешься за каждый час, послезавтра просишь дозволения выйти. Открытость, отданная добровольно, — дар и признак доверия; отчёт, вытребованный подозрением, — уже поводок, и всякий отданный кусок свободы не насыщает, а раззадоривает. Скажи прямо: вот моя жизнь, я не прячусь; но проверять себя я не дам, потому что жить под проверкой не стану. А если и после этого не унимается — перечти приметы любви, ставшей тиранией: очень может статься, что дело давно не в ревности.

Любовь меняется с годами

Не жди, что любовь во все годы будет такой же, как в первые дни, и не пугайся, когда она переменится. Я же скажу тебе — любовь, как река, в верховье бурлит и пенится, а ниже течёт глубоко и тихо; и нельзя сказать, что глубокая вода менее река, чем шумная.
Жар юной страсти со временем остывает — это не гибель любви, а её взросление. На смену пылу приходит иное, не менее драгоценное: глубокая привязанность, привычка к родному плечу, память общих лет, понимание с полуслова, какого не бывает у новых. Старое дерево цветёт скупее молодого, да корни его уходят глубже, и его уже не вырвать буре. Кто прошёл с любимым через годы, труды и беды и не разлюбил, а полюбил иначе, тот узнал любовь, какой не знают спешащие за вечно первым жаром.

Одиночество вдвоём

Худшее одиночество — не у того, кто один, а у того, кто чувствует себя одиноким рядом с тем, с кем делит кров и ложе. Я же скажу тебе — можно прожить под одной крышей долгие годы и остаться друг для друга чужими, если перестать по-настоящему встречаться душою.
Двое сходятся, а после, замотавшись в делах и привычке, мало-помалу перестают говорить о важном, делиться тем, что внутри, слушать друг друга по-настоящему — и однажды обнаруживают, что меж ними не любовь, а лишь совместное хозяйство да общий быт. Не дай этому случиться: не переставай узнавать любимого, ибо человек меняется, и тот, кого ты знал десять лет назад, уже не вполне тот, кто рядом нынче. Говорите, спрашивайте, вникайте — настоящая близость не в том, чтобы быть рядом телами, а в том, чтобы встречаться душою снова и снова.

Когда любовь отжила

Случается, что любовь отжила и союз держать более не на чем; и в этом нет преступления — насильно мил не будешь, и жить во лжи и взаимной муке хуже, чем честно разойтись. Но я скажу тебе — коли уж дошло до разрыва, расстанься достойно, не оскверняя того, что было меж вами добром.
Не оборачивай любовь в ненависть, не мсти, не черни того, кого ещё вчера любил; вы знаете слабые места друг друга, и вражда вышедших из любви злее всякой иной. А пуще всего, если есть у вас дети, береги их от вашей войны: не рви ребёнка надвое, не настраивай его против другого родителя, не делай его ни оружием, ни добычей. Дети не виноваты в том, что взрослые разлюбили, и не им за это платить. Расходясь, оставайтесь людьми — и, если можете, благодарными за то доброе, что всё же было.

Не ищи в другом свою половину

Не ищи в любимом свою «половину», будто сам ты лишь половина человека, что без другого неполон. Я скажу тебе — двое целых, что идут рядом, составляют союз крепкий, а двое половинок, что льнут друг к другу от собственной пустоты, валятся вместе, едва один пошатнётся.
Не возлагай на любимого ношу восполнять всё, чего тебе недостаёт, заполнять собою всю твою пустоту и быть тебе разом и счастьем, и смыслом, и опорой во всём, — такой ноши не вынесет никто, и, взвалив её, ты раздавишь и любовь, и того, кого любишь. Будь сначала целым сам: имей свой стержень, свои опоры, свой смысл помимо другого — и тогда твоя любовь будет даром, а не требованием, союзом двух полных чаш, а не двух жаждущих ртов. Кто сам в себе нашёл опору, тот любит свободно и щедро; кто ищет в другом костыль, тот скоро становится ему в тягость.

Любить — дать власть ранить себя

Любить кого-либо — значит дать ему власть ранить тебя, как никто другой не сможет. Оттого иные, страшась боли, запирают сердце на замок и никого близко не подпускают, думая тем уберечься. Но я скажу тебе — это худшая из сделок: сердце, что никого не любит, лишь бы не страдать, не остаётся целым, а черствеет и стынет, как зерно, что схоронили от непогоды и не дали прорасти.
Да, кто любит, тот уязвим: любовь открывает тебя и горю — потере, разлуке, смерти любимого. Это цена, и она высока. И всё же я скажу — она того стоит. Лучше любить и однажды оплакать, чем прожить весь век с запертым сердцем, не узнав ни тепла, ни близости, ни того, ради чего, быть может, и стоит человеку жить. Не прячь сердце ради сохранности; целым его сохранит не холод, а только любовь, на которую ты решился.

Измена — глубочайшая рана

Из всех ран, что один любящий может нанести другому, измена — едва ли не глубочайшая. Я же скажу тебе — она ранит не только тем, что случилось, но и тем, что подрывает самое доверие, на котором стоит любовь; а без доверия любовь, даже уцелев, живёт уже калекой.
Тот, кого предали, может простить, но забыть не сможет: в нём поселяется недреманная настороженность, какой не было прежде, и он уже не спит так покойно подле тебя, как спал. Ты будто роняешь трещину в сосуд — склеить можно, да воду он держит уже не так, как целый. Оттого, прежде чем поддаться искушению на час, взвесь, что кладёшь на другую чашу: годы доверия, покой любимого человека, целость того, что строили вдвоём. Краткая сладость измены никогда не стоит того, что ею ломаешь.

Измена подкрадывается малыми шагами

Измена редко начинается как решение; почти всегда она подкрадывается малыми шагами. Я же скажу тебе — мало кто падает в эту яму одним прыжком; чаще к ней подходят шаг за шагом, и каждый шаг сам по себе кажется невинным: безобидная беседа, тайная радость от чужого внимания, утешение на стороне, в котором «нет ничего такого».
Оттого стеречь должно не последний шаг, а первый. Кто заигрывает с искрою, после не совладает с пожаром; кто позволяет себе малое сближение, тешась, что владеет собою, нередко обнаруживает, что зашёл дальше, чем думал, и пути назад уже нет. Не ищи у чужого того тепла и понимания, которого недостаёт тебе дома, — а ищи его дома, чини то, что там остыло. Беречь верность легче на дальних подступах, чем у самого края.

Если предали: простить или уйти

Если предадут тебя, знай: перед тобою будет выбор — простить и попытаться отстроить разрушенное или уйти. И я скажу тебе — оба пути могут быть правыми, и ни в одном нет позора; тут не мне за тебя решать, а тебе самому, по сердцу и по обстоятельствам.
Решишь восстанавливать — знай, что доверие не вернётся по одному слову «прости»; оно отстраивается медленно, делом, и лишь если виновный по-настоящему переменился, а не просто попался. Сломанное может срастись, но только если срастаться помогают оба, и не вдруг. Решишь уйти — уходи без стыда: остаться стоит лишь там, где видишь к тому подлинную причину, а не из одного страха перед одиночеством или переменой. Берегись двух ловушек: остаться из страха и уйти из одной уязвлённой гордости — и той и другой движет не любовь и не разум, а слабость. Реши же тем, что в тебе сильно, а не тем, что напугано или уязвлено.

Верность не только телом

Не думай, будто верность нарушается лишь телом. Я же скажу тебе — предать любимого можно, и не коснувшись другого: холодом, презрением, небрежением, утаённой от него жизнью, отданным на сторону вниманием сердца. Иной телом дома, а душою давно ушёл, и это измена не меньшая. Можно ни разу не нарушить клятвы плотью и при том изменять любимому человеку каждодневно: отворачиваться, когда он тянется к тебе, отдавать лучшее своё чужим, а дома являть одну усталость и раздражение, держать от него на замке свои мысли и чувства, жить с ним рядом, но не с ним. Верность — это верность всего человека, а не одного лишь тела. Храни же любимому не только плоть свою, но и сердце, и внимание, и тепло, ибо в них любовь живёт куда больше, чем в плоти.

Расстанься честно

Брак и всякий любовный союз есть договор и обязательство, добровольно на себя взятое; и кто изменяет тайком, тот этот договор предаёт. Я же скажу тебе — измена украдкой не доблесть и не удаль, а свидетельство мелкости ума и духа: лгать тому, кто тебе доверился, и вести двойную жизнь по углам недостойно человека чести.
Если союз стал невмоготу и сердце вправду ушло — найди в себе мужество сказать о том прямо и расстаться честно, прежде чем искать другого. Разорвать открыто горько, но достойно; изменять же скрытно — низко вдвойне, ибо к измене прибавляется ещё и обман. Уйти честно — право свободного человека; красться и таиться — удел труса. Не можешь хранить договор — расторгни его в открытую, но не оскверняй ложью.

Неразделённая любовь

Случается полюбить того, кто не любит тебя в ответ и не полюбит. Горько это, но я скажу тебе — чужим сердцем не повелишь; любовь, чтобы быть любовью, должна быть вольной, а вынужденная или вымоленная — уже не она.
Не унижайся, добиваясь того, чего не дают по доброй воле; не превращайся в тень, что ходит за равнодушным, выпрашивая крохи внимания, — этим не любовь добудешь, а лишь потеряешь и его уважение, и своё. Поливающий камень в надежде, что он зацветёт, лишь зря изводит воду. Сумей, как ни больно, отпустить того, кто не твой: пожелай ему добра и отойди с достоинством. Сердце, не растраченное на безответное, сбережёшь для того, кто ответит; а время и силы, что лил бы в песок, отдашь жизни. Кто себя не роняет, тот и неразделённую любовь переносит, не сломавшись.

Не меряй свою любовь чужой

Не меряй свою любовь и свой союз по чужим. Я же скажу тебе — люди показывают свету лишь нарядную сторону своих отношений, а ссоры, холод и тяготы прячут за закрытой дверью; ты видишь их витрину, а свой дом знаешь изнутри, со всем его сором.
Оттого сравнивать своё нутро с чужой наружностью — вернейший способ нажить пустое недовольство. Иная пара, что кажется тебе с улицы образцом счастья, за стенами своими несчастна не меньше прочих; светящееся тёплым окно, на которое глядишь, дрожа, с холодной мостовой, изнутри видится совсем иначе. Не завидуй чужой любви по её глянцу и не казни свою за то, что в ней есть трудное, — трудное есть во всякой. Возделывай своё, а не тоскуй о чужом, которого и не знаешь толком.

Не носи свою любовь немой

Не носи свою любовь немой, полагая, будто любимый и так всё знает. Я же скажу тебе — люди не умеют читать в сердцах, и даже самый близкий

нуждается в том, чтобы любовь ему являли — словом, прикосновением, делом, — а не держали взаперти, как скупец золото.
Сколько людей у могилы или у постели уходящего жалеют о словах любви, что так и не сказали, о нежности, что всё откладывали на потом, о благодарности, что считали излишней, ибо «и так понятно». Не уподобляйся им. В каждый день говори дорогим, что любишь их, и показывай это, пока они живы и рядом, пока есть кому услышать; невысказанная любовь греет не больше, чем незажжённый огонь. Сказанное вовремя доброе слово дороже всех, что скажешь над холодным камнем, когда уже поздно.

Не соблазняй связанного с другим

Никогда и ни под каким видом не соблазняй того, кто связан с другим узами любви или брака, и не встревай меж двумя, чью связь застал уже сложившейся. Я же скажу тебе — это бесчестно вдвойне: ты и предаёшь чужое доверие, и крадёшь не своё, как вор, что лезет в обжитой дом.
Вспомни мерку, о которой сказано в другом месте: пожелал бы ты, чтобы кто-то вкрался меж тобою и любимым тобою и сманил его сердце? Не желаешь себе — не делай и другому. А коли вправду любишь того, кто несвободен, — отступись и жди, не чиня тайно разлада в чужом союзе, чтобы скорее его опустошить; дождись, чтобы человек стал свободен сам, по своей воле и судьбе, и лишь тогда, на чистом месте, выкажи свою симпатию. Любовь, построенная на чужой беде и предательстве, несёт в самом основании своём червоточину, и нечего ждать от неё доброго.

Не воюй с соперником силой

Не подымай руки на соперника, чтобы силой завоевать или отбить любимого, и тем паче не помышляй о худшем — сжить его со света. Я же скажу тебе — кто бьётся за человека, как за вещь, тот не понял в любви самого главного: живое сердце — не добыча, что достаётся победителю в драке, и не крепость, которую берут приступом.
Положим, ты одолеешь соперника, прогонишь или погубишь его, — сердце любимого этим ты себе не добудешь, а вернее всего оттолкнёшь его страхом и отвращением; силою можно взять тело, но не любовь, ибо любовь, о чём уже сказано, вольна — или не есть вовсе. Дай же тому, кого любишь, самому решить, с кем он хочет быть, и, как бы ни был горек его выбор, уважай его. Соперника, что честен, не считай врагом: вы оба желали одного, и не его вина, что выбрали, быть может, его. Достойнее проиграть с честью, оставшись человеком, чем «победить», обратившись зверем.

Не люби как спасение себя

Берегись любить человека как починку или спасение. Я же скажу тебе — поддержать любимого в беде, подставить плечо, помочь подняться — благо и

долг; но взять человека как свой проект, чтобы его исцелить, переделать, вытащить из его бездны своею любовью, — затея, что губит обоих.
Ты не лекарь чужой души и не спаситель; нельзя прожить за другого его работу над собою. Кто любит не человека, а образ того, кем тот станет, когда «я его исправлю», тот любит будущую тень, а не живого; и когда тень не сбывается — а сбывается она редко, — приходят измотанность, обида и горечь: ты отдавал и отдавал, а он не переменился, ибо менять себя — не твоя власть, а его. Люби того, кто есть, а спасать себя пусть учится сам; рядом стой, но ношу его на себя целиком не бери, не то надорвётесь оба.

Любовь — не только жар страсти

Не суди о любви по тому, всегда ли горит в тебе жар. Я же скажу тебе — чувство любви приливает и отливает, как море: бывают поры, когда оно вскипает, и поры, когда отступает и обнажает дно, и это в порядке вещей, а не знак, что любовь умерла.
В такие засушливые времена союз несёт уже не пыл, а верность и выбор: ты держишься любимого не потому, что в этот час пылаешь, а потому, что решил быть с ним и в прилив, и в отлив. Кто бросает при первом же охлаждении в поисках, где снова вспыхнет, тот так и будет всю жизнь скакать от костра к костру, не согревшись ни у одного по-настоящему, ибо у всякого костра рано или поздно настаёт час, когда надо подбросить дров своею рукой.
Переждавший отлив дождётся нового прилива; сбежавший в отлив не увидит, как вода вернулась бы.

Союзу нужна стена вокруг

Союзу двоих нужна стена вокруг, за которую не всякого впускают. Я же скажу тебе — не давай чужим людям, хотя бы и родне, править вашею жизнью и решать за вас; и не тащи всякую вашу размолвку на чужой суд, ибо охотников лезть в чужую близость всегда сыщется в избытке, а добра от того мало.
Иное, что случается меж двоими, должно остаться лишь меж ними: вынося сор из дома всякому встречному, ты роняешь любимого в чужих глазах, а часто и в своих, и впускаешь в свой союз посторонних, которым там не место. Слушай добрый совет, коли просишь его у мудрого, но решай свою жизнь сам, вдвоём с тем, с кем её делишь, а не по указке родни, свата или соседской молвы. Что впускаешь в свой дом — то в нём и поселяется.

Беды чаще закаляют любовь

Не бойся, что трудные времена погубят вашу любовь; чаще они её и закаляют. Я же скажу тебе — союз, что вместе прошёл сквозь нужду, болезнь, потерю и выстоял, крепче того, что знал одни ясные дни, как крепче дерево, выстоявшее бури, против тепличного.

Беда, если нести её вдвоём, плечом к плечу, не разводит, а связывает: в ней узнаёшь любимого по-настоящему — каков он, когда трудно, — и он узнаёт тебя, и эта общая память выстраданного держит крепче всякой клятвы. Иные пары, напротив, в беде рассыпаются — но рассыпается то, что и держалось на одном благополучии. Оттого, если пришла на ваш союз тяжёлая пора, не спеши счесть её концом любви; быть может, это как раз тот огонь, в котором она и закалится в настоящую.

Не жени детей против воли

Родителям скажу особо: не смейте женить или выдавать детей своих по сговору, против их воли, ради своей выгоды, союза или тщеславия. Во всякий свой день помни — дитя твоё не товар, чтобы менять его на торгу, и не скот, чтобы впрягать в ярмо по твоему расчёту; жизнь его и сердце принадлежат ему, а не тебе.

Брак есть союз двоих и держится их свободным согласием; навязанный же чужой волей, он не союз, а неволя под именем брака, и редко родит что доброе — чаще тайную муку, обиду и сломанную судьбу. Советовать детям, делиться опытом, остеречь от дурного выбора — твоё право и долг; но решать за них, с кем им делить жизнь, ты не вправе. Дай им выбрать самим, хотя бы выбор их и был тебе не по нраву, ибо жить с этим выбором им, а не тебе.

Не выдавай дитя в супруги

И вот ещё, тягчайшее: не отдавай малое дитя в супружество и не бери малое дитя в супруги. Я скажу тебе — ребёнок не готов ни к браку, ни к тому, что за ним следует, ни телом, ни душою, и связать его узами взрослых — не брак, а насилие, как бы ни рядили его в обычай и закон.

Чаще всего зло это падает на малых девочек, отданных в жёны взрослым мужам, — и горше преступления против беззащитного трудно сыскать: у ребёнка отнимают разом и детство, и волю, и будущее. Виновны тут оба: и родитель, что отдал дитя, продав его, как вещь, и муж, что взял дитя, ибо взрослый, посягнувший на ребёнка, — не супруг, а растлитель, и обычай ему не оправдание. Пусть всякий, кому дорога правда, твёрдо знает: дитя должно расти под защитой, а не идти под венец.

Хвали за старание и доброе

Поощряй и хвали детей своих, когда они учатся или делают доброе. Я же скажу тебе — для ребёнка похвала родителя слаще всякой награды, и, получив её за хороший поступок или успех, он удвоит старание, лишь бы и впредь видеть в твоих глазах ту же радость.

Скупой на похвалу родитель растит дитя, которое перестаёт и стараться, не видя, что его труды кому-то нужны; щедрый же на заслуженное доброе слово сам, своими руками, разжигает в ребёнке охоту быть лучше. Хвали не впустую

и не за всё подряд, чтоб похвала не обесценилась, — но заслуженное замечай непременно и вслух. Доброе слово родителя ребёнок несёт через всю жизнь; на нём он и строит веру в себя.

Терпением учи, не криком

Будь терпелив и милостив, когда у ребёнка что-то не выходит. Я же скажу тебе — вспомни, что и сам ты был таким же и тоже не сразу всему выучился; то, что тебе нынче кажется простым и само собою разумеющимся, для него ещё непонятно и трудно.
Иные родители скоро впадают в гнев, бранят и кричат на ребёнка, чуть у того не заладится. Таким скажу: от крика и брани понимания у ребёнка не прибавится, а прибавится один лишь страх, что после сослужит ему дурную службу — отучит и пробовать, и спрашивать. Покажи спокойно и ещё раз, как тот, кто сам помнит, каково это — не уметь. Терпением выучишь, криком лишь запугаешь; и кого в детстве много бранили, тот вырастает робким либо озлобленным.

Дети — наши зеркала

Часто поведение ребёнка — это зеркало, в котором отражаются его родители. Я же скажу тебе — не выказывают почтения друг к другу муж и жена, и ребёнок не научится ни почтению, ни послушанию; в доме что ни день склока да крик, и вырастет дитя либо гневливым, либо пугливым и забитым; сквернословят старшие, и у малого не будет ни чистой речи, ни добрых манер.
Дитя перенимает не столько то, что ты ему говоришь, сколько то, что ты при нём делаешь, и учится жить, глядя на тебя, а не слушая твоих наставлений. Оттого, желая воспитать в ребёнке добрый нрав и хорошие качества, прежде всего сам им соответствуй и являй их ему всякий день. Хочешь видеть дитя добрым — будь добр при нём; криком и примером порока доброго не вырастишь. Дети — наши зеркала: каков ты с ними и при них, таким и они станут.

Любящая строгость, не потворство

В воспитании ребёнка не давай воли потворству. Я же скажу тебе — с самых ранних лет учи дитя, что можно, а чего нельзя; во всяком обществе есть правила, которым следуют все, и долг твой как родителя не только внушить эти правила и приличия, но и доглядеть, чтоб ребёнок выучился им следовать.
Не бери пример с неразумных, что твердят «моё дитя вольно делать всё, что захочет», и потакают ему и в дурном: мнят, будто растят свободного человека, а на деле готовят ему великое несчастье. Такой ребёнок вырастает грубым, неуёмным и невоспитанным — и, вступив во взрослую жизнь, всё равно выучится правилам, вот только научат его уже чужие люди, грубо и без

жалости. Любящая строгость в раннюю пору добрее, чем потворство: лучше пусть поправит родитель с любовью, чем после — чужие с грубостью.

Каждое дитя должно быть любимо

Рождение ребёнка — великая радость для всякого родителя. Я же скажу тебе — разумный радуется равно, родись у него хоть сын, хоть дочь, ибо и мальчик, и девочка в равной мере достойны любви и заботы и в равной мере могут стать утешением и опорою.
Но есть ещё и поныне такие, что лишь рождение сына считают за счастье, а дочь принимают как досаду, а то и как позор, прикрывая свою дурь то обычаем, то преданием. Скажу прямо: кто гнушается родным дитятей за то лишь, что оно не того пола, какого хотелось, тот разумом не выше камня или бревна. Дитя есть дитя, и любовь ему положена не по полу, а по тому одному, что оно твоё.

Дети не твоя собственность

Не думай, будто дети твои принадлежат тебе, как вещь или скот. Я же скажу тебе — они приходят в мир через тебя, но не для тебя; ты дал им тело, но не душу, ибо души их живут в доме завтрашнего дня, куда тебе и во сне не войти. Ты можешь дать им свою любовь, но не свои мысли, ибо у них будут свои; можешь приютить их тела, но не их умы. Они не твоё продолжение и не твоя собственность, а отдельные люди, лишь доверенные тебе на время, чтобы ты вырастил их и отпустил в свет. Люби их крепко, заботься о них всем сердцем — но помни, что они даны тебе не во владение, а на сбережение, и однажды ты вернёшь их жизни и им самим.

Честь не смывается кровью

В иных краях доныне держится поверье, будто честь рода можно замарать поступком дочери или сестры и после отмыть её кровью этой самой дочери. Я же скажу тебе — нет заблуждения нелепее и подлее, ибо в нём соединены разом трусость, глупость и убийство беззащитного.
Разбери его по частям. Честь есть то, что человек нажил своими делами; чужой поступок не может её отнять — иначе всякий негодяй лишал бы чести всех своих родичей, а ведь мы говорим не так. Далее: если позор и был, то кровью он не смывается, ибо кровь ничего не смывает, она только прибавляется к прежнему; убивший дочь не снял с дома пятна — он повесил на дом новое, чёрное и несмываемое. И наконец, гляди, на кого поднимается рука: не на сильного обидчика, а на ту, что слабее всех и не станет защищаться, потому что свои. Это не защита чести — это её противоположность, и всякий, кроме самих убийц, видит это ясно. Позор в таком деле лежит на убившем, на подговорившем, на одобрившем и на смолчавшем; и ни крупицы его нет на убитой.

Дитя не отвечает за своё рождение

Во многих краях доныне метят детей, рождённых не по обычаю: дают им клички, попрекают ими же самими, держат ниже прочих и не берут в дом. Я же скажу тебе — нет мерзости очевиднее этой, ибо наказывают тут за то единственное, чего человек не мог ни выбрать, ни изменить, ни предотвратить: за собственное появление на свет.
Гляди на дело трезво. Если родители его поступили дурно — то поступили они, а не он; спрашивай с них, если тебе есть до этого дело, а дитя тут при чём? Всякий приходит в мир одинаково чистым, и дальше сам строит из себя, что сумеет; и мало я видел людей достойнее иных «нагулянных», выросших назло всей улице, и мало кого никчёмнее иных законных наследников. А кто метит ребёнка прозвищем, тот выставляет напоказ не чужой стыд, а свой собственный, и делает это, обыкновенно, при чужих детях, которые всё запоминают и назавтра повторяют. Хочешь узнать край, в котором живёшь, — погляди, как в нём обходятся с такими детьми; узнаешь о нём больше, чем из его законов.

Носящая дитя

Из всего, что делает человек своим телом, нет труда тяжелее и опаснее, чем выносить и родить. Я же скажу тебе — привычка притупила это в людях: оттого, что так делали всегда и делают все, начали считать это делом обыкновенным, вроде хозяйственной надобности. А между тем женщина в этот год отдаёт своё тело в переделку, переносит боль, о которой не рассказывают, и подходит к самому краю, откуда иные и не возвращаются.
Оттого и правила тут просты. Носящая распоряжается собою: её тело — её, и никакая родня, никакой обычай и никакой муж не решают за неё, что ей делать и чего терпеть. Муж же обязан ей не умилением, а работой: возьми на себя, что можешь, будь рядом, где страшно, и не показывай беспомощности там, где нужны твои руки. Не требуй от неё быть счастливой напоказ: страх перед родами не слабость, а трезвость. А после родов не жди, что тело её станет прежним и что она станет прежней: и тело переменилось, и человек. Кто любил её, полюбит и переменившуюся; кто не полюбит — тот и прежде любил не её.

Мать тоже человек

Есть у людей выдуманная мать: она всегда терпелива, всегда полна любви, никогда не устаёт и ничего для себя не хочет. Я же скажу тебе — этой женщины нет на свете, и придумана она на муку живым: всякая настоящая мать сравнивает себя с нею и всякая проигрывает.
Знай же и не мучься понапрасну: можно любить своё дитя без памяти и при этом уставать от него до слёз; можно мечтать о часе тишины и не быть от этого дурной матерью; можно временами не чувствовать вовсе ничего, кроме изнеможения, — и это говорит о недосыпе, а не о сердце. Проси помощи и бери

её: не умеющая просить надрывается молча и после срывается на тех же детях — о том сказано там, где говорится об умении просить. Час, отданный себе, не украден у детей: он им же и возвращается, ибо жить рядом с измученным человеком тяжело и малому ребёнку. И не меряй свою любовь виною: вина — не мера любви, а мера усталости.

Расти дитя к самостоятельности

Помни с самого начала, к чему ты растишь дитя: не к тому, чтобы оно вечно нуждалось в тебе, а к тому, чтобы научилось стоять без тебя. Я же скажу тебе — добрый родитель растит ребёнка не для себя, а для жизни, и мерило его труда — не то, как крепко дитя к нему привязано, а то, как хорошо оно сумеет обойтись без него.
Ты как лук, а дитя — стрела, что ты посылаешь вперёд, в будущее, которого ты уже не увидишь; натяни тетиву рукою твёрдой и любящей, но знай, что стреле должно сорваться и лететь своим путём, а не остаться навек при луке. Учи дитя всему, что понадобится ему в дороге без тебя: труду, разумению, стойкости, умению самому решать и отвечать. Кто растит детей зависимыми и беспомощными, лишь бы не отпускать, тот любит не их, а себя; любящий по-настоящему готовит их к разлуке с первого дня.

Не отводи от ребёнка всякую трудность

Любя дитя, иной родитель стелет ему мягко повсюду, отводит всякую трудность, решает за него всякую задачу, не даёт ни упасть, ни ошибиться. Но я скажу тебе — такая любовь калечит: оберегая ребёнка от всякого труда и всякой шишки, ты растишь не счастливого, а беспомощного, не готового к жизни, которая мягко стелить не станет.
Готовь дитя к дороге, а не дорогу для дитяти. Дай ему падать и подниматься, ошибаться и исправлять, биться над тем, что не даётся, — ибо в этом, а не в готовом и поданном, крепнут и ум, и воля. Подстрахуй там, где падение опасно, но не лови всякий раз, как оступится: дитя, которое ни разу не упало, не научится держаться на ногах. Шишка, набитая в малолетстве, дешевле той, что ждёт неумелого и изнеженного в большой жизни.

Твердость без злобы

В другом месте сказано: не потворствуй ребёнку, учи его пределам и приличиям. Здесь же добавлю другой край той же меры: наставляй с любовью, а не жестокостью. Я же скажу тебе — меж двух крайностей, баловства и тиранства, лежит верный путь воспитания — твёрдость без злобы.
Не нужно ни во всём ему уступать, ни ломать его страхом и побоями. Кто воспитывает розгой, криком и унижением, тот добивается покорности, да теряет сердце ребёнка и сеет в нём либо страх, либо затаённую злобу, а нередко и то, и другое. Устанавливай ясные пределы и держи их спокойно и неуклонно,

всегда объясняй, почему так, а не иначе, наказывай, где должно, без гнева и жестокости — лишением, а не болью и не унижением. Дитя должно знать, что граница тверда, но что за нею — любовь, а не ненависть.

Не живи через ребёнка

Берегись делать из ребёнка орудие для своих несбывшихся мечтаний. Я же скажу тебе — дитя дано тебе не затем, чтобы доживать через него твою непрожитую жизнь и добиться его руками того, чего не добился сам.
Иной родитель, сам не ставший тем, кем хотел, гнёт ребёнка в эту свою несбывшуюся форму: заставляет идти по своей стезе, заниматься тем, что мило родителю, не считаясь со склонностями самого ребенка, принуждают быть продолжением и вторым изданием отца или матери. Это и нелюбовь, и неправда: любое дите имеет свою природу, свои дарования и склонности, и счастье его — раскрыть их, а не воплотить чужие. Гляди в ребёнка, чтобы понять, кто он и к чему лежит его сердце, и помоги ему стать собою, а не тобою. Лучшее, что ты можешь дать ему, — позволить быть не таким, каким ты задумал, а лучшей версией того каков он есть.

Не заводи любимчика меж детьми

Если детей у тебя несколько, люби каждого и берегись выделять любимчика. Я же скажу тебе — нет в семье семени раздора вернее, чем родительское предпочтение: обойдённый ребёнок носит эту рану всю жизнь, а меж детьми сеется зависть и вражда, что переживут тебя самого.
И не равняй детей друг с другом и с чужими, попрекая одного успехами другого: «вот брат твой смог, а ты?» Этим ты не подстегнёшь отстающего, а лишь убедишь его, что он хуже и нелюбим, и поселишь меж ними соперничество вместо приязни. Всякий ребёнок — своя особая природа: один скор, другой медлителен, один способен к одному, другой к иному. Люби каждого за то, каков он есть, а не за то, насколько он обогнал прочих, и дай каждому почувствовать, что он любим не меньше других. Сравнивай дитя лишь с ним же вчерашним, — а не с соседским.

Не откупайся от детей вещами

Не думай, что исполнил долг перед детьми, завалив их вещами и деньгами. Я же скажу тебе — дети нуждаются прежде всего в тебе самом: в твоём времени, внимании, в том, чтобы ты был рядом и участвовал, а не откупался подарками от живого участия.
Иной родитель день и ночь в трудах, чтобы дать детям всё, и не замечает, что самого его детям и недостаёт; а после дивится, отчего дитя выросло чужим. Игрушка забудется, дорогой подарок сломается, а час, проведённый вместе, — выслушанный рассказ, общая прогулка, сделанное сообща дело, — останется в ребёнке навсегда и будет греть его и тебя. Не подменяй своё присутствие

кошельком: ребёнку нужнее родитель, что играет с ним и слушает его, чем богатые дары от вечно отсутствующего. Дни, когда они малы и тянутся к тебе, коротки и не повторятся; не променяй их на то, что кажется важнее, а после окажется прахом.

Слово ранит больнее побоев

Пуще побоев берегись ранить ребёнка словом. Я же скажу тебе — дитя верит тому, что слышит о себе от родителя, как откровению: назовёшь его глупым, никчёмным, обузой — и оно поверит и понесёт это в себе через всю жизнь, как клеймо.
Слова родителя для ребёнка — это голос, которым он после будет говорить сам с собою. Кто растёт под насмешкой, презрением и вечным «ты ни на что не годен», тот вырастает либо сломленным, не верящим в себя, либо озлобленным, и очень редко счастливым. Брани, если надо, поступок, но не самого ребёнка; осуждай дурное дело, а не выноси приговор всей его душе. И не скупись на доброе слово, на похвалу за старание, на «я в тебя верю» — этим ты строишь в нём опору, что будет держать его и тогда, когда тебя уже не станет. Язык родителя может и окрылить дитя на всю жизнь, и подрезать ему крылья прежде, чем оно взлетело.

Не отмахивайся от ребёнка

Не отмахивайся от ребёнка словами «ты ещё мал, не твоего ума дело, тебя не спрашивают». Я же скажу тебе — дитя хоть и мало, а тоже человек, и чувства его, страхи, обиды и радости для него так же велики и важны, как твои для тебя, хоть тебе они и кажутся пустяками.
Выслушивай ребёнка всерьёз: дай ему сказать, спроси его мнение там, где оно уместно, не высмеивай того, что его тревожит, как бы ни было оно мелко на твой взгляд. Кого с детства слушали и принимали всерьёз, тот вырастает с уверенностью, что он чего-то стоит, и сам умеет уважать других; а кого вечно затыкали и кем помыкали как неразумной вещью, тот несёт обиду и неуверенность во взрослую жизнь. Уважение растят уважением: относись к ребёнку как к человеку — и человеком он и станет.

Умей сказать ребёнку «прости»

Не мни, будто родителю должно всегда быть правым в глазах ребёнка и никогда не признавать ошибок, чтобы не уронить власти. Я же скажу тебе — обратное вернее: умей, ошибившись перед ребёнком, признать это и попросить прощения, как у всякого, кого обидел.
Накричал зря, обвинил несправедливо, сорвал на нём дурное настроение — подойди и скажи прямо: я был неправ, прости. Этим ты не уронишь себя в его глазах, а вырастешь: дитя увидит, что признать вину не стыдно, и научится тому же; увидит, что ты уважаешь его довольно, чтобы извиниться. Родитель,

что никогда не ошибается и не просит прощения, растит либо такого же гордеца, либо того, кто привыкнет, что сильный всегда прав. А «прости» из уст отца или матери стоит дороже сотни поучений о честности.

Дай ребёнку побыть ребёнком

Берегись делать из ребёнка не по годам взрослого, взваливая на него тяготы, до которых он не дорос. Я же скажу тебе — у дитяти должно быть детство; не превращай его раньше срока ни в свою опору, ни в поверенного своих горестей, ни в няньку и хозяина дома вместо себя.
Не изливай ребёнку своих взрослых бед и страхов, ища у него утешения и совета, — это ноша не по его плечам, и она крадёт у него беззаботность, которая бывает лишь раз. Не взваливай на старшего всю заботу о младших так, чтобы у него не осталось своей детской жизни. Помогать по силам, по возрасту — благо; но нести взрослый груз, пока сам мал, гнёт и старит душу прежде времени. Дай ребёнку побыть ребёнком — это пора, что не повторится, и отнятое тут не возместить уже ничем.

Береги детское любопытство

Дитя от природы полно вопросов и тянется всё узнать и потрогать; в этом его ум и растёт. Я же скажу тебе — не гаси этой тяги досадливым «отстань, не задавай глупых вопросов»; так ты притупляешь в нём самое драгоценное — живое любопытство.
Отвечай на вопросы ребёнка, сколько хватает терпения, а не знаешь ответа — не стыдись сказать «не знаю, давай узнаем вместе»: этим ты и научишь его искать, и покажешь, что не знать и доискиваться не зазорно. Поощряй его пробовать, исследовать, ошибаться в этом без страха. Ребёнок, чьё любопытство берегли, вырастает с открытым и жадным до знания умом; а тот, кому затыкали рот и отбивали охоту спрашивать, нередко теряет вкус к познанию на всю жизнь.

При ребёнке будьте заодно

Где растят дитя двое, там пусть держат меж собою согласие хотя бы при нём. Я же скажу тебе — не противоречьте и не отменяйте друг друга на глазах у ребёнка: что один запретил, пусть другой при дитяти не разрешает, и наоборот; разногласия свои решайте без него, а перед ним являйте единый лад.
Ребёнок, видя, что родители тянут в разные стороны, скоро смекнёт, как стравливать их и обходить, играя на ваших раздорах, и перестанет уважать обоих, видя, как вы роняете друг друга. Хуже того, дитя, при котором родители грызутся и поносят один другого, растёт в тревоге и разладе, как сказано там, где речь о доме, полном склок. Спорьте, если надо, наедине; решайте вместе; а перед ребёнком будьте заодно — это даёт ему опору и чувство, что мир его прочен.

Отпусти выросшее дитя

Вырастив дитя, сумей вовремя его отпустить и не правь его жизнью, когда оно уже взрослое. Я же скажу тебе — нет ничего тягостнее родителя, что и над седым своим сыном или дочерью стоит, как над малым, поучая, во всё вмешиваясь, навязывая свою волю их дому, их браку, их детям.
Дал ты ему жизнь и вырастил — на том власть твоя над ним кончается, остаётся лишь любовь и право быть спрошенным, не более. Не лезь в дела выросшего ребенка без зова, не суди его выборов, не правь его домом и не настраивай против того, с кем он связал жизнь. Совет давай, когда просят, а решать оставь ему. Кто не умеет отпустить выросших детей, тот вернее всех их и теряет: задушенные опекой, они бегут от неё подальше. А кто отпустил с любовью — к тому они возвращаются по своей воле.

Приучай к посильному труду

Не делай за ребёнка всего и не держи его в праздности, думая, что бережёшь; приучай его к посильному труду и спросу с малых лет. Я же скажу тебе — кто вырос, ни за что не отвечая и палец о палец не ударив, тот и взрослым остаётся беспомощным и ждущим, что всё поднесут готовым.
Поручай ребёнку дело по его силам и годам — прибрать за собою, помочь по дому, довести начатое до конца — и спрашивай с него за порученное, хваля за исполненное и не доделывая за него того, что он бросил. Так в нём вырастают и умение, и чувство ответственности, и радость от того, что справился сам. Труд, посильный возрасту, не в тягость ребёнку, а в рост; изнеженный же бездельем вырастает и неумелым, и недовольным. Дай дитяти изведать вкус своего, заработанного и сделанного, — он слаще даровых сластей.

Не ломай природу ребёнка

Не равняй всех детей под одно лекало и не ломай их природу по своему образцу. Я же скажу тебе — всякий ребёнок родится со своим складом: один живой и быстрый, другой тихий и медлительный, один тянется к книге, другой к ремеслу, третий к песне; и мудрость воспитателя в том, чтобы растить дитя по его природе, а не вопреки ей.
Гляди, к чему лежит душа ребёнка и в чём его дар, и веди его по этой склонности, помогая ей раскрыться, а не принуждая его в то, что чуждо ему, но любо тебе. Согни деревце по его росту — и вырастет крепким; перегни наперекор природе — сломаешь или искалечишь. Это не значит потворствовать всякой прихоти, о чём сказано отдельно; речь о складе и даровании, а не о капризе. Кого растили по его природе, тот находит своё место в жизни и счастлив в нём; а кого втискивали в чужую форму, тот и сам мучается, и проку являет мало.

Держи слово, данное ребёнку

Что обещал ребёнку, то исполни, а не можешь исполнить — не обещай. Дети помнят обещания крепче, чем мы думаем, и по тому, держит ли родитель слово, дитя впервые узнаёт, что такое доверие и можно ли вообще верить людям.
Иной родитель сулит ребёнку с лёгкостью, чтобы отвязаться или утешить, а после забывает, не придавая тому значения, — для него пустяк, а для ребёнка обман и обида. Раз за разом не сдержав слова, ты приучаешь дитя не верить тебе, а после и никому: зачем верить словам, если они ничего не стоят? Держи же данное детям так же твёрдо, как держал бы слово, данное взрослому, а лучше и твёрже, ибо взрослый поймёт и простит, а ребёнок лишь затвердит урок, что обещаниям грош цена. Лучше пообещай меньше, да исполни, чем посули златые горы и обмани.

Почитай отца и мать

Почитай отца твоего и мать твою — этот завет ты найдёшь у всех народов, и недаром. Я же скажу тебе — кто бы ты ни был, ты пришёл в мир беспомощным, и кто-то носил тебя, кормил, не спал ночей, растил, когда ты сам не мог о себе порадеть. Долг этот так велик, что отплатить его сполна нельзя; но помнить о нём и воздавать почтением, заботой и благодарностью — можно и должно.
Не будь из тех, кто, встав на ноги, стыдится простых своих стариков, тяготится ими или вовсе их забывает. Говори с ними почтительно, не презирай их за то, что они отстали от твоего века или малосведущи в твоих делах; помни, что многим в себе ты обязан им. Тёплое слово, навещение, внимание к их нуждам стоят им дороже денег. Как ты обходишься с родителями, так, скорее всего, обойдутся однажды с тобою твои дети, ибо они учатся этому, глядя на тебя.

Почтение не покрывает мучителя

Сказано: почитай отца и мать, — и это верно для всех, кто вправду был тебе отцом и матерью. Я же скажу тебе — но не всякий, кто произвёл дитя на свет, сделался ему родителем. Бывают такие, что били, унижали, морили страхом, продавали своё дитя за выгоду или бросали его вовсе; и требовать от выросшего почтения к таким — значит наказывать его вторично за то, в чём он и в первый раз не был виноват.
Почтение заслуживают, а не наследуют по крови. Кто ломал ребёнка, тот сам разорвал свой завет, и выросший не должен ему ни любви, ни близости, ни оправданий перед людьми, ни ухода сверх того, что велит ему собственная совесть. Не суди же со стороны того, кто не ходит к своей матери: ты не знаешь, что было в том доме, а он не обязан тебе рассказывать. И самому потерпевшему скажу: не носи вины за то, что не сумел полюбить мучителя, — нет в этом порчи. Долг твой лишь в том, чтобы не мстить и не сделаться таким же; а любить через силу тебе никто не заповедовал.

Когда родители состарятся

Придёт пора, когда родители твои состарятся и ослабеют, и тот, кто некогда держал тебя на руках, сам станет беспомощен, как дитя. Я же скажу тебе — это твой час отдать долг: как они кормили и берегли тебя, не способного себя соблюсти, так и ты не оставь их в немощи. Колесо оборачивается: вчера ты был дитя при них, завтра они при тебе.
Не сдавай стариков своих с рук, как обузу, не бросай дряхлых на чужих людей, отгородившись деньгами; им нужны не одни деньги, а твоё присутствие и тепло, ибо страшнее немощи им одиночество и чувство, что стали в тягость. Скажу, однако, и иное, по правде: завет этот — о тех, кто был тебе родителем, пусть и несовершенным. Если же родитель был с тобою жесток и причинил тебе зло, ты не обязан жертвовать собою тому, кто тебя терзал; тут ты волен поставить границу и беречь себя, и никто тебя за то не осудит. Долг почитания — не цепь, что велит вечно сносить надругательство.

Родители — не великаны, а люди

В детстве родители кажутся нам всесильными и всеведущими, как великаны; и оттого, выросши, мы то держим на них обиду, что они оказались не такими, то судим их строго, будто они должны были быть безупречны. Я же скажу тебе — пойми наконец, что родители твои были всего лишь людьми, такими же, как ты: они растили тебя, как умели, со своими страхами, ранами и неведением, нередко сами не зная толком, как надо.
Суди их той же милостивой мерой, какой, как сказано, должно судить и прежнего себя: они делали, что могли, с тем разумением, какое у них было, и большинство их промахов — не злоба, а слабость и неумение. Ты и сам, став родителем, ошибёшься не раз, как ни старайся. Перестань ждать от них, что они станут наконец теми идеальными родителями, каких ты не имел; прими их такими, каковы они есть, как принял бы несовершенного друга. Это не оправдание подлинному злу, если оно было, а избавление тебя самого от напрасной горечи.

Помирись с роднёй, пока живы

Если держишь на родителей обиду, помирись с ними, пока они живы и пока это ещё возможно. Я же скажу тебе — нет тяжелее запоздалого раскаяния, чем у могилы родителя, с которым так и не успел примириться: дверь захлопнется навсегда, и сказанного уже не скажешь, и руки не протянешь.
Прощение тут нужно прежде всего тебе самому: непрощённая обида на родителей грызёт носящего её десятилетиями и отравляет ему собственную жизнь. Отпусти её — не ради них даже, а ради своего покоя. И всё же скажу честно: прощение есть освобождение твоего сердца, а не приказ вернуться под руку тому, кто снова причинит тебе зло; можно простить в душе и всё же

держаться поодаль, если близость опасна. Но коли родитель твой не злодей, а просто несовершенный человек, как все, — не дай гордости и старым обидам лишить тебя его, пока он есть; после будешь жалеть, да поздно.

Почитать — не значит повиноваться

Почитать родителей не значит вечно им повиноваться и жить ту жизнь, какую они тебе прочат. Я же скажу тебе — почтение и послушание не одно и то же: дитя слушается, а взрослый чтит, но решает за себя сам.
Приходит пора, когда птенцу должно покинуть гнездо, а вышедшему из детства — стать хозяином своей судьбы, выбрать самому свой путь, своё дело, своих близких, хотя бы родители прочили иное. В этом нет ни измены, ни неблагодарности; напротив, в том и есть взросление, ради которого тебя и растили. Чти родителей, спрашивай и цени их совет, но не отдавай им руль своей жизни и не живи их непрожитым взамен своего. Дерево, выросшее из семени, тянется к собственному небу, а не остаётся навек низким ростком в тени родителя; и добрый родитель этому радуется, а не противится.

Ты звено в цепи рода

Помни, что ты не сам по себе возник и не сам по себе кончишься: ты — звено в длинной цепи поколений, что тянется из глубокой древности через тебя в неведомое будущее. Знай и чти свой род, тех, кто был до тебя, ибо их трудами, их кровью, их выстоянными бедами стоишь ты ныне, как дерево стоит на корнях, которых не видит и которых не сажало.
Ты получил жизнь, язык, обычай, само своё имя из рук тех, кого, быть может, и не знал; прими это наследство с благодарностью, возьми из него доброе и отбрось дурное, а после передай дальше — детям ли своим, ученикам ли, всякому, кто идёт за тобою. Не ты начало и не ты конец; ты несёшь огонь недолгий срок, приняв его из чужих рук, чтобы передать в другие. Кто чувствует себя частью этой цепи, тот живёт полнее, чем запертый в одном своём коротком веке.

Что взял от рода — и что добавишь

Многое в тебе — и доброе, и трудное — пошло от родителей и от того, как они тебя растили; этого не выбирают. Но я скажу тебе — придёт час, когда винить их за то, каков ты есть, уже бесплодно: ты вырос, и отныне жизнь твоя в твоих руках, и чинить в себе надломленное — твоё дело, а не их.
Можно без конца пенять родителям за раны, что они нанесли, — и иные раны и впрямь тяжелы, не умаляю их. Но сколько ни вини нанёсшего рану, она от этого не затянется; затянуть её можешь лишь ты сам. Тот, кто всю жизнь остаётся обиженным ребёнком при давно состарившихся родителях, ждущим от них наконец того, чего они не дали, тратит свой век впустую. Прими, что было, прости, что можешь, бери в свои руки то, что они недодали, и доделывай

себя сам. Что ты получил — не твоя вина; кем ты станешь дальше — уже твоя забота.

Черта, которую с родными не переступишь

Что бы ни легло меж тобою и родителями, есть черта, которую переступать нельзя: не подымай на них руки, не кляни их и не выставляй на позор перед людьми. Я же скажу тебе — рука, которую они держали, когда ты не умел ходить, не должна подняться на них в гневе; уста, что они учили говорить, не должны изрыгать им проклятий.
Даже когда родитель неправ, даже когда споришь с ним и стоишь на своём, храни в обхождении с ним почтение и не опускайся до брани, побоев и поношения — это ложится позором прежде всего на тебя самого. Иное дело, если родитель сам подымает на тебя руку или чинит насилие: тогда ты вправе защититься и оборониться, ибо терпеть побои не велит никакой долг. Но речь тут о другом — о том, чтобы не ты был тем, кто из злобы или презрения вершит над родителем расправу словом или делом.

Не грызись из-за наследства

Горько видеть, как после смерти родителей дети их, ещё вчера родные, грызутся из-за оставленного добра и расходятся врагами на всю жизнь. Я же скажу тебе — нет глупее размена, чем поделить вещи и потерять родню; имущество истлеет и забудется, а разорванная кровная связь не срастётся, и над свежей могилой особенно стыдна эта свара.
Не дай мёртвым вещам убить живые узы. Лучше уступить в дележе лишний кусок, чем нажить вечную вражду с братом или сестрою; деньги наживёшь снова, а родного человека — едва ли. Если делить — делите по совести и миром, а не урывая друг у друга; и помни, что родители твои, верно, не того хотели, оставляя нажитое, чтобы оно стало меж их детьми яблоком раздора. Тот, кто ради наследства предал родную кровь, остался в накладе, как бы много ни урвал.

Разорви дурную цепь рода

Если рос ты в обиде, в холоде или под тяжёлой рукой, в тебе живёт соблазн — часто неосознанный — поступать после так же со своими детьми, ибо человек все же повторяет то, что видел, даже клянясь не повторять. Но я скажу тебе — будь тем звеном, на котором дурное наследство оборвётся.
Что было сделано тебе во вред, не передавай дальше по цепи поколений. Розгу, что переходила из рук в руки от деда к отцу и к тебе, — переломи, а не вкладывай в руку своему ребёнку. Это труднее, чем кажется: проще всего воспроизвести знакомое, и нужно немалое усилие и зоркость к себе, чтобы вовремя поймать в себе родительский замах и не повторить его. Но в этом и есть высший способ почтить доброе и победить злое своего рода: взять из

прошлого светлое, а тёмное прервать на себе, чтобы детям твоим досталось наследство чище, чем досталось тебе.

Бездетность — не увечье

Не у всех бывают дети: одним не даётся, другие не встретили того, с кем растить, третьи выбрали иное; и все трое слышат от людей одно и то же — назойливую жалость да советы. Я же скажу тебе — жизнь мерится не потомством, а тем, чем ты стал и что после тебя осталось людям.
Растить можно не только рождённое тобою. Есть племянники и чужие сироты, есть ученики, которым передашь ремесло, есть дело, которое переживёт тебя, есть посаженный сад и выхоженный больной. Многие из тех, кого помнят веками, не оставили детей — и бездетными не остались, ибо оставили иное. А кто пристаёт к бездетным с расспросами да с непрошеным утешением, тот роется в чужой ране немытыми руками: не спрашивай о том, о чём тебе не сказали сами. Сам же не оправдывайся ни перед кем: отчего у тебя нет детей — дело твоё и больше ничьё.

Труд, которого не считают

Есть работа, которую замечают лишь тогда, когда её перестают делать: стирка, стряпня, чистота в доме, хождение за стариками, память о днях рождения, письма и звонки, которыми держится родня. Я же скажу тебе — она отнимает годы, а в счёт не идёт, ибо не оставляет вещи, которую можно показать: у неё виден только результат — что всё как всегда.
Оттого держись двух правил, смотря по тому, с какой ты стороны. Если эту работу делаешь ты — назови её вслух и считай наравне с прочей, не жди, что заметят сами: не заметят, потому что она устроена быть невидимой. Скажи прямо и рано, до того как накопится обида: о том говорится там, где сказано, что бывает, когда один тянет за всех. А если её делают для тебя — погляди на неё нарочно, ибо иначе ты и вправду не увидишь. Спроси себя, сколько часов в неделю она берёт, и попробуй сам неделю; после этого разговор пойдёт иначе. И знай: благодарность за такой труд стоит дёшево, а участие в нём — дорого; первое говорят, второе делают.

Не держи детей при себе силой

Слово родителям, в противовес завету о почитании: не превращайте то, что дали детям жизнь и вырастили, в вечный долг и кнут над ними. Я же скажу тебе — кто без конца поминает ребёнку «мы тебя родили, вскормили, всем пожертвовали», требуя за то покорности и оплаты, обращает родительский дар в ростовщичество, а любовь — в кабалу.
Растить дитя — не ссуда, выданная под проценты, а дар, и дар не держат над головой как залог. Ребёнок не просил его рождать; вы дали ему жизнь по своей воле, и за это он не подписывал вам вечной службы. Хочешь, чтобы дети чтили

тебя, — заслужи это любовью и уважением, а не вымогай виной и попрёком; почтение, выжатое стыдом и чувством долга, мертво и оборачивается тайной обидой. Дай детям вырасти и идти своим путём свободно — и они вернутся к тебе по любви, а не по принуждению.

Не стыдись простого рода

Не стыдись родителей своих за то, что они просты, бедны или заняты непочётным в глазах света трудом. Я же скажу тебе — нет позора в честной бедности и в работе чёрной, но честной; постыдно не происхождение из низов, а отречение от тех, кто тебя поднял, ради того, чтобы казаться выше, чем ты есть.
Поднявшись над родителями в учёности, достатке или чине, не гляди на них свысока и не прячь их, точно они тебя срамят. Руки, огрубевшие от тяжкого труда ради тебя, почётнее холёных рук иного бездельника; хлеб, добытый ими честно, хоть бы и чёрной работой, чище неправедного богатства. Помни, из какого ты теста, и не красней за корни свои: дерево, что стыдится корней и тщится сделать вид, будто выросло само из воздуха, и есть самое жалкое. Кто чтит простой свой род, тот крепче стоит, чем выскочка, отрёкшийся от своего.

Не выноси сор из избы

Семейные нелады, стыд и слабости родных держи по возможности в стенах дома, а не выноси на торжище. Я же скажу тебе — кто спешит поведать всякому встречному о сраме отца, о пороке брата, о домашней сваре, тот роняет не только их, но и себя, ибо срам родни ложится тенью и на него.
Доброе имя рода — достояние общее: его берегут или роняют все вместе. Не злословь о родне на людях, не выставляй её слабостей напоказ ради красного словца или жалости к себе; что можно уладить внутри — улаживай внутри. Это не значит покрывать настоящее зло или молчать, когда в семье творится насилие и надо звать на помощь, — там молчание было бы соучастием. Но обыкновенные нелады, промахи и стыдные мелочи, какие есть в каждом доме, не место трепать на людях.

Береги связь с братьями и сёстрами

Береги связь с братьями и сёстрами, ибо нет у тебя спутников дольше их. Я же скажу тебе — родители твои уйдут раньше, дети и супруг придут в твою жизнь позже, а братья и сёстры идут с тобою почти от начала и до конца: они одни помнят тебя малым, знают, из какого ты дома и теста, делили с тобою и кров, и хлеб, и первые годы.
Это родство особое, и глупо разменивать его на пустяки. С годами разводят людей дороги, города, заботы, и кровные становятся друг другу чужими не со зла, а по небрежению. Не дай этому случиться: поддерживай связь, как сказано и о дружбе, не жди особого повода, чтобы протянуть руку родному. Тот, у кого

есть брат или сестра, с кем не порвана нить, не одинок до конца дней, что бы ни отняла у него жизнь.

Родне держаться вместе

Родне держаться вместе — великая сила, а порознь — слабость. Я же скажу тебе — вспомни связку прутьев: один прутик переломит и дитя, а связку вместе не переломит и силач. Так и братья и сестры: пока стоят друг за друга, их не одолеть, а раздели их враждою — и каждого сломают поодиночке.
Старый отец, говорят, оттого и показал детям эту связку перед смертью, что знал: рассорившись, они станут лёгкой добычей всякому. Стойте же друг за друга перед бедой и чужим напором, помогайте в нужде, и не предавайте своих. В семье, где родня заодно, и беда не так страшна, ибо есть на кого опереться; а где всякий сам за себя и рад промаху брата, там и чужому легко обобрать всех поодиночке.

Соперничество братьев

С малых лет меж братьями и сёстрами тлеет соперничество — за родительскую любовь, за похвалу, за первенство; это в природе вещей. Но я скажу тебе — не давай этому детскому соперничеству перерасти в зависть и вражду, что отравят родство на всю жизнь.
Древнейшее предание о том, как старший брат из зависти поднял руку на младшего, неспроста стоит в начале людских историй: зависть к родному — из самых давних и злых отрав. Не меряйся с братьями и сестрами, кто удачливее, богаче, кого больше любили; радуйся его удаче, как должно радоваться удаче друга, тем паче что он тебе ближе друга. Если же родители и впрямь любили вас неровно, не вымещай эту старую боль на братьях и сестрах — не они тому виной, и вы оба ею обделены. Зависть к своему же роду гложет того, кто её носит, и рушит то, что должно быть опорой.

Кто роднее в час беды

В обычные дни и друзья, и родня хороши одинаково; но в час настоящей беды яснее видно, кто есть кто. Я же скажу тебе — брат и сестра нередко и рождены для того, чтобы быть рядом в беду: когда отвернутся прочие, кровный придёт. Оттого, случись беда у брата или сестры, не отворачивайся, хотя бы вы были и в размолвке: иные ссоры меркнут перед настоящим горем, и в тяжкий час родне должно сходиться, а не считаться старыми обидами. И сам, попав в беду, знай, к кому идти. Скажу, однако, и иное: бывает, что добрый друг или близкий сосед роднее иного брата, живущего далеко и душою, и верстами; кровь сближает, да не всегда, и тот тебе брат, кто ведёт себя как брат, а не только зовётся им по крови.

Брат не навек ребёнок

Братья и сёстры часто застревают друг для друга в детстве: старший навек видит в младшем несмышлёныша, младший в старшем — задиру и любимчика, и оба, давно поседев, всё разыгрывают меж собою те же роли, что в отчем доме. Я же скажу тебе — повзрослей в отношении к своим кровным, как повзрослел во всём прочем.

Отпусти детские обиды: кто кого дразнил, кому досталась лучшая доля, кто разбил, а свалил на другого. То были дети; вы оба с тех пор переменились. Погляди на брата или сестру новыми глазами — не как на соперника из детской, а как на взрослого человека, каким он стал, и дай ему увидеть тебя нынешнего. Многие родные годами в ссоре из-за того, что случилось, когда им было десять лет, и сами уже не помнят толком, с чего пошло. Не теряй родного из-за давно истлевшей детской обиды.

Помогай родне, но не в ущерб себе

Родне в нужде помогай охотнее, чем чужому, ибо на то и родство. Но я скажу тебе — и у этой помощи есть предел, и кровь не обязывает тебя терпеть без конца тех, кто этим злоупотребляет.

Помочь брату, попавшему в беду не по своей вине, поддержать оступившегося, выручить в трудный час — долг и благо. Но если родич сел тебе на шею и тянет с тебя без конца, не желая сам пошевелиться, проедая твоё и твоей семьи и прикрываясь родством, — ты вправе сказать «нет», и это не чёрствость, а здравый смысл: помогать должно тому, кто и сам старается, а не вечному дармоеду. И уж тем паче кровь не велит тебе сносить от родни обиды, побои и поругание: родственник, что чинит тебе зло, не лучше чужого злодея оттого, что он тебе родня. Помогай родным щедро, но не дай ни сесть себе на шею, ни помыкать собою.

Кровь не ручается за любовь

Не думай, будто кровное родство само по себе ручается за любовь и верность. Я же скажу тебе — родня по крови дана тебе не по выбору, и не всякий, кто тебе родственник, тебе и близок: бывает брат чужее чужого, а бывает друг, что ближе всякого брата.

Цени родство и береги его, об этом сказано; но если кровный твой холоден, лжив или чинит тебе зло, ты не обязан любить его и держаться за него только потому, что вы одной крови. Семью по крови не выбирают, но семью по душе — тех, кто тебе верен, кто рядом и в беде, и в радости, — ты вправе обрести и среди неродных, и они тебе родня не меньшая, а порой и большая. Кто остался без доброй кровной семьи или отрёкся от злой, пусть знает: родных можно обрести и сердцем, а не только кровью. Тот тебе брат, кто поступает как брат.

Свойственники

Беря супруга, берёшь и его родню, а он — твою; две семьи делаются роднёй через вас двоих. Я же скажу тебе — относись к новой родне с уважением и приязнью, как хотел бы, чтобы твою родню принял твой супруг; от того, поладят ли две семьи, во многом зависит и мир вашего собственного дома.
Не воюй со свойственниками, никогда не заставляй любимого выбирать между тобою и его роднёю, не тяни его всякий раз в свою сторону — это разрывает ему сердце и рушит ваш союз. И своей родне не давай помыкать твоим супругом и лезть в вашу жизнь, о чём сказано там, где речь о стене вокруг союза. Держись золотой середины: чти и принимай новую родню, но дом свой и решения свои оберегай от чрезмерного её вмешательства с обеих сторон. Где две семьи в ладу, там молодым вдвое опоры; где в раздоре — там вдвое тягот.

Дом — убежище, не поле ран

Пусть дом твой будет тем местом, где отдыхают от мира, а не где получают новые раны. Я же скажу тебе — мир снаружи и так суров, бьёт и треплет всякого; и горько, когда человек, уйдя от внешних бурь, не находит покоя и за порогом своим, а вступает в домашнюю войну.
Береги мир под своей крышей как драгоценность. Пусть тот, кто входит в дом, оставляет за дверью раздражение и спесь; пусть домашние знают, что здесь их не предадут, не унизят, не подымут на них руки, что здесь можно быть слабым и усталым и быть принятым. Дом, где вечно склока, крик и попрёк, не дом, а тюрьма, из которой все рады сбежать; а дом, где встречают теплом и миром, тянет к себе и держит крепче всех стен. Что посеешь в стенах своих, тем они и наполнятся.

Тело не грязно, и желание не порча

Много труда положено людьми на то, чтобы уверить человека, будто тело его нечисто, а влечение — низменно и постыдно. Я же скажу тебе — оглянись, кому это было выгодно: стыдом легче править, чем разумом, и тот, кто убедил тебя стыдиться собственной природы, получил над тобою власть, за которую ты ещё и благодарен.
Тело дано тебе на эту жизнь, и радости его — от еды, от движения, от сна, от близости с любимым — не грязнее радости от песни или от хорошо сделанной работы. Дурным делает их не природа, а одно из двух: принуждение и обман. Где взято силою или добыто ложью — там порча, и никакая любовь тому не оправдание; где двое сошлись по доброй воле и никого не обманули — там нет ни греха, ни повода краснеть, нет дела до вас соседям. Не путай же стыд с совестью: совесть говорит о том, что ты сделал другому, а стыд, которому тебя выучили, — лишь о том, что подумают люди. Слушай первую и не давай второму управлять твоей жизнью.

Близость двоих

Телесная близость — не малое дело и не отдельное от прочей жизни: в ней люди бывают таковы, каковы они есть, и то, каков ты в ней, есть часть того, каков ты вообще. Я же скажу тебе — правило здесь одно и простое: желание обоих, и всякий раз заново. Не выпрошенное согласие, не уступка от усталости, не покорность из страха рассердить — а желание. Кто берёт своё через нехотение другого, тот не любящий, а насильник, и никакой брак этому не оправдание.

Прочее же есть внимание. Спрашивай и слушай; говори о том, чего хочешь сам, и не жди, что о твоём догадаются молча. Не сравнивай ни с кем и не поминай прошлого. Не смейся над этим, не хвались этим перед другими и не выноси этого из дому: бывшее между двоими двоим и принадлежит. И знай, что близость идёт следом за жизнью, а не отдельно от неё: где днём обида, презрение да усталость, там и ночью не будет тепла, сколько ни старайся. Чинить надо не ночь, а день.

Семья держится прощением

Под одной крышей, в тесной каждодневной близости, обиды копятся сами собою: задели словом, не так взглянули, забыли, недодали. Я же скажу тебе — научись прощать своим легко и часто, не ведя счёта обидам, не то дом твой обратится в судилище, где всякий припоминает другому давние вины.

Кто хранит в сердце список всех обид, нанесённых родными, тот сам себя казнит и отравляет семье воздух. Отпускай мелкое сразу, не давая ему слежаться в тяжкое; а в ссоре первым делай шаг к миру, не считая это поражением, ибо в семье, как и в любви, мирится первым не слабейший, а тот, кто мудрее и больше дорожит близкими. Семья, где умеют прощать, переживёт многое; семья, где всё помнят и ничего не прощают, рассыплется под грузом собственных счётов.

Будь верен своим

Будь верен своей семье, стой за своих, не предавай и не бросай их ради выгоды или чужого одобрения. Я же скажу тебе — кровные и домашние твои должны знать, что на тебя можно положиться, что ты их не продашь и не отступишься в трудный час.

Но верность семье — не то же, что слепое пособничество. Стоять за своих не значит покрывать их злодеяния, лгать ради них или молчать, когда родич творит зло. Если родной твой чинит насилие над слабым в доме — над ребёнком, над стариком, над беззащитным, — верность не велит тебе это покрывать; напротив, долг твой стать на сторону обиженного, хотя бы обидчик и был тебе родня. Истинная верность семье — в том, чтобы хранить в ней правду и беречь её слабых, а не в том, чтобы круговой порукой прикрывать сильного, когда он неправ.

Не требуй от домашних безупречности

Живущие бок о бок неизбежно трутся друг о друга: чужие привычки, беспорядок, дурное настроение, тысяча мелочей, что в постороннем не заметил бы, а в домашнем раздражают именно оттого, что всегда перед глазами. Я же скажу тебе — не из великих ссор чаще всего рушится семейный мир, а из накопившихся мелких трений, которым дали разрастись.
Учись сносить малое и не делать из мухи слона. Не всякую оплошность родного надо отмечать, не всякое раздражение высказывать, не всякий пустяк превращать в повод для выговора; иное лучше пропустить мимо, простить молча, не заметить. Шлифуй острые углы в себе, а в других терпи — ведь и они терпят твои, которых ты за собою не видишь. Кто требует, чтобы домашние были безупречны и ни в чём его не задевали, обрекает и себя, и их на вечную войну по пустякам.

Не приноси домой злость с улицы

Худо приходится семье того, кто, намучившись и озлившись за день на стороне, приносит всё это домой и срывает на близких. Я же скажу тебе — берегись делать тех, кто любит тебя, мишенью для злобы, накопленной не на них. Несправедливо это вдвойне: и потому, что виноваты перед тобою не они, и потому, что именно им, любящим, достаётся худшее твоё, тогда как чужим, перед кем ты робеешь, ты являешь лучшее и сдержанное. Перешагивая порог дома, постарайся оставить за ним усталость и горечь дня — или хотя бы предупреди родных, что тебе тяжко, и попроси снисхождения, вместо того чтобы кидаться на них. Дом и близкие — не громоотвод для твоих бурь. Тот, кто с чужими учтив, а на родных отыгрывается, всё поставил с ног на голову: должно быть ровно наоборот.

Болезнь и уход

Не отворачивайся от близкого в болезни и не беги от постели умирающего из страха или брезгливости. Я же скажу тебе — легко быть рядом в радости и в здравии; верность узнаётся у одра больного, в долгом, некрасивом, утомительном уходе, когда от человека уже нечего ждать взамен.
Многие сторонятся тяжелобольных и умирающих, ибо те напоминают им о собственной смертности, и оставляют их угасать в одиночестве — а это из горьких сиротств. Не будь таким. Навещай хворого, облегчай чем можешь его тяготы, а у одра уходящего просто будь: держи за руку, не оставляй одного перед последним порогом. Не нужно умных слов — нужно, чтобы человек не был брошен. Дать близкому уйти не в одиночестве, а в окружении любящих — один из последних и самых важных даров, какие можно ему поднести; и тебе самому однажды будет легче на душе, что ты не сбежал.

Лишившийся дома

Тяжела утрата дома: и того, кто погорел, и того, кого выгнала война, и того, кто ушёл сам, спасая жизнь. Я же скажу тебе — человек без дома теряет не одни стены: он теряет место, где его знали, привычный порядок дней и право не объясняться. Оттого не мерь такого по тому, каким он стал в первый год: ты видишь не человека, а человека в беде.
Ему же скажу: дом — не только сруб и не только город, где ты родился; дом есть место, где твоё дело, твой стол и твои люди, и его можно сложить заново, хотя и не сразу, и не будет он таков, как прежний. Тоскуй, сколько тоскуется, — тоска по родине не блажь, — но не живи в одной этой тоске, будто нынешние годы не в счёт: они в счёт, и другие тебе не выданы. А ты, у кого дом цел, — приюти, дай работу, назови по имени и позови за стол: ничто так не возвращает человеку самого себя, как приглашение в чужой дом, где с ним говорят не как с бедой, а как с гостем.

Горе и утрата

Придёт час — и ты потеряешь тех, кого любишь; никто не минует этой чаши. Я же скажу тебе — горе утраты есть оборотная сторона любви, и тяжесть его соразмерна тому, как сильно ты любил; не стыдись же ни слёз своих, ни боли, ибо они — последняя дань любви, и тот, кто горюет, любил по-настоящему.
Не торопи скорбь и не слушай тех, кто велит «крепиться» и поскорее всё забыть; у горя свой срок, и его надо прожить, а не затолкать вглубь. Но и не селись в нём навек, не обрати свою жизнь в нескончаемые поминки: ушедший не хотел бы, чтобы ты похоронил себя живым подле него. Со временем острая боль сменяется тихой памятью, и это не измена умершему, а исцеление.
Любимые не исчезают совсем, пока живы в нас: мы носим их в себе — их слова, их повадки, то доброе, чему они научили, — и так передаём дальше. Оплачь, отпусти и живи дальше, неся их в сердце, — это и есть верность ушедшим.

Утешение

Когда близкий твой в горе, не знаешь порой, что сказать, — и хорошо, ибо чаще всего говорить и не надо. Я же скажу тебе — горюющему нужны не твои слова и не твои советы, а ты сам рядом; молчаливое присутствие утешает вернее всякой мудрой речи.
Не спеши унимать чужую боль бойкими утешениями: «не плачь», «всё к лучшему», «время лечит», «крепись» — такие слова, хоть и сказаны добром, чаще ранят, ибо в них слышится «довольно тебе горевать», а человек ещё не готов. Не учи горюющего, как ему чувствовать, не сравнивай его беду с чужой, не торопи. Просто будь рядом: посиди молча, выслушай, если захочет говорить, помоги с насущным — принеси еды, побудь, чтоб не был один. Сказать «я не знаю слов, но я с тобою» — больше, чем любая мудрость. Друзья, что донимали страдальца поучениями, с древности памятны как пример того, как утешать не надо.

Друзья

Попав в беду, оглянись и заметь, кто из друзей остался рядом и протянул тебе руку. Я же скажу тебе — запомни их доброту и не забывай её вовек; в час нужды и распознаётся истинная дружба, ибо в довольстве вокруг тебя многие, а в беде — лишь немногие.
Этих немногих береги пуще всякого сокровища: при всякой возможности помогай им и радуй их, отвечая добром на добро не по расчёту, а от сердца. Друзья, проверенные бедою, — твое самое великое богатство этой жизни, дороже золота, ибо золото беда отнимает, а таких друзей лишь обнаруживает. Кто остался с тобою в чёрный день, тому будь верен и в свой светлый; такими друзьями не разбрасываются.

Не множество приятелей, а друг

Не считай богатством своим множество приятелей. Я же скажу тебе — иметь сотню знакомцев, что хороши с тобою, пока им весело или выгодно, — не то же, что иметь хоть одного истинного друга. Многие знают тебя; друзей же меж ними наперечёт.
Друг настоящий редок, как редка всякая драгоценность, и не сыщется он во множестве и наспех. Не гонись же за числом, ищи немногих, но верных. Один, что не оставит тебя в беде, дороже толпы сотрапезников, что льнут к полному столу и расходятся, едва он опустеет. Береги такого пуще злата: золото истратишь и наживёшь снова, а истинного друга, потеряв, заменить нечем.

Три рода дружбы

Мудрые различали три рода дружбы. Иные сходятся ради пользы, иные ради удовольствия, и лишь немногие — ради самого человека, за то, каков он есть. Знай и помни эту разницу, ибо две первые дружбы непрочны.
Кто дружит с тобою ради выгоды, отойдёт, едва иссякнет выгода; кто ради веселья — покинет, едва станет с тобою скучно или тяжко. Они как пчёлы на цветке: пока в нём нектар, вьются вокруг, а увянет — летят к другому. И только дружба, что держится на уважении к самому человеку, на близости душ и общих ценностях, переживает и убыток, и хворь, и седину. Такую дружбу и строй, и таким другом сам будь — не ради того, что можешь взять, а ради самого того, кто перед тобою.

Друг или льстец

Бойся друга, что вечно тебе поддакивает и во всём хвалит, ибо такой чаще льстец, чем друг. Я же скажу тебе — вернее друг тот, кто решится сказать тебе нелестную правду, чем тот, кто угождает сладкой ложью.

Раны от друга вернее поцелуев врага: горькое слово, сказанное любящим, лечит, а медовая лесть исподволь губит. Настоящий друг — как честное зеркало: показывает и пятно на твоём лице, чтобы ты стёр его, а не таит из боязни тебя огорчить. Цени того, кто любит тебя довольно, чтобы рискнуть твоим неудовольствием ради твоего же блага; и сам будь для друга таким зеркалом, но держи правду в оправе участия, а не злорадства.

Умей сам быть другом

Многие хотят иметь друзей, да сами быть другом не умеют или не желают. Я же скажу тебе — дружбу, как и поле, надо прежде засеять, чтобы потом собрать. Кто ищет в друге одной лишь опоры себе, а сам опорой быть не готов, тот останется один.
Не жди, пока друг первым проявит верность, заботу, щедрость, — будь таков сам, и подобное притянется к подобному. Раздели чужую беду, порадуйся чужой удаче, протяни руку прежде, чем попросят, — и обретёшь то же в ответ; а не обретёшь от этого человека, так от другого, ибо посеянное добро редко пропадает вовсе. Дружба есть обмен, в котором не считают, кто больше дал; но начинать этот обмен всегда должно с себя.

Дружбу нужно поливать

Дружба не камень, что лежит сам собою, а живое растение: не поливаешь — засыхает. Я же скажу тебе — даже крепкая дружба гибнет от небрежения, если годами не подавать о себе вести, не делить ни досуга, ни беседы, ни участия. Тропа, по которой давно не ходят, зарастает травой и теряется; так и связь меж людьми, которую не поддерживают, мало-помалу глохнет, и однажды оказывается, что меж вами выросла чужбина. Не дай дружбе зарасти. Навести, напиши, спроси, как дела, окажи услугу без повода — этими малыми знаками внимания и держится близость. Тот, кто помнит о друзьях лишь когда они ему нужны, скоро обнаружит, что и о нём вспоминают так же.

Нет друга без изъяна

Не ищи друга без единого изъяна — такого нет на свете, и, найдись он, ты сам оказался бы ему не пара. Я же скажу тебе — кто порвёт с другом из-за всякой его слабости или промаха, тот скоро останется вовсе без друзей.
Нет розы без шипов и плода без изъяна; так и в человеке, как бы ни был он мил тебе, найдётся, что тебе не по нраву. Бери друга со всем, что в нём есть, как и он берёт тебя с твоими несовершенствами, которых ты в себе и не видишь.
Прощай ему малое ради большого, терпи в нём терпимое и не требуй, чтобы он был тем, кем не является. Дружба, что рвётся при первой шероховатости, и не была дружбой, а лишь приятельством до первой размолвки.

Друг узнаётся в твоей удаче

Узнать друга легче всего не в твоей беде, а в твоей удаче. Я же скажу тебе — посочувствовать упавшему способны многие, ибо чужое несчастье втайне даже льстит нам, возвышая нас над несчастным; а вот искренне порадоваться тому, кто поднялся выше тебя, без укола зависти, — на это способен лишь истинный друг.
Гляди же, как встречает человек твой успех, твоё счастье, твоё возвышение. Кто рад им непритворно, как своим, — тот друг тебе подлинный; а в чьих поздравлениях сквозит кислота, кто при вести о твоей удаче мрачнеет, тот был с тобою, лишь покуда ты был не выше его. И сам, дорожа дружбой, учись радоваться удаче друга так же непритворно, ибо это и есть та редкая проба, по которой дружбу узнают вернее всего.

С кем поведёшься

Скажи мне, с кем ты водишься, и я скажу, кто ты, ибо человек незаметно перенимает нрав тех, кем окружил себя. Я же скажу тебе — выбирай в друзья не тех лишь, с кем весело, а тех, рядом с кем ты сам делаешься лучше.
Железо острит железо, и один человек оттачивает ум другого. Держись тех, у кого есть чему поучиться, кто выше тебя в чём-либо — в уме, в доблести, в мастерстве, — и они подтянут тебя к себе; а кто водится лишь с теми, над кем мнит себя выше, тот сам не растёт. Беги от дружбы, что тянет тебя вниз, к лени, злобе или пороку, сколь бы ни была она приятна, и ищи той, что зовёт вверх. С добрым подружишься — добру и научишься.

Не спеши вверять доверие

Долго присматривайся к человеку, прежде чем назвать его другом и впустить в своё доверие; тут спешка опасна. Но я скажу тебе — раз уж ты избрал его и впустил, доверяй ему всем сердцем, а не держи при нём камень за пазухой.
Кто, назвав человека другом, всё же тайком его подозревает, следит и испытывает, тот сам отравляет дружбу, не дав ей и расцвесть, и оскорбляет того, кого зовёт другом. Это всё равно что отворить гостю дверь, а после всю ночь стеречь от него свои сундуки. Взвешивай долго — доверяй потом полно. Без доверия дружбы нет вовсе; есть лишь два сторожащих друг друга человека, что зовут это дружбой по ошибке.

Храни доверенную тайну

Когда друг доверяет тебе тайну, он вручает тебе часть себя на сохранение. Я скажу тебе — храни доверенное, как сторож хранит святыню; кто выдаёт чужие тайны, тот не друг, а предатель, как бы сладко ни звался.

Доверенное тебе — что вода, зачерпнутая в горсть: чуть разожми пальцы, и протечёт, не соберёшь. Разболтавший чужую тайну теряет не только этого друга, но и доверие всех, кто о том прослышит, ибо кто доверится тому, у кого язык как решето? Будь же могилой для чужих тайн. И сам, прежде чем довериться, гляди, кому вверяешь, — не всякому дано молчать.

Верность друга — за глаза

Другом легко быть верным в глаза; верность проверяется за глаза. Я же скажу тебе — когда при тебе злословят о друге, которого нет рядом и который не может за себя ответить, не молчи трусливо и тем паче не поддакивай, а вступись за него, как вступился бы, будь он тут.
Кто за глаза поносит того, кому в лицо улыбается, тот не друг, а двуличный. Ты же стой за имя друга так, как стоял бы за него самого: не дал бы ограбить его на твоих глазах — не давай же красть и доброе его имя в его отсутствие. А коли знаешь за другом и впрямь дурное, скажи об этом ему самому с глазу на глаз, а не суди его за спиной перед чужими.

Чини, пока не сломалось

Близкие люди расходятся редко от ссоры и почти всегда от молчания: не поссорились, не рассорились, а просто перестали звать — сперва оттого, что были заняты, потом оттого, что стало неловко от долгого молчания, а после уже и не вспомнить, отчего. Я же скажу тебе — дружбу, родство и любовь губит не буря, а сухость: они не ломаются, они высыхают.
Оттого чини рано и малым. Не жди большого разговора о том, что между вами стало не так, — большого разговора обыкновенно и не случается. Позови на встречу; спроси о его деле и дослушай; приди, когда у него горе, хотя бы вас и развело; напиши хоть пару строк без повода. Мелочь, сделанная нынче, стоит дороже объяснения, до которого вы оба не дойдёте.

Позови первым

Двое ждут, чтобы позвал другой, и оба считают, что теперь не их очередь, — так и проходят годы, а после кто-нибудь из двоих умирает, и оставшийся идёт на похороны, где уже ничего не поправить. Я же скажу тебе — счёт «чья нынче очередь» погубил больше дружб, чем все обиды вместе взятые.
Позвавший первым ничего не теряет и никому не проигрывает: гордость, оберегаемая в таком деле, — не достоинство, а страх услышать холодный ответ. Ну, услышишь; переживёшь. Зато будешь знать, что от тебя не зависело, а не гадать до старости. И помни: ты никогда не узнаешь, сколько раз тот, другой, тоже брался позвать и не решался, — вы оба сидели по домам, храня одинаковую обиду и одинаково думая друг о друге дурно.

Дружба и деньги

Будь осмотрителен, мешая дружбу с деньгами, ибо денежные счёты рассорили больше друзей, чем открытая вражда. Я же скажу тебе — давши другу в долг, нередко теряешь и долг, и друга разом: он начинает избегать тебя, стыдясь, а ты — досадовать, не получая обратно, и меж вами вырастает холод там, где была теплота.
Оттого, если уж помогаешь другу деньгами, лучше дай ему столько, сколько можешь отдать без возврата, как подарок, и забудь о том: вернёт — хорошо, не вернёт — не потеряешь ни сна, ни друга. А давать в долг больше, чем готов потерять, меж близкими опасно.

Не спеши называть другом

Не спеши называть другом всякого, кто мил тебе при первой встрече; дружба, как доброе дерево, растёт не вдруг, а годами, и крепка лишь выросшая медленно. Я же скажу тебе — выбирай друга неторопливо, но и порывать с ним не торопись.
Многолетнюю дружбу легко разрушить в час гнева, да трудно потом склеить. Прежде чем порвать с другом из-за обиды, вспомни всё доброе, что было меж вами, и не руби сплеча. А коли дружба и впрямь отжила и держать её более не на чем, дай ей тихо угаснуть, не оборачивая в ненависть: тот, кто был тебе близок, знает твои слабые места, и враг из бывшего друга выходит злее чужого. Расставайся, если надо, но без вражды — с благодарностью за то, что было.

Великое благо дружбы

Не одни лишь предостережения связаны с дружбой; есть в ней и великое благо, ради которого всё прочее и стоит трудов. Я же скажу тебе — добрый друг есть как бы второе твоё «я», и с ним всякая радость полнее, а всякая беда легче. Радость, разделённая с другом, не убывает, а растёт вдвое; горе, поведанное другу, не вырастает, а делится надвое и оттого легчает. В удаче друг — тот, с кем хорошо ликовать; в беде — плечо, на которое можно опереться, и уши, готовые выслушать. Человек без единого друга беден среди любого богатства, а с верным другом не нищ и в нужде. Оттого, дорожа дружбой, помни не только что брать в ней, но и какое это счастье — иметь кому отдать.

Границы с близкими

Любить близких и заботиться о них — благо; но я скажу тебе — и тут есть мера, и любовь к близким не велит тебе раствориться в них без остатка и забыть себя вовсе. Можно и должно сказать «нет» порой даже самым родным, и это не предательство, а здравие.

Кто отдаёт близким всего себя без передышки, ничего не оставляя на собственную жизнь, тот скоро выгорает, и от него уже мало проку: пустой колодец не напоит, и догоревшая дотла свеча никому не светит. Чтобы давать другим, надо, чтобы было из чего; оттого береги и свои силы, и своё время, и свой угол. Не позволяй и тем, кого любишь, помыкать собою без меры, взваливать на тебя всё и тянуть без конца под именем родства или дружбы. Здоровая любовь не рабство: в ней двое стоят, а не один несёт другого на горбу, покуда не падёт. Заботясь о близких, не забывай и того, о ком, кроме тебя, позаботиться некому, — себя самого.

Любить, но не потворствовать

Любить близкого не всегда значит давать ему то, что он просит, и пособлять во всём, что он затеял. Я же скажу тебе — когда тот, кто тебе дорог, катится под откос — пьёт, играет, губит себя или других, — подсоблять ему в этом из жалости или из страха его огорчить значит не любить, а пособничать беде. Случается, что самый любящий поступок — твёрдое «нет»: не дать денег на отраву, не покрыть дурного, не помочь там, где помощь лишь способствует падению. Это тяжелее, чем уступить, и любящего за это нередко клянут — да только мягкостью тут не спасают, а топят. Люби человека, но не люби его погибель; и порой в удержании больше любви, нежели в поддакивании. Кто из жалости пособляет порокам ближнего, тот ему не опора, а соучастник.

Одиночество точит вернее болезни

Человек не создан жить один, и одинокий вянет не только душою. Я же скажу тебе — долгое одиночество подтачивает и тело: одинокие чаще хворают, тяжелее выздоравливают и раньше уходят, и не потому, что слабы, а потому, что человеку нужен человек так же, как хлеб и сон.
Оттого не считай связи с людьми делом досужим, которое можно отложить до времени, когда управишься с важным. Это и есть важное. Не давай зарастать тропе к друзьям; зови первым, не считаясь, чья нынче очередь; садись за общий стол и сажай за него других. А если видишь человека, который остался один — овдовел, состарился, отбился от своих, — не жди его просьбы: одинокие не зовут, оттого и остаются одни. Позови сам. Иной раз одним совместным ужином в неделю ты продлеваешь человеку годы.

Переставь вещи, а не борись с собою

Не полагайся на одну свою твёрдость: она у всякого к вечеру слабеет, и в час усталости решает не разум, а то, что под рукой. Я же скажу тебе — умный устраивает жизнь так, чтобы доброе давалось легко, а дурное трудно, и через то побеждает без единой битвы.
Хочешь читать — положи книгу там, где сидишь, и убери подальше то, что мельтешит. Хочешь бросить пить — не держи вина в доме, ибо победивший

себя вечером у полного шкафа побеждает трижды за вечер, а не устоит один раз. Хочешь вставать рано — ложись раньше, а не собирайся с духом поутру. Всякий раз, когда тебе трудно принудить себя, спроси не «как мне себя пересилить», а «что мне переставить, чтобы силиться не пришлось». Кто убрал соблазн подальше, тот сберёг себя не для этой малой борьбы, а для той, где силы вправду понадобятся.

Одиночество и связи

Если случилось так, что рядом с тобою нет близких — родные далеки или потеряны, друзей не нажил, любви не встретил, — не считай это приговором на весь век. Я же скажу тебе — близость не только даётся судьбой, но и строится, и строить её никогда не поздно, в каком бы возрасте и положении ты ни был. Одиночество страшит и гнетёт, но из него есть выход, и выход этот в твоих руках, хоть и труден. Связи не падают с неба готовыми: их завязывают, делая шаг навстречу первым. Заговори, прояви участие, окажись там, где люди, протяни руку, не дожидаясь, пока протянут тебе; начни с малого знакомства, и из иного со временем вырастет родство по душе. Не вернее ли искать, чем сидеть в четырёх стенах, твердя, что ты никому не нужен? Многие, кто считал себя обречённым на одиночество, обретали близких, лишь решившись сделать первый шаг. Человек создан, чтобы быть с людьми, и редко кто и впрямь обречён на одиночество — чаще он заперся в нём сам и сам же может выйти.

Учтивость с близкими

Случается, что с роднёй и друзьями мы чересчур распускаемся и забываем об учтивости. Я же скажу тебе — мы перестаём задумываться, что слишком грубая шутка или резкое слово может больно ранить как раз того, кто нам дороже всех, — и раним по привычке, не со зла, а оттого тяжелее.
С чужим мы следим за речью, а с близким, понадеявшись, что он стерпит и простит, говорим что попало — и копим обиды там, где их менее всего ждали. Держи в узде то, что говоришь, и в кругу самых родных: вежливость и чуткость нужны с любым человеком, а с близкими — втройне, ибо их раны глубже и помнятся дольше. Чем ближе человек, тем бережнее с ним должно быть обращение.

Не принимай близких как должное

Не принимай самых родных как нечто, что было и будет всегда само собою, — как воздух, которого не замечаешь, пока он есть. Я же скажу тебе — мы всего небрежнее как раз с теми, в ком всего уверены: чужому улыбнёмся и поблагодарим, а родного, что делает для нас изо дня в день, и не заметим, будто так и положено.
Цени их, пока они рядом, и говори им об этом, не откладывая: доброе слово, сказанное живому, дороже всех речей над могилою. Не жди особого случая,

чтоб выказать любовь и благодарность тем, кто тебе ближе всех; особый случай — это нынешний день, покуда все живы и вместе. Привычное не значит вечное, и тяжелее всего после жалеть о тепле, что было так легко подарить, да всё откладывалось. Замечай родных, пока есть кого замечать.

Круг третий. Ты среди людей

Первое впечатление

Впервые заговаривая с незнакомцем, постарайся быть непредвзятым. Как часто мы проникаемся неприязнью к человеку, едва на него взглянув, прежде чем он раскрыл рот; мы ещё ничего не знаем ни о мыслях его, ни о намерениях, а уже мысленно оттолкнули его за то лишь, что нам не приглянулись его лицо или одеяния.
Это худой советчик — первое впечатление глаза: оно судит по оболочке и сплошь да рядом ошибается. Постарайся принимать всякого нового человека ровно и без приговора, дай ему самому склонить чашу твоего мнения — делами и речами, а не одним своим видом. Не вешай ярлык прежде первого слова; пусть человек откроется, а уж после суди. Поспешное суждение чаще говорит о судящем, чем о том, кого судят.

Внешность и суждение

Содержи тело и одежду в чистоте. Я же скажу тебе — и достойнейший человек может вызвать брезгливость, если от него дурно пахнет, а платье в беспорядке; первое впечатление складывается из облика, и, оттолкнув им, нелегко после его исправить.
Но, зная это о себе, помни и обратное о других: порой и достойнейших нужда да обстоятельства доводят до того, что им не на что и негде блюсти опрятность. Оттого не спеши выносить приговор человеку по одному его виду, пока не узнал о нём больше: случается, что и в грязных лохмотьях сокрыт прекрасный алмаз, а под раздушенным платьем — пустота. За собою следи строго, чужое рубище суди мягко.

Суди по делам, не по словам

Суди о человеке по делам его, а не по словам. Я же скажу тебе — слова дёшевы, и наобещать, насулить, красно расписать себя горазд всякий; а каков человек на самом деле, показывают не речи его, а поступки, особенно когда от него что-то требуется или когда никто не видит.
Дерево узнают по плодам, а не по листве и не по тому, как пышно оно цветёт; так и человека узнают по тому, что он делает, а не по тому, что говорит о себе и сулит. Слушай, что обещают, но смотри, что исполняют; верь не клятвам, а делам, за ними стоящим. Многие сладкоречивы, да пусты; иной же скуп на слова, а твёрд на дело — такому и цена. Разошлись у человека слово и дело — верь делу: оно и есть он подлинный.

Не суди по одному поступку

Не спеши судить человека по одному поступку, по единому случаю, по первому впечатлению. Я же скажу тебе — одна ласточка не делает весны, и один промах не делает человека дурным, как и один добрый поступок — добрым; чтобы узнать кого-то, надо видеть его не раз и не два, а во многих делах и обстоятельствах.
Всякий может однажды оступиться не по своей сути, а по случайности, усталости, дурному стечению обстоятельств; и всякий, даже дурной, способен на единый добрый поступок. Оттого суди не по отдельному взмаху, а по всему рисунку, что складывается со временем: каков человек обыкновенно, в череде дел, к чему склоняется снова и снова. Поспешный приговор по одному случаю чаще бывает неправ; дай времени и многим делам показать тебе человека, прежде чем решишь, каков он. Истинно узнаётся человек не вдруг, а в долгом знакомстве.

Толкуй в лучшую сторону

Где можешь, толкуй чужой поступок в лучшую сторону, а не в худшую, и давай человеку презумпцию, пока не знаешь наверняка. Я же скажу тебе — ты редко видишь всю глубину чужого дела: что тебе кажется злобой, может быть усталостью, болью или бедой, о которой ты не ведаешь; за резкостью прохожего бывает скрыто горе, о котором он тебе не доложит.
Прежде чем осудить, спроси себя: нет ли тут причины, которой я не знаю, иного объяснения, кроме дурного? Всякий несёт свою незримую ношу, и часто, узнав чужие обстоятельства, мы из судей делаемся сочувствующими. Это не значит быть слепым к настоящему злу или всё всем спускать — иного и впрямь надо судить строго; но начинать с худшего предположения о каждом несправедливо и злит тебя же самого попусту. Считай человека скорее хорошим, пока он не докажет обратного, нежели дурным, пока не докажет, что хорош.

Суди других, как себя

Суди других тою же мерой, какой судишь себя, — а мы, увы, к себе куда снисходительнее, чем к ближнему. Я же скажу тебе — свой дурной поступок человек охотно оправдывает обстоятельствами и добрым намерением, а точно такой же чужой клеймит как подлость; ты глядишь на свою вину изнутри, со всеми смягчающими, а на чужую — снаружи, без них.
Вспоминай об этом, прежде чем строго осудить кого-то: будь у тебя его обстоятельства, его слабости, его искушения, его раны — повёл бы ты себя много лучше? Сучок в чужом глазу мы видим зорко, а бревна в своём не замечаем. Суди же чужие промахи с тою же милостью, какую охотно даёшь своим, и помни: каким судом судишь, таким и тебя будут судить, и какою

мерою меришь, такой отмерят и тебе. Строгий к себе и снисходительный к другим стоит много выше, чем снисходительный к себе и строгий к другим.

До конца человека не узнать

Помни и о пределе всякого суждения о человеке: до конца другого не узнать. Я же скажу тебе — в каждом человеке есть глубины, которых ты не видишь: тайные мысли, скрытые раны, борьба, о которой он не говорит; ты судишь по той малости, что на виду, а большая часть его скрыта от тебя, как подножие горы под водою.
Оттого не будь слишком уверен в своих приговорах людям и не считай, будто раскусил человека насквозь, особенно с одного взгляда: и хорошо знакомые удивляют нас порой, обнаружив в себе то, чего мы и не подозревали, — и доброе, и дурное. Суди, коли надо, по тому, что доступно тебе, но суди со смирением, помня, что видишь не всё; оставляй в своём суждении место и для того, чего не знаешь. Кто помнит, что не всеведущ в людях, тот и ошибается в них реже, и прощает им легче.

Человек виден в испытании

Хочешь узнать человека вернее — погляди на него не в покое и довольстве, а в испытании. Я же скажу тебе — истинный нрав открывается не тогда, когда всё гладко, а тогда, когда человеку дана власть, или когда на него обрушилась беда, или когда вино развязало ему язык.
Дай человеку силу над другими — и увидишь, добр он или жесток, ибо власть снимает узду и являет, что в нём было; погляди, каков он в несчастье — ноет и подличает или держится с достоинством; примечай, что говорит и делает захмелев, когда спадает личина. Огонь распознаёт металл, а испытание — человека. Оттого не спеши верить тому, кто хорош, лишь пока ему хорошо и пока он мал и зависим; цену человеку знай по тому, каков он, когда силён, когда страдает и когда не следит за собою. Многие пригожи в благополучии и на людях, да неприглядны под спудом.

Не суди по одной черте

Не суди о всём человеке по одной его черте — ни по единому пороку, ни по единому достоинству. Я же скажу тебе — мы склонны: заметив в человеке один изъян, зачеркнуть им всё хорошее, а пленившись одним блестящим качеством, проглядеть за ним немалые пороки; и то, и другое — близорукость.
Нет людей сплошь чёрных или сплошь белых: в дурном есть крупицы доброго, в добром — свои слабости и тени. Оттого, составляя суждение, взвешивай человека целиком, на обе чаши: и хорошее в нём, и дурное, и что из них перевешивает. Не отвергай вовсе того, у кого нашёл один недостаток, — иначе останешься без всех; и не доверяйся слепо тому, кто блеснул одним достоинством, — за блеском бывает пустота или того хуже. Гляди на весь

рисунок, а не на одну яркую или тёмную точку. Цельное суждение и вернее, и справедливее.

Суждение о человеке

Многие твердят: «чем старше человек, тем больше в нём мудрости». Я же скажу тебе — верно, что опыт приходит с годами, да только одни года ещё ничего не говорят о мудрости и зрелости; седина на голове не порука уму в ней. Я видел детей, мудрых не по летам, и видел старцев, до седых волос оставшихся глупцами, — ибо иной за долгую жизнь не научился ничему, а лишь повторил один и тот же день несчётное количество раз. Не по возрасту суди о человеке и не по сану, а по делам его и суждениям: они одни и выдают, созрел ли он или только состарился. Годы прибавляют морщин, но не всегда — мудрости; зрелость меряется не прожитым, а понятым.

Обхождение

Говори со всяким, даже с самым незначительным на вид человеком, так, чтобы у него возникло чувство, будто этот разговор тебе и впрямь важен. Я же скажу тебе — это не пустая учтивость, а одно из сильнейших средств располагать к себе людей всякого звания.
Всякому дорого, когда его слушают со вниманием, не глядя поверх головы и не торопясь отделаться; в такую минуту и малый человек чувствует себя замеченным — и платит за это приязнью. Не дели собеседников на достойных твоего внимания и недостойных: иной незаметный нынче завтра окажется тебе нужен, а доброе слово и внимание не стоят тебе ничего и возвращаются сторицей. Дай каждому почувствовать, что он для тебя не пустое место, — и редкий не отзовётся теплом.

Нрав и обхождение

Иные принимают свою грубость и беспринципность за умение добиваться своего и даже бахвалятся ими, как доблестью. Я же скажу тебе — пусть такой человек и пробьётся хитростью да напором к высокому месту, вряд ли сыщется в его окружении хоть один, кто питал бы к нему каплю уважения или приязни. Страхом и наглостью можно вынудить покорность, но не любовь и не верность; и в час, когда такой оступится, никто не подставит ему плеча, а многие втайне порадуются его падению. Учтивость и совестливость — не слабость, как мнит грубиян, а та основа, на которой одной и держится прочное доброе имя. Грубостью берут на час, обхождением — на годы; и кого не любят, того лишь терпят, пока он силён.

Вежлив со всеми, раболепен ни перед кем

Будь учтив и приветлив со всяким, высок он или низок, важен или незаметен. Я же скажу тебе — вежливость ничего тебе не стоит, а даёт многое: она смазка, без которой со скрипом ходят все людские дела, и ключ, что отворяет к тебе сердца дешевле всякого иного.
Доброе слово, приветливый поклон, «пожалуйста», «благодарю», «извините» — мелочь, а сглаживает шероховатости и располагает к тебе людей вернее богатства и силы. Учтивость к вышестоящим — долг, к равным — приятность, а к низшим — признак истинного благородства: по тому, как человек обходится со слугой, с нищим, с тем, кто ниже его, виднее всего, есть ли в нём настоящая порода. Не путай вежливость с заискиванием: первое — от уважения и к себе, и к другому, второе — от корысти и страха. Будь вежлив со всеми и раболепен ни перед кем.

Учись такту

Учись такту — чутью к тому, что в какую минуту уместно сказать, а о чём лучше смолчать. Я же скажу тебе — мало знать правду, надо ещё уметь подать её так, чтобы не ранить без нужды; тактичный и горькое скажет, не обидев, а бестактный и доброе ляпнет так, что выйдет обида.
Чувствуй, с кем говоришь и о чём при нём не след: не поминай при хромом о беге, при бездетном — о детях, при оплошавшем — о его промахе; не выпытывай больного места, не лезь грубым пальцем в чужую рану. Не всё, что правда, надо говорить, и не всё, что можно сказать, надо говорить вслух и при всех. Это не лицемерие, а чуткость: щадить чужие чувства там, где грубая прямота лишь ранит, ничего не исправив. Тактичный человек проходит меж людьми, как меж тонкого стекла, никого не задев; и за это его любят и зовут.

Малые знаки внимания

Не пренебрегай малыми знаками внимания к людям — они весят больше, чем кажется. Я же скажу тебе — поздороваться первым, окликнуть человека по имени, поблагодарить за услугу, справиться о его делах и здоровье, вспомнить, что ему дорого, — всё это мелочи, а из них и сплетается приязнь.
Имя человека — самое сладкое для него слово; запомни и назови его, и человек уже расположен к тебе. Заметить чужую радость и порадоваться, заметить чужую беду и посочувствовать, не пройти мимо, а перемолвиться приветливым словом — этим ты сеешь вокруг себя тепло, которое к тебе же и возвращается. Невежа скуп на эти мелочи, считая их пустыми; а они-то и делают человека среди людей своим и желанным. Кто внимателен к малому в обхождении, тому прощают и большее.

Ладь с высоким и низким

Умей держаться и ладить с людьми всякого звания — и с высоким, и с низким, и с учёным, и с простым. Я же скажу тебе — большое искусство обхождения в том, чтобы быть на месте во всяком обществе: не теряться и не робеть перед сильными мира, но и не чваниться, не глядеть свысока на малых. Приноравливайся к тому, с кем имеешь дело: с учёным говори об учёном, с простым — попросту, с весёлым будь весел, с печальным сдержан; вода принимает форму всякого сосуда, не переставая быть водою, — так и ты будь гибок в обхождении, не изменяя себе. Не будь же ни деревянным сухарём, что со всеми одинаково чопорен и неловок, ни хамелеоном без лица; умей сходиться с разными, оставаясь собою. Кто одинаково свободно и достойно держится и во дворце, и в хижине, тому будут открыты все двери.

Не будь в тягость

Знай меру в притязаниях на чужое время, внимание и гостеприимство — не будь в тягость. Я же скажу тебе — есть особая учтивость в том, чтобы вовремя уйти, не засидеться, не надоесть, не навязать себя там, где тебе уже не рады, а лишь терпят из вежливости.
Гость, как и рыба, на третий день начинает попахивать, говорят в народе; не злоупотребляй же радушием хозяев, не виси на людях, не донимай их сверх меры просьбами, рассказами о себе, своим обществом. Чувствуй, когда твоё присутствие в радость, а когда в обузу, и уходи прежде, чем тебя захотят выпроводить. Кто умеет вовремя откланяться и не докучать, того и ждут снова с охотой; а назойливого, как ни будь он мил, начинают избегать. Оставляй по себе лёгкость, а не вздох облегчения.

Вежливость из уважения, не из манер

Помни, что истинная вежливость растёт из уважения и внимания к людям, а не из одних затверженных правил. Можно знать назубок все тонкости приличий и быть при том холодным, надменным и неприятным; и можно не ведать иных церемоний, а быть учтивым по самой сути — оттого, что искренне считаешься с другими.
Поклоны, любезные слова, светские обряды — лишь оболочка; сердцевина же вежливости в том, чтобы и впрямь не ставить себя выше других, не утруждать их собою, щадить их чувства, признавать в каждом человека. Где есть это уважение, там и без всякой выучки выйдет учтиво; а где его нет, там и самые гладкие манеры отдают фальшью, как заученный поклон лакея. Оттого, желая быть учтивым, начни не с правил, а с того, чтобы искренне уважать людей; форма приложится. Холодная безупречность манер хуже тёплой неловкости.

Уважай чужое время

Уважай чужое время не меньше своего и будь точен в условленном. Я же скажу тебе — кто заставляет других ждать себя, тот без слов говорит им: моё время

дороже вашего, — и это обида, хотя бы и не нарочная; а время, у человека отнятое, не вернёшь ему ничем, как сказано и в другом месте.
Приходи ровно когда обещал, делай в срок, что взялся сделать, не кради у людей часы своей неточностью, забывчивостью, вечными опозданиями. Точность — учтивость не одних царей, а и всякого порядочного человека: на того, кто держит слово о времени, можно положиться, и его уважают, а вечно опаздывающего и подводящего со сроками, как бы ни был он мил, скоро перестают принимать всерьёз. Ценящий чужое время бережёт и своё; небрежный к чужому небрежен обыкновенно и к своему.

Не дуйся по пустякам

Не будь мелочен и обидчив, не дуйся и не ершись по всякому пустяку. Я же скажу тебе — кто на всё обижается, ловит каждого на слове, видит в любой малости умысел задеть его и носится с каждой царапиной самолюбия, тот и сам живёт в вечной обиде, как на иголках, и другим с ним тяжко и опасно слово молвить.
Спускай малые занозы, не замечай мелких неловкостей, не приписывай злого умысла там, где скорее небрежность или твоя же мнительность. Толстокожесть к пустякам — не грубость, а здоровье души: меньше принимаешь к сердцу вздорного — легче живёшь и сам, и людям с тобою. Не копи мелких обид, не веди им счёта, не дуйся неделями из-за косого взгляда или неловкого слова. Кого не задеть по пустякам, того и не оскорбить по-настоящему, и около него легко дышится. Береги обиду для настоящего, а на мелкое не разменивайся.

Беседа со старшими

Ведя беседу с людьми более опытными или влиятельными, остерегайся выносить суждения и поучать в том, в чём они могут оказаться куда тебя сведущее. Я же скажу тебе — нет вернее способа выставить себя в смешном свете, чем учить знатока его же ремеслу.
Куда разумнее в таком разговоре больше слушать, чем вещать, и спрашивать наставления, а не раздавать его: так и узнаешь много полезного из первых рук, и оставишь о себе доброе впечатление человека толкового и скромного. Молчаливая внимательность нередко прослывёт умом вернее, чем поспешная речь. Где не уверен, что знаешь больше, — лучше спроси, чем поучай; спросивший выигрывает дважды, поучающий невпопад теряет всё.

Не затмевай того, от кого зависишь

Блистая, остерегайся затмевать того, от кого зависишь, и не торопись выказывать превосходство над покровителем или начальником. Я же скажу тебе — люди прощают многое, но редко прощают, когда их превзошли и дали им это почувствовать; и победа, одержанная над тем, кто выше тебя по месту, чаще всего оборачивается твоим же поражением.

Будь искусен, но дай тому, кто над тобою, быть искуснее на вид; сияй, но так, чтобы своим сиянием не бросать на него тень, ибо уязвлённое самолюбие сильного мстительно. Это не призыв прятать свой свет и пресмыкаться, а знание людской природы: помоги вышестоящему блеснуть и твоими трудами — и он вознесёт тебя; затми его и унизь — наживёшь врага там, где мог иметь покровителя. Превосходи дело, а не людей, от которых зависишь.

Научись слушать

Хочешь прослыть приятным собеседником — научись прежде всего слушать, ибо в умении слушать, а не в умении говорить, сердце доброй беседы. Я же скажу тебе — людям куда нужнее быть выслушанными, чем выслушать; дай человеку выговориться, слушая его с искренним вниманием, — и он сочтёт тебя умнейшим и приятнейшим из людей, хотя бы ты и слова не сказал.
Слушай, чтобы понять собеседника, а не чтобы, едва он смолкнет, обрушить на него своё; не жди нетерпеливо своей очереди вставить слово, не перебивай, о чём сказано и о власти над языком, не заканчивай за человека его мысль. Гляди на говорящего, кивни, переспроси, покажи, что и впрямь слушаешь, а не думаешь о своём. Внимательный слушатель собирает, а пустой говорун лишь рассыпает себя. Редкий это дар — уметь слушать, и оттого редкого слушателя так ценят и так к нему тянутся.

Не превращай беседу в монолог

В беседе не тяни одеяло на себя и не превращай разговор в свой бесконечный монолог. Иной, дорвавшись до слушателей, говорит и говорит без умолку, всякую речь оборачивает на себя, перебивает чужой рассказ своим, будто беседа — это сцена, а все кругом его зрители. Такого слушают из вежливости, а сами томятся и бегут.
Беседа есть обмен, игра, в которой перекидываются словом, как мячом, а не один говорит, а прочие зевают. Дай и другим сказать, не захватывай всё время себе, не превращай всякий чужой рассказ в повод поведать свой, ещё лучший. Не поучай, когда тебя не просят, не разглагольствуй с видом оракула, не повторяй по три раза одно. Помни: чем больше говоришь сам, тем меньше узнаёшь, ибо рот открыт — уши закрыты. Скромный в речах оставляет по себе лучшее впечатление, чем краснобай, заваливший всех словами.

Разговори собеседника о нём самом

Желая расположить к себе человека и приятно с ним побеседовать, разговори его о нём самом и о том, что ему дорого. Я же скажу тебе — нет вернее средства понравиться, чем дать другому говорить о себе с участливым слушателем: всякому это сладко, и за это тебя полюбят, ничего более и не сделав.
Расспрашивай человека о его делах, увлечениях, заботах, мнениях, слушай с интересом — и увидишь, как оживёт и потеплеет к тебе самый молчаливый: у

каждого есть своя струна, тронь её, и человек зазвучит. Не спеши блеснуть собою; дай блеснуть собеседнику, и он унесёт от беседы с тобою радость, а тебя сочтёт милейшим из людей. Это не хитрость и не лесть, а доброе внимание: слишком многим людям недостаёт, чтобы ими искренне интересовались. Кто умеет слушать и спрашивать, тот желанный гость всюду; ему открываются и сердца, и тайны.

Говори о близком собеседнику

Говори с человеком о том, что близко и понятно ему, а не о том, чем полон ты сам. Кто хочет быть услышанным и приятным, тот заводит речь о том, что занимает собеседника, входит в его круг, а не тащит его насильно в свой.
С земледельцем толкуй об урожае, с мореходом — о морях, с матерью — о детях её; найди то, что человеку дорого и в чём он сведущ, и беседа польётся сама, а он почувствует себя на своём месте и оттает. Не наводи разговор лишь на свои предметы и не вещай о том, в чём собеседник не смыслит, лишь бы покрасоваться. Ищи общее — то, что вас роднит, а не разделяет: общих знакомых, общие края, общее дело, общую заботу; на общем почва беседы плодородна. Кто умеет найти с каждым его язык и его поле, тому легко с любым, и любому легко с ним.

Не перечь по пустякам

В дружеской беседе не спорь и не перечь по всякому пустяку и не поправляй собеседника на каждой мелочи. Иной не может стерпеть и малой чужой обмолвки: непременно встрянет — «не во вторник, а в среду», «не пять, а шесть», — и торжествует, поправив, не замечая, что досадил рассказчику и сбил всю беседу ради ничтожной точности.
Велика ли разница, в среду было дело или в четверг, коли не в том суть рассказа? Дай мелкой неточности пройти, не лови собеседника на всяком слове, не выставляй напоказ, что ты знаешь лучше; выиграешь в споре о пустяке — проиграешь в приязни. Всезнайка, что вечно всех поправляет и со всеми расходится, скоро всем в тягость, как бы ни был он прав по мелочам. Береги несогласие для важного, о чём ещё будет сказано; в малом же уступай легко: приятная беседа дороже твоей правоты в незначительных деталях.

Знай меру в речах

Знай меру в речах: не будь занудой, что тянет и тянет, не замечая, как слушатели зевают и поглядывают на дверь. Я же скажу тебе — длинная, нудная, на третий раз пересказанная речь утомляет хуже молчания; говори дельно и кратко, скажи, что хотел, и остановись, не размазывая мысль на полчаса.
Не пускайся в бесконечные подробности, не повторяй уже сказанного, не тяни рассказ, в котором давно потерялась соль; чувствуй, когда внимание слушателей иссякло, и сворачивайся. Краткость не только сестра таланта, но и

учтивость: ценящий чужое терпение скажет коротко. Тот, кто умеет вовремя умолкнуть и оставить слушателей с лёгким сожалением, что беседа кончилась, ценится дороже краснобая, от которого устают. Лучше пусть жалеют, что ты замолчал, чем что ты не молчишь.

Соразмеряй тон беседы

Соразмеряй и предмет, и тон беседы с тем, где ты и с кем. У всякой речи свой час и своё место: что хорошо за весёлым столом, неуместно на похоронах, а что к месту среди старцев, нелепо среди молодых. Чуткий к этому никогда не попадёт впросак, а глухой вечно говорит не то и не вовремя.
Не шути и не балагурь там, где горе и скорбь; не нагоняй мрака и тяжёлых речей туда, где сошлись отдохнуть и повеселиться; не заводи учёных тонкостей перед теми, кому они скучны, и пустой болтовни перед теми, кто пришёл о деле. Гляди на лица, лови настроение собравшихся и подстраивай под него свою речь. Сказать нужное слово в нужный час — большое искусство, и тем же словом, оброненным невпопад, можно всё испортить. Умей чувствовать момент.

Не оправдывайся непрошено

Не спеши оправдываться, пока с тебя не спросили. Я же скажу тебе — непрошеное оправдание само себя выдаёт: кто торопится объясниться, когда его ещё не винили, тот будто признаётся в вине, которой никто и не заметил, и привлекает к ней внимание там, где её бы и не разглядели.
Иной, желая обелиться, сам наводит на себя тень: многословными отговорками будит подозрение, что дремало. Сделал по совести — стой спокойно, не суетись с объяснениями; спросят — ответишь ясно и коротко, а не спросят — и не лезь с оправданиями. Чистое дело не нужно расписывать, оно говорит само. Кто оправдывается, не будучи обвинён, тот первый обвинитель себе.

Спорь ради истины, не победы

Вступая в спор, помни, ради чего споришь: ради того, чтобы доискаться истины, а не чтобы непременно одолеть и поставить на своём. Я же скажу тебе — кто спорит лишь бы победить, тот, даже взяв верх криком и упрямством, нередко остаётся при заблуждении, ибо гнался не за правдой, а за своим торжеством.
Истинный спор — не поединок, где надо повергнуть противника, а общий труд, где двое, сложив усилия, ищут, как оно есть на деле; и если в споре открылась истина, то выиграли оба, чья бы правота ни оказалась сверху. Оттого не цепляйся за своё лишь потому, что оно твоё, и не радуйся победе над собеседником больше, чем найденной правде. Спорящий ради истины рад и проиграть, если взамен поумнел; спорящий ради победы и выиграв остаётся в дураках. Цель спора — не побить другого, а вместе стать ближе к истине.

Нападай на довод, не на человека

Споря, нападай на довод, а не на человека, и не превращай несогласие во вражду. Можно крепко разойтись во мнениях и остаться в добром согласии, если помнить: противник в споре не враг, а собеседник, и расходитесь вы в мысли, а не в приязни.
Не переходи на лицо: опровергай то, что человек сказал, а не его самого; не уязвляй, не высмеивай, не приписывай ему глупости или злого умысла за то лишь, что он думает иначе. Кто, исчерпав доводы, принимается бранить и порочить самого спорщика, тот уже проиграл по существу, ибо перешёл от мысли к злобе. Уважай право другого думать не так, как ты; иной, с кем ты нынче споришь до хрипоты, завтра окажется и прав, и тебе люб. Можно отвергнуть мнение и не отвергнуть человека; так и поступай.

Когда твою мысль повторяют чужим голосом

Бывает: скажешь ты в собрании дельное — и не услышат; а через четверть часа то же самое скажет другой, и все закивают, и назовут это его мыслью. Я же скажу тебе — случается это чаще с теми, кого привыкли слушать вполуха: с женщиной среди мужчин, с молодым среди старших, с чужаком среди своих, с тихим среди громких. Не считай это доказательством того, что мысль твоя была плоха.
Что до тебя самого — скажи ещё раз, спокойно и без обиды в голосе: «я говорил об этом, и вот что к тому добавлю». Обида тут вредит только тебе: обиженного слушают ещё хуже. И не отступайся после первого раза — половина неуслышанного пропадает не оттого, что отвергли, а оттого, что сказавший умолк. А если ты в собрании третий и заметил такое — назови имя вслух: «это ведь сказала она, и вот теперь я понял, о чём». Стоит тебе одно слово, а тому, за кого ты его сказал, — многое; и собрание, где так делается, умнеет, ибо перестаёт терять хорошие мысли из-за того, чьим голосом они произнесены.

Не унижай побеждённого в споре

Случится тебе взять в споре верх — не торжествуй над побеждённым и не унижай его. Я же скажу тебе — можно выиграть спор и нажить врага, если злорадно ткнуть противника носом в его неправоту; и можно, оказавшись правым, оставить другому возможность отступить, не теряя лица, — и тогда ты выиграешь вдвойне.
Не злорадствуй, не повторяй без конца «а я говорил», не призывай других в свидетели чужого посрамления; дай человеку признать твою правоту без позора или хотя бы тихо отступить, наведи ему золотой мост к отходу, как сказано и о враге, которого не след загонять в угол. Уязвлённый в споре редко становится умнее — чаще лишь озлобляется и упирается пуще из одного самолюбия. Кто, побеждая, щадит самолюбие побеждённого, тот и правду свою

утвердит, и человека не потеряет. Доказать правду важнее, чем растоптать неправого.

Сперва пойми, потом возражай

Прежде чем оспорить чужое мнение, потрудись понять его как следует, и притом в самом сильном его виде. Я же скажу тебе — многие спорщики бьются не с тем, что сказал противник, а с тем, что им послышалось или что удобнее опровергнуть; смастерят из чужой мысли пугало поглупее и победно валят его, а противник лишь руками разводит, ибо это совсем не то что он говорил.
Не воюй с пугалом, тобою же поставленным. Выслушай чужой довод до конца, переспроси, верно ли ты понял, представь его себе в самом разумном и сильном виде, какой только можешь, — а уж потом возражай, если есть что. Кто опровергает чужую мысль в её худшем, исковерканном виде, тот обманывает себя мнимой победой; кто одолел её в лучшем — тот и впрямь прав. Да и поняв противника по-настоящему, ты порой увидишь, что и в его правде есть доля, а в твоей изъян. Сперва пойми, потом возражай.

Не дай спору стать ссорой

Следи, чтобы спор не разгорелся в ссору: как только в спор входит гнев, истина из него уходит. Я же скажу тебе — разгорячившись, люди спорят уже не о деле, а о своём задетом самолюбии, и тут хоть до утра кричи — не родится ничего, кроме обиды; жар спора застит разум обоим.
Заметив, что закипаешь сам или закипел собеседник, что голоса поднялись и пошли уже не доводы, а колкости, — остановись, сбавь тон или отложи спор до поры, когда оба остынут. О правде толкуют спокойно, а не в крике; и кто умеет спорить, не теряя ровности, тот и до истины доходит вернее, и собеседника не наживает во враги. Лучше прервать спор, пока он не перешёл в брань, чем доспорить до ссоры и разойтись врагами, так и не сыскав правды. Холодная голова в споре дороже горячего языка.

Не во всякий спор вступай

Не во всякий спор стоит вступать и не со всяким стоит спорить. Я же скажу тебе — есть споры пустые, о ничтожном, не стоящие ни сил, ни ссоры, — такие обходи, уступи и иди дальше, о чём сказано и о беседе; а есть собеседники, с которыми спорить — попусту тратить дыхание.
Не всякого переспоришь, и не всякого надо: с тем, кто закоснел в своём и пришёл не искать правды, а отстоять своё во что бы то ни стало, спорить бесполезно — доводов он не слышит, а лишь ждёт, когда ты смолкнешь, чтобы повторить своё. На таких не трать себя; кивни и отступи, оставшись при своём. Береги охоту к спору для дела стоящего и для тех, кто способен слышать. Знай, на каком холме стоять до конца, а какой уступить без боя: мудрость не в том, чтобы выиграть всякий спор, а в том, чтобы знать, какие и вести не надо.

Уступай, когда неправ

Знай в споре две вещи: уступать, когда ты неправ, и расходиться с миром, когда правды не поделить. Я же скажу тебе — если в споре тебе показали, что ты ошибался, не упирайся из гордости, а признай это охотно и даже с радостью, ибо ты не потерял, а приобрёл: был в заблуждении, а стал ближе к истине, о чём сказано и о готовности менять мнение.
А случается и так, что оба стоят на своём и ни один другого не убедил, — и тут не доводи спор до бесконечности и до ссоры, а умей вовремя остановиться и развести руками: останемся каждый при своём. Не всякое разногласие надо непременно свести к согласию; разумные люди умеют расходиться во мнениях, не расходясь в приязни. Уступить правде — не поражение, а честь; и мирно разойтись, не убедив друг друга, достойнее, чем враждовать из-за несхожих мнений. Спор заканчивай прежде, чем он испортит отношения.

Думай сам, говори с разбором

Суди своим умом, не плывя за общим мнением, — но не всякую мысль, что разнится с общей, спеши выкладывать вслух. Я же скажу тебе — держись в мыслях с теми немногими, кто видит верно, а в речах не дразни без нужды большинство: иное вернее промолчать, чем попусту восстановить против себя целую толпу за то лишь, что ты прав, а она нет.
Это не двоедушие и не трусость: независимость суждения храни твёрдо внутри, а наружу являй с разбором — там, где это к месту, ко времени и принесёт плод, а не там, где тебя за неё лишь затопчут. Глупец выбалтывает всё, что думает, и наживает врагов на пустом месте; мудрый думает свободно, а говорит обдуманно. Не отрекайся от своей правды — но и не мечи её перед всяким, кто не готов её слышать.

Честность и верность слову

Дорожи правдивостью и верностью своему слову как одним из главных своих достояний среди людей. Я же скажу тебе — слово человека есть мера ему: кто держит сказанное и не лжёт, на того можно положиться, и в том вся его цена. Лжец же выгадывает однажды, а теряет навсегда: уличённому во лжи перестают верить и тогда, когда он говорит правду, — как тому пастушку из басни, что забавы ради кричал «волки!», а когда волки пришли взаправду, никто не прибежал на его крик. Доверие — как тонкое стекло: разбив, не склеишь так, чтобы не осталось трещины. Оттого не давай обещаний легко, но данное исполняй; а коли не уверен, что сможешь, лучше не сули вовсе, чем обмануть ожидание. Лучше горькая правда, сказанная прямо, чем сладкая ложь, что раскроется после и опозорит тебя дважды — и обманом, и трусостью.

Одна голова хорошо, две лучше

Недаром говорят: «одна голова хорошо, а две лучше». Я же скажу тебе — даже мудрейший и острейший умом не в силах усмотреть всего, и многое, очевидное со стороны, ускользает от того, кто варится в деле один.
Коли желаешь, чтоб в делах тебе сопутствовала удача, окружи себя людьми мудрыми и опытными и не гнушайся их совета; а попав в затруднение, прежде чем рубить сплеча, выслушай тех, кто знает больше или видел больше твоего. Знание и опыт нескольких почти всегда вернее слепой самоуверенности одного. Не стыдно спросить совета — стыдно загубить дело из гордости. Гордец решает один и ошибается один; разумный совещается с более сведущими и выигрывает.

Спрашивай у достигших

Давно замечено: люди, достигшие в каком-нибудь деле больших высот, охотно говорят о себе и о пути своём. Умей это обратить себе на пользу: попроси такого о совете, и нередко услышишь то, что сослужит тебе добрую службу на годы вперёд.
За один разговор иной мастер отдаёт даром то, что сам добывал десятилетиями проб и ошибок, — надо лишь спросить вовремя и слушать со вниманием, а не себя показывать. Польсти не лестью, а искренним любопытством к его делу — и казна его опыта раскроется перед тобою сама. Спрашивай у достигших — это короткий путь там, где иначе пришлось бы плутать самому.

Учителя

Надумав овладеть каким-либо искусством или наукой, в выборе учителя присмотрись: упражняется ли он сам ежедневно в том, чему берётся учить. Я же скажу тебе — много таких, что, однажды овладев делом, принимаются наставлять других, а сами совершенствоваться бросают и понемногу отстают и коснеют.
Учитель, что сам перестал быть учеником, скоро начнёт кормить тебя вчерашним да затхлым, выдавая стоячую воду за ключевую. Ищи того, кто и обучая других, сам не перестаёт учиться, кто живёт своим ремеслом, а не только проповедует его; у такого и тебе передастся не одно мёртвое знание, но и живой огонь. Беги от учителя, что лишь говорит, но давно не делает: у него и ты выучишься больше говорить, чем делать.

Не навязывай совет непрошено

Не спеши давать советы, когда о них не просят. Непрошеный совет почти всегда падает впустую: его не ждут, ему не рады и ему не следуют, а советчика, что лезет учить незваным, втайне досадуют и сторонятся.

Человек, не спросивший твоего мнения, как правило, не готов его принять, как бы оно ни было разумно; и, поучая его против воли, ты не поможешь ему, а лишь уязвишь, выказав, будто считаешь его глупее себя. Придержи свою мудрость, пока её не попросят; а если уж очень неймётся помочь, спроси сперва нужен ли вообще твой совет — и не давай, коли не нужен. Иное дело — остеречь от настоящей беды, которой человек не видит: тут промолчать было бы виной. Но в обычных делах не навязывайся в советчики; кто хочет совета, тот спросит.

Советуй скромно — решать не тебе

Когда совет у тебя просят, давай его скромно, помня, что решать и отвечать не тебе. Легко советовать: советчик ничем не рискует, а расхлёбывать последствия придётся тому, кто послушался; оттого не вещай с уверенностью оракула, а скажи своё мнение как мнение, не неволя.
Предложи, как ты сам видишь дело, поясни, почему так думаешь, — и довольно; принять или отвергнуть твой совет волен спрашивающий, и не обижайся, если поступит по-своему: это его жизнь и его выбор. Не навязывай совета силой, не дави, не повторяй без конца своё, не дуйся, когда тебя не послушали. И помни, что можешь и ошибаться: твой совет не истина, а лишь твой взгляд со стороны, которому неведомо всё, что ведомо самому человеку о его деле. Советуй честно, но без спеси; предложил — и довольно.

Советуй по правде, не в угоду

Если уж тебя просят совета и ты взялся советовать — советуй честно, по правде, а не то, что приятно услышать спрашивающему. Грош цена советчику, который говорит тебе угодное, подлаживаясь под твоё желание; такой не советчик, а льстец, и совет его ведёт не туда, куда надо, а туда, куда тебе хочется.
Добрый советчик скажет и нелестное: остережёт, когда ты на ложном пути, отговорит от затеи, в которую ты влюблён, да которая тебя погубит, назовёт вещи своими именами, хотя бы это и было тебе неприятно. Не бойся, давая совет, огорчить спрашивающего горькой правдой, если она ему во благо: лучше честно остеречь и прослыть на час докучным, чем поддакнуть на радость, а после смотреть, как человек по твоему же поддакиванию набил себе шишек. Друг и советчик тем и дороги, что говорят правду, когда все прочие льстят.

Не советуй в чужом ремесле

Не берись советовать в том, чего сам не разумеешь, и не суди с видом знатока о чужом ремесле, тебе незнакомом. Нет ничего смешнее и вреднее советчика, что бойко наставляет в деле, в котором сам ничего не смыслит: слепой берётся вести зрячего и заводит в яму.
Прежде чем дать совет, спроси себя, довольно ли ты знаешь это дело, чтобы советовать со знанием, а не наобум. Если нет — честнее сказать «тут я тебе не советчик, спроси у того, кто сведущ», чем сбивать человека с толку своим

невежеством, прикрытым уверенным тоном. В чём силён и опытен — там советуй смело; в чужом и незнакомом — лучше промолчи или отошли к знающему. Уверенный совет невежды опаснее открытого незнания, ибо ему верят, а он ведёт не туда.

Гляди, кто советует

Принимая совет, гляди не только на то, что советуют, но и на то, кто советует и нет ли у него в твоём деле своей корысти. Совет человека, которому выгодно то, к чему он тебя склоняет, слушай с двойной осторожностью: за его радением о тебе может прятаться забота о себе.
Не всякий советчик желает тебе добра бескорыстно: иной толкает тебя на то, с чего сам поживится, отговаривает от того, что ему невыгодно, рядит свой расчёт в одежды дружеского участия. Спрашивая совета, прикинь, что выгадает советчик, если ты послушаешься, — и взвесь его слова с этой поправкой. Вернее всего совет того, кому от твоего выбора ни тепло ни холодно, кроме как через любовь к тебе. А там, где советчик кровно заинтересован, не отвергай его слов с порога, но и не глотай не жуя: отдели в них зерно дельного от примеси его выгоды.

Слушай всех, решай сам

Сказано уже: окружай себя мудрыми и слушай их совет. Но к тому добавлю: выслушав совет, решай всё же сам, ибо последнее слово и вся ответственность — твои. Я скажу тебе — совета спрашивай у многих и взвешивай разные мнения, но не отдавай никому руля своей жизни и не следуй ни одному совету слепо, не пропустив его через собственный разум.
Советчики видят твоё дело со стороны и могут ошибаться, не зная всего, что знаешь ты; к тому же иной совет хорош для того, кто его дал, да не для тебя. Оттого собери советы, как собирают урожай со многих полей, отдели доброе зерно от плевел и реши по совести и разумению своему. Не будь ни упрямцем, что не слушает никого, ни тростинкой, что клонится за всяким, кто подул. Слушай всех, а решай сам — и тогда, как бы ни вышло, выбор будет твой, и нести его тебе будет легче.

Не серчай на правдивый совет

Не серчай на того, кто дал тебе совет нелестный или указал на твою ошибку: чаще он тебе друг, а не обидчик. Я же скажу тебе — глупец гневается на всякого, кто перечит его желанию или колет правдой, и отталкивает остерегающих, а мудрый рад доброму совету и тому, кто вовремя остановил его у края.
Когда тебя предостерегают или отговаривают, не вспыхивай, не считай это враждой и не спеши делать назло; выслушай спокойно и взвесь — а вдруг и впрямь дело? Тот, кто решился сказать тебе неприятное ради твоей же пользы,

рискуя твоим расположением, обыкновенно дороже сотни поддакивающих. Цени остерегающего, благодари за честность, даже если решишь поступить по-своему. Кто гневом отваживает от себя всех правдивых советчиков, тот скоро останется в кругу одних льстецов, и пойдёт ко дну, никем не остановленный.

Признание ошибок

Совершив ошибку, куда легче признать её и взяться поправить, чем прятать, надеясь, что никто не заметит. Я же скажу тебе — скрытый промах не исчезает, а гниёт втихомолку и вылезает после худшею бедою, да ещё с прибавкою лжи, которою ты его прикрывал.
К тому, кто честно признал свою оплошность, и снисхождения, и сочувствия всегда больше, чем к упорно отпирающемуся вопреки очевидному: первого прощают, над вторым смеются. Признать вину — не унижение, а сила и здравый смысл: так ты разом и дело спасаешь, пока поправимо, и доброе имя бережёшь. Спрятанная ошибка растёт, признанная — кончается. Не бойся сказать «я ошибся» — бойся остаться при ошибке.

Указание на ошибки

Увидев ошибку другого, укажи ему на неё. Этим ты и убережёшь человека от беды, и внесёшь свою лепту в искоренение заблуждений в свете; ибо ошибки, оставленные без поправки, копятся, как снежный ком, в суждениях и делах людей и под конец оборачиваются великими бедствиями.
Однако будь осторожен и тактичен. Указав на промах надменно или грубо, ты не поможешь человеку, а лишь восстановишь его против себя и против самих слов твоих, как бы ни был ты прав по существу. Поразмысли, как сделать это, не оскорбив и не унизив, — наедине, спокойно, как тот, кто желает добра, а не торжествует. Это большое искусство, и им стоит овладеть всякому, кто хочет и правду сказать, и дружбу сохранить. Правда, сказанная грубо, ранит; сказанная с участием — лечит.

Похвала и порицание

Достоинства близкого человека отмечай прилюдно, а недостатки его обсуждай с ним наедине. Я же скажу тебе — похвала при свидетелях возвышает и окрыляет, а укор при них же унижает и ожесточает, сколь бы ни был он справедлив.
И даже с глазу на глаз, говоря человеку о его слабых сторонах, прояви столько участия, чтоб он принял твои слова как заботу, а не как обиду: важно не только что сказать, но и как. Хвали громко, брани тихо — и тебя станут слушать; делай наоборот — и оттолкнёшь даже того, кому желал добра. При людях возвышай, наедине поправляй: так сохранишь и правду, и приязнь.

Личный пример

Требуя от людей каких-либо качеств, лучше всего являй эти качества сам, своим примером. Я же скажу тебе — пример учит громче всех слов, и нет проповеди убедительнее, чем собственная жизнь проповедующего; люди верят больше глазам, чем ушам, и тому, что человек делает, а не тому, что он говорит. Что проку начальнику требовать усердия от подчинённых, коли сам он ленив у них на глазах? Какая вера духовнику, что велит пастве умеренность и отказ от земных благ, а сам обложился золотом и роскошью? Слова таких падают впустую, ибо дело их кричит обратное. Сперва стань сам тем, чего требуешь от других, — тогда и требование твоё обретёт силу. Кто велит одно, а делает другое, тот учит лишь лицемерию.

Лаской берёшь больше, чем силой

Хочешь склонить человека к чему-либо — знай, что лаской и добром возьмёшь от него больше, чем силой и грубостью. На мёд слетается больше, чем на уксус; теплом и приветливостью ты растопишь и отворишь человека, а напором, окриком и принуждением лишь заставишь его замкнуться и упереться. Вспомни, как спорили солнце и ветер, кто скорее заставит путника снять плащ: ветер дул всё злее, а путник лишь плотнее запахивался; солнце же пригрело — и он снял плащ сам. Так и с людьми: чем сильнее давишь, тем сильнее сопротивление, а доброе слово, улыбка, мягкость обезоруживают и склоняют вернее всякого напора. Не криком и угрозой добивайся своего там, где можно теплом и лаской; раздражённого ты лишь оттолкнёшь, а расположенного поведёшь за собою легко. Капля мёда привлекает больше, чем бочка желчи.

Говори о выгоде другого

Желая склонить другого на свою сторону, говори не о том, чего хочешь ты, а о том, что нужно ему. Всякий движим прежде всего своею выгодою и своими желаниями, а не твоими; и кто хочет убедить, тот покажет человеку, чем дело выгодно ему самому, а не станет твердить, чем оно выгодно тебе.
Удящий рыбу насаживает на крючок не то, что любит сам, а то, что по вкусу рыбе. Так и ты: прежде чем убеждать, подумай, чего хочет тот, кого убеждаешь, чего он боится, к чему стремится, — и покажи, как то, что ты предлагаешь, отвечает его желаниям и нуждам. Не дави на него своими резонами, до которых ему дела нет; найди то место, где твоя польза сходится с его пользой, и говори об этом. Кто умеет связать своё желание с чужой выгодой, тот добивается своего без принуждения, ибо человек сам охотно идёт туда, где видит прок для себя.

Не ломай чужое мнение силой

Не надейся переломить чужое мнение силой, спором в лоб или тем, что объявишь человека дураком. Я же скажу тебе — редко кого удавалось переубедить, сказав ему прямо «ты неправ»: этим ты задеваешь его гордость, и он упирается в своём пуще прежнего, уже не из правоты, а из самолюбия.
Ум человеческий устроен так, что в открытом наскоке он лишь крепче держится за своё; чтобы человек переменил мнение, надо, чтобы он пришёл к новому будто сам. Оттого не спорь напролом и не уличай свысока, а наводящими вопросами, примерами, мягким сомнением подведи человека к тому, чтобы он сам увидел иное и сам же его принял, не теряя лица. Подсказанная исподволь мысль, которую он счёл своею, переменит его, а навязанная силой — лишь озлобит. Убеждают не тараном; не ломай замок, а подбери к нему ключ.

Веди, а не гони

Имея власть или влияние над людьми, веди их, а не гони, склоняй, а не ломай. Я скажу тебе — кто понукает, грозит и ломает чужую волю через колено, тот добивается покорности через силу, да непрочной и злой; а кто умеет повести за собою так, что люди идут охотно, тот владеет ими куда вернее.
Гляди, как властвует вода: она течёт ниже всех, не борется и не неволит, а точит камень и движет реки, и оттого, что не возвышается, ей всё и покоряется. Так и среди людей: не ставь себя над ними с бичом, а будь там, где они, веди примером и убеждением, дай им идти за тобою по доброй воле, а не из-под палки. Кого ведут с уважением к его воле, тот следует крепко и верно; кого гнут силою, тот ждёт лишь случая взбунтоваться или ускользнуть. Сильнее всех правит не тот, кто громче приказывает, а тот, за кем идут, не чувствуя принуждения.

Дай счесть идею своей

Хочешь, чтобы человек крепко держался какой-то мысли или дела, — устрой так, чтобы он счёл это своим, а не навязанным тобою. Я скажу тебе — за то, что человек надумал будто бы сам, он держится куда крепче, чем за внушённое ему чужой волей.
Оттого, желая провести свою мысль, не выставляй её непременно как свою и не требуй за неё лавров: брось семя — наводящий вопрос, полунамёк, удачный пример, — и дай человеку додумать остальное и принести это тебе как своё открытие. Похвали его за догадку, не оспаривая, чья она, — и он станет твоим вернейшим сторонником, защищая то, что считает своим. Умному довольно дела сделанного, а лавры пусть берёт другой. Мудрый правитель, говорят, так и водит народ, что тот, исполнив задуманное им, говорит: «мы сами это сделали». Кто не гонится за признанием, тот добивается большего.

Иди впереди ведомых

Хочешь вести людей за собою — иди впереди, а не позади, и дели с ведомыми их труд и их опасность, а не посылай их туда, куда сам ступить не смеешь. За тем, кто первым берётся за тяжёлое и первым встаёт под удар, идут охотно и до конца; а того, кто гонит других вперёд, отсиживаясь в безопасности, слушают лишь со страху и бросают при первом удобном случае.
Раздели с теми, кого ведёшь, их тяготы и лишения — и они простят тебе многое и пойдут за тобою хоть в огонь; ставь себя не выше общего дела, а в самую его середину. Вождь, что бережёт себя пуще ведомых, теряет их сердца, как бы громко ни приказывал. Кто ведёт собою, тому повинуются любя; кто лишь понукает издали, тому — только пока боятся. Иди первым — и за тобою пойдут.

Убеждать, но не обманывать

Есть черта, которую, влияя на людей, переступать нельзя: убеждать — одно, а обманывать и использовать — совсем другое. Я же скажу тебе — честное убеждение обращается к разуму человека, к его доброй воле и истинной его пользе и оставляет его свободным согласиться или нет; а кто играет на чужой слабости, страхе, тщеславии, кто лжёт, морочит и подстраивает, чтобы добиться своего в обход чужой воли, тот не убеждает, а манипулирует, и это уже не влияние, а хитрое насилие.
Все средства, о которых я сказал, — мягкость, обращение к чужой выгоде, пример, — обращай на доброе и честное, а не на то, чтобы обвести человека вокруг пальца ему во вред и себе в корысть. Спроси себя: склоняю ли я его к тому, что и впрямь благо для него самого и для общего дела, или дурачу ради одной лишь своей выгоды, играя на его слепоте? Первое достойно, второе подло. Влияние — большая сила; употреби её, чтобы вести людей к их благу, а не чтобы доить их, как стадо. Кто склоняет других обманом, тот, и добившись своего, остаётся обманщиком.

Не силой, так умом

Не всё берётся силой и напором; где не одолеть мощью, одолевай умом, терпением и обходным путём. Я же скажу тебе — не можешь пройти стену напролом, найди в ней дверь или обойди кругом; упрямая сила там, где надобна сметка, лишь расшибает лоб, а гибкий ум достигает того, перед чем мощь отступила.
Только держи при этом черту, за которую не переступаешь: ум твой да служит честной цели, а не плутовству; обойти преграду — не то же, что обмануть человека. Лисья сметка хороша там, где львиная сила бессильна, — но лишь в ладу с совестью, иначе из находчивого выйдет мошенник. Бери умом, где не возьмёшь силой, — но не теряй чести там, где взял умом.

Просьбы и помощь

Старайся не повадиться часто ходить к одному и тому же человеку за помощью. Так вернее всего прослыть назойливым и приесться даже доброму к тебе человеку, ибо и самый щедрый колодец иссякает, коли черпать без меры. Сперва попытайся управиться с делом сам; не вышло — спроси совета у тех, кто опытнее; и лишь когда и совет не выручил, тогда уж проси о помощи. Так и просьба твоя останется в цене, и доброхоты не станут от тебя прятаться, завидя издали. Кто просит редко и по нужде, тому дают охотно; кто клянчит по всякому поводу, от того затворяют дверь. Береги чужую готовность помочь — она не бездонна.

Просьбы и отказы

Умей отказывать, ибо не всякую просьбу можно и должно исполнить, а отказывать многие не умеют и оттого либо взваливают на себя непосильное, либо наживают обиды. Я же скажу тебе — честное и доброе «нет» лучше лживого «да», которого ты не исполнишь: пустое обещание, данное лишь бы отвязаться, хуже прямого отказа, ибо обманывает и подводит просящего. Отказывай ясно, но мягко: не юли, не корми «завтраками», не прячься, а скажи прямо и по-доброму, что не можешь, и, если уместно, отчего. Откажи в просьбе, не отвергая человека: тон тёплый, отказ твёрдый. Не чувствуй вины за разумный отказ — ты не обязан исполнять всё, о чём ни попросят, и сказать «нет» там, где «да» тебе не по силам или во вред, есть твоё право и подчас твой долг перед собою. Кто не умеет отказывать, тот скоро надорвётся, таская чужое, и всё равно всем не угодит. Откажи честно — и тебя будут уважать; пообещай и подведи — и потеряешь доверие.

Умей просить

Умение просить о помощи — не слабость, а зрелость. Я же скажу тебе — иной человек, гордый и крепкий, скорее сломается под ношей, чем выговорит «помоги мне», и гордость эта губит не хуже иного порока, ибо стоит она не на достоинстве, а на страхе показаться слабым.
Подумай сам: когда просят тебя, разве ты чувствуешь превосходство? Чаще ты рад, что понадобился, и просивший становится тебе ближе, а не ниже. Отчего же ты отказываешь другим в этой радости? Проси прямо, вовремя и без унижения: назови нужду свою просто, не выпрашивая и не набивая цену своему затруднению, и прими отказ без обиды — отказавший в своём праве. Проси у того, кому это по силам, и не проси одного и того же слишком часто. И знай: тот, кто ни разу ни о чём не попросил, обыкновенно и сам не научился быть нужным.

Умей принимать

Принимать помощь тоже надо уметь, и это труднее, чем оказывать. Я же скажу тебе — иной берёт с таким кислым лицом, будто ему делают одолжение

поневоле, и этим отравляет дающему всю радость даяния; а другой отказывается до последнего, покуда помощь уже не помощь.
Прими просто и скажи спасибо просто. Не приуменьшай сделанного для тебя, чтобы не чувствовать себя обязанным, — это неблагодарность, лишь переодетая в скромность. Не рассыпайся и в чрезмерных благодарностях: они тяготят дающего не меньше кислого лица. Взятое отдай, когда сможешь, а если отдать нечем — прямо скажи об этом и попроси отсрочки. И помни: принимая с достоинством, ты оказываешь дающему услугу не меньшую, чем он тебе, ибо позволяешь ему быть добрым, а это радость из редких.

Доверяй с разбором

Держись в доверии к людям середины меж двумя крайностями: не верь всякому без разбора, но и не подозревай каждого. Я же скажу тебе — кто доверяет всем подряд, того обманут и оберут не раз; а кто не доверяет никому, тот обрекает себя на одиночество и вечную тревогу, и это участь не лучше, а хуже.
Излишняя доверчивость делает тебя добычей всякого плута; излишняя подозрительность отравляет тебе жизнь, отваживает добрых людей и лишает тебя дружбы, любви и помощи, ибо без доли доверия меж людьми ничего доброго не строится. Мнительный мучается сам: всюду видит обман, никому не верит, живёт настороже, как в осаде, — и одинок среди людей. Держи дверь свою не настежь для всякого, но и не на запоре от всех: разумная осторожность при готовности доверять достойному — вот верный путь. Доверять с разбором — не то же, что не доверять вовсе.

Постепенное доверие

Доверие давай не разом и не наперёд, а постепенно, по мере того как человек его заслужит. Я же скажу тебе — глупо вручать всю свою веру, свои тайны, свой кошель и своё сердце тому, кого знаешь без году неделю; доверие не подарок первому встречному, а то, что вырастает со временем из проверенных дел. Доверяй сперва в малом и погляди, как человек распорядится малым доверием: сдержал ли слово в пустяке, сохранил ли невеликую тайну, вернул ли занятую малость. Кто верен в малом, тому можно понемногу вверять и большее; кто подвёл и в малом, тому не вверяй важного, как бы он ни был мил и что бы ни сулил. Так, ступенька за ступенькой, испытанным доверием и строится крепкая связь меж людьми. Поспешивший довериться без проверки чаще горько кается; давший доверию созреть редко обманывается.

Доверившись, не грызи

Но когда уже взвесил человека и решил ему довериться — доверяй, а не грызи и себя, и его вечным подозрением. Я же скажу тебе — нет вернее способа

отравить добрую связь и накликать самую измену, которой боишься, чем мучить доверенного непрестанной слежкой, попрёками и недоверием.
Кого ты взялся считать другом, тому не выказывай на каждом шагу, что ждёшь от него обмана: проверять без конца того, кому уже доверился, значит не доверять вовсе, и человек, чувствуя это, либо отдалится, оскорблённый, либо и впрямь подумает: коли всё равно подозревают, так не всё ли равно. Подозрительность, как ржа, разъедает и дружбу, и любовь. Оттого: выбирай, кому довериться, осмотрительно, но, выбрав, доверяй открыто и щедро; а уж если человек обманул твоё доверие на деле, тогда и пересмотри его — но не казни виною наперёд того, кто ещё ни в чём не виноват.

Распознавай, кому нельзя верить

Учись распознавать тех, кому доверять нельзя, прежде чем они научат тебя этому горьким уроком. Человек выдаёт свою ненадёжность задолго до того, как обманет тебя, — надо лишь смотреть: как он обходится с другими, так со временем обойдётся и с тобою.
Гляди: легко ли он лжёт по мелочам, нарушает ли данное слово, выдаёт ли чужие тайны, предал ли уже кого-то до тебя, дурно ли отзывается за глаза о тех, кому в лицо улыбается, — кто носит тебе чужие секреты, тот и твои разнесёт, как уже сказано. Кто неверен и нечестен с другими, тот не сделается верен и честен ради тебя; не обольщайся, что уж с тобою-то он будет иным. Не вверяй важного тому, кто на твоих глазах обманул и предал другого, как бы ни клялся тебе в преданности. Прошлое человека и обхождение его с прочими — вот зеркало, в котором видно твоё с ним будущее.

Не всякому открывай сокровенное

Будь разборчив в том, кому открываешь своё сокровенное — тайны, слабости, заветные замыслы. Я же скажу тебе — не всякому, кто мил и приветлив, можно вверять то, чем он, обернись он недругом, мог бы тебя ранить; доверенная тайна — это ключ, который ты даёшь другому от своего дома.
Открывайся вполне лишь немногим испытанным, а с прочими будь приветлив, но сдержан в сокровенном. Тайна, пока она при тебе, — твоя пленница; вылетела — и ты её пленник, ибо она уже во власти того, кому ты её доверил. Помни, что нынешний приятель может стать завтрашним недругом, и не давай никому в руки того, чем он мог бы тебя держать. Это не призыв к скрытности от всех и вся — без откровенности с близкими нет и близости; но мудрый знает, что кому можно сказать, и не мечет своего сокровенного перед всяким. Что доверил многим, то уже не тайна; а что не сказал никому, то не предаст тебя вовек.

Не запирай сердце после предательства

Если тебя предали или обманули, не выноси из этого приговора всем людям и не запирай сердца навек. Я же скажу тебе — горько обмануться в том, кому верил, и осторожнее после быть должно; но дать одной измене убедить тебя, что верить нельзя никому, — значит наказать за вину одного всех прочих и себя самого пуще всех.
Преданный, что озлобился на весь свет и закрылся от всех, дарит обидчику вторую, большую победу: мало того что тот его ранил, так ещё и лишил его на будущее дружбы, любви и доверия — всего, чем жив человек среди людей. Не все таковы, как предавший тебя; есть и верные, и честные, и встретишь их, если не захлопнешь дверь заранее. Стань осторожнее, мудрее в выборе, доверяй с большим разбором — но не переставай доверять вовсе. Рана от предательства заживает, если её не превращать в стену; не дай одному дурному человеку отнять у тебя веру в хороших.

Будь сам достоин доверия

Говорил я, кому и как доверять; но скажу и обратное: будь сам тем, кому можно довериться. Я же скажу тебе — доверие взаимно, и кто хочет, чтобы ему верили, должен прежде сам быть надёжен; вернее всего окружают себя людьми верными те, кто верен сам.
Держи данное слово, исполняй обещанное, храни доверенную тебе тайну как святыню, не предавай положившегося на тебя, не обманывай поверившего. Будь той опорой, на которую можно стать не глядя, тем человеком, за которого ручаются не задумываясь. Это не только честно, но и выгодно: надёжному открываются и сердца, и двери, ему доверяют дела и тайны, его ищут в друзья и в спутники, ибо надёжность — редкая и дорогая ценность. А кто сам вероломен, лжив и болтлив, тот пусть не дивится, что и к нему нет доверия: что посеял, то и пожнёшь. Хочешь, чтобы тебе верили, — будь верен.

В важном доверяй, но проверяй

Доверяя людям, в делах важных и весомых не полагайся на одно доверие, но и закрепи, и проверь, что нужно. Я же скажу тебе — это не противоречит доверию, а бережёт его: ясный уговор, записанный или при свидетелях, спасает после и дело, и саму дружбу от ссор и недоразумений.
Не оттого, что подозреваешь доброго человека, а оттого, что и честные люди забывают, по-разному помнят и понимают условленное, а память человеческая коротка и спорна, — в делах денежных, в сделках, в важных обязательствах уговаривайся ясно и закрепляй уговор, чтобы после не было распри, кто что обещал. Не вводи и хорошего человека в искушение тем, что всё держится лишь на честном слове и нет ни счёта, ни записи. Где ставка велика, там доверяй, но и сверяй; где мала — довольно и слова. Добрый счёт и добрых друзей хранит.

Не пренебрегай чутьём

Не пренебрегай и тем смутным чутьём, что иной раз без видимой причины настораживает тебя против человека. Я скажу тебе — чутьё это нередко улавливает то, чего разум ещё не успел разглядеть и назвать: какую-то фальшь во взгляде, несходство слов и повадки, неладное, что ты заметил, сам того не сознавая. Не отмахивайся от такого предостережения внутри себя вовсе.
Но и не делай из смутного чувства приговора: оно — повод приглядеться внимательнее, а не клеймо на человеке. Иное беспокойство и впрямь вещее, а иное — лишь твоя предвзятость, страх или дурное расположение, что возводит напраслину на невинного, о чём сказано там, где не велено судить по первому взгляду. Оттого поступи так: уловив в себе безотчётную тревогу, не отвергни её, но и не поверь ей слепо — а насторожись и проверь временем и делом, права ли она. Чутьё пусть будет тебе разведчиком, а решает пусть разум.

Не завись целиком от одного

Не делай себя целиком зависимым от единственного человека, как бы ни был он верен и надёжен. Не вешай всего своего на одну, хотя бы и крепкую, нить: и самый верный может ошибиться, отпасть, перемениться или уйти из жизни, и тогда, если на нём одном всё держалось, ты рухнешь вместе с ним.
Это не значит не доверять никому вполне — близким и испытанным доверяй всем сердцем; но не строй всю свою жизнь, всё своё дело, всю свою опору на одном-единственном человеке так, чтобы без него тебе была погибель. Где можно, имей не одну опору: не одного друга, а нескольких, не один источник помощи, а разные. Кто стоит на многих ногах, того труднее опрокинуть; кто всё доверил и вверил одному, тот заложник его верности, его удачи и самой его жизни. Цени надёжного, но не отдавай ему судьбы своей в полное и единственное держание.

Прощённое доверие зорче

Если ты решил дать обманувшему тебя второй случай, знай, как возвращается подорванное доверие: не разом и не по клятвам, а медленно, делом, шаг за шагом. Я же скажу тебе — кто однажды нарушил твою веру, тот воротит её не словами «я переменился» и не обещаниями впредь, а долгой чередою дел, в которых вновь окажется надёжен, — как и доброе имя отстраивается заново, о чём сказано особо.
Не торопись после измены снова распахнуться, как ни в чём не бывало, и не требуй того от себя: это было бы не прощением, а беспечностью. Дай провинившемуся доказывать свою перемену на деле и понемногу, по мере того как он держит слово в малом, возвращай ему доверие и в большем. Иной и впрямь исправится и станет верен — таких трещина даже укрепляет; иной обманет снова, и тогда ты вправе уже не давать третьего случая. Прощённое доверие не то же, что доверие нетронутое: оно бережнее и зорче, и это разумно.

Осмотрительность

Помни, что далеко не всякий желает тебе добра и удачи. Я же скажу тебе — кто не выкладывает напоказ всех своих намерений и замыслов, тот скорее добьётся желаемого, нежели простак, что делится планами с каждым встречным. Задумав дело, посвящай в него лишь тех, кто и впрямь надобен для его свершения; да и тех держи в осмотрительности — открывай каждому лишь ту часть замысла, какая касается его доли, а не все дело целиком. Не из коварства это, а из трезвости: что знают двое, знает и третий, а преждевременная огласка губит замысел вернее открытого врага. Молчи о задуманном, пока оно не сделано; о замысле говорят дела, когда он уже сбылся.

По-доброму со всяким

Возьми за правило обходиться по-доброму со всяким, кого встретишь, — не только с теми, кто тебе полезен или ровня, но и с малым, с бедным, со слугою, с чужаком, с тем, от кого тебе нет и не будет никакого проку. Я же скажу тебе — вот вернейшая проба человека: как он обходится с теми, кто ничего не может ему дать и ничем не может отплатить.
Доброта стоит дёшево, а весит дорого: доброе слово, приветливость, малая услуга не убавляют тебя нисколько — свеча, от которой зажгли другую, не стала гореть тусклее, — а тому, кому ты их даришь, бывают дороже золота. Не будь же из тех, кто ластится к сильным и важным, а с малыми и слабыми груб и надменен; таков раб и трус, а не достойный человек. С кем бы ни свела тебя судьба, помни, что перед тобою человек, и одного этого довольно, чтобы отнестись к нему по-людски.

Не пренебрегай малым добром

Не пренебрегай малыми добрыми делами, мня, что лишь большие чего-то стоят. Я же скажу тебе — из малых доброт, как из капель, складывается большая часть всего добра на свете, и никакая, даже самая малая, не пропадает впустую.
Доброе слово, улыбка усталому, уступленное место, услышанное участие, малая помощь походя — всё это стоит тебе пустяка, а другому может перевернуть весь день, а иной раз и больше. Ты не знаешь, кто рядом с тобою несёт незримую тяжесть и для кого твоё мимолётное доброе слово станет той каплей, что спасет ему жизнь. Не жди же великого случая совершить великое добро — твори малое, и каждый день: оно вернее и доступнее. Кто ждёт, чтобы облагодетельствовать мир разом, нередко проходит мимо живого человека рядом, которому нужно немногое.

Благодарность к благодетелям

Поднявшись, не забывай руки, что тебя подняла. Иной, выбравшись из нужды или беды чужою помощью, после стыдится её и делает вид, будто всем обязан лишь себе. Я же скажу тебе — нет низости чернее неблагодарности.
Не плюй в колодец, из которого пил, и не отбрасывай лестницу, по которой взобрался. Помни своих благодетелей и воздавай им, чем можешь, хотя бы добрым словом и памятью, если большего не в силах. Благодарность недаром зовут матерью прочих добродетелей: кто помнит добро, тот и сам творит его легче, а кто забывает — черствеет сердцем и к остальным.

Сострадание

Никогда не отнимай у отчаявшегося человека его надежду. Я скажу тебе — как бы пуста и наивна ни казалась она тебе, порой эта самая надежда — последнее, что держит бедствующего на плаву, и, отняв её, ты отнимешь у него и силы жить.
Но умей различать. Я говорю о надежде, что греет одного лишь отчаявшегося и никому, кроме него, не вредит, — за такую призрачную доску держащегося не толкай, даже если доска тебе видится гнилой. Иное дело — ложь, которою человек заражает других и ведёт их в беду: такую щадить не должно, её должно выявлять и опровергать. Утопающего, что вцепился в доску, не отпихивай; но того, кто кричит тонущим, будто спасенья есть там, где его нет, — останови.

Видя нужду, не проходи мимо

Видя человека в нужде или беде, не проходи мимо, отвернувшись, если в твоих силах помочь. Помощь нуждающемуся есть один из первейших долгов человека к человеку, и все народы и веры сходятся в том, что подать голодному, приютить бездомного, поддержать упавшего — дело святое.
Особенно цени возможность помочь тому, кто ничем не сможет отплатить, — нищему, немощному, чужому: такая помощь чище всякой, ибо в ней нет расчёта. Не отговаривайся тем, что бедных много, а ты один: всех не спасёшь, но того, кто перед тобою, спасти можешь, и для него это всё. Помни и о том, что колесо судьбы оборачивается, и сам ты не застрахован от часа, когда протянешь руку за помощью; поступай же с нуждающимся так, как хотел бы, чтобы поступили с тобою в твою чёрную годину. И нет стыда в том, чтобы нуждаться, — стыд лишь в том, чтобы, имея, пройти мимо чужой нужды.

Помоги и забудь

Не одно лишь то важно, что ты даёшь, но и как. Я же скажу тебе — давай тихо, не трубя о своей щедрости на весь свет и не напоминая после о ней облагодетельствованному; добро, о котором сам без конца говоришь, теряет цену и становится покупкой похвалы, а не даром.
И давай так, чтобы не унизить берущего. Нуждающемуся и без того тяжко просить; не заставляй же его гнуться, благодарить в ноги, чувствовать себя

ничтожным перед тобою; подай так, будто это он делает тебе одолжение, принимая. Высшая щедрость — та, что не ждёт ни благодарности, ни возврата, ни даже того, чтобы дающий и берущий знали друг друга в лицо. Помоги и забудь; а кто даёт, чтобы прослыть щедрым или чтобы держать другого в должниках, тот не дарит, а торгует.

Щедрым может быть и неимущий

Не думай, будто щедрость — удел богатых и будто, не имея многого, ты не можешь быть щедрым. Я же скажу тебе — щедрость мерится не величиной даяния, а тем, чего оно стоило дающему и с каким сердцем дано.
Бедняк, поделившийся последней краюхой, щедрее богача, что бросил из своего избытка горсть монет, не заметив убытка; вдова, отдавшая две свои последние лепты, дала больше всех богачей, ибо отдала всё, что имела. И не одними деньгами богата щедрость: у кого нет денег, тот может дать своё время, свой труд, своё участие, доброе слово, плечо в беде — а это подчас дороже золота. Чаша воды, поданная от чистого сердца, весит больше пира, выставленного с досадою. Так что не отговаривайся бедностью: щедрым может быть и неимущий, ибо щедрость живёт в сердце, а не в кошельке.

Помогай так, чтобы встал на ноги

Помогая нуждающемуся, думай не только о нынешнем дне его, но и о завтрашнем. Я же скажу тебе — высшая помощь не столько та, что накормит человека сегодня, а та, что научит его кормиться самому; дать голодному рыбу — добро на день, дать ему удочку и уменье — добро на всю жизнь.
Где можешь, помогай так, чтобы поставить человека на ноги, а не приковать его к своей руке: дай работу, обучи ремеслу, выведи на дорогу, по которой он пойдёт уже сам. Подаяние спасает в беде, но кто способен трудиться, тому вернее дать средство к труду, чем держать его вечно на подачках, ибо это и достоинство ему сохраняет. Конечно, есть и те, кто сам уже не встанет, — больной, старый, увечный; этих питай без счёта и без укора. Но крепкого и способного выручай так, чтобы он снова стал сам себе опорой, а не твоим вечным иждивенцем.

Сделав добро, не веди счёта

Сделав добро, не веди ему счёта и не жди за него ни благодарности, ни возврата. Я же скажу тебе — твори добро так, как лоза приносит виноград: она родит свой плод и не требует за него платы, не ходит следом, напоминая о себе, а дав плоды, готовится родить снова.
Кто благодетельствует, ожидая благодарности, обрекает себя на досаду, ибо люди неблагодарны чаще, чем хотелось бы, и редкое добро возвращается тем же путём, каким ушло. Делай добро потому, что это облагородит твою собственную душу, а не ради спасибо и не ради того, чтобы прослыть добрым

или закабалить облагодетельствованного долгом. Сделал — и забудь, не поминая ни вслух, ни про себя. А коли тот, кому ты помог, оказался неблагодарен, не озлобляйся и не зарекайся помогать впредь: его неблагодарность — на его совести, а твоё добро остаётся добром и не становится хуже оттого, что его не оценили.

Дай с радостью, не с тягостью

Не только что и как даёшь, но и с каким лицом. Я же скажу тебе — помощь, поданная нехотя, с тяжким вздохом, попрёком и кислой миной, наполовину испорчена: берущий чувствует себя не облагодетельствованным, а обузою, и дар такой горчит.
Давай легко и охотно, с приветливым лицом, будто тебе самому в радость помочь, — или уж не давай вовсе, ибо грошовая помощь с открытым сердцем дороже щедрой с попрёком. Не вздыхай над тем, что отдаёшь, не считай вслух своих жертв, не дай берущему ощутить, во что ты ему обходишься. Истинно добрый радуется случаю сделать добро, а не тяготится им как повинностью; и эта радость дающего — половина его дара, ибо она снимает с берущего тяжесть унижения.

Щедрость с трезвым глазом

Будь щедр и милостив, но не будь при том простаком, которого всякий ловкач обведёт вокруг пальца. Я же скажу тебе — и в доброте нужна рассудительность: гляди, кому и на что даёшь, ибо помощь, поданная без разбору, иной раз творит не добро, а вред.
Подать пропойце на новую чарку, дать мошеннику, что промышляет жалостью, — это не милосердие, а потворство пороку и обман самого добра. Помогай настоящей нужде, а не выдуманной; гляди, идёт ли твоя помощь на доброе или на дурное. Это не повод сделаться скаредным и подозревать во всяком просящем плута — такая мнительность хуже простоты; но и раздавать вслепую, не глядя, неразумно. Соедини щедрость сердца с трезвостью глаза: давай охотно, но не давай во вред — ни другому, ни себе.

Когда другой в твоей власти

Когда другой окажется в твоей власти — побеждённый, провинившийся, зависящий от тебя, — вот час, когда виден ты весь. Я же скажу тебе — яви милосердие: не добивай упавшего, не мсти беззащитному, не выжимай из зависимого всё до капли только оттого, что можешь.
Легко быть жестоким, имея силу; великодушие труднее и достойнее. Истинно сильный являет силу свою не тем, что сокрушает поверженного, а тем, что щадит его, имея полную возможность сокрушить. Прости, где можешь простить, смягчи, где можешь смягчить, дай оступившемуся случай исправиться, а не топчи его в грязь. Милостивый и сам встретит милость в свой

чёрный день; а кто безжалостно топтал слабых, пока был силён, тот напрасно будет ждать пощады, когда колесо обернётся и он окажется внизу.

Милость к неоплатному должнику

Если должен тебе бедняк и не может отдать, яви и тут милосердие. Я же скажу тебе — не выжимай из несостоятельного последнее, не отнимай у должника того, без чего ему не жить, не топи тонущего за грош.
Дай бедному должнику отсрочку, когда видишь, что он и рад бы отдать, да не из чего; прости малый долг тому, для кого он непосилен, а для тебя пустяк. Не из всякого долга стоит вытрясать всё до последнего, особенно если возврат пустит человека по миру: что ты выгадаешь горсть монет, а его погубишь? Древние и в законе своём не велели брать в залог последнее одеяло бедняка — в чём же ему спать. Будь же и в денежных делах человеком, а не безжалостным заимодавцем: иной прощённый долг возвращается сторицей — добром, верностью и доброй молвой, а иной раз и тем, что ты сохранил человеку жизнь.

Долги и деньги между людьми

В денежных делах с людьми держись осторожно, ибо ничто так скоро не ссорит, как деньги, ставшие меж двоими. Я же скажу тебе — давая в долг, давай лишь столько, сколько готов и вовсе не увидеть назад; тогда вернут — обрадуешься, а не вернут — не потеряешь ни покоя, ни приязни.
Одолжив, не попрекай должника и не держи над ним свой долг, как занесённую плеть; а сам, заняв, помни о сроке крепче заимодавца и верни вовремя, не дожидаясь, чтоб напомнили. Лучше отказать в займе прямо, чем дать нехотя и после точить из-за этого дружбу.

Запрет жестокости

Из всех пороков берегись пуще всего жестокости — наслаждения чужим страданием. Я скажу тебе — это, быть может, чернейший из пороков: можно понять и простить многое, что человек творит по слабости, нужде или гневу, но того, кто мучает другого ради самой муки, для забавы или из холодного презрения, прощать тяжелее всего.
Никогда не причиняй боли тому, кто в твоей власти и не может ответить, — ни человеку, ни животному, ни малому, ни слабому; и не находи в чужом страдании ни забавы, ни торжества. Как обходится человек с теми, кто всецело в его власти и от кого ему нечего опасаться, — с пленным, с зависимым, с немощным, с бессловесной тварью, — то и есть вернейшее зеркало его души. Кто жесток к беззащитному, тот низок, какие бы добродетели ни выставлял напоказ перед равными и сильными. Не будь жесток — это первый из запретов, на котором держится всё людское житие.

Насмешка и злая острота

Не делай человека посмешищем и не точи остроумие своё об чужую честь. Я же скажу тебе — колкая насмешка ранит порой больнее удара, ибо бьёт не по телу, а по достоинству, и рана эта помнится дольше; а тот, над кем посмеялись при людях, редко прощает обидчику свой стыд.
Иной мнит себя остряком и любимцем общества, а на деле сеет вокруг тихую вражду: всякий при нём держится настороже, как бы не стать следующей мишенью для его языка. Острый ум — добрый дар, да не на то, чтоб унижать им слабого или тешить толпу чужим позором. Смейся с людьми, а не над людьми; шутка, что роняет другого, роняет прежде всего самого шутника. Кто остёр на чужой счёт, тот наживает врагов там, где мог бы нажить друзей.

Защита слабого

Доброта не только в том, чтобы подать, но и в том, чтобы защитить. Я же скажу тебе — когда на твоих глазах обижают слабого, который не может постоять за себя, не отворачивайся и не отмалчивайся: вступись за него, скажи за того, у кого нет голоса, прими сторону беззащитного против того, кто его теснит. Молчать, когда при тебе творят несправедливость над тем, кто не может ответить, — почти то же, что соучаствовать в ней. Открой уста твои за безгласного: за обижаемого ребёнка, за затравленного, за того, кого судят неправо и кому нечем оправдаться, за всякого, на кого ополчились сильные. Не всегда это безопасно, и не требую от тебя безрассудства; но там, где ты можешь заступиться без большой беды для себя, а молчишь из трусости или равнодушия, — там вина и на тебе. Сила, что не вступается за слабого, и голос, что молчит о неправде, даны зря.

Доброе имя дороже богатства

Доброе имя дороже богатства; кто имеет добрую славу, имеет то, чего не купишь за деньги. Я же скажу тебе — золото отворяет иные двери, но добрая молва отворяет те, что золоту не по силам: тебе верят на слово, тебе доверяют без залога, к тебе идут и тебя зовут — и всё оттого, что имя твоё чисто.
Имя твоё идёт впереди тебя и остаётся после тебя: оно встречает тебя там, где тебя ещё не видели, и живёт, когда тебя уже нет. Богатство можно растерять и нажить вновь, а доброе имя, единожды загубленное, воротить куда труднее. Оттого береги свою честь и добрую славу пуще кошелька; и если придётся выбирать между прибытком и честным именем — выбирай имя, ибо деньги без чести немного стоят, а честь и без денег держит человека высоко.

Имя береги загодя

Помни, как наживается доброе имя и как теряется. Я скажу тебе — добрая слава строится медленно, годами, из многих и многих честных дел, а рушится в один миг от единого постыдного поступка. Что возводил всю жизнь по камешку, можешь обрушить за час.
Оттого, стоя перед соблазном сделать что-либо низкое — солгать ради выгоды, обмануть, предать, смалодушничать, — вспомни, что ставишь на кон не сиюминутную выгоду, а всё своё имя, копленное годами. Одна подлость, ставшая известной, перевесит в глазах людей сотню прежних твоих добрых дел, ибо люди скорее запоминают дурное. И знай ещё: пятно с доброго имени смывается долго и редко дочиста — даже оправданный носит тень подозрения. Тем дороже беречь имя загодя, чем отмывать его после.

Быть важнее, чем слыть

Заботься больше о том, чтобы быть достойным, чем о том, чтобы слыть таким. Я же скажу тебе — репутация есть лишь тень, а нрав твой — дерево, её отбрасывающее; кто гонится за тенью, забыв о дереве, тот глуп, ибо тень сама идёт за тем, у кого крепкое дерево.
Можно до поры казаться лучше, чем ты есть, — носить личину добродетели, не имея её; но личина рано или поздно спадает, и время выводит на свет то, что под нею, о чём сказано в другом месте. Доброе имя, под которым нет доброго нрава, — что позолота на ржавчине: блестит, пока не пригляделись. Оттого строй прежде всего себя самого, а добрая слава приложится и будет прочна, ибо станет на твёрдом. Кто хорош на деле, тому не страшно, если и оболгут: правда о нём всё равно проступит; а кто худ, но ловко притворяется, тот живёт в вечном страхе разоблачения.

Не будь рабом чужой молвы

Сказал я беречь доброе имя — но скажу и обратную сторону: не делайся рабом чужой молвы и не дрожи над каждым пересудом. Я же скажу тебе — заботиться о добром имени и трястись над всяким мнением о себе не одно и то же: первое — мудрость, второе — рабство.
Как ни живи, всегда найдутся те, кто очернит тебя, позавидует, перетолкует худо самое доброе твоё дело; всем рты не заткнёшь и всем не угодишь, о чём сказано там, где речь о чужом мнении. Оттого береги имя честными делами, но не строй всю жизнь напоказ, в вечной оглядке «что скажут», и не давай страху перед сплетней управлять твоими поступками. Делай, что правильно, и пусть говорят, что хотят: чистая совесть твоя — судья надёжнее переменчивой молвы. Худая слава, ничем не заслуженная, как пыль: осядет сама, если её не ворошить, а правда о тебе со временем проступит.

Славу делами, не похвальбой

Добрую славу зарабатывают делами, а не похвальбой о себе. Я же скажу тебе — кто сам трубит о своих достоинствах и заслугах, тот чаще роняет себя, чем возвышает: люди не любят самохвалов и верят им меньше всего; а истинные твои дела скажут о тебе громче и убедительнее всяких слов.
Не расхваливай себя, не приписывай себе чужого, не выпячивай всякую малую свою заслугу; пусть лучше другие скажут о тебе доброе — их слово стоит во сто крат больше твоего собственного. Цветок не кричит о своём запахе, а его и так слышно; и доброе дело не нуждается в том, чтобы делавший сам о нём раззвонил. Делай хорошо своё дело, веди себя достойно — и доброе имя придёт само, как тень за деревом. А кто домогается славы, трубя в собственную трубу, тот добывает не уважение, а усмешку.

Когда тебя оболгут

Случится, что тебя оболгут, очернят, припишут тебе то, чего ты не делал, — и это горько, ибо защищаться против клеветы трудно: оправдываясь, будто признаёшь, что есть в чём. Я же скажу тебе — не теряй головы и не отвечай клеветнику его же оружием, грязью на грязь; этим ты лишь измараешься сам и уподобишься ему.
Лучший ответ на клевету — вся твоя прежняя и нынешняя жизнь: если люди знают тебя долго и видели дела твои, навет к тебе не пристанет, а отскочит, как от стены. А время, отец истины, рано или поздно выведет правду на свет и посрамит лжеца, о чём сказано в другом месте. Должно тебе спокойно скажи правду один раз, и довольно; не пускайся в бесконечные оправдания и склоку, ибо чем больше барахтаешься в грязи, тем больше брызг. Держись с достоинством, ясно опровергни навет и живи честно дальше — и клевета осыплется сама, а на клеветнике и останется.

Берегись и тени подозрения

Мало того, чтобы не делать дурного, — берегись и положений, в которых тебя могут заподозрить в дурном, хотя бы ты был и чист. Я же скажу тебе — людская молва судит по виду, и тень подозрения липнет к имени почти так же, как настоящая вина.
Есть мудрое восточное присловье: не нагибайся завязать сандалию на чужом бахчевом поле и не поправляй шапку под чужой яблоней — со стороны решат, что ты воруешь, хоть бы ты и не помышлял об этом. Так и ты: где можешь, не давай повода для кривотолков, не ставь себя в двусмысленное положение, не водись с теми, кто бросает тень и на тебя. Это не значит жить в страхе перед всякой сплетней, о чём уже сказано; речь о благоразумии — не подавать клевете готовой пищи. Чистым быть важнее, чем казаться; но мудрый и казаться старается чистым, чтобы не давать злым языкам поживы.

Не почивай на добром имени

Добыв доброе имя, не думай, что теперь можешь почивать на нём вечно, ничего более не делая. Я же скажу тебе — слава не вклад, что лежит и растёт сам собою; она скорее огонь, что гаснет без топлива, и её надо подтверждать делами снова и снова.
Люди переменчивы и памятливы на дурное: одно нынешнее твоё падение затмит в их глазах все былые заслуги, и судить тебя станут по последнему делу, а не по давним. Не кивай на прошлые победы, оправдывая нынешнюю праздность или промах, — вчерашний урожай не насытит вечно, надо снова сеять. Тот, кто, добыв имя, перестал быть его достойным, теряет его вернее, чем тот, кто и не имел, ибо с высоты и падать виднее. Держи же высоту, на которую взошёл, тем же, чем и взошёл, — трудом и достоинством.

Чем выше имя, тем больше завистников

Знай наперёд: чем выше поднимется твоё имя, тем больше наживёшь завистников и тем чаще будут метить в тебя. Я же скажу тебе — яркая слава сама притягивает стрелы, как высокое дерево — ветер и молнию; не дивись же, что успех твой родит недоброжелателей там, где их не было.
Иные, кто не смог стерпеть твоего возвышения, станут чернить тебя, выискивать в тебе пятна, радоваться твоему промаху, ибо чужая высота язвит их собственную малость. Не принимай это близко к сердцу и не считай, будто ты в чём виноват перед ними: такова цена всякого, кто поднялся над толпою. Не отрекайся от своей высоты в угоду завистникам и не унижайся, чтобы их умилостивить, — всё одно не умилостивишь; держись достойно, делай своё и помни, что лают чаще на того, кто чего-то стоит. Зависть к тебе — кривое, но признание.

Упал по своей вине — подымись

Иное дело, когда ты потерял доброе имя не по навету, а по собственной вине — и впрямь оступился, смалодушничал, согрешил так, что люди отвернулись. Я же скажу тебе — и это не конец: имя можно отстроить заново, хоть и медленно, и труднее, чем строилось впервые.
Не пытайся отмыться оправданиями, отрицанием и перекладыванием вины — этим лишь усугубишь. Признай вину прямо, как сказано о признании ошибок, поправь, что можешь поправить, и не криви душою. А после — терпеливо, делом, день за днём доказывай, что переменился: доверие, единожды подорванное, возвращается не словами «я исправился», а долгой чередой дел, в которых ты вновь надёжен. Путь этот не быстрый, и многие так и не простят до конца; но иные простят, а главное — ты вернёшь уважение к себе самого себя. Не казни себя без конца за падение, о чём сказано особо, а подымись и иди: и запятнавший имя может вернуть его, если жив и не сдался.

Яви свои достоинства

Мало обладать достоинством — умей при случае и явить его, ибо заслуга, которой никто не видит, всё равно что её нет. Я же скажу тебе — ложная скромность, что прячет дарования из боязни показаться нескромным, вредит не меньше пустого бахвальства: один трубит о пустом, другой молчит о ценном, и оба не получают должного.
Не зарывай талант свой в землю и не жди, что тебя разглядят сквозь твоё же укрывательство: покажи плод трудов в свой час и в своём месте — без хвастовства, но и без приниженности. Делай дело — и давай делу быть увиденным; добрая работа, явленная скромно, говорит за тебя громче всякой похвальбы. Скромность не в том, чтобы прятать сделанное, а в том, чтобы не привирать к нему; являй своё достойно, не умаляя и не раздувая.

Будь нужен

Хочешь, чтобы тебя ценили и держались за тебя, — будь по-настоящему нужен и полезен. Я же скажу тебе — крепче привязывает людей не тот, кто без конца просит, а тот, в ком нуждаются; и вернее всякой лести бережёт твоё место то, что без тебя дело идёт хуже.
Возделывай в себе уменье и достоинства, которых у других нет или которых им недостаёт, — и станешь нужен не из милости, а по делу: ценят то, без чего трудно обойтись. Но будь полезен по чести, не делаясь ни прислужником, что унижается, ни хитрецом, что нарочно запутывает дело, дабы без него не распутали, — первого не уважают, второго раскусят и возненавидят. Будь нужен тем, что ты вправду хорош, — и место твоё прочно без всяких уловок.

Не дешеви себя

Не дешеви себя излишней доступностью и не примелькайся: что всегда под рукою и достаётся даром, то перестают ценить. Я же скажу тебе — даже к лучшему привыкают и к нему остывают, если его слишком много; редкое же держит цену, и недолгое отсутствие нередко поднимает тебя в чужих глазах вернее всякого присутствия.
Не навязывайся, не мозоль глаза, не выкладывай всего себя разом — оставь людям чего пожелать и по чему соскучиться. Уходи, пока тебе ещё рады, а не когда уже тяготятся; являйся в меру — и тебя будут ждать. Это не игра в недотрогу и не спесь, а простое знание людской природы и уважение к себе: кто сам себя не разменивает по мелочи, того и другие держат за человека стоящего. Знай себе цену — и не сбивай её сам.

Не будь переносчиком слухов

Не будь переносчиком слухов и сплетен, что таскают пересуды от одного к другому. Я же скажу тебе — сплетник сеет раздор вернее всякого злодея: словечком, пущенным из уст в уста, он ссорит друзей, семьи, целые дома, а сам стоит будто в стороне, чистенький.

Услышав о ком-то худое или пустое, не спеши разнести это дальше; чаще всего, передавая, ты лишь множишь зло и пятнаешь человека, которого, быть может, и в глаза не видел. Переносчик чужих слов подобен тому, кто носит горящие уголья из дома в дом: где пройдёт, там и пожар. Не находи удовольствия в перемывании чужих косточек, как ни сладко оно толпе; кто чешет язык о ближнем, тот и сам в чужих устах не пощажён. Держи язык за зубами о делах, которые тебя не касаются, и не служи разносчиком чужой грязи.

Не говори за глаза дурного

Не говори о человеке за глаза того, чего не сказал бы ему в лицо. Я же скажу тебе — злословить об отсутствующем, который не может ни ответить, ни оправдаться, — дело трусливое и низкое: это всё равно что бить лежачего или того, у кого связаны руки.
Прежде чем сказать о ком-то худое в его отсутствие, спроси себя, как уже сказано о всякой речи: повторил бы ты это при нём самом? Если нет — лучше смолчи. Иные мудрецы уподобляли злословие за спиной поеданию плоти отсутствующего — и есть в этом правда: ты грызёшь того, кого нет, тайком.
Если есть у тебя что против человека, скажи это ему самому, с глазу на глаз, как подобает, а не суди и не черни его перед другими, когда его нет и он не слышит.
За глаза о людях либо говори доброе, либо молчи.
Совсем иное дело если речь о преступлении совершенном человеком. Тогда должно и нужно сказать об этом вслух и привлечь к этому внимание.

Не верь молве с одного голоса

Услышав о ком-то дурную молву, не спеши верить ей с одного голоса. Я же скажу тебе — молва растёт и искажается, пока идёт из уст в уста: малое раздувается, доброе чернится, и до тебя доходит уже не быль, а небылица, обросшая чужими домыслами и злобой.
Особенно не доверяй худой молве от недоброжелателей того, о ком она идёт, — у злого языка свой расчёт. Прежде чем поверить дурному о человеке, а тем паче прежде чем повторить это дальше, доищись, как было на деле, из верного источника, а не из пересудов. Сколько добрых имён загублено наветом, который никто не потрудился проверить! Не будь из тех, кто верит худому о ближнем с лёгкостью, а доброму — с трудом.

Злого слова не воротишь

Помни, что злое слово, единожды пущенное о человеке, уже не воротишь, как ни кайся после. Я же скажу тебе — клевета и сплетня, сорвавшись с языка, разлетаются по свету, и собрать их назад так же невозможно, как собрать перья, вытряхнутые из подушки на ветру.
Рассказывают о человеке, что оболгал ближнего, а после раскаялся и пришёл к мудрецу спросить, как загладить вину. Тот велел ему вспороть перину и

развеять перья по ветру, а после собрать их все до единого назад. «Но это же немыслимо», — сказал тот. «Вот так же немыслимо, — ответил мудрец, — воротить назад слова, что ты разнёс о ближнем». Оттого думай прежде, чем сказать о ком дурное: рана от меча заживает, а рана от злого слова тянется годами, и пятно, посаженное на чужое имя, не всегда смывается и за целую жизнь.

Нет уха — нет и сплетни

Сплетня жива, пока её слушают: нет уха — нет и сплетни. Я же скажу тебе — не только сам не разноси пересудов, но и не будь им охочим слушателем, ибо слушающий сплетню — пособник сплетнику, и без жадных до неё ушей злословие заглохло бы само.
Когда при тебе начинают перемывать кому-то кости, не подзуживай, не лови жадно каждое слово, а лучше прерви или отойди; сплетник, не найдя в тебе охотника, скоро отстанет. И запомни вернейшую примету: кто носит тебе сплетни о других, тот носит другим сплетни о тебе. Не доверяйся тому, кто при тебе охотно злословит об отсутствующих, — будь уверен, что за твоей спиной он так же злословит и о тебе. Любящий перемывать чужие косточки не пощадит и твоих.

Правда — не повод злословить

Не думай, будто, коли сказанное о человеке правда, ты волен разносить это где попало. Я же скажу тебе — и правда бывает злословием, если выставлять чужой грех и слабость напоказ без нужды, лишь бы очернить или потешить молву.
Не всякую правду о ближнем должно разглашать: чужой промах, давний грех, тайный изъян, болезнь, позор — оглашать это без крайней надобности значит ранить человека, хотя бы каждое слово твоё и было верно. Спроси себя, как уже говорилось о всякой речи: правда ли это, нужно ли это и не довольно ли тут молчания? Бывает нужда сказать и горькую правду — остеречь другого от мошенника, защитить от опасного; но одно дело предупредить о настоящей опасности, и совсем другое — обнажать чужой срам ради сплетни. Истина не дубина, чтобы крушить ею доброе имя; владей ею бережно.

Об отсутствующих — хорошее

Есть и добрая оборотная сторона у всего этого: говори об отсутствующих хорошее. Я же скажу тебе — как дурно разносить о людях злое, так благо — разносить о них доброе: похвали при случае того, кого нет рядом, передай ему лестный отзыв, заступись за оболганного, расскажи о ближнем светлое, а не тёмное.
Возьми за правило говорить о людях за глаза так, будто они стоят рядом и слышат тебя; тогда и язык твой будет чист, и совесть спокойна. Добрая молва, которую ты пускаешь о человеке, возвращается к нему и согревает его, как злая

— ранит; и сеющий о ближних доброе слово сам обрастает доброй славою и добрыми друзьями. Мир и так полон злоречия; будь же из тех немногих, от кого люди слышат о других хорошее, — таких ценят и таким доверяют. Уста, привычные хвалить, приятнее и людям, и небу, чем привычные хулить.

Не суй носа в чужие дела

Занимайся своими делами и не суй носа в чужие. Я же скажу тебе — праздное любопытство к чужой жизни есть корень, из которого растёт сплетня: чего ты не выпытываешь, не подсматриваешь и не вынюхиваешь, того и не разнесёшь после.
Кто вечно занят чужими домами — кто с кем, у кого что, отчего да почему, — у того обыкновенно запущен свой собственный дом. Полоть бы тебе свой огород, а не заглядывать через забор в соседский. Не выспрашивай о чужих тайнах, не лезь в то, что тебя не касается, не подслушивай и не подглядывай: меньше будешь знать чужого — меньше будет искушения разболтать. Любопытен к чужому тот, кому пусто в своём; займи себя делом и ростом — и не останется ни времени, ни охоты копаться в чужой жизни.

Берегись тихой клеветы

Знай, что доброе имя роняют не одной лишь открытой ложью, но и тихой клеветой исподволь — многозначительным молчанием, усмешкой, поднятой бровью, недоговорённым «я бы рассказал, да не хочу…». Я же скажу тебе — такой намёк бьёт не хуже прямого навета, а взятки с него гладки: вслух-то ничего дурного и не сказано.
Берегись этого лукавого злословия и в других, и в себе. Иной не солжёт прямо, а уронит словцо, намекнёт, оставит недосказанность — и в чужой голове сама собою дорисуется чернота, а наветчик ни при чём, он «ничего такого не говорил». Не пользуйся сам этим трусливым оружием — оно бесчестно вдвойне; и не верь чужим намёкам и недомолвкам легче, чем верил бы прямому обвинению, ибо за туманным намёком чаще прячется не правда, которую боятся сказать прямо, а ложь, которую прямо сказать нельзя.

Об умерших — доброе или ничего

Об умерших говори доброе либо не говори вовсе. Я же скажу тебе — если злословить об отсутствующем низко, то об умершем низко вдвойне: он уже совсем не может ни ответить, ни оправдаться, ни исправиться, и трепать имя того, кто навек смолк, — последнее из малодуший.
Мёртвый отдан всецело на милость живых: что о нём скажут, тем он и останется в памяти, а сам защититься не в силах. Оттого не своди с покойником счётов, не поноси и не выставляй напоказ его слабостей и грехов: чего не успел сказать ему живому, не вали на него мёртвого. Если был он дурен, довольно того, что суд над ним уже не в твоих руках; если был хорош — помяни добром.

А когда о покойнике и впрямь нечего сказать хорошего, лучшее, что можешь сделать, — промолчать и оставить его в покое.

Разнёс навет — исправь

Если случилось тебе по слабости или сгоряча разнести о ком-то сплетню или навет, не отмахивайся, мол, сказанного не воротишь, и не множь вину молчанием. Я же скажу тебе — воротить сказанное и впрямь нельзя сполна, но собрать хоть часть разлетевшихся перьев, как в той притче, в твоих силах, и это твой долг.
Где можешь — останови молву, которую сам пустил: скажи тем, кому наговорил, что был неправ, опровергни сам свою же напраслину, заступись теперь за того, кого очернил, повинись перед ним, если хватит совести. Это нелегко и стыдно, но честнее, чем дать пущенной тобою лжи и дальше губить человека, пока ты прячешься за «слово не воробей». Исправляй причинённое зло, насколько достаёт твоих сил, как сказано и о всякой вине; собранное перо к перу — уже меньше, чем развеянная по ветру перина.

Не выкладывай свою подноготную

Не только чужого сора берегись, но и своего: не выкладывай всякому свою подноготную, свои тайны, свои домашние дела и чужие секреты, что тебе доверены. Я же скажу тебе — что сам разболтал, то и пойдёт гулять по свету: ты же первый и дал молве пищу, а после дивишься, отчего о тебе судачат.
Сам себе злейший разносчик тот, у кого язык без костей о собственной жизни. Доверяй сокровенное лишь немногим испытанным, а не первому встречному и не целой толпе; о делах своих, особенно ещё не сделанных, помалкивай, как уже сказано об осмотрительности. Чем меньше ты выставил напоказ, тем меньше переврут и тем меньше уязвимых мест ты открыл недоброжелателю. Хочешь, чтобы о тебе меньше судачили, — меньше давай к тому поводов: запертую шкатулку не обчистишь.

Лесть и корысть

Берегись лести пуще брани, ибо брань настораживает, а лесть усыпляет. Я же скажу тебе — сладкая, безмерная похвала в глаза чаще отрава, чем мёд: даром не льстят, и похвала сверх меры почти всегда есть плата вперёд за то, что льстец надеется с тебя получить. Вспомни лису и ворону: не пение вороны хвалила лиса, а метила в сыр.
Оттого будь всего осторожнее как раз тогда, когда тебя всего слаще хвалят: спокойно спроси себя, за что и зачем. А отличить льстеца от друга помогут три приметы. Первая: льстец со всем соглашается и поддакивает даже твоей глупости, друг же спорит, когда ты неправ, и хвалит лишь то, что и впрямь похвально. Вторая: погляди, каков он с другими, — истинный льстец, как хамелеон, всякому поёт по его вкусу, и у кого со всеми лад, у того ни с кем нет

правды. Третья, самая верная: гляди, кто остаётся при тебе, когда твоё солнце заходит. Льстецы слетаются на удачу, как мухи на мёд, и исчезают, едва мёд иссяк. Льстецу нужна твоя удача — другу нужен ты.

Окружённый похвалами слепнет

Опасна лесть не только тем, что обманывает, но и тем, что незаметно портит того, кто ей поверил. Я же скажу тебе — привыкший упиваться похвалами теряет верный взгляд на себя: растёт в собственных глазах, перестаёт видеть свои изъяны, делается тщеславен и обидчив на всякую правду, а через то и слабеет.
Опасность эта тем гуще, чем выше человек поднялся: вокруг возвысившегося роятся угодники, и правды он слышит всё меньше. Иной же строит себе эту сладкую клетку сам — приближает поддакивающих, а всякого, кто посмел перечить, отдаляет и гневит; и вскоре всё, что он слышит, есть лишь эхо его же голоса, а человек, слышащий одно эхо, скоро теряет и меру, и разум. Держи же при себе нарочно хоть одного, кто не боится тебе возразить, и цени его дороже сотни хвалителей; не гневайся на принёсшего неугодную истину и не приближай того, кто лишь умащает тебя приятным. И суди себя сам, трезво, чтоб не зависеть ни от хвалящих уст, ни от хулящих: кто сам себе верный судья, того и лесть не испортит, и хула не сломит.

Сам не льсти, но хвали по правде

Как не поддавайся лести, так и сам не будь льстецом. Я же скажу тебе — добиваться выгоды или милости лживой похвалой есть и ложь, и низость: льстец торгует своим словом и теряет уважение прежде всего собственное. А когда все вокруг угодливо поют сильному, будь, насколько хватает мужества, тем редким голосом, что говорит ему правду, — с почтением, с умом, выбрав час и слова, но говорит. Не зову тебя на безрассудство там, где правда стоит головы; но не будь и из тех, кто льстит лишь потому, что так удобнее.
Опасаясь же лести, не впади в обратную крайность — в скупость на доброе слово. Честная, заслуженная похвала не лесть, а дело нужное и доброе: многие расцветают от вовремя сказанного «у тебя вышло хорошо». Замечай в людях подлинное — старание, успех, добрый поступок — и называй это вслух, искренне и за дело. Иной, боясь показаться льстецом, не находит для ближнего ни единого тёплого слова, и это тоже скудость души. Будь щедр на правдивую похвалу и скуп на лживую.

Не наживай врагов без нужды

Не наживай врагов без нужды. Я же скажу тебе — даже один враг может причинить больше вреда, чем десять друзей принесут пользы, ибо на доброе люди ленивы, а на злое ретивы; и глупо плодить себе недругов там, где этого легко избежать.

Многие наживают вражду по пустякам: резким словом, мелкой обидой, уязвлённым самолюбием, нежеланием уступить в ничтожном. А нажитый враг не забывает и ждёт случая: ты и думать о нём забыл, а он точит зуб. Оттого не оскорбляй без крайней нужды, не унижай, не наступай на чужую гордость ради красного словца или мелкой выгоды; где можно разойтись миром, разойдись миром. Это не трусость, а расчётливость: умный обращает врага в равнодушного, а равнодушного в приятеля и тем расчищает себе дорогу. Врагов и так пошлёт тебе жизнь довольно; не умножай их сам.

Удержи месть

Когда тебя обидят, в тебе вскипит желание отомстить; но я скажу тебе — удержи его, ибо месть сладка лишь на миг, а вредит тебе самому дольше и больше, чем обидчику.
Мстя, ты опускаешься до уровня того, кто тебя обидел, и делаешься таким же; лучшая же месть — не быть на него похожим. Кто отплатил злом за зло, тот лишь сравнялся с врагом; а кто сумел подняться над обидой и не отплатить, тот выше его. Месть не возвращает потерянного и не лечит раны, а лишь продлевает вражду и привязывает тебя к обидчику накрепко: пока ты поглощён местью, он живёт в твоей голове и правит тобою. Хочешь истинно одолеть врага — преуспей и будь счастлив без него, живи хорошо и достойно: это досаднее ему всякой мести и вернее освобождает тебя. А затевающий месть пусть роет сразу две могилы.

Добро обезоруживает врага

Случается, что добро, оказанное недругу, обезоруживает его вернее всякой борьбы: нежданная доброта смущает злобу и порой обращает врага если не в друга, то хоть не во врага. Я же скажу тебе — где можешь погасить вражду добром, а не раздуть её ответным злом, там так и поступи; это и благороднее, и часто умнее.
Но не пойми это как веление быть всякому половиком, о который вытирают ноги. Отвечать добром на зло — не то же, что покорно сносить всякое зло и подставлять себя под новые удары без конца. Мудрый держит середину: на мелкую обиду отвечает великодушием, не размениваясь на вражду; но против настоящего, упорного зла обороняется и кладёт ему предел, ибо спускать злодею всё подряд значит лишь поощрять его и предавать тех, кого он обидит после. Доброта к врагу хороша, пока она от силы и выбора, а не от страха и слабости.

Извлекай пользу из врагов

Не от одних друзей бывает польза — умей извлечь её и из врагов. Я же скажу тебе — враг твой, в отличие от друга, не пощадит и не польстит: он зорко

высматривает все твои изъяны, промахи и слабости и громко тычет в них; а это, как ни горько, может сослужить тебе службу.
Друг из любви смолчит о твоём недостатке, чтобы не обидеть, а враг из злобы выкрикнет его на весь свет — и тем укажет тебе, что в тебе и впрямь слабо и что стоит исправить. Слушай же хулу врага не только с обидой, но и с холодным вниманием: нет ли в ней доли правды? Если есть — поблагодари про себя обидчика и исправься, обратив его злобу себе на пользу. Враг, держащий тебя в постоянной зоркости и не дающий разлениться и зазнаться, иной раз полезнее льстивого друга, что усыпляет похвалами. Так оборачивай вражду себе на рост.

Не будь наивен с недругом

Не будь наивен с теми, кто желает тебе зла, и не закрывай на них глаза из благодушия. Я же скажу тебе — узнать врага так же важно, как ценить друга: понять, чего он хочет, в чём силён, в чём слаб и чего от него ждать, — половина защиты от него.
Не приписывай врагу ни большей злобы, чем в нём есть, ни меньшей: и преувеличить опасно, и недооценить. Не дразни сильного врага попусту, но и не подставляйся ему по беспечности, мня, что всё само обойдётся. Держи недоброжелателя в поле зрения, не доверяй ему того, чем он может тебя ранить, не открывай ему слабых своих мест. Это не призыв жить в страхе и видеть врага в каждом — мнительность тоже беда; но трезвая зоркость к тем, кто и впрямь точит на тебя зуб, уберегла многих, а беспечность сгубила. Знающий своего противника редко бывает застигнут врасплох.

Готовься встретить вздорных

Готовься с утра к тому, что за день встретишь людей вздорных, неблагодарных, грубых, наглых, лживых — ибо мир ими полон, и не тебе одному с ними иметь дело. Я же скажу тебе — кто ждёт встретить только добрых и разумных, тот всякий день будет уязвлён и разгневан; а кто заранее знает, что попадутся и дурные, того их дурость не застанет врасплох и не выведет из себя.
Встретив несносного, не дивись и не кипи, будто случилось неслыханное: таков уж он, и многие таковы, и большей частью не со зла, а по неразумию, по своей слепоте, не ведая лучшего. Пожалей такого скорее, чем возненавидь, и не дай ему испортить тебе кровь и день: его грубость — его беда и его свойство, а не твоё, если ты не примешь её в себя. Терпи, что можно стерпеть, обходи, что можно обойти, ограждайся от того, что переходит предел, — но не отдавай вздорному человеку своего покоя: это слишком дорогая плата за чужую дурость.

Не дай ненависти пустить корни

Пуще всего берегись дать ненависти к врагу поселиться в тебе и пустить корни. Я же скажу тебе — ненависть травит прежде всего самого ненавидящего: ты

носишь её в груди день и ночь, она отравляет тебе сон, мысли, радость, — а враг твой тем временем, быть может, и думать о тебе забыл.
Затаить злобу и лелеять её — всё равно что самому пить яд в надежде, что отравится другой. Чем дольше держишь обиду, тем больше она держит тебя: пока ты ненавидишь, обидчик живёт в твоей голове и даром правит тобою оттуда. Отпусти — не ради него, а ради себя самого, ради своего покоя; прощение тут не подарок врагу, а освобождение себя. Это не значит забыть урок или снова довериться тому, кто тебя ранил, о чём сказано про осторожность; но вынь занозу злобы из сердца и иди дальше налегке. Кто перестал ненавидеть, тот и победил — не врага, так худшее в себе.

Соразмеряй ответ с угрозой

Сказал я погашать вражду добром — но добавлю важное: соразмеряй ответ с тем, что тебе грозит, ибо одно дело мелкая обида, и совсем другое — посягательство на твою жизнь. Я же скажу тебе — на колкость, косой взгляд, злое слово отвечай великодушием и не раздувай из мухи войны; тут уступить и обратить в шутку или в добро — мудрость и сила, а не слабость.
Но когда на тебя нападают, чтобы ограбить, изувечить или убить, — здесь не место подставлять другую щёку: защищай свою жизнь и жизнь близких всеми силами, без колебаний и не вполсилы, ибо кротость перед убийцей не добродетель, а гибель, и твоя жизнь стоит защиты. А коли враг напал на твою землю, на твой народ — встать на их защиту не только право твоё, но и святой долг противления злу; захватчика, несущего смерть и грабителя, должно остановить и сокрушить решительно, всею мощью, ибо щадящий лютого врага губит тех, кого взялся оборонять.
И всё же даже в правой войне не теряй человека в себе: сокрушай нападающего и его силу, но не зверствуй над уже сдавшимся, безоружным и беззащитным, не уподобляйся тому злу, против которого поднялся, — об этом сказано и там, где речь о мести, и там, где о жестокости. Разящий по нужде защиты и упивающийся чужой мукой — не одно и то же.

Обрати врага в друга

Вернейший способ извести врага — не уничтожить его, а сделать другом или хотя бы не врагом. Я же скажу тебе — кто склонил недруга на свою сторону, тот победил его полнее, чем сразивший: ведь сражённый оставляет мстителей, а примирённый сам делается опорой.
Не всякая вражда вечна и не всякий враг непримирим: иной стал тебе недругом по случайности, по недоразумению, по уязвлённому самолюбию, и доброе слово, протянутая рука, нежданное великодушие способны растопить его злобу, как солнце растапливает лёд скорее, чем молот. Где видишь к тому возможность, попробуй обратить вражду в мир, а врага — в союзника; это и выгоднее, и достойнее, чем плодить непримиримых. Не всех, конечно, проймёшь — есть и закоренелые в злобе; но и один враг, обращённый в друга, стоит труда. Меньше врагов за спиной — крепче стоишь.

Помирившись, не теряй осторожности

Помирившись с прежним врагом, радуйся миру, но не теряй и осторожности. Я же скажу тебе — примирение хорошо, однако рана, даже зажившая, оставляет рубец, и склеенный горшок крепок везде, кроме старой трещины; так и бывший враг не всегда забывает старое до конца.
Это не значит вечно подозревать примирившегося и попрекать его былым — это лишь разбередит едва затянувшееся; обходись с ним по-доброму и дай миру укрепиться. Но и не распахивайся перед ним вдруг нараспашку, как перед испытанным другом, не вручай ему сразу того, чем он мог бы тебя ранить; возвращай доверие не всё разом, а по мере того, как время покажет, что мир прочен. Иной мирится искренне и становится верен, а иной лишь затаивается до случая; время и осторожность отличат одного от другого. Доверяй, но проверяй, особенно тому, кто однажды уже был против тебя.

Бойся тайного врага

Бойся не столько явного врага, сколько тайного — того, кто улыбается тебе в лицо, а за спиной роет яму. Я же скажу тебе — от открытого недруга ты бережёшься и готов к удару, а фальшивому другу доверяешь и подставляешься, и оттого предательство его ранит глубже всякой открытой вражды.
Лучше честный враг, чем лживый друг: с врагом хоть знаешь, как тебе с ним быть, а двуличный держит тебя в обмане, пока не вонзит нож. Оттого приглядывайся не только к тем, кто бранит тебя в глаза, но и к тем, кто слишком сладко льстит и слишком усердно набивается в друзья: иной хвалит, чтобы усыпить, и ластится, чтобы вернее ужалить. Распознать змею в траве труднее, чем волка на виду, — тем нужнее зоркость. Суди людей не по тому, что говорят тебе в лицо, а по тому, как ведут себя за глаза.

Не презирай малого врага

Не презирай врага за то, что он мал, слаб или ничтожен на вид, и не думай, будто такой не может тебе навредить. Я же скажу тебе — и малый недруг способен причинить большую беду: льва валит с ног не только другой лев, но и рой мелкой мошкары, забившейся ему в ноздри, и крошечная заноза может загноить и сгубить крепкую руку.
Оттого не наживай себе врага и из малого, неприметного человека, мня, что он не опасен и можно его безнаказанно обидеть: у слабого бывает жало, у обиженного — терпение и память, и слабый, улучив час или соединившись с другими, мстит иной раз больнее сильного. Не унижай и не задевай попусту никого, как бы низок он ни казался; в каждом враге, большом и малом, есть своя опасность, и презрение к противнику погубило больше людей, чем страх перед ним. Сильного врага опасайся, а малым не пренебрегай.

Не загоняй врага в угол

Тесня врага, не загоняй его в безвыходный угол, где ему уже нечего терять. Я же скажу тебе — отчаявшийся опаснее всего: загнанная в угол крыса кидается в горло и самой кошке, и человек, у которого отняли всякий выход и всякую надежду, бьётся с яростью обречённого, какой не было в нём прежде.
Оттого мудрый, и одолевая противника, оставляет ему путь к отступлению или к миру: дай ему уйти, сохранив лицо, дай сдаться без позора, предложи мир, пока он ещё возможен. Враг, которому есть куда отступить, отступит; враг, которому некуда, будет драться насмерть и дорого тебе обойдётся. Не из одного милосердия это, но и из расчёта: победа, не доведённая до того, чтобы вынудить врага к последней, отчаянной схватке, достаётся дешевле. Загонять в угол стоит лишь того, кого ты твёрдо намерен прикончить, — а таких пусть будет как можно меньше.

Не всякий бой стоит вести

Не на всякую вражду надо отвечать ударом и не всякого врага надо одолевать своею рукой. Я же скажу тебе — часто неправый губит себя сам: кто роет яму другому, нередко падает в неё первым, и злоба, ложь и подлость со временем оборачиваются против того, кто их сеет.
Оттого, столкнувшись с врагом, спроси прежде, стоит ли вообще вступать в эту схватку: иной недруг ничтожен и не стоит твоих сил и покоя — отвернись и иди своей дорогой, не размениваясь; иной запутается и падёт без тебя — дай лишь время и не мешай врагу совершать его ошибки. Береги силы для тех битв, что и впрямь важны, а не растрачивай себя на всякого, кто тявкнул тебе вслед.
Терпение и время — союзники против многих врагов: переждавший да устоявший нередко видит, как сами собою рушатся те, кто на него ополчился.
Не всякий бой стоит того, чтобы его вести; мудрость и в том, чтобы знать, какой пропустить.

Соперники

Люди, занятые каким-нибудь искусством или делом, часто видят в сопернике одну лишь угрозу. Я же скажу тебе — это близорукий взгляд: всякое достойное соперничество идёт на пользу, ибо понуждает тебя без устали оттачивать своё умение, а через то процветает и само дело.
Не будь того, кто дышит тебе в затылок, ты скоро успокоился бы на достигнутом и закис; а соперник, которого хочешь превзойти, гонит тебя вперёд вернее всякого кнута, и, силясь обойти его, ты сам становишься искуснее и крепче. Оттого цени хорошего соперника не меньше доброго учителя: и тот, и другой делают тебя лучше. Соперник — точило, о которое острится твоё мастерство.

Скромность среди людей

Будь скромен среди людей и не кичись тем, что имеешь, — ни богатством, ни успехом, ни умом, ни удачей. Я же скажу тебе — выставлять напоказ своё преимущество, давить им на людей, роскошествовать в лицо нужде — вернейший способ оттолкнуть от себя и нажить завистников и недругов, о чём сказано и о зависти к чужой высоте.
Налитой колос клонится к земле, а пустой торчит кверху: и в людях истинно богатый и одарённый чаще держится скромно, а кичится и пускает пыль в глаза обыкновенно тот, в ком за блеском мало сути. Не хвались достатком перед бедным, не блистай учёностью перед простым, чтобы унизить, не мозоль людям глаза своими удачами; чем выше ты вознёсся, тем скромнее держись, и тем больше тебя будут любить. Скромность при достоинствах пленяет; чванство при них же отвращает. Что в тебе есть доброго, и так увидят без твоего хвастовства, а пуще оценят, что ты этим не кичишься.

Терпимость к непохожим

Терпи и уважай людей, не похожих на тебя, — иной веры, иного обычая, иного племени, иного склада. Я же скажу тебе — то, что чужое и непривычное, не значит дурное; иные народы и люди просто идут к тому же иными путями, молятся иначе, едят, одеваются и живут не по-твоему, и в том нет ни вины их, ни твоего превосходства.
Не презирай человека и не гони его за то лишь, что он не такой, как ты, что он чужестранец, иноверец, инакомыслящий; помни, что и ты для него чужой и странен, и каждому своё родное кажется единственно правильным. Свет велик и пёстр, как сад, где много разных цветов, и хорошо, что не все на одно лицо. Держись своего, но не неволь других быть как ты и не считай всех, кто иной, врагами или нелюдьми. Узок и беден умом тот, кто мерит весь мир на свой аршин и ненавидит непохожее; широк и мудр тот, кто умеет уважать чужое, не теряя своего. От нетерпимости к чужому — все гонения и войны; от терпимости — мир.

Богатые и бедные

Не пресмыкайся перед богатым и знатным и не гляди свысока на бедного и простого за одно лишь их состояние. Я же скажу тебе — низко и глупо мерить человека по кошельку и званию: льстить тому, кто богат, хотя бы он был дрянь человек, и презирать того, кто беден, хотя бы он был чист и достоин, — повадка раба и подлеца.
Богатство и знатность приходят и уходят, часто не по заслугам: иной богат разбоем и подлостью, а иной беден честностью и несчастьем. Оттого не суди о цене человека по его достатку и месту, а по тому, каков он сам. С богатым держись с достоинством, без угодливости; с бедным — с уважением, без спеси; и тому, и другому воздавай по человеку, а не по платью. Тот, кто стелется перед сильным и помыкает слабым, гнусен вдвойне: он и раб, и тиран разом. А кто со

всеми ровен — и с тем, у кого можно поживиться, и с тем, с кого взять нечего, — тот и есть человек достойный.

Гостеприимство

Будь радушен к гостю и не затворяй дверей перед странником и путником. Я же скажу тебе — гостеприимство чтили все народы и ставили высоко: накормить голодного, дать кров застигнутому в пути, обогреть продрогшего — дело, угодное и людям, и небу.
Принимай гостя приветливо, подели с ним хлеб свой, хотя бы он был и скуден, ибо не в богатстве стола дело, а в открытости сердца; бедный, что делится последним, гостеприимнее богача, что потчует напоказ. Помни, что и сам можешь однажды оказаться в чужом краю усталым и нуждающимся в чьём-то крове, и поступай с гостем так, как хотел бы, чтоб обошлись с тобою. Древние верили, что под видом странника может прийти и посланник свыше, и оттого боялись обидеть гостя; и есть в этом правда, ибо как принимаешь чужого и беззащитного, так и виден ты весь.

Соседи

Не пренебрегай теми, кто живёт с тобою бок о бок, — соседями. Я же скажу тебе — близкий сосед нередко полезнее далёкой родни: случись беда среди ночи, на помощь прибежит не брат за тридевять земель, а тот, кто за стеною.
Живи же с соседями в мире и добром согласии: не враждуй из-за межи, из-за шума, из-за всякого пустяка, ибо с соседом тебе делить не день и не два, а долгие годы, и вражда с тем, кто всегда рядом, отравляет жизнь хуже многого. Помогай соседу в нужде и не отказывай в малой услуге — одолжить, подсобить, приглядеть, — и тебе отплатится тем же в час, когда сам будешь нуждаться. Добрые соседи — как бы второй круг родни, что ты обретаешь не по крови, а по соседству; и мудр тот, кто этот круг бережёт.

Круг четвёртый. Ты и общество

Воздавать каждому должное

В основании всякого доброго жития лежит справедливость, а суть её проста: воздавать каждому должное. Я же скажу тебе — справедливо то, когда работнику дана его плата, обиженному — управа, доброму — награда, а виновному — взыскание по вине; и каждому отмерено по правде, а не по прихоти, силе или пристрастию.
Будь справедлив сам во всех своих делах с людьми: не присваивай чужого, не зажимай заработанного другим, плати по уговору, отдавай долги, не отнимай у человека того, что ему по праву принадлежит. Держи в делах своих весы верные, как держит их сама справедливость: не обмеривай, не обвешивай, не обсчитывай ни в большом, ни в малом. Несправедливость к одному отзывается порчей во всех, ибо там, где попрана правда, никто уже не уверен в своём.
Справедливость — не слабость и не суровость, а та мера, на которой держится доверие меж людьми и крепость всего общества.

Честен и когда невыгодно

Истинная справедливость в человеке познаётся не тогда, когда быть честным выгодно и безопасно, а тогда, когда покривить душою легко, прибыльно и сошло бы с рук. Я же скажу тебе — всякий справедлив, пока за неправду грозит кара; а каков ты, когда можно обмануть, присвоить, засудить безнаказанно и никто не узнает, — вот это и есть мера твоей честности.
Рассказывают о кольце, что делало владельца невидимым, и спрашивали мудрецы: будет ли человек справедлив, имея такое кольцо, когда всякая неправда сошла бы ему даром? Кто и тогда не украдёт, не солжёт, не обидит слабого, тот справедлив по самой сути, а не из страха; кто же воздержан от зла лишь боязнью наказания, тот в душе уже вор, только робкий. Будь справедлив не напоказ и не от страха, а оттого, что неправда тебе самому претит. Праведен не тот, кого поймали бы, а тот, кто и наедине с собою, и в полной безнаказанности не покривит.

Суди равно для всех

Где судишь или решаешь меж людьми, суди равно для всех: не взирай на лица, не клонись ни к богатому, ни к бедному, ни к другу, ни к недругу, ни к себе самому. Я же скажу тебе — справедливость на то и слепа к лицам, что воздаёт по делу, а не по тому, кто перед нею: сильный он или слабый, свой или чужой, мил тебе или постыл.
Не криви суда в угоду богатому и знатному из страха или корысти и не обижай бедного оттого, что за него некому вступиться; не оправдывай виноватого друга и не осуждай невинного недруга; не суди в свою пользу, когда сам сторона в

деле. И паче всего берегись мзды: подарок ослепляет зрячего и выворачивает правду наизнанку, ибо взявший — уже не судья, а наёмник. Одна мера для всех — вот правда; две меры, одна для своих, другая для чужих, — вот корень всякой неправды. Криво судивший в пользу сильного готовит кривой суд и над собою, когда сам окажется слаб.

Неправда над одним — трещина для всех

Не думай, будто неправда, творимая над другим, тебя не касается, коли тебя самого пока не задели. Я же скажу тебе — несправедливость, которой дали свершиться над одним, не остановится на нём: дозволенная и безнаказанная, она ширится и рано или поздно доходит и до тебя.
Кто молчит, когда грабят и гнетут соседа, мня себя в безопасности, тот готовит беду и себе: ибо там, где можно безнаказанно обидеть одного, завтра можно будет всякого, и не останется заступника, когда придут за тобою, — всех заступников ты дал извести поодиночке. Пожар, которому дал спалить чужой дом, не спросясь перекинется и на твой. Оттого справедливость — дело общее: вступаясь за обиженного, ты бережёшь и себя, и самый порядок, на котором держится твоя собственная безопасность. Неправда, попущенная над одним, есть трещина в стене, что защищает всех.

Справедливость, растворённая милостью

Держи справедливость, но растворяй её милостью, ибо голая, беспощадная справедливость нередко оборачивается жестокостью. Я же скажу тебе — буква закона и правила, применённая без сердца, без оглядки на живого человека и его обстоятельства, может сотворить великую неправду под видом правоты: высшая справедливость, говорили древние, бывает высшею несправедливостью.
Воздавая по делам, помни и о снисхождении там, где оно уместно: о том, что человек мог оступиться по нужде, по неведению, по слабости, что иной заслуживает не кары, а вразумления, что и виновному надо оставить путь к исправлению. Соразмеряй взыскание с виною и не карай малый проступок как тяжкое злодейство. Справедливость говорит, чего человек заслужил; милость спрашивает, что ему во благо, — и мудрый соединяет их, как сказано и о милосердии к тому, кто в твоей власти. Правосудие без милости свирепо, а милость без правосудия расслабляет; посему держи их вместе.

Не вершить самосуда

В обиде и споре не верши самосуда и не бери правду в свои руки кулаком, где есть правый суд и закон. Всякий человек в своём деле судья пристрастный: обида застит ему глаза, и, мстя сам за себя, он почти всегда перехлёстывает через меру и творит уже не правосудие, а новую неправду.

Оттого в устроенном обществе обиженный несёт свою тяжбу на суд беспристрастный, а не расправляется с обидчиком сам; в этом и сила закона — что он встаёт меж враждующими и судит хладно, без той ярости, что слепа. Где же всякий мстит за себя сам, там нет конца кровавой череде: за обиду — месть, за месть — месть ответная, и так род истребляет род. О том, что месть и тебе самому во вред, сказано особо; здесь же о том, что она и обществу пагуба, ибо подменяет суд правды самоуправством силы. Доверяй правду суду, а не кулаку; а где суд неправеден — о том речь в другом месте.

На правде держится общество

Знай, что на справедливости держится всё общество, и неправдою оно гниёт и рушится. Я же скажу тебе — отними из государства справедливость, и чем оно станет, как не большой шайкой разбойников, где сильный безнаказанно грабит слабого, прикрываясь законом? Только правый порядок отличает власть от грабежа, а народ от стаи.
Где суд продажен, закон писан для бедных и не писан для сильных, заслуга не в чести, а наглость и подлость в силе, — там общество подтачивается изнутри, как дом, в котором сгнили балки: с виду стоит, а тронь — и рухнет. Несправедливость рождает озлобление, озлобление — смуту, и неправые царства, как ни кажутся крепки, недолговечны. Оттого ревнуй о справедливости не только ради ближнего, но и ради всех: общество, в котором каждому воздаётся по правде, крепко и живуче, а построенное на кривде обречено. Хочешь добра своему народу — стой за правый суд и равный закон.

Выслушай обе стороны

Прежде чем осудить кого-то или решить спор, выслушай обе стороны, а не одну. Я же скажу тебе — осудить человека, не дав ему ответить и оправдаться, есть само по себе неправда, как бы убедительно ни звучал обвинитель: у всякого дела две стороны, и кто выслушал лишь одну, тот не судья, а слепое орудие в чужих руках.
Не торопись верить жалобщику, доносчику, обвинителю, пока не выслушал и того, на кого жалуются: первый, кто говорит, всегда кажется правым, пока не заговорит другой. Дай обвиняемому сказать своё слово, представить свои доводы, оправдаться — а уж потом суди, взвесив обе чаши. Сколько невинных погублено судом, что выслушал лишь одну сторону! Это правило — выслушать и другого — древняя опора всякого правого суда; кто его попирает, творит расправу, а не правосудие. Не выноси приговора с одного уха.

Лучше отпустить виновного, чем казнить невинного

В сомнении склоняйся к тому, чтобы скорее отпустить виноватого, чем покарать невинного. Я же скажу тебе — из двух ошибок суда казнить безвинного куда страшнее, чем упустить виновного: упущенного злодея ещё

можно настичь после, а казнённого невинно уже не воскресишь, и кровь его на судьях.
Лучше, говорили мудрые, пусть ускользнут от кары десять виновных, нежели пострадает один невинный; ибо первое — беда, а второе — непоправимое злодейство под видом правосудия. Оттого, где вина не доказана твёрдо, где остаётся разумное сомнение, не спеши осуждать: не на подозрении, не на молве, не на догадке должно строить приговор, а на ясном свидетельстве. Лютая поспешность суда, что хватает и казнит по первому подозрению, губит больше невинных, чем настигает виновных. Семь раз проверь, прежде чем покарать; кару назад не возьмёшь.

Карай виновного, а не род

Карай за вину виновного, а не род его, не семью, не народ, не всех, кто рядом. Я же скажу тебе — вина лична: всякий отвечает за то, что сотворил сам, а не за дела отца, брата, соплеменника; и казнить или гнать невинных за вину одного из них — тяжкая неправда, хотя бы и творимая в гневе или для острастки.
Не суди человека за то, какого он рода, племени или веры, и не вымещай на целой семье или общине грех одного её члена. Сын не виновен в злодействе отца, коли сам не творил его; сосед не в ответе за соседа. Расправа скопом, круговая месть, кара заложников и невинных за чужую вину — повадка тиранов и дикой злобы, а не правосудия; она множит зло, плодит новых мстителей и губит безвинных. Спрашивай с каждого за его собственное деяние — и только; в этом правда, а в каре скопом — лишь беззаконие и страх.

Цена правды — когда она невыгодна

Стоять за справедливость легко, пока это ничего не стоит; цена ей — когда правда невыгодна тебе самому или опасна, а ты всё равно её держишь. Я же скажу тебе — вот проба праведного: откажется ли он от мзды, когда взять её сладко и безопасно; вступится ли за обиженного, когда обидчик силён и мстителен; скажет ли правду на суде, когда выгоднее смолчать или солгать.
Не торгуй справедливостью ради своей выгоды, покоя или безопасности: не криви против совести за деньги, за страх, за милость сильного. Иной раз быть справедливым значит нажить врага, потерять выгоду, навлечь на себя гонение — и всё же будь справедлив, ибо проданная однажды правда уже не твоя. Не всегда от тебя требуется безрассудство, кидаться на верную гибель; но там, где ты можешь устоять за правду ценою терпимою, а кривишь из корысти или трусости, — вина на тебе. Правда, которую держат лишь когда она ничего не стоит, немногого и стоит.

Неправда в одежде закона

Знай и берегись: худшая неправда часто рядится в одежду закона и творится «по праву». Я же скажу тебе — мздоимец грабит по закону, тиран гнетёт по

закону, неправый суд губит невинного с печатью и приговором в руках; и оттого, что злодейство облечено в законную форму, оно не перестаёт быть злодейством, а делается лишь опаснее, ибо прикрыто.
Не путай законное со справедливым: бывают законы неправые, и бывает, что правду попирают именно именем закона и порядка. Не давай форме, печати, чину, ссылке на «так положено» оправдать в твоих глазах настоящее зло, творимое над человеком. Сама законность — слуга справедливости, а не госпожа над нею; и когда закон или его служитель оборачивается орудием неправды, помни, что выше писаного закона стоит правда, ради которой он и заведён. О том, как быть с законом неправым, ещё будет речь; здесь же запомни: не всё дозволенное законом справедливо, и не всё справедливое дозволено неправым законом.

Закон ограждает слабого

Чти закон и порядок, ибо они — та стена, что ограждает слабого от произвола сильного. Я же скажу тебе — где нет закона и всякий волен творить, что может, там не свобода, а власть кулака: сильный отнимает у слабого, хищный пожирает кроткого, и жизнь делается войною всех против всех, коротка и страшна.
Закон затем и заведён, чтобы меж людьми решала не голая сила, а общее правило, равное для всех; он связывает и руку грабителя, и руку тирана, и в этом его благо. Не презирай порядок и не думай, будто без него тебе было бы вольготнее: первой же добычей беззакония становится не сильный, а слабый и честный. Худой порядок и то нередко лучше беззакония, в котором гибнут все; а добрый закон — величайшее из устроений, какие создали люди, чтобы жить вместе, не пожирая друг друга. Береги его, ибо рушится он легко, а строится веками.

Соблюдай добрые законы

Соблюдай добрые законы той земли, где живёшь, и не нарушай их по своей корысти и удобству. Я же скажу тебе — держи закон не из одного лишь страха перед карой, а из разумения, что порядок, тебя порой стесняющий, тебя же и хранит, и что нарушаемый всеми закон не защитит и тебя, когда придёт твой черёд нуждаться в защите.
Кто преступает закон, мня себя умнее прочих, тот пилит сук, на котором сидит: ведь если каждый станет блюсти лишь те правила, что ему выгодны, не станет правил вовсе, и вернётся власть кулака, о которой сказано. Не оправдывай мелкого беззакония тем, что «все так делают» или что «от меня одного вреда не будет»: из таких малых поблажек себе и складывается общее беззаконие. Соблюдать добрый закон — не рабство, а честная плата за то, чтобы жить среди людей в безопасности.

Закон один для всех

Закон должен быть один для всех — и для простолюдина, и для вельможи, и для правителя; никто не должен стоять выше закона. Там, где закон крепко держит малых и бедных, а сильным и богатым всё сходит с рук, нет правого порядка, а есть лишь орудие угнетения, прикрытое именем закона, о чём уже сказано.
Истинный порядок в том, чтобы и власть имущий отвечал перед законом наравне со всеми, а не был ему хозяином; правитель, что ставит себя выше закона и творит, что хочет, есть уже не правитель, а тиран. Сеть закона, что ловит мелкую мошкару и пропускает крупную птицу, — не правосудие, а насмешка над ним и семя смуты, ибо народ, видя, что закон писан лишь для слабых, перестаёт его чтить. Хочешь, чтобы закон уважали, — пусть он равно вяжет всех, и первого прежде последнего. Где сильные под законом, там он свят; где над законом, там он мёртв.

Чти дух закона, не букву

Чти не одну мёртвую букву закона, но и живой дух его — ту правду, ради которой он заведён. Я же скажу тебе — можно, цепляясь за букву, обойти и попрать самый смысл закона: крючкотвор и хитрец оборачивают слова закона против его цели и творят неправду, оставаясь будто бы в законе.
Всякий добрый закон заведён ради какого-то блага — оградить, защитить, рассудить по правде; и кто исполняет слова его, но предаёт это благо, тот не блюдёт закон, а надругается над ним. Не будь из тех, кто ищет в законе лазейку, чтобы обидеть ближнего «по праву», кто буквою прикрывает беззаконие сердца. И, толкуя закон, склоняйся к тому смыслу, что служит правде и милости, а не к тому, что плодит неправду, хотя бы он и был ближе к букве. Буква без духа мертва и нередко жестока; дух же закона есть справедливость, которой он призван служить.

Совесть выше неправого закона

Сказал я чтить и соблюдать закон; но есть предел этому послушанию. Я же скажу тебе — когда закон или приказ велит тебе творить явное и тяжкое зло — убивать невинных, гнать, предавать, грабить и мучить, — никакая печать и никакая власть не делают это зло дозволенным, и совесть твоя стоит выше такого приказа.
Не прикрывайся тем, что «таков закон» или «мне велели»: тот, кто творит злодейство по приказу, виновен наравне с приказавшим, ибо у него была совесть, чтобы отказаться, и он её предал. Есть правда выше всякого писаного закона, и неправый закон, велящий зло, не обязывает доброго человека ему повиноваться.
Но рассуди здраво и не оберни это в своеволие: одно дело — закон, велящий злодейство, которому противиться долг, и совсем другое — закон, просто тебе неудобный, который чтить ты обязан. И где можно, неправый закон должно менять и оспаривать путями законными и мирными, а не всякий свой каприз

возводить в право на бунт. Совесть выше приказа — но лишь там, где речь о подлинном зле, а не о твоей корысти.

Закон — ограда

Не думай, будто одни законы могут сделать людей добрыми и общество здоровым. Я же скажу тебе — закон способен сдержать худшее, обуздать злодея страхом кары, оградить от явного зла; но сделать человека добрым по сердцу закон не может — он держит за руки, а не меняет душу.
Можно опутать народ тысячью законов, а толку не будет, коли нет в людях совести, чести и доброго нрава: где совесть мертва, там всякий закон обойдут, перетолкуют, обманут, и никаких стражей не хватит уследить за всеми. Оттого добрый порядок держится не на одних законах, а прежде всего на нравах, на воспитании, на совести, что сама удерживает человека от зла, когда никакой закон не видит. Чем больше в народе честности и чести, тем меньше нужно ему законов и стражи; а где растление, там и тьма законов не спасёт. Замечено: чем хуже государство, тем больше в нём законов. Закон — ограда, а не сердце; растить надо и сердце.

Не правь до глубокой дряхлости

Иной возразит — но ведь ты сам сказал, что не года, а дела и суждения говорят о зрелости человека; к чему же тогда считать года правителю? Отвечу так. Меж человеком и человеком судить должно по делам, ибо там, где есть беспристрастный судья, дела видны. Но на вершине власти беспристрастного судьи не сыскать — стареющий правитель сам ставит тех, кто признает его разум ясным, и не найдётся смельчака сказать ему правду в глаза. Оттого власти потребно правило простое и прямое, которое не подкупить и не перетолковать: по достижении шестидесяти лет, должно уходить на покой. Не оттого что всякий в эти лета лишается разума — иные хранят его и дольше, — а оттого что отделить сохранивших его от утративших на самом верху уже некому. Народу, которым десятилетиями правят те, кому давно пора на покой, редко выпадает добрая участь.

Власть — выдержанным, не пылким

Не следует допускать к сочинению законов и к правлению страною и тех, кому не исполнилось ещё тридцати лет. Я скажу тебе — молодости свойственны горячность да неопытность, и, вверив ей такие посты, страна уподобляется кораблю, что в бурю отдан на волю ветра, без кормчего, знающего море.
Дело тут не в презрении к молодым — всякому свой срок, — а в том, что управление людьми требует не одного ума, но и того, что даётся лишь прожитым: меры, терпения, знания людей и цены ошибкам. Пусть молодость сперва наберётся опыта на меньшем, прежде чем ей доверят большее; зелёный

плод и сам незрел, и оскомину набьёт. Государству потребны у руля не самые пылкие, а самые выдержанные; власть в неопытных руках спешит и ломает.

Иди во власть служить, не наживаться

Беда многих государств ещё и в том, что в управители идут не служить народу, а прежде всего обогатиться, — и таких, увы, нынче большинство. Я же скажу тебе — осыпая себя и своих приближённых деньгами да привилегиями, погрязнув во мздоимстве, они множат в стране несчастье и неправду, ибо с высоты своего богатства уже не слышат народа и не разумеют его бед. Управление делами страны требует от каждого, кто за него взялся, личного желания сделать жизнь других лучше, а не набить свой карман. Оттого и правителю, и всякому чиновнику пристало получать плату вровень со средней по всей стране: тогда у них явится прямой расчёт принимать решения, от которых богатеет весь народ, ибо вместе с народом поднимутся и они. Мздоимцы, понятно, возопят: «Тогда я уйду, мне в другом месте заплатят больше!» — и это хорошо: так отсеются пришедшие за корыстью, а не за службою, и уход их будет стране лишь во благо. Кто служит за общее благо, тот останется; кто служил за одни лишь блага, тот и не надобен.

Поставленный беречь — не грабь

Из всех низостей, какие может совершить человек, облечённый властью и доверием, нет позорнее продажности и мздоимства. Я же скажу тебе — взявший власть берёт и долг служить тем, над кем поставлен; и кто, вместо того чтобы служить, торгует своим местом, берёт взятки, расхищает общее, обогащает себя и своих за счёт народа, — тот предатель худшего рода, ибо предаёт доверившихся ему.
Простой вор крадёт, отвечая лишь за себя; а продажный властитель, судья, чиновник предаёт самое правосудие и порядок, что поставлен блюсти, — он как пастырь, что режет вверенное ему стадо, как страж, что грабит то, что нанят беречь. Оттого продажность облечённого властью гнуснее обычного воровства во столько раз, во сколько больше ему вверено и доверено. Где мздоимство въелось во власть, там гниёт всё общество, о чём сказано и о неправом суде. Если ты у власти, в любом чине, помни: всякая взятка, всякий грош, украденный у общего, есть позор, который не смыть никаким после радением; служи, а не наживайся на службе. Поставленный беречь — не смей грабить.

Власть — это долг, не привилегия

Если дана тебе власть над людьми — в большом ли, в малом, — помни прежде всего, что власть есть долг и нелегкое бремя служения, а не награда, которой можно тешиться. Я же скажу тебе — поставленный над другими поставлен ради их блага, а не ради своего: кормчий держит руль ради корабля и всех плывущих, а не ради того, чтобы покрасоваться у руля.

Кто понимает власть как право повелевать и пользоваться, тешить своё тщеславие и набивать мошну, тот извращает самую её суть; истинный смысл власти — забота, служение, ответственность за тех, кто тебе вверен. Чем выше ты поставлен, тем больше с тебя и спрос, и тем больше людей зависит от твоей честности и разумения. Не власти ищи ради сладости повелевать, а если уж принял её — неси как бремя и долг, помня, что ты слуга вверенным тебе, а не господин им. Добрый правитель служит народу; дурной заставляет народ служить себе.

Кому много дано, с того много спросится

Помни: кому много дано — дарования, власти, богатства, места, — с того много и спросится. Я же скажу тебе — чем выше человек вознесён и чем больше ему вверено, тем тяжелее его долг и тем строже должен быть с него спрос, ибо больше людей от него зависит и дальше расходятся последствия его дел и его нерадения.
Привилегия без ответственности развращает вернее всего: кто пользуется правами своего места, но бежит его тягот, тот вор, укравший не вещь, а доверие. Дар и власть даны не в награду для услаждения себя, а как орудие и как ноша — и спрос по ним особый. С малого, кому мало дано, и взыщется мало; а с того, кто стоит высоко и может многое, взыщется по высоте его и по силе. Чем больше тебе вверено, тем меньше ты вправе думать лишь о себе.

Власть развращает

Получив власть, стерегись её действия на тебя самого, ибо власть портит человека вернее многого иного. Я же скажу тебе — власть, как крепкое вино, кружит и самую трезвую голову: привыкнув повелевать и видеть угодливость вокруг, человек незаметно черствеет, наглеет, мнит себя выше прочих и теряет и меру, и совесть.
Чем больше у тебя власти и чем меньше тех, кто смеет тебе перечить, тем зорче следи за собою, ибо некому уже одёрнуть тебя извне. Власть открывает в человеке то, что в нём таилось, о чём сказано и о суждении по испытанию: дай дурному силу — и явится тиран, дай доброму — и явится благодетель. Не дай власти превратить тебя в иного, худшего человека; помни, кем ты был до неё, держись правды и милости, окружай себя не льстецами, а теми, кто скажет тебе «ты неправ», как уже сказано. Устоять добрым, имея власть, труднее, чем не имея; тем дороже тот, кто устоял.

Власти нужна узда

Всякая власть должна знать над собою узду и спрос, ибо власть без предела и ответа неминуемо вырождается в тиранство. Я же скажу тебе — нет человека столь доброго и мудрого, чтобы можно было без опаски вручить ему власть

безграничную и бесконтрольную: что не знает удержу, то рано или поздно срывается в произвол, как река без берегов разливается в потоп.
Оттого мудро устроенные общества не дают всей власти одному и навсегда, а делят её, ограничивают, ставят над нею закон и спрос, чтобы и правитель отвечал за дела свои, как уже сказано о равенстве всех перед законом. Власть, которой не перед кем держать ответ, развращается вернее всего: безнаказанность — мать злодейства. Не доверяй тому, кто рвётся к власти безраздельной и не терпит над собою никакого спроса и предела: он сулит порядок, а несёт ярмо. Узда на власти — не слабость её, а защита народа от её же возможного буйства.

Суди власть по плодам для простых

Доброго правителя и доброе правление мерь не блеском, не пышностью, не громкими победами и величавыми постройками, а тем, каково под ними живётся народу. Я же скажу тебе — хорош тот правитель, при ком люди сыты, защищены, рассужены по правде, могут трудиться и растить детей в безопасности; а не тот, кто воздвиг себе славу и памятники на костях и слезах своих подданных.
Не дивись на роскошь двора и громкость имени; спроси, какою ценою они куплены и кому от них прок. Иной властитель гремит на весь свет завоеваниями, а народ его стонет в нищете и страхе; иной незаметен и скромен, а земля его спокойна и сыта, — и этот лучше. Слава, добытая разорением своих и чужих, — не заслуга, а вина. Суди власть по плодам её для простых людей, а не по тому, как она сама себя славит; ибо власть заведена для народа, а не народ для славы власти.

Власть на страхе непрочна

Власть, что держится на одном страхе и силе, непрочна, как бы грозна ни казалась; крепка лишь та, что опирается на доверие и согласие тех, кем правят. Я же скажу тебе — тиран, которого боятся, но не любят, сидит на троне, как на пороховой бочке: его слушаются, пока сильны его стражи, а пошатнись он — и нет у него опоры, ибо страхом не привяжешь сердца, а лишь согнёшь спины до поры.
Кого держат в покорности одним ужасом, тот ждёт лишь часа сбросить иго; и оттого правления, основанные на голом насилии, при всей их видимой мощи недолговечны и кончают худо. Правитель же, что правит по правде, заботится о народе и оттого любим, крепок без всякого страха: случись что, сам народ встанет защитить его. Внушать почтение к закону и справедливости надёжнее, чем сеять страх. Любовь народа — стена крепче копий; а ненависть подданных не отвратят и легионы стражей. Кого боятся все, тот и сам всех боится.

Правь для всех, не для своих

Кому дана власть над многими, тот пусть правит для блага всех, кто ему вверен, а не для своей родни, своих друзей, своей котерии. Я же скажу тебе — поставленный над всеми обязан всем равно, и кто, дорвавшись до власти, печётся лишь о своих, раздаёт им чины и поживу, а до прочих ему дела нет, — тот предаёт вверенное ему, как и тот, кто судит, взирая на чины.
Не для того даётся власть, чтобы кормить ею свою семью, своё племя, своих прихлебателей за счёт остальных; такое пристрастие в правителе — корень обиды, розни и смуты, ибо обойдённые видят, что закон и забота не для них. Правь так, чтобы и дальнему, и чужому, и тому, кто не из твоих, было под тобою не хуже, чем своему; держи весы ровно для всех сограждан. Кто у власти радеет лишь о своих, тот не правитель целого, а главарь шайки, дорвавшейся до кормила. Власть над всеми — служение всем.

Сперва научись править собою

Кто хочет управлять другими, пусть прежде научится управлять собою. Я спрошу — как доверить власть над людьми тому, кто не властен над собственным гневом, жадностью, похотью, страхом? Раб своих страстей, дорвавшись до власти над другими, станет вдвойне опасен, ибо к своей невоздержности прибавит силу творить по ней.
Прежде чем простирать власть на других, наведи порядок в себе самом: обуздай свои желания, выучись владеть собою в гневе и в страхе, утверди в себе честность и меру, о чём сказано в начале, где речь о власти над собою. Только тот, кто управил себя, способен управить и других без вреда: он не сорвётся, не озлобится, не польстится, не употребит власть во зло по своей слабости. Дурной человек у власти страшнее дурного без власти во столько раз, сколько людей ему подвластно. Оттого начни правление с себя; кто не царь себе, тот и над другими не царь, а тиран.

Правитель — пример подданным

Помни, правя людьми, что ты для них пример, и каков ты, таковы со временем станут и они. Я же скажу тебе — нрав правителя, как ветер, а народ, как трава: куда клонит ветер, туда ложится и трава. Честен, справедлив, умерен правитель — и народ тянется к тому же; жаден, лжив, распутен — и порча течёт сверху вниз, как муть от загрязнённого истока по всей реке.
Не думай, что с тебя, стоящего наверху, спрос меньше, чем с простого человека: напротив, с тебя спрос во много раз больше, ибо за тобою смотрят и тебе подражают тысячи. Подаёшь дурной пример — развращаешь не одного себя, а целый народ; подаёшь добрый — и без всяких указов исправляешь нравы вернее, чем сотней законов. Хочешь, чтобы подданные были честны, — будь честен сам; хочешь, чтобы чтили закон, — чти его первый. Правят не одними приказами, но и собственным образом; рыба гниёт с головы, с головы же и оздоровляется.

Не выжимай народ поборами

Имея власть, не угнетай народ непосильными поборами и тяготами, не выжимай из подвластных последнее. Я же скажу тебе — мудрый правитель стрижёт стадо, а не сдирает шкуру: умеренными податями кормится казна год за годом, а кто дерёт с людей три шкуры разом, тот и людей разоряет, и сам остаётся вскоре ни с чем, ибо с разорённых уже нечего взять.
Не громозди на народ повинностей сверх меры, не отнимай у трудящегося плодов его труда так, что ему самому не остаётся, не превращай подданных в скот, что лишь работает на тебя. Народ, доведённый до отчаяния поборами и притеснением, либо разбежится, либо возмутится, и тем хуже будет всем, и тебе первому. Бремя, которое ты возлагаешь на людей, соразмеряй с тем, что они могут снести, не надрываясь. Сытый и не теснимый народ — опора и сила власти; ограбленный и затравленный — её погибель. Береги тех, чьим трудом держишься.

Знай, чем живёт народ

Правя, знай доподлинно, чем и как живёт народ твой, и не давай придворным и угодникам отгородить тебя от правды. Я же скажу тебе — властитель, замкнувшийся в своих палатах среди льстецов, скоро перестаёт ведать нужды и беды простых людей и правит вслепую, по ложным донесениям тех, кому выгодно его обманывать.
Чем выше ты сидишь, тем меньше доходит до тебя неприкрашенной правды снизу, о чём сказано и о лести у трона. Оттого нарочно ищи её: выслушивай не одних сановников, но и простых; дознавайся, как живётся в дальнем краю, не голодают ли, не чинят ли над ними обид твои же слуги твоим именем. Тот правитель добр, кто знает горести подвластных не из лукавых отчётов, а воочию, и судит о своём правлении по тому, каково последнему из бедняков, а не по тому, как славословят его вельможи. Не зная народа, нельзя править им во благо.

Воздавай по заслугам, не по приязни

Правя людьми, награждай и карай по заслугам и по делу, а не по приязни, угодливости или прихоти. Я же скажу тебе — награда и взыскание в руках правителя что вожжи: правят ими верно — и народ идёт прямо, к доброму; правят криво — награждая льстецов и виноватых своих, карая честных и неугодных, — и всё сбивается с пути.
Если у тебя отличившийся и подлый получают равно, а то и подлый больше, — пропадёт у людей охота отличаться и трудиться на совесть, ибо к чему, коли воздаётся не по делу. Награждай же того, кто и впрямь послужил добру и общему благу, не глядя, мил он тебе или нет; и взыскивай с виновного, хотя бы он был тебе люб и близок. Где заслуга в чести, а вина в ответе, там процветают доблесть и усердие; где наоборот — там наглость, лесть и нерадение. Воздаяние по правде — душа доброго правления.

Возвышай способных, не угодливых

Если поставлен ты над людьми и волен возвышать и приближать, возвышай способных, умных и честных, а не угодливых любимчиков и поддакивающих льстецов. Я же скажу тебе — слабый и тщеславный начальник окружает себя теми, кто ему приятен и покорен, пусть и бездарен; сильный же ищет лучших, даже если они неудобны, остры на язык и не во всём ему милы.
Не бойся приближать тех, кто умнее и способнее тебя самого: их сила не угроза тебе, а опора твоему делу, и кто страшится талантливых под собою, тот выдаёт собственную малость. Превозмоги личную неприязнь, где речь о пользе общего дела: ставь человека по тому, что он может дать, а не по тому, как он тебе угождает. Всякое дело и держава процветают, когда наверх идут по заслугам и уму, и гниют, когда место даётся за лесть. Возвышай по достоинству — и достойные потянутся к тебе; возвышай по угодливости — и останешься среди одних льстецов.

Место — по способности, не по родству

Доверяй важное дело и высокое место тому, кто способен его нести, а не тому, кто тебе родня, свойственник или нужный человек. Я же скажу тебе — посадить неспособного на дело, которого он не потянет, ради крови, дружбы или старого долга значит и дело загубить, и самого посаженного выставить на позор, и обойти достойного, что справился бы.
Родство и связи пусть решают, кого позвать на пир, а не кому вручить корабль в бурю: у руля надобен умелый кормчий, а не любимый племянник. Кумовство гноит всякое дело изнутри, ибо ставит угождение родне выше общей пользы, и развращает: к чему стараться достойному, если места раздают по крови? Спрашивай прежде, потянет ли человек ношу, а уж потом — чей он сын да сват. Дело вверяй по плечу, а не по родству; иначе утопишь и дело, и того, кому оно не по силам.

Не глуши талант из зависти

Мало возвышать достойных самому — не глуши и не топчи талант, что поднимается рядом с тобою или под тобою, из зависти или страха быть превзойдённым. Я же скажу тебе — мелкая душа, завидев кого-то способнее себя, спешит его придавить, оболгать, оттереть в тень, лишь бы не дать ему вырасти и затмить; и тем обкрадывает не его одного, а всё общее дело, лишая его лучших сил.
Дай дорогу тому, кто даровит, даже если он пойдёт дальше и выше тебя: чужой рост не твой убыток, коли служит общему. Радуйся способному, как садовник радуется сильному всходу, а не выпалывай его, как сорняк, из ревнивого страха. Кто давит растущих под собою, тот остаётся в окружении одной серости и сам мельчает вместе с нею. Не мешай восходить тому, кто может, — расчищай ему путь; общее дело держится теми, кому дали подняться.

Правишь руками тех, кого выбрал

Один правитель, как бы ни был мудр, всего не усмотрит и не сделает; оттого добро его правления во многом — в тех, кого он приближает, ставит и слушает. Я же скажу тебе — каков правитель, нередко вернее всего видно по его слугам и советникам: окружил себя честными, умными, радеющими о деле — и правление добро; обставился льстецами, мздоимцами и бездарями — и пропало всё, как бы сам он ни старался.

Выбирай помощников и поставленных над делами по уму, честности и способности, а не по родству, угодливости или умению угадывать твою волю; о том, как лесть собирает вокруг сильного одних подпевал, сказано особо. Ставь на места достойных, хотя бы они и говорили тебе нелестное, и гони от дел продажных и нерадивых, хотя бы они и были приятны. Через дурных слуг и доброе намерение правителя оборачивается во зло для народа; через добрых — и средний правитель правит сносно. Кто худо выбирает людей, тот худо и правит, чужими руками творя зло.

Не цепляйся за власть

Не цепляйся за власть мёртвой хваткой, до последнего вздоха, и не правь так, будто после тебя хоть потоп. Я же скажу тебе — знай меру и срок: уметь вовремя и достойно отойти от власти, передать её в добрые руки — мудрость не меньшая, чем уметь править.

Многие, вкусив власти, не могут с ней расстаться и держатся за неё, когда уже одряхлели умом и силами, во вред и себе, и делу; иные же, цепляясь, губят всё, что создали, лишь бы не выпустить из рук. Не уподобляйся им: правь, пока в силах править во благо, и готовь себе достойную смену, чтобы не оставить после себя смуты и грызни за опустевшее место. Власть, переданная в порядке и в добрые руки, переживёт тебя добром; вырванная по смерти твоей силой — обратится в раздор и кровь. Кто думает не только о своём правлении, но и о том, что будет после него, тот и есть истинный радетель о народе, а не о себе.

И властитель смертен и подсуден

Вознесённый властью, помни, что и ты смертен и подсуден, и власть твоя не навек. Я же скажу тебе — не опьяняйся высотою, не возомни себя превыше прочих смертных и неподсудным никому: придёт час, и ты сойдёшь, как все, и дела твои рассудят — потомки, история, а пуще всего собственная твоя совесть. Говорят, в древности победителю, въезжавшему в город в славе и торжестве, ставили за спину раба, чтоб тот непрестанно шептал ему: «помни, что ты лишь человек». Держи и ты такого шепчущего в себе самом. Иные властители, забыв об этом, мнили себя богами и творили, что хотели, — а где они ныне, и какова о них память? Троны рассыпаются в прах, и от грозных владык остаётся лишь след добра или зла, ими содеянного. Правь так, будто завтра тебе держать

ответ, — ибо рано или поздно так и будет; и помни, что судить тебя будут не по тому, как ты величался, а по тому, что осталось после тебя людям.

Правитель для народа, не народ для него

Знай, кто кому опора: не народ для правителя, а правитель для народа, и держава стоит народом, а не троном. Я же скажу тебе — народ в государстве важнее государя, ибо государи приходят и уходят, а народ пребудет; и власть, забывшая, ради кого и кем она держится, рубит сук, на котором сидит.
Народ — как вода, а правитель — как лодка на ней: вода несёт лодку, но та же вода её и опрокидывает, если небречь ею и идти против неё. Оттого мудрый властитель не мнит народ своим подножием и достоянием, с которым волен делать что угодно, а помнит, что сам он — слуга и хранитель народа, и в его благоденствии — его, правителя, и сила, и оправдание. Кто бережёт и чтит народ свой, того народ носит и хранит; кто презрел и попрал — того рано или поздно та же вода и поглотит. Сила власти не в ней самой, а в народе, что за нею стоит.

Меняй с рассуждением

Правя, меняй с рассуждением: не круши разом устоявшееся, не поняв, зачем оно заведено, — но и не держись за обветшалое и гнилое из одной косности. Я же скажу тебе — и слепое разрушение, и слепое упрямство равно опасны в делах управления; мудрость в том, чтобы беречь доброе старое и чинить негодное, не путая одного с другим.
Прежде чем сломать заведённый порядок, обычай, установление, доищись, для чего он был некогда заведён: иное, что кажется тебе нелепым и лишним, поставлено было не зря и держит больше, чем видно с первого взгляда; снесёшь его сгоряча — и обрушится то, чего ты не чаял. Но и не поклоняйся старине за одну её древность: что и впрямь прогнило, изжило себя, творит неправду — то меняй, не страшась. Преобразуй постепенно, примеряясь к последствиям, а не ломай всё до основания в один день, в чём губительная страсть многих горячих голов. Лучший зодчий и перестраивает дом, не обрушив на головы живущих кровлю.

Держи слово, данное народу

Держи слово, данное народу, как держал бы слово, данное чести. Я скажу тебе — правитель, что щедр на посулы и скуп на их исполнение, что обещает одно, а творит другое, скоро теряет доверие подвластных, а с доверием — и крепчайшую из своих опор.
Народ долго помнит обманутые надежды; единожды, дважды поверив пустым обещаниям, он перестаёт верить вовсе — и тогда уже и правдивому слову власти не верят, и всякий призыв её падает впустую. Не давай же народу обещаний, которых не можешь или не намерен исполнить, лишь бы умаслить

его на час; а что обещал — исполни, хотя бы и в убыток своей выгоде. Верность слову для власти не пустая добродетель, а сама основа её прочности: на правителя, чьё слово твёрдо, опираются без страха, а лживому не верят и в правде. Обманувший доверившихся правит уже на песке.

Не утопай в роскоши у власти

Имея власть и средства, будь умерен в своей жизни и не утопай в роскоши и излишествах, особенно когда народ твой в нужде. Я же скажу тебе — правитель, что пирует и роскошествует напоказ, пока подвластные его бедствуют и голодают, сеет вокруг себя зависть и злобу и без слов являет, что печётся о своей утробе, а не о них.
Не то чтобы власти подобала нищета; но непомерная роскошь верхов посреди нужды низов — соблазн и обида, и многие троны пали оттого, что владыки их обжирались, когда народ просил хлеба. Умеренный в своих потребностях правитель и казну бережёт, и пример подаёт добрый, и людей не озлобляет; расточительный же и сам разоряется, и народ возмущает. Чем больше дано тебе, тем скромнее и осмотрительнее трать, помня, что многое из того, чем ты владеешь, идёт от трудов и лишений других. Роскошь у власти на виду у нужды — не блеск, а позор.

Ты в долгу у общества

Помни, что ты в долгу у общества, в котором живёшь, не меньше, чем оно у тебя. Я же скажу тебе — всё, чем ты пользуешься, добыто не одним тобою: хлеб твой растили чужие руки, дорогу, по которой идёшь, мостили другие, язык, которым мыслишь, и знания, которыми живёшь, накоплены тысячами до тебя; ты с рождения окружён плодами чужого труда и заботы.
Оттого не будь из тех, кто лишь берёт от общего стола, ничего не кладя на него; верни и ты что-нибудь в общий котёл, из которого кормишься, — трудом, заботой, службой, добром, сделанным другим. Не считай, будто ты сам себя создал и никому не обязан: это спесь и слепота. Чем больше ты получил от людей и от своего народа, тем больше и твой долг перед ними. Жить только для себя, пользуясь всем общим и не давая ничего взамен, — повадка нахлебника, а не достойного человека. Отдай, а не только бери.

Неси свою долю общих тягот

Неси свою долю общих тягот, а не сваливай их на других, пользуясь общим благом. Я же скажу тебе — есть люди, что рады плодам общего труда и порядка, но всякую тяготу, всякую повинность, всякое усилие норовят переложить на чужие плечи: в общей лодке они охотно плывут, да грести не желают.
Не будь таким: где все несут бремя — налог ли, труд, опасность, заботу об общем, — неси и ты свою часть честно, не уклоняясь и не хитря. И паче того не наживайся за счёт общего и общих: не обкрадывай казну, не порти общего, не

выгадывай себе там, где твоя выгода — убыток для всех. Кто пользуется общим, не вкладывая в него, и богатеет, обирая общее, тот вор, хоть бы и не нарушил никакого закона. В лодке, где одни гребут, а другие лишь сидят да ещё и сверлят днище, потонут все. Вложи и ты, а не только черпай.

Береги общее, как своё

Береги общее достояние, как берёг бы своё собственное, а не разоряй и не пакости там, где «ничьё». Есть пагубная повадка: своё человек холит, а к общему небрежен — мусорит на общей земле, портит общее добро, тащит из общего, рассуждая, что раз оно ничьё, то не жаль. Но общее не ничьё — оно для всех, есть в нём и твоя доля.
Колодец, из которого пьют все, а чистить не желает никто, скоро загниёт, и нечего станет пить всем, тебе в том числе. Так и всякое общее благо — дорога, роща, река, казна, самый воздух и земля, что достанутся детям, — гибнет, если каждый лишь черпает из него и портит, а беречь предоставляет другим. Не оправдывай порчу общего тем, что «от меня одного убудет немного»: так рассуждает каждый, и общим разорением кончается. Относись к общему как к своему, а к завещанному потомкам — как к взятому взаймы; не проедай и не гадь того, что не тобою одним нажито и не тебе одному принадлежит.

Твоя судьба сплетена с общей

Знай, что судьба твоя сплетена с судьбою общества, в котором живёшь, и в одиночку, наперекор общему благу, ты не преуспеешь надолго. Я же скажу тебе — что не на пользу улью, то не на пользу и пчеле: и самый ловкий не заживёт счастливо и спокойно там, где кругом нужда, неправда и смута, ибо общая беда рано или поздно постучится и в его дверь.
Не думай, будто можно благоденствовать в одиночку, отгородившись от хворей своего общества высоким забором: чума, что косит город, не спросит, богат ли твой дом; смута, что разоряет страну, доберётся и до твоего добра; озлобление обиженных и нищих обрушится и на тех, кто отсиживался в стороне. Оттого радеть об общем благе — не одна лишь добродетель, но и трезвый расчёт: укрепляя целое, ты бережёшь и себя, ибо ты часть его. Здоров улей — жива и пчела; гибнет улей — не спасётся и самая сильная из пчёл.

Не отворачивайся от общих дел

Не отворачивайся вовсе от общих, общественных дел, мня, что они тебя не касаются и пусть ими занимается кто-нибудь другой. Я же скажу тебе — если порядочные и разумные люди брезгливо устранятся от дел общества, то места их займут худшие, и тогда не дивись, что правят тобою недостойные: ты сам уступил им поле, не придя на него.
Говорили древние: кара тем, кто не желает участвовать в делах общины, — быть управляемыми людьми хуже себя. Безразличие добрых — лучший

подарок дурным. Не требую от тебя бросить всё и кинуться в распри площадей; но и не самоустраняйся вовсе, не отмахивайся «моя хата с краю»: подай голос, где он нужен, поддержи доброе и достойное, противься явному злу и неправде в общем деле по мере сил твоих и места. Общество — общее дело всех, и кто бросил его на произвол, тот не вправе после пенять, что оно дурно устроено. За что не радел, на то и не сетуй.

Звено в череде поколений

Помни, что общество — это череда поколений, и ты лишь звено в ней: ты получил от тех, кто был до тебя, и обязан оставить что-то тем, кто будет после. Я же скажу тебе — всё доброе, чем ты пользуешься, насадили и построили люди прежних времён, которых ты и не знал; и долг твой — насаждать и строить для тех, кого не узнаешь ты.
Спросили однажды старика, зачем он сажает дерево, плодов которого ему уже не вкусить. «Те, кто были до меня, — ответил он, — сажали для меня; и я сажаю для тех, кто придёт после». Вот мудрость, на которой держится род людской: каждый принимает мир из чужих рук и должен передать его дальше не худшим, а лучшим, чем принял. Не проживай так, будто после тебя — хоть потоп; думай и о тех, кто придёт на твоё место, — о детях, о внуках, о незнамых потомках. Сажающий деревья, в чьей тени не сядет, и строящий то, чего не достроит, и есть достойное звено в цепи живущих.

Общее — как свой дом

Заботься об общем — об улице, дворе, городе, земле своей — как о собственном доме, и не жди, что приберёт за всеми кто-то другой. Я же скажу тебе — вот мысль, что незаметно превращает целую страну в свалку: «насорил не я, найдутся другие, кто это уберёт». Но так думает каждый, и оттого не убирает никто, и тонет в грязи и запустении всё кругом — общее, до которого никому нет дела.
Где всякий валит свой сор наземь, рассуждая, что подберут другие, там «другие» так и не приходят, и живут все в нечистоте, которую сами же и развели. А где у людей иной обычай — где человек и чужой брошенный сор подымет и снесёт куда должно, заботясь об общем месте, как о своём пороге, хотя бы и не он насорил, — там и улицы чисты, и дышится легко, и жить приятно. Не сори сам и убери за другим, если можешь; не говори «это не моё и не моя забота» о земле, по которой ходишь. Дом твой не кончается за порогом твоей двери: и улица, и город, и страна — тоже твой дом. Чисто не там, где не сорят, а там, где каждый чувствует общее своим.

Поступай так, будто так поступят все

Прежде чем смухлевать в малом, обойти общее правило, урвать себе с общего, рассуждая «мне-то можно, от меня одного вреда не будет», спроси себя: а что

было бы, если бы так поступал каждый? Я же скажу тебе — вот верная проба совести в делах общих: то, что губит общее, когда так делают все, есть зло и тогда, когда так делаешь ты один, хотя бы твоя доля и казалась ничтожной. Один прошедший напрямик через луг травы не вытопчет; но там, где так пошли все, сперва тропа, а там и плешь. Один сказавший «заплатит другой», «уберёт другой», «постоит другой» — пустяк; но так говорит каждый, и оттого не платит, не убирает и не стоит никто. Не прячься же за свою малость и за то, что «все так делают»: тем, что и другие поступают дурно, своего дурного не оправдаешь, а лишь умножишь общую беду своею долей. Поступай так, как было бы хорошо, если бы так поступали все; в этом и есть совесть гражданина.

Суди общество по беззащитному

Хочешь узнать, здорово или гнило общество, — гляди не на блеск его богатых и сильных, а на то, каково в нём слабейшим. Я же скажу тебе — мера общества не в роскоши верхов, а в участи беднейшего, больного, старика, сироты, увечного: как обходятся в нём с теми, кто не может постоять за себя, таково оно и есть на деле.
Общество, что заботится о слабых своих, не бросает упавшего, кормит немощного, защищает беззащитного, — здорово и крепко, как бы ни было бедно; а то, где сильные топчут слабых, где упавшего добивают, а немощного бросают умирать, — гнило, как бы ни блистало. Цепь крепка не самым крепким, а самым слабым своим звеном; и общество держится не теми, кто и так силён, а тем, как оно держит слабых. Суди народ и время по тому, каково в нём беззащитному; и сам, чем больше у тебя силы, тем больше радей о тех, у кого её нет.

Поступись своим ради общего

Бывает час, когда общее благо требует, чтобы ты поступился своим — выгодой, удобством, покоем, а порой и большим. Я же скажу тебе — кто рад пользоваться всем, что даёт ему общество, но никогда не готов ничем ради него поступиться, тот лишь нахлебник его и сам себя ставит вне круга, от которого кормится.
Не всё мерится своею сиюминутной пользой: иногда ради общего надо потерпеть стеснение, отдать часть своего, потрудиться без прямой выгоды, а в годину общей беды — и рискнуть, и встать заодно со всеми, о чём ещё будет сказано там, где речь о защите. Не требую от тебя ни безрассудства, ни того, чтоб ты вечно жертвовал собою без меры; но и не будь из тех, для кого своё «я» всегда и во всём важнее общего, кто и пальцем не двинет, коли нет в том личного прибытку. Кто ничего не готов дать целому, тому и целое ничем не обязано. Иные блага покупаются лишь общею жертвой, и скупой на неё обкрадывает и других, и себя.

Чти тех, чьим трудом держишься

Чти и благодари тех, чьим трудом держится общая жизнь, — и явных, и незаметных. Я же скажу тебе — общество стоит не на одних громких именах, а на множестве рук, что делают нужное и часто неблагодарное дело: кто учит детей, лечит больных, растит хлеб, охраняет покой, метёт улицы, чинит и строит; без них рассыпалось бы всё, чем ты пользуешься, не замечая.
Не презирай чёрной, но необходимой работы и тех, кто её делает: метущий улицу так же нужен городу, как и тот, кто им правит, а порой и нужнее. Воздавай уважение всякому честному труженику, на чьём незаметном труде ты живёшь; не гляди свысока на простого работника, как сказано и о том, что не должно мерить человека по званию. Замечай, благодари и детей своих учи благодарить тех, кто служит общему, особенно тех, чью службу принимают как должное и вспоминают, лишь когда её не станет. Кто чтит труд, на котором держится, тот и сам достойнее, и обществу от того теплее.

Соблюдай и малые общие правила

Соблюдай и малые, будничные правила общей жизни, в которых иному видится пустяк. Я же скажу тебе — дождись своей очереди и не лезь поперёд других, не толкайся, не шуми там, где люди отдыхают, не досаждай другим, не занимай чужого, держи свой угол общего пространства в порядке: из таких-то мелочей и складывается то, удобно или тошно людям жить бок о бок.
Тот, кто лезет без очереди, ставит себя выше прочих, как будто его время и нужда важнее всех; кто шумит и сорит, отравляет жизнь соседям ради своего удобства. А там, где каждый блюдёт малый порядок и считается с другими в мелочах, и тесно живётся легко. Не презирай этих мелких правил как чего-то ничтожного: вежливость в общем пространстве — та же справедливость, только повседневная и тихая. Уважай в малом тех, с кем делишь улицу, кров, дорогу, и они так же уважат тебя; общая жизнь хороша там, где люди внимательны друг к другу и в пустяках.

Видя неустройство — чини, не клейми

Видя в своём обществе неустройство, неправду, пороки, не спеши ни отчаиваться, ни клясть всё подряд, ни бежать прочь, умывши руки. Я же скажу тебе — бранить и поносить общие беды легко, и хулителей всегда довольно; всегда лучше постараться починить, что в твоих силах починить, на своём месте и в своём кругу, ибо одна починенная малость дороже горы проклятий.
Нет на свете общества без изъянов, и кто ждёт совершенного, чтобы радеть о нём, тот не порадеет ни о каком. Не уподобляйся тем, кто лишь злобно клянёт всё кругом, отравляя и себя, и других унынием и презрением, а сам не двинет и пальцем к лучшему; такой ропот — не доблесть, а пустота. Не беги и от трудностей своей земли при первой невзгоде, бросив её тем, кто её портит, — если все добрые разбегутся, кто же останется чинить? Делай посильное добро там, где ты есть; светить малой свечой вернее, чем клясть темноту.

Помни строивших и оборонявших

Храни память и благодарность к тем, кто строил, берёг и оборонял твою землю и твой народ до тебя. Я же скажу тебе — всё, чем ты ныне пользуешься в покое, — мир, кров, добытые свободы, накопленное добро — куплено трудом, потом и кровью прежних поколений, которых уже нет; и забыть их, пользуясь их наследием, — чёрная неблагодарность.
Не будь из тех, кто живёт, как будто всё доброе возникло само собою к его приходу и ему одному принадлежит. Помни и чти тех, кто расчищал землю, ставил города, отстаивал их в беде, добывал то, что тебе досталось даром; их трудом и жертвой стоишь и ты. Эта память — не пустой обряд, а корень: народ, забывший своих строителей и защитников, теряет и себя, ибо отрезает себя от собственного корня, как дерево, подрубившее его. Поклонись же незримо тем, на чьих плечах стоишь, и сам трудись и береги так, чтобы и тебя помянули добром те, кто придёт после, о чём сказано и о цепи поколений.

Не подтачивай общее доверие

Не подтачивай общего доверия меж людьми обманом, мошенничеством, нечестностью в делах — ибо на этом незримом доверии держится вся совместная жизнь. Я же скажу тебе — всякий день ты полагаешься на честность множества незнакомцев: что хлеб тебе продали не отравленный, что весы не лгут, что данное слово сдержат, что встречный не обманет, — и так же другие полагаются на тебя. Это доверие — общее достояние, такое же, как дорога или колодец.
Всякий обман, всякая плутня, всякое нарушенное слово подтачивают это доверие не только меж тобою и обманутым, но и во всём кругу людей: обманутый станет подозрителен и к другим, и недоверие, как ржа, расползается, и жить всем делается тяжелее, накладнее, злее. Где люди друг другу не верят, там всё даётся с трудом и оглядкой; где верят — там жизнь легка и спора. Оттого, будучи честен в делах с людьми, ты не только себя бережёшь, но и крепишь то общее доверие, которым жив весь мир людской. Не пили же сук, на котором сидят все: всякий плут обкрадывает не одну свою жертву, а доверие всех.

Чти всякий честный труд

Чти всякий честный труд и тех, кто трудится, ибо на труде держится вся жизнь общества. Я же скажу тебе — хлеб, кров, одежда, всё, чем живёшь, добыто чьим-то трудом; тот, кто пашет, строит, кует, ткёт, лечит, учит, — опора и кормилец всех, и без работящих рук праздные рты скоро остались бы ни с чем. Нет честного труда постыдного, как бы прост и чёрен он ни был: и тот, кто метёт улицу или копает землю честно, достойнее богатого бездельника, живущего чужим трудом и ничего не дающего взамен. Не презирай работника и ремесленника, не гнушайся труда руками, не считай зазорным самому добывать хлеб; стыдно не трудиться, а жить за чужой счёт, ничего не делая. Общество, где труд в почёте, а праздность в стыде, крепко и сыто; где наоборот

— там нищета и упадок. Уважай руки, которые тебя кормят, и сам будь из тех, кто кладёт в общий труд, а не только кормится им.

Богатство — и обязанность

Если ты богат или в достатке, знай, что богатство твоё — не только право тешиться им, но и долг. Я же скажу тебе — кому много дано, с того много и спросится: достаток даёт тебе силу помочь, облегчить, поддержать, и эта сила есть и обязанность, а не одна привилегия.
Не копи без меры и не запирай нажитое в сундуках, когда вокруг нужда, которую ты мог бы облегчить; не услаждайся избытком, безразличный к недостатку ближних. Богатство, что лишь умножается и услаждает одного владельца, мертво и нередко проклято; богатство, что течёт на доброе — кормит, лечит, учит, строит, поддерживает слабых, — благословенно и оправдывает себя. Не обязан ты раздать всё и обнищать, о чём сказано и о рассудительности в милосердии; но обязан помнить, что часть твоего изобилия должно пустить на то чтобы дать нищим работу, и что скупец при полных закромах посреди голодных — не хозяин богатству, а его раб и сторож. Дающий из избытка богат вдвойне.

Не наживай неправдою

Не наживай богатства неправдою — обманом, грабежом, угнетением, обиранием слабых, — ибо неправедная нажива не впрок. Я же скажу тебе — деньги, добытые кривдою, не приносят добра ни душе, ни дому: над ними нет благословения, они утекают, как вода сквозь пальцы, навлекают вражду, суд и кару, а пуще всего — разъедают совесть нажившего.
Лучше малый достаток, нажитый честно, чем большое богатство, добытое неправдой: первый ешь со спокойной душою, а второй — с камнем на сердце и оглядкой. Не строй своего благополучия на чужом разорении, на слезах обманутых и ограбленных тобою: такое здание стоит на песке и на проклятии тех, кого ты обездолил. Богатство честное — плод труда и бережливости; богатство неправое — плод чужой беды. И народ, где богатеют чаще неправдою, чем трудом, болен и недолго протянет в благополучии. Чистая краюха хлеба слаще краденого пира.

Не твори кумира из богатства

Не твори кумира из богатства и не мерь всё на свете деньгами. Я же скажу тебе — деньги хороши как слуга и дурны как господин: добывай и используй их на доброе, но не делай их божеством, которому приносишь в жертву совесть, дружбу, честь и самую жизнь свою.
Где целый народ помешан на наживе, где человека ценят лишь по тому, сколько у него злата, где ради денег готовы на всё и всё продаётся и покупается, — там сохнут души и гниют нравы, как бы ни богатело такое общество с виду.

Помни, что есть многое, чего не купишь ни за какие деньги, и что не всё, имеющее цену, имеет ценность. Не завидуй богатым лишь за их богатство, не пресмыкайся перед золотом, о чём сказано и о том, что не должно льстить богатству; и сам не сделай погоню за наживой смыслом и мерою всей жизни. Деньгам должно служить тебе, а не тебе им.

Пропасть меж сытым и голодным опасна

Знай, что для общества опасны крайности — и непомерное богатство немногих, и беспросветная нищета многих рядом с ним. Я же скажу тебе — где малая горстка владеет почти всем, а множество не имеет почти ничего и не видит выхода, там зреют зависть, озлобление и смута, и такое общество, как бы ни блистало богатством верхов, стоит непрочно, как дом на трясине.
Город, где есть лишь пресыщенные богачи да отчаявшаяся беднота и нет крепкой середины меж ними, — это как бы два враждебных города в одном, готовых сцепиться. Здоровее и крепче то общество, где большинство не бедствует и не голодает, где трудящийся может прокормиться и подняться, где меж самым богатым и самым бедным не разверзлась пропасть без дна. Не берусь указывать, какими путями держать эту меру, — пути разнятся и о них спорят; но самую опасность крайностей помни, ибо от неё рушились царства. Чрезмерный разрыв меж сытым и голодным — трещина, по которой раскалывается общество.

Плати работнику по труду

Если у тебя работают люди, плати им честно и по труду и не обирай работника. Не задерживай и не зажимай заработанной платы, не урезай её обманом, не плати голодному гроши за тяжкий труд лишь оттого, что нужда заставит его и на это согласиться; плата работнику — его хлеб, а часто и хлеб его детей. Притеснять того, кто на тебя трудится, наживаться на его нужде и беззащитности, выжимать из него все силы за бесценок — неправда, что вопиет к небу, хотя бы ты и платил по уговору, на который вынудила его нужда. Не уподобляйся тем, кто богатеет, недоплачивая многим понемногу. Воздай трудящемуся у тебя по справедливости, а не по тому лишь, как мало ты можешь ему дать, пользуясь его безысходностью. Кто честно платит работнику и не теснит его, у того и работают на совесть, и доброе имя; а кто обирает труженика, тот копит себе не богатство, а проклятие. Удерживающий плату работника крадёт у него жизнь.

Служи честно тому, чей хлеб ешь

Пока ты в чьём-то деле и берёшь за это плату, работай так, будто дело это твоё собственное. Я же скажу тебе — тут не о покорности речь, а о честности: взял плату за день, отдай день; взялся исполнить, исполни всем умением, какое есть, а не той малой частью его, какой довольно, чтобы не выгнали за дверь.

Хуже же всех тот, кто изображает труд, не трудясь. Такой крадёт дважды: и время, за которое ему платят, и доверие того, кто на него понадеялся, а доверие дороже денег. Кто небрежен на чужом деле, тот и на своём небрежен будет — рука ведь одна, и привычка одна. И вот что запомни: слава о работнике идёт впереди него самого, и та слава, что ты нажил на малом месте, отворит или затворит тебе большие двери, а нажив дурную, будешь потом годами доказывать обратное.

Скажи о беде вовремя, а не после

Видишь, что дело идёт к беде, что начальник твой ошибается или что затеяно опасное, — скажи. Скажи прямо, скажи наедине, скажи один раз ясно и до того, как случилось, а не намёками, из которых после можно будет выкроить себе право сказать: «а я предупреждал».
Есть люди, которые видят надвигающееся и молчат, храня своё знание, как припасённую монету, чтобы после, на пепелище, предъявить её всем: вот, мол, я знал. Такой человек не мудрее прочих — он просто выбрал своё торжество вместо общего спасения, и на пепелище торжествует один. Промолчавший вовремя становится соучастником беды, хоть рук и не приложил.

Спорь до решения, исполняй после

Покуда дело решается, говори, что думаешь, — на то тебе и разум, и на то тебя и держат. Я же скажу тебе — но когда решено не по-твоему, а решённое не есть подлость, — исполняй его как своё: не вполсилы, не назло и не спустя рукава, чтобы вышло по-твоему через неудачу.
Работа, сделанная в обиде, портит трижды: и дело, и того, кто её делал, и доверие к нему навсегда. Спорить до решения — долг; спорить после — смута; а тихо вредить исполнению — то же предательство, только трусливое, ибо явный противник хотя бы честен. Если же решённое таково, что рука не поднимается, — не хитри и не порти исподтишка: скажи прямо, что этого делать не станешь, и прими, что за этим последует.

Верность — не покорность

Будь надёжен так, чтобы на тебя можно было положиться, как на камень: это лучшее, что человек может нажить, и стоит оно дороже всякого умения. Я же скажу тебе — но помни при этом, что служишь ты делу, а не хозяину, и никакая служба не покрывает подлости: велят тебе бесчестное — не делай, кто бы ни велел и чем бы ни грозил; «мне было велено» не оправдывало ещё никого и нигде.
И не забывай, что ты не куплен. Ты не имущество и не должник по гроб: пока служишь — служи как должно, а решишь уйти — уходи свободно, доделав начатое и сдав дела, без мести и без хлопанья дверью. Тем и дорога верность вольного человека, что он мог не быть верным и всё же был. А кто верен из

страха да из нужды — тому и цена как страху: пройдёт нужда, пройдёт и верность.

В торговле будь честен

В торговле и во всяком наживном деле будь честен: не обманывай, не обвешивай, не подсовывай гнилое за доброе, не лги о товаре. Нажива, добытая обманом покупателя или продавца, есть то же воровство, только хитрое; верные весы и правдивое слово в торговле угодны и людям, и небу, а лживые весы — мерзость.
Особо же не наживайся на чужой беде и нужде: не вздувай цену на хлеб в голод, на воду в засуху, на нужное — когда людям некуда деться и они отдадут последнее; это уже не торговля, а грабёж под видом торговли. Бери честную прибыль за честный труд и товар, но не дери с отчаявшегося три шкуры лишь потому, что он в твоей власти. Честный купец и промышленник служит людям, доставляя им нужное, и честно за то вознаграждается; нечестный обирает их под видом услуги. Наживай, принося пользу, а не обманывая и обирая; прибыль, добытая чужой бедою, не радость, а позор.

Богатство — средство, не цель

Помни, что богатство — средство, а не цель, орудие в руках, а не сокровище, чтобы на нём сидеть. Нажить горы золота и копить их без всякой цели, лишь ради того, чтобы они лежали и росли, — занятие пустое: скупец, что собрал миллионы и трясётся над ними, не пуская их ни на что, беднее иного бедняка, ибо тот хоть пользуется тем малым, что имеет, а этот не пользуется и горами. Золото, зарытое и лежащее без дела, не лучше камня; цену ему даёт лишь то, на что оно пущено. Истинное предназначение богатства — быть обращённым на нечто большее, чем оно само: на полезное дело, на созидание, на помощь людям, на то, чтобы освободить тебя и других от нужды и дать свершить задуманное. Копить, чтобы копить, — всё равно что собирать орудия и ни разу не взяться за работу. Спрашивай не «сколько я скопил», а «на что я это обратил, что доброго и стоящего сделал тем, что нажил». Богат не тот, у кого много лежит без дела, а тот, чьё богатство служит достойной цели. Деньги, что не пущены на доброе, мертвы, как зерно, что сгноили в закроме, так и не бросив в землю.

Большинство не значит истина

Не думай, будто мнение, которого держится большинство, тем самым уже истинно и справедливо. Я же скажу тебе — число держащихся за какое-либо мнение ничего не говорит о его правоте: истину не решают подсчётом голов, и сплошь и рядом за ложь и неправду стояли целые народы, а правду знал один или немногие.

Вспомни: целые народы и века держались за рабство как за нечто должное и естественное; не раз и не два целые племена давали увлечь себя в чудовищные злодейства, рукоплеща им всею толпою; и праведника, что шёл против общего безумия, толпа гнала и казнила под общий крик одобрения. Сколько раз то, что нынче «знают все», завтра оказывалось вздором, а гонимое меньшинство — правым! Оттого не склоняйся к чему-либо лишь потому, что «так думают все» и «так принято»: спрашивай не сколько людей за это, а истинно ли оно и справедливо ли само по себе. Массовость заблуждения не делает его правдой; и один с истиной сильнее тьмы заблуждающихся.

Повторённая ложь не станет правдой

Берегись и другого обмана толпы: будто ложь, повторённая многократно и многими, становится от того правдой. Я же скажу тебе — сколько бы тысяч уст ни твердили ложь и сколь бы громко и часто её ни выкрикивали, она не делается от того ни на волос истиннее: повторение — не доказательство, и крик — не правота.
Хитрые и злые люди давно знают: твердя одно и то же неустанно, со всех сторон, громко и уверенно, можно вбить в головы толпы и самую наглую ложь, и многие поверят ей просто оттого, что слышат её повсюду и от всех. Не поддавайся этому: не принимай чего-либо за правду лишь потому, что это твердят без конца и хором. Спрашивай не сколько раз и сколь громко это сказано, а есть ли тому доброе доказательство. Громкое и повсеместное заблуждение оттого лишь опаснее тихого, что вернее обманывает. Капля точит камень, а навязшая ложь — рассудок; стой твёрдо и проверяй, а не верь по числу повторений.

Не беги с толпой к дурному

Когда толпа вокруг тебя устремляется к дурному — к травле, к неправде, к злодейству или к явному вздору, — найди в себе мужество не пойти со всеми, а стать против течения. Я скажу тебе — по течению плывёт и дохлая рыба; чтобы идти против, когда оно несёт ко злу, нужна живая душа и немалая смелость.
Не оправдывай дурного тем, что «так делают все» и «все так считают»: если все вокруг бросились творить или одобрять неправду, это не делает её правой, а лишь умножает виновных, как сказано и о большинстве, что не всегда право.
Страшно бывает оказаться одному против всех, навлечь на себя гнев и насмешки толпы; но история помнит с честью именно тех немногих, кто посмел сказать «нет», когда все кричали «да» неправому делу, — а кто покорно плыл со всеми ко злу, тех и не отличить друг от друга. Имей мужество остаться при своей совести, хотя бы ты остался при ней один. Лучше стоять одному за правду, чем в толпе за неправду.

Безумие толпы

Знай и берегись особого безумия, что находит на людей, сбившихся в толпу: толпа нередко глупее, злее и бесстыднее каждого, кто её составляет. Я же скажу тебе — собравшись в множество, охваченное единым порывом, люди теряют и рассудок, и совесть, и стыд, и творят сообща такое, на что никто из них не решился бы и устыдился бы в одиночку.
В толпе разум одного тонет в общем крике, чувство заразительно перекидывается, как огонь по сухой траве, и человека несёт общий порыв, как щепку в потоке; страх, ярость, восторг, жажда крови охватывают всех разом, и толпа делается единым зверем о многих головах, да без головы. Оттого, оказавшись в возбуждённой толпе, удвой бдительность над собою: не дай общему безумию захватить и тебя, не теряй в нём своего рассудка и своей совести, спроси себя посреди общего рёва — а сделал бы я это, стоя один и в здравом уме? Сохранивший себя в беснующейся толпе дорог, как трезвый среди пьяных.

Берегись демагогов

Берегись тех, кто умеет распалять толпу и играть на ней, — демагогов и подстрекателей, что разжигают в людях страсти ради своей корысти и власти. Я же скажу тебе — есть особое лукавое искусство: льстить толпе, потакать её низшим побуждениям, разжигать в ней страх, зависть, ненависть, указывать ей врага и козла отпущения — и на этом возноситься, оседлав возбуждённую чернь, как наездник коня.
Такой говорит толпе не то, что правда и что ей на пользу, а то, что её распаляет и что ему нужно, чтобы повести её за собою; он сулит простые ответы на сложное, лёгких виноватых во всех бедах, скорые и сладкие победы — и толпа, польщённая и распалённая, идёт за ним, не чуя, что её употребляют как орудие. Не будь же ни в этой толпе, ни этим орудием: спрашивай не «складно ли и любо ли он говорит», а «правду ли говорит и куда ведёт, и кому от этого прок». Распаляющий толпу льстит ей, чтобы ею попользоваться; а кто говорит ей трезвую правду, тот ей друг, хоть бы и неугодный.

Не лги народу

Если дана тебе власть или влияние на многих, не правь обманом и не лги народу. Я же скажу тебе — управлять людьми посредством лжи, морочить их подложными вестями, скрывать от них правду и пичкать выдумками, чтобы вернее вести, куда тебе надо, — это и подло, и непрочно: лгущий народу строит непрочную башню: одно неверное слово и он будет погребен под ее обломками. Можно обмануть многих ненадолго и немногих надолго, но всех и навсегда не обманешь: рано или поздно правда выходит наружу, и тогда обманутый народ, прозрев, не верит уже ничему, что ты скажешь, даже и правде, и доверие, единожды так преданное, не воротишь, о чём сказано и о слове, данном народу. Говори людям правду, хотя бы и горькую и невыгодную; обращайся к их разуму, а не дурачь их, играя на неведении и страстях, как делает всякий манипулятор, о чём сказано особо. Власть, что держит народ в обмане, боится

его прозрения и потому враждебна ему; власть, что говорит правду, народа не боится. Правящий ложью правит над слепыми, пока они слепы.

Объединяй, а не разделяй

Старайся объединять людей, а не разделять их, и берегись тех, кто сеет меж ними рознь ради своей выгоды. Я же скажу тебе — есть старое лукавство сильных и честолюбивых: разделяй и властвуй — стравить части народа меж собою, натравить одних на других, чтобы, пока они грызутся, самому над ними возвыситься или их обобрать; и горе народу, что поддаётся на это.
Не давай разжигать в себе ненависть к людям иного звания, веры, племени, мнения, к которым тебя науськивают, указуя их виновниками всех твоих бед: чаще всего ищущий стравить тебя с ними хочет лишь поживиться на вашей вражде. Разделённых легко обмануть и одолеть поодиночке, а единых — трудно. Оттого ищи в людях то, что их роднит и соединяет, а не то, что ссорит; гаси рознь, а не раздувай; а кто зовёт тебя ненавидеть и истреблять часть собственного народа, тот тебе не друг, как бы ни рядился в радетели. Объединяющий созидает, разделяющий разрушает; и от розни внутри пало больше народов, чем от внешнего меча.

Война — тягчайшее из бедствий

Знай, что война — тягчайшее из бедствий, какие люди навлекают друг на друга, и крайнее средство, к коему прибегают, лишь когда все иные исчерпаны. Я же скажу тебе — не славь войну и не рвись к ней: за громом побед и блеском доблести скрыты горы трупов, реки крови и слёз, сожжённые города, осиротевшие дети и матери; кто видел войну вблизи, тот не поёт ей хвалу. Война подобна пожару: легко зажечь, да трудно угасить, и, разгоревшись, она пожирает без разбора и правого, и виноватого. Оттого мудрый правитель и мудрый народ берутся за оружие не с лёгким сердцем и не ради славы, добычи или гордыни, а лишь по крайней нужде, когда иначе не отвратить большего зла; и прежде чем обнажить меч, испробуют всё — переговоры, посредство, терпение. Война бывает горькой необходимостью, но никогда — благом самим по себе. Кто ищет войны ради войны, тот враг роду людскому. А кто кричит с трибун призывая народ к войне, того на поле боя не увидят.

Бывает война вынужденная

Но, сказав, сколь зла война, добавлю и обратное, без чего был бы неправ: бывает война справедливая, и оборона своей жизни, своих близких, своего народа от напавшего — не только право, но и долг. Я же скажу тебе — как сказано уже о соразмерности отпора, кротость перед убийцей и захватчиком не добродетель, а предательство тех, кого ты должен защитить.
Когда враг пришёл с мечом отнимать жизнь, свободу, родную землю, гнать и порабощать, — тут не время рассуждать о пагубе всякой войны: тут долг встать

на защиту, и поднявший оружие в обороне правого дела чист перед совестью, а сложивший руки и выдавший беззащитных на погибель — виновен. Не всякая война равно неправа: одно дело — напасть ради захвата и наживы, и совсем другое — оборонять от напавшего себя и своих. Первое — злодейство, второе — горький долг. Желай мира всем сердцем, но, когда придёт беда, умей защитить себя и свой народ со всей яростью и умением на какие способен..

И на войне есть черта

И в войне, даже правой, есть черта, которую переступать нельзя: война не отменяет совести и не дозволяет всякое зло. Я же скажу тебе — сражайся с тем, кто сражается, сокрушай вооружённого врага и его силу; но не подымай руки на безоружного, на сдавшегося, на пленного, на детей, женщин, стариков, на тех, кто не воюет и не может тебе ответить.
Убивать беззащитных, мучить пленных, разорять и жечь без нужды, вымещать злобу на мирных и невинных за то лишь, что они из вражеского народа, — это уже не война, а злодейство, и творящий его, под каким бы знаменем ни шёл, повинен, как сказано и о том, что вина лична, и о запрете жестокости. Враг, сложивший оружие или просящий пощады, — уже не враг, а человек в твоей власти, и над ним властен закон милосердия. Помни: ты воюешь, чтобы отвратить зло, а не чтобы самому стать злом; кто на войне теряет человеческое, тот, и победив, проигрывает главное.

Цени и храни мир

Цени мир и ищи его, и почитай выше многих того, кто умеет мир хранить и водворять. Я же скажу тебе — и худой мир обыкновенно лучше доброй ссоры: в самой скудной тишине люди сеют, растят детей и строят, а самая блестящая война всё это жжёт и косит. Лучше тощий мир, чем тучная победа.
Не из трусости желай мира, а из разумения, чего стоит война и чего стоит покой. Где можно погасить распрю миром, переговором, посредничеством — гаси, не доводя до меча; и в самой вражде держи открытой дверь к примирению. Блажен и почтен миротворец — тот, кто разводит готовых сцепиться, мирит враждующих, перековывает копья на серпы; он делает дело более великое, чем иной завоеватель. Желать мира — не слабость, коли ты способен и оборонить себя; слаб не миролюбивый, а тот, кто ищет драки, не умея без неё жить.

Сочти цену войны загодя

Прежде чем затевать войну или ввязываться в неё, трезво сочти её цену, ибо платят за войну дорого, и платит даже победитель. Я же скажу тебе — нет войны, в которой выигравший не понёс бы тяжких утрат: и он хоронит сыновей, разоряет казну, выжигает свою же землю и копит надолго злобу и месть побеждённых. Иная победа обходится дороже поражения.

Не обольщайся лёгкими посулами тех, кто зовёт к войне, суля скорый и дешёвый успех: войны начинают в расчёте на короткую, а тонут в долгой; и редко кто, ввязавшись, выходит таким, каким входил. Сочти наперёд не только, что надеешься добыть, но и что наверняка потеряешь — жизни, годы, добро, и своё, и чужое; взвесь, стоит ли цель этой цены. Часто, всё подсчитав честно, увидишь, что и худший мир дешевле такой победы. Кто считает цену войны загодя, тот реже льёт кровь понапрасну.

Будь великодушен к побеждённому

Одержав верх в войне, будь к побеждённому великодушен, ибо от того, каков ты в победе, зависит, будет ли прочен мир. Я же скажу тебе — мир, навязанный с жестокостью, унижением и грабежом, не мир, а лишь семя новой войны: втоптанный в грязь побеждённый затаит обиду и месть и поднимется при первом случае, и распре не будет конца.
Не добивай поверженного, не топчи его в прах, не дери с него три шкуры и не унижай сверх меры; дай ему встать, сохранив достоинство, протяни руку к примирению, наведи золотой мост, о котором сказано там, где речь о враге. Великодушный победитель обращает вчерашнего врага если не в друга, то в соседа, с которым можно жить; мстительный плодит себе вечного ненавистника. Истинная победа не в том, чтобы сокрушить врага вконец, а в том, чтобы после неё настал прочный мир. Кто умеет щадить побеждённого и мириться без злобы, тот побеждает дважды.

Берегись зовущих к войне

Берегись тех, кто легко и охотно зовёт к войне, — и вглядись, кто они и что им с того. Я же скажу тебе — нередко громче всех бьют в боевой барабан те, кому самим не идти под мечи: одни ищут на войне славы, другие — наживы, третьи — чтобы отвлечь народ от своих бесчинств или сплотить его враждою; а умирать и разоряться придётся не им, а простым людям, посланным на бойню. Не давай распалить себя кличами о доблести, о мести, о лёгкой и славной победе, не разглядев, кто и зачем тебя распаляет и кому достанется прибыль, а кому — могила. Те, что наживаются на войне или восходят на ней к власти, всегда найдут красивые слова, чтобы погнать других на смерть; а кровь прольётся чужая. Спрашивай: кто зовёт, кто заплатит и кто наживётся? Народы редко сами хотят войны — чаще их в неё втравливают те, кому она выгодна. Не будь дровами в чужом костре славы и корысти.

Хочешь мира — будь готов к войне

Желай мира — но, желая мира, готовься и к войне, ибо мир добывается не одними благими пожеланиями. Я же скажу тебе — не все соседи твои настроены столь же миролюбиво, как ты, и беспечная слабость не отвращает

беды, а накликает её: незащищённое, беззащитное добро — соблазн для всякого хищника, и неготового к отпору бьют первым.
Оттого, любя мир и не ища войны, всё же не пренебрегай защитою: взращивай и крепи своё — но и держи наготове силу оборонить взращённое, чтобы охочему до чужого было неповадно зариться. Сама готовность к отпору нередко и хранит мир вернее всего, ибо разумный враг не нападёт на того, кто силён и собран, а кинется на разомлевшего и безоружного. Это не призыв грозить и нападать — о тех, кто рвётся воевать, сказано особо; это о трезвой бдительности: не верь, что мир вечен сам собою, и не разоружай сердца и руки в надежде на одно лишь чужое добронравие.

Держи честь и на войне

И на войне держи честь и данное слово, даже в обхождении с врагом. Я же скажу тебе — война развязывает руки на многое, но не на всё: перемирие, заключённое с врагом, соблюдай; посла и парламентёра, пришедшего для переговоров, не трогай, хотя бы он и был от ненавистного супостата; условия сдачи, обещанные сложившему оружие, исполни.
Вероломство на войне — низость вдвойне: обмануть доверившегося перемирию, перебить сдавшихся, кому обещана была пощада, ударить под видом мирных переговоров — это не доблесть и не хитрость, а бесчестье, что пятнает и победу. Враг, что верит твоему слову, должен иметь возможность ему верить, иначе и сам ты лишаешься всякой веры, и всякая будущая сдача и всякий мир делаются невозможны, ибо кто же поверит клятвопреступнику. Честь воина не в том лишь, чтобы храбро биться, но и в том, чтобы и с врагом быть верным слову. Кто на войне предал доверие, тот опозорил себя вернее, чем если бы проиграл с честью.

Не передавай вражду детям

Когда война отгремит, не сей вражды на века и не передавай ненависть детям своим как наследство. Рана, которую нарочно бередят и не дают зажить, гноится без конца; и народ, что лелеет старую ненависть и растит детей на жажде мести, сам готовит себе новую войну, ибо отомщённая месть рождает месть ответную, и нет тому конца.
Кончив воевать, обращайся к исцелению: похорони мёртвых, перевяжи раны, восстанови разрушенное, а пуще всего — не разжигай в новом поколении той злобы, что губила прежнее. Помни павших, но не учи внуков ненавидеть внуков бывшего врага за дедову кровь; разорви этот круг, как сказано и о том, чтобы не передавать дурное по роду. Вчерашние смертельные враги становились добрыми соседями, когда находили в себе силу простить и начать заново; а кто вечно ворошит старые обиды, тот вечно и воюет. Прошлое чти, но живи будущим; на ненависти, передаваемой из рода в род, не построить мира.

Усобица злее войны с чужими

Если внешняя война — бедствие, то усобица, война внутри одного народа, меж своими, — злейшее из бедствий. Я же скажу тебе — там брат идёт на брата, сосед на соседа, и нет в такой войне ни правых, ни победителей: победив, народ побеждает сам себя, и раны её заживают дольше и тяжелее всех прочих, ибо разделили они не чужих, а кровных.
Дом, разделившийся в самом себе, не устоит; и народ, расколотый враждою на части, грызущие друг друга, обессилеет и падёт — если не от своей руки, то станет лёгкой добычей внешнего хищника, что только и ждёт чужой смуты. Оттого пуще берегись раздувать внутреннюю рознь, сеять ненависть меж частями своего народа, звать одних истреблять других; и не давай распалить себя тем, кто на такой розни наживается или рвётся к власти, о чём сказано особо. Согласие меж своими дороже многих побед над чужими; и кто мирит расколотые дома, делает дело большее, чем покоритель чужих земель.

Среди чужих

Старайся не выделяться без нужды внешним видом из тех, кто тебя окружает. Такова уж людская природа: непривычное и бросающееся в глаза будит настороженность, а то и открытую неприязнь, прежде всякого знакомства. Особенно помни об этом, попав в чужие края: с чужеземца и спрос втрое, и взгляд на него пристальней, и всякая твоя странность толкуется не в твою пользу. Слиться с местным обличьем — не угодливость и не отказ от себя, а простая осмотрительность: чем меньше ты дразнишь чужой глаз, тем спокойнее тебе живётся и делается дело. Береги непохожесть для тех, кто уже узнал тебя; перед чужими не выставляй её вперёд себя.

Чужая страна

Оказавшись в чужой стране, всякий час помни, что ты — лицо своего народа. Я же скажу тебе — сколь бы ни было мало твоё звание, по твоим делам и речам чужие будут судить обо всех твоих соплеменниках, ибо тебя одного они и видят перед собою вместо целого народа.
Чти и соблюдай законы, обычаи и порядки той земли, на которой гостишь, покуда ты на ней, — как чтил бы их хозяин в своём доме. И помни, что даже малый твой проступок на чужбине может дать долгие и тяжкие последствия — и тебе, и тем, чьё имя ты невольно несёшь. Гость дурной позорит не себя одного, а весь свой род; гость достойный — добром поминается за всех. Веди же себя на чужбине так, будто за тобою смотрит вся твоя земля и весь твой народ.

Привечай пришлого

Привечай пришлого — чужеземца, переселенца, беглеца от беды — и не угнетай его за то лишь, что он чужой: помни, что и твои когда-то были где-то чужаками, и неведомо, не придётся ли тебе или твоим стучаться в чужие двери.

Я же скажу тебе — гость, что пришёл с миром и чтит обычаи приютившей его земли, достоин доброго приёма.
Но гостеприимство — связь о двух концах, и у гостя есть свой долг перед хозяином: уважать дом, в который вошёл, и порядки земли, что его приютила. Кто же платит за приют презрением — глумится над обычаями приютивших, бесчинствует и тщится насадить в чужом доме свои порядки взамен заведённых, — тот сам рвёт нить гостеприимства, и такому хозяин вправе указать на дверь. Гость — не завоеватель, и кров, данный из доброты, не есть право распоряжаться в чужом дому. Привечай пришедшего с уважением — и того же по справедливости жди от него.

Патриотизм без вражды

Люби свою землю, свой народ и его наследие — но любовь эта да не оборачивается враждою и презрением к народам иным. Я же скажу тебе — можно сердцем держаться родного и в то же время чтить в чужом человеке такого же человека; одно другому не помеха, и кто любит своё, не обязан для этого ненавидеть чужое.
Берегись тех, кто зовёт любовью к родине одну лишь ненависть к другим и мерит преданность громкостью презрения к чужим: это не любовь, а её подделка, и приводит она не к величию, а к крови. Истинная любовь к своему народу хочет ему добра, а не превосходства над всеми; и можно быть сыном своей земли и гражданином всего света разом. Твой народ дорог тебе — но он не выше человечества, а часть его. Люби своё, не унижая чужого; кто возвышает родное, топча иное, тот служит не родине, а своей гордыне.

Изучай историю

Всякому человеку важно уделять время изучению истории. Я скажу тебе — зная былое, яснее понимаешь нынешнее: те же страсти движут людьми, те же ошибки повторяются из века в век, и кто знает, чем они кончались прежде, тот не наступит вслепую на старые грабли.
История — это опыт, оплаченный чужою кровью и отданный тебе даром; глупо не взять его, а учиться всему наново на своих синяках. Народ, не помнящий своего прошлого, обречён топтать его круги сызнова, принимая давно бывшее за небывалое. Читай о делах минувших не как сказку для досуга, а как науку для нынешнего дня. Кто забыл вчерашнее, тот не поймёт сегодняшнего и оплошает в завтрашнем.

В истории беды повторяются

Изучая прошлое, замечай, как повторяются в нём одни и те же беды и безумия, ибо природа человеческая мало меняется из века в век. Я же скажу тебе — те же страсти — жадность, гордыня, властолюбие, злоба, страх — двигали людьми и

тысячу лет назад, и оттого та же, в сущности, пьеса разыгрывается вновь и вновь, лишь с новыми лицами и в новых одеждах.
Восходят и рушатся царства, надмеваются и падают гордецы, тираны притесняют и бывают свергнуты, толпы беснуются и каются, — и всё по схожим причинам и схожим чередом. Кто знает историю, тот узнаёт в нынешнем уже виденное и может предвидеть, к чему оно идёт, как лекарь по знакомым признакам узнаёт ход болезни. А не знающий прошлого слеп в настоящем и обречён вновь набивать те же шишки, что набивали до него, не научась на чужой беде. Учись на ошибках прежних, чтобы не повторять их, — в этом одна из главных выгод от знания былого.

Лучшая победа — не состоявшаяся война

Не тот искусен, кто выиграл сто сражений, а тот, кто отвёл войну от своего дома, не обнажив меча. Я же скажу тебе — всякое сражение, даже выигранное, есть убыток: за него платят людьми, которых больше не будет, и годами, которых не вернуть. Оттого умный полководец меряет успех не числом побед, а тем, сколько его людей осталось жить и цела ли его земля.
И знай, чем отводится война: не мольбами и не покорностью, а тем, чтобы нападение стало для чужого невыгодным. Сила, о которой все знают, воюет реже слабости; союзы, заключённые загодя, стоят полков; запасы, сделанные впрок, сберегают города. Кто разорил врага, разорив при этом и себя, тот не победил, а лишь пережил; и дети его будут расплачиваться за такую победу.

Знай себя и знай нападающего

Сведения стоят полков, и добываются они дешевле. Я же скажу тебе — прежде чем считать копья, спроси о пришедшем: чего он хочет на самом деле, ибо кричат обыкновенно не о том; чем он кормится и откуда идёт к нему хлеб; чего он боится; кто стоит за его спиной; и сколько он может тянуть, прежде чем у него дома спросят, ради чего всё это.
Себя же знать ещё важнее, и это труднее: люди перед войной привыкли верить о себе доброе. Сочти без утешений, чего у тебя вправду довольно, а чего нет; кому в твоём войске можно верить, а кому лишь кажется, что можно; где твои дороги, склады и мосты, потеряв которые ты станешь беспомощен.
Полководец, обманувший себя, губит своих вернее вражеского удара, ибо враг бьёт по войску, а такой — по надежде.

Не принимай боя на условиях сильного

Пришёл тот, кого в лоб не одолеть? Тогда не становись там, где он хочет, и не давай ему той битвы, которой он ищет. Я же скажу тебе — слабейший проигрывает не оттого, что слаб, а оттого, что соглашается воевать по чужому уставу.

Уклоняйся от крепкого и бей в пустое. Тревожь, изматывай, наноси тысячу мелких уколов вместо одного большого удара, которого он ждёт и к которому готов. Держись своей земли — рек, лесов, гор, распутицы и зимы, которые ты знаешь, а он нет. Меняй пространство на время, когда иначе нельзя: время воюет за того, кто дома. И помни, что всякое войско, ушедшее далеко от своего дома, слабеет с каждой верстой — растягивается обоз, дорожает хлеб, устают люди, — а твоё, отступая, к дому приближается.

Расстрой союз нападающего

Редкий сильный идёт один: за ним обыкновенно стоят те, кто дал ему деньги, дорогу, оружие или молчаливое согласие. Я же скажу тебе — гляди не только на его войско, но и на эти руки; отвадив их, ты отнимешь у него половину силы, не потеряв ни одного своего человека.
Союзы держатся не любовью, а выгодой и страхом, и оттого разбираются разумом. Покажи стоящим за ним, что эта война обойдётся им дороже обещанного; напомни каждому о его собственных заботах, которые ему дороже чужой славы; предложи то, что для них ценнее их доли в его добыче. Не оскорбляй тех, кого хочешь отколоть, и оставь им дорогу отойти без позора: и человека, и державу отвратить легче, если не требовать при этом покаяния.

Обороняющийся крепче нападающего

Не отчаивайся оттого, что пришедший сильнее: у обороны есть своя, отдельная сила, которой у нападения нет. Я же скажу тебе — ты стоишь на своей земле, среди своих людей, у своих запасов и своих дорог; он же всё это несёт с собою и теряет по пути. Ты дерёшься за дом, он — за приказ, а это разное топливо и горит по-разному.
У всякого наступления есть предел, за которым оно выдыхается само, — и мудрость обороняющегося в том, чтобы дожить до этого предела, не расточив себя раньше. Оттого не держи всякий клочок земли ценою войска: земля возвращается, войско — нет. Умей отступить, не сломавшись: сохранённое войско есть незаконченная война, а с разбитым придет и поражение.

Воюй с войском, а не с народом

Иные в ярости жгут чужие сёла и мстят чужим женщинам и старикам за то, что сделали вооружённые. Я же скажу тебе — кроме того, что это порча и позор, это ещё и глупость: врагов у тебя от такого не убывает, а прибывает, и на место одного убитого воина встают трое, которым теперь есть за кого мстить.
Пленному дай воду, раненому — лекаря, сдавшемуся — жизнь. И это не одна доброта, но и трезвый расчёт: где знают, что сдаться безопасно, там сдаются охотно и рано; а где верят, что пленных режут, там дерутся до последнего и стоят тебе десятерых. Оттого милость к сдавшемуся есть оружие, которое не ржавеет, и слух о ней бежит впереди твоего войска.

Никакая война не бывает короткой

Всякая война на памяти людской начиналась с обещания, что к осени всё кончится. Я же скажу тебе — считай наперёд не первый месяц, а третий год: чем станешь кормить, чем платить, кем заменять павших, на что чинить и как жить, когда всё это кончится.
И берегись того, кто зовёт воевать и при этом не может ответить на три вопроса: чем это кончится, сколько это будет стоить и на что мы станем жить после. Не может — значит, он либо не думал, либо думал не о тебе. Кто входит в войну, не сочтя третьего года, тот выигрывает первые сражения и проигрывает войну, а после удивляется, как же так вышло.

Воля — последняя крепость

Города берут, поля вытаптывают, войска рассеивают — а война всё идёт, покуда есть кому не сдаться. Я же скажу тебе — воля народа есть последняя крепость, и всякий умный нападающий бьёт именно в неё: страхом, слухом, усталостью, обещанием, что сопротивление бессмысленно.
Оттого береги волю своих как крепость и чини её как крепость. Не лги им: солгавший своим готовит себе поражение, ибо, поймав тебя на первой лжи, они не поверят и правде, когда она станет всего нужнее. Корми, вывози раненых, хорони мёртвых по чести и говори людям, ради чего всё это, — воюющий, знающий, ради чего он терпит, выносит втрое. И знай напоследок: ту же крепость надо беречь и после войны, ибо победивший народ, изнурённый и озлобленный, часто проигрывает мир, который выиграл на поле.

Историю пишут победители

Помни, читая летописи и предания, что историю чаще всего пишут победители и сильные, и оттого она нередко пристрастна. Я же скажу тебе — кто победил, тот и рассказывает, как было дело, — себя обеляя и возвеличивая, врага своего черня; и побеждённые, и слабые, и неугодные молчат в той повести или оболганы, ибо некому было записать их правду.
Пока у льва нет своего сказителя, рассказ об охоте всегда будет славить охотника. Оттого не принимай всякую дошедшую до тебя повесть о былом за чистую правду; спрашивай: кто это писал, на чьей он стороне, что ему было выгодно представить так, а не иначе, чья правда в этом рассказе умолчана? Доискивайся, сличая разные свидетельства, до того, как оно было на деле, за тем, как о том рассказали. Это не значит ничему не верить; это значит не верить слепо и помнить, что и прошлое доходит до нас сквозь людскую пристрастность, как и вести о настоящем.

Не мерь прошлое нынешней меркой

Судя о прошлом и о живших прежде, не мерь их одною лишь нынешнею меркою, забывая, в какое время и в каком неведении они жили. Я же скажу тебе — легко из нынешнего дня свысока осуждать предков за то, чего они не знали и не могли знать, за обычаи их века, которые нам дики, а им казались естественны; но и ты — дитя своего времени, и потомки твои найдут немало дикого в том, что нынче и тебе кажется в порядке вещей.
Старайся понять людей прошлого в их времени, прежде чем судить: отчего они думали и поступали так, что знали и чего не знали, какими были их обстоятельства. Это не значит оправдывать всякое зло ссылкою на «такие были времена»: и в любой век были те, кто видел неправду неправдою, и злодейство злодейством зови, когда оно злодейство. Но не презирай огульно всех живших до тебя как глупцов и извергов лишь за то, что они не доросли до твоего нынешнего разумения. Понимай прошлое, а не только суди его свысока; и к предкам будь так же справедлив, как хотел бы, чтобы потомки были к тебе.

Ни поклонения, ни презрения к старине

В суждении о былом берегись двух крайностей: и слепого поклонения старине, и слепого презрения к ней. Я же скажу тебе — одни вздыхают о неком золотом веке, что был будто бы весь свет и благо, а ныне всё-де испортилось; другие мнят всё прежнее сплошь тьмою и дикостью, а себя — вершиною всех времён. И те, и другие неправы.
Не было ни золотого века, в котором всё было дивно, ни века сплошь тёмного, в котором не было ничего доброго: во всякую пору были и свет, и тьма, и мудрость, и глупость, и доброе, что стоит беречь, и дурное, что счастье изжить. Оттого не равняйся слепо на прошлое, твердя «отцы знали лучше» там, где они заблуждались; но и не отметай его огульно, теряя добытую веками мудрость лишь оттого, что она стара. Бери из наследия былого зерно и отметай плевелы, не хватай всё подряд и не выбрасывай всё разом. И прошлое, и нынешнее суди по правде, а не по одной любви или нелюбви к старому.

Берегись переписывающих прошлое

Берегись тех, кто стирает, искажает и переписывает прошлое в угоду себе, и дорожи правдивой памятью. Кто хочет владеть умами в настоящем, тот нередко принимается переделывать прошлое: вымарывает неугодное, измышляет небывшее, лепит из былого удобную себе сказку, ибо народ, у которого отняли и подменили память, легче обмануть и повести куда угодно. Не давай переписать у себя память о том, что было на деле; храни свидетельства, сличай, не верь тем, кто велит забыть одно и помнить выдуманное другое. Народ, забывший или давший исказить своё прошлое, теряет опору под ногами и становится игрушкою всякого, кто подсунет ему ложную повесть взамен истинной, хоть бы даже истинная была неприглядна. Правда о былом — достояние, которое стоит беречь, как берегут от огня летописи и книги, о чём сказано особо. Кто владеет прошлым, тянется владеть

и будущим; оттого свободный человек и свободный народ дорожат неподменной, честной памятью и не дают её ни выжечь, ни переписать.

Знание — сокровище, книга — его вместилище

Знание — величайшее из сокровищ, какими может владеть человек, а книга — вместилище знания, в котором ум одного поколения передаётся другому. Оттого книгу должно беречь и передавать дальше, как драгоценность рода, и тем паче нельзя допускать её истребления.
За долгую историю в войнах, пожарах и гонениях безвозвратно сгинуло несметное множество книг, и кто скажет, каких высот достигло бы уже человечество, не утрать оно того знания, что обратилось в пепел. Трудно вообразить потерю горше: погибший человек уносит с собою одну жизнь, погибшая книга — труд и мудрость многих. Жечь книги — всё равно что убивать ещё не рождённых, что могли бы научиться по ним. Береги написанное и передавай дальше: в этом тонкая нить, на которой висит память рода людского.

Знание — сила народа

Знай, что знание и просвещение — величайшее богатство и сила народа, дороже золота и крепче стен. Я же скажу тебе — золото можно отнять, стены разрушить, а знание, накопленное и переданное, пребудет и взрастит новое; народ учёный, умелый и просвещённый силён и свободен, а народ невежественный — слаб, беден и легко обращаем в стадо.
Невежество — та тьма, в которой человеком и народом легче помыкать, обманывать его и держать в страхе; оттого тираны и плуты во все века не любили просвещения и держали народ в темноте, ибо неучёным и легковерным проще править к своей выгоде. Свет знания, напротив, освобождает: кто знает и умеет, того труднее обмануть и поработить. Цени учёность и умение — и в себе, и в народе своём; пёкись о просвещении, ибо в нём — и сила, и достаток, и свобода. Народ, что чтит знание, восходит; что коснеет в невежестве, прозябает и падает в чужую власть.

Чти учителей, учи юных

Береги и чти учителей и пекись о научении юных, ибо в том, как учишь детей, — всё будущее народа. Я же скажу тебе — что посеешь в юные умы, то и взойдёт через годы во всём обществе; учитель сеет то, что пожнут все, и труд его, хоть и тих и небогат, — из важнейших, какие есть.
Не жалей сил и средств на то, чтобы дети росли учёными, умелыми и добрыми: невежество одного поколения отзовётся бедами в следующем. Чти наставника, что открывает юному уму свет знания, и не ставь его ниже тех, кто богат и знатен, ибо он строит то, на чём всё после стоит. И пусть учение будет доступно не одним избранным, а насколько возможно всем: чем больше в народе

разумных и сведущих, тем он крепче, ибо великие дарования родятся всюду, да гибнут без научения. Народ, что бережёт учителей и учит всех своих детей, сеет себе обильную жатву; что небрежёт тем — обрекает себя на скудость.

Делись знанием — его станет больше

Не запирай знание в себе, как скупец золото, а делись им, ибо знание тем и дивно, что, отданное, не убывает, а множится. Я же скажу тебе — отдашь другому деньги — у тебя их меньше; передашь другому знание — у тебя его не убыло, а в мире его стало больше; как от одного огня можно зажечь тысячу огней, и первый не погаснет.
Оттого учи тому, что знаешь и умеешь, других, особенно молодых; записывай и передавай добытое, чтобы не пропало с тобою; не уноси в могилу того, что могло бы послужить идущим следом. Тот, кто копит знание лишь для себя или уносит его непереданным, обкрадывает грядущих; а кто щедро сеет своё знание и уменье, тот живёт и после смерти в плодах своих учеников. Знание растёт, передаваясь из рук в руки и из века в век, и каждый, кто прибавил к нему своё и передал дальше, есть звено в великой цепи, что ведёт род людской от тьмы к свету. Делись светом — от того его лишь больше.

Чти искателей истины

Чти тех, кто ищет истину и расширяет знание, — пытливых, испытующих мир, открывающих новое; и не гони, не казни их за то, что найденное ими непривычно или колет чьи-то устоявшиеся мнения. Не раз бывало, что искавших правду о мире и природе вещей преследовали, затыкали им рот, а то и казнили те, кому новое знание было поперёк их веры, выгоды или власти; но истину этим не отменишь — задушенная, она всё равно после выходит на свет. Не уподобляйся гонителям знания: не страшись нового и непривычного, не запрещай искать и спрашивать, не объявляй ересью всякую мысль, что расходится с принятым. Тот, кто сегодня говорит неслыханное, завтра порой оказывается прав, и гнавшие его покрываются позором в глазах потомков. Дай пытливому уму искать свободно и проверять; ошибётся — поправят другие искатели, а найдёт правду — обогатит всех. Гонитель знания воюет с самою истиной и всегда в конце проигрывает ей, лишь оттянув её приход да опозорив себя. Знание двигали вперёд смелые и пытливые, а не те, кто жёг их книги.

Красота — не пустая роскошь

Не считай искусство, красоту, песню, сказание пустой роскошью и баловством: они — пища души и слава народа, без которой жизнь скудеет. Я же скажу тебе — не одним хлебом жив человек; ему нужно и прекрасное — то, что возвышает, утешает, роднит сердца, говорит о высоком и вечном; и народ узнаётся и помнится в веках по тому, что он создал прекрасного, не меньше, чем по битвам и богатству.

Цени и береги художника, певца, зодчего, сказителя — всех, кто творит красоту и хранит её; поддерживай искусства, ибо они врачуют душу, скрепляют людей общим чувством и переживают самих творцов, неся весть о них через века. Не презирай это как ненужное рядом с насущным: и насущное добывают веселее там, где есть и песня, и праздник, и красота. Народ без искусства — что дом без окон: сыто, да темно и уныло. Дай место в жизни и хлебу, и красоте; человек жаждет и того, и другого, и обделённый красотою беднеет душою.

Дорожи свободой мысли и слова

Дорожи свободою мысли и слова — и своей, и чужой, — ибо в свободном поиске и открытом споре скорее рождается истина, чем под спудом запретов. Я же скажу тебе — мысль не закуёшь и не запретишь указом: можно заткнуть рот, но не заставить думать, как велено; а общество, где запрещено мыслить и говорить иначе, чем предписано, костенеет, глупеет и гниёт, ибо нет ему как ни поправить своих заблуждений, ни родить нового.
На дурное и ложное слово отвечай лучшим, более правдивым словом и доводом, а не кляпом и не дубиной: запретом ты не опровергнешь заблуждения, а лишь загонишь его внутрь да придашь ему обаяние гонимого. Дай разным мнениям состязаться открыто — и в этом состязании правда крепнет, а ложь обнажается вернее, чем от любого запрета. Это не значит, что дозволено клеветать, подстрекать к злодейству или лгать без удержу — у слова есть и своя честь, и свои пределы, о коих сказано в иных местах; но искать, мыслить, сомневаться, спорить и высказывать передуманное должно быть вольно. Боящийся свободного слова боится правды; кто уверен в своей правоте, тот спора не страшится.

Бессловесные в твоей власти

Гляди, каков ты с тем, кто не может ни ответить, ни пожаловаться, ни отплатить. Я же скажу тебе — обхождение со зверем показывает человека вернее, чем обхождение с людьми: с людьми ты вежлив и по расчёту, и из опаски, а со скотиной ты таков, каков есть.
Оттого не бей животину, не морь голодом, не мучь ради потехи и не спускай этого другим, а всего строже — детям своим: кто мальчишкой мучил кошку без укора, тот вырастает с изъяном, который после уже не выправишь. Жестокость не разбирает, на ком упражняться, и рука, привыкшая к безответному, легко поднимется и на слабого человека. Не нужна тебе для доброты причина; довольно того, что оно живое и чувствует боль так же, как ты.

Убивай лишь по нужде

Человек кормится и одевается от животных, и в том нет вины: так устроен свет, и всякое живое живёт за счёт живого. Я же скажу тебе — но одно дело убить по нужде, а другое — ради забавы или тщеславия, и разница эта велика.

Убил для пропитания — возьми всё, что можно взять, и не дай пропасть напрасно ничему: небрежение к взятой жизни хуже самой охоты. А убивающий для развлечения, ради потехи или ради одной лишь части — рогов, шкуры, клыка, — бросая остальное гнить, творит мерзость, как бы ни называл её забавой и доблестью. Нет доблести в стрельбе по тому, кто не может тебе ответить. И не делай из живого зрелища: тот, кто ради потехи толпы травит зверя или гоняет его в неволе, потешает не людей, а худшее, что в них есть.

Взял под руку — отвечай

Взявший животное к себе в дом берёт на себя и жизнь его целиком, ибо оно уже не прокормится само. Я же скажу тебе — эта ноша не на день и не на год: взял — корми, лечи, укрывай от стужи и не бросай, когда наскучит или станет в тягость.
Всего постыднее человек, что берёт живое ради забавы, а после выкидывает его на улицу, когда оно выросло, захворало или надоело; таковой предал того, кто ему доверился безоглядно, — а доверие бессловесного полнее всякого людского. Состарившемуся служителю твоему воздай уходом за годы его службы: не гони одряхлевшего пса и не бросай отработавшую лошадь. И детей своих приставь к этой заботе смолоду — научившийся отвечать за бессловесное легче научится отвечать за людей.

Земля дана взаймы

Не думай, будто земля, вода и воздух достались тебе в полную собственность и волен ты делать с ними что вздумается. Я же скажу тебе — ты получил их не в наследство от отцов, а взаймы у детей, и отдать придётся не худшими, чем взял. Река, отравленная ради выгоды одного, отравлена для всех, кто пьёт из неё ниже по течению, и для тех, кто станет пить через сто лет. Лес, сведённый подчистую, не вырастет при твоей жизни, а земля, истощённая жадностью, не родит и внуку. Бери у земли столько, сколько нужно, и оставляй ей силы восстановиться: так поступает разумный хозяин со своим полем. Всякий, кто гадит там, где живёт, надеется обыкновенно, что расплата придётся не на его век, — и это самый низкий из расчётов, ибо расплачиваться будут те, кто не может тебе возразить, потому что ещё не родился.

Не сори там, где живёшь

Свет, в котором ты живёшь, есть общий дом, а не постоялый двор, где после тебя приберут. Я же скажу тебе — человек, бросающий сор мимо, ломающий деревце от нечего делать, пакостящий в общем месте оттого, что оно ничьё, показывает не удаль, а мелкую душу: ему не жаль ничего, что не лежит в его кармане.
Не жди указа, чтобы не гадить, и не мерь себя по соседу, что гадит хуже. Оставляй место, где побывал, не хуже, чем застал, — правило это просто и

годится везде: в лесу, на улице, в общем дворе, в чужом доме. Малая опрятность в общем стоит дороже, чем кажется: там, где всякий бережёт немногое, вокруг которого ходит, — там чисто у всех, а где всякий ждёт уборщика — там грязно и у него самого. Земля терпелива, но не бесконечна.

Береги наследие предков

Береги наследие, доставшееся тебе от прежних, — язык, песни, предания, ремёсла, обычаи, накопленную мудрость — и передавай его дальше, не дав ему угаснуть на тебе. Я же скажу тебе — всё это создавалось веками, по крупице, трудами бесчисленных людей до тебя, и утратить это легко в одночасье, а воротить уже нельзя; народ же, растерявший своё наследие, теряет и самоё себя, как дерево, отсечённое от корня.
Не пренебрегай родным языком, не дай заглохнуть старым песням и сказаниям, не утрать древних умений и ремёсел — в них душа и память народа. Это не значит замкнуться в своём и чуждаться чужого: бери доброе и у других, учись полезному у иных народов, ибо и тем богатеет культура; но, открываясь чужому, не теряй и своего, не меняй родного наследия на чужой блеск по неразумию. Прими сокровище былого из рук отцов, прибавь к нему своё и передай детям приумноженным, а не растраченным. Кто хранит и передаёт наследие, тот связует времена; кто его рвёт и теряет, обрывает нить, что вела народ через века.

Круг пятый. Ты и истина

Основание: себе — своё, другим во вред — под суд

Положи в основу твоих суждений о дозволенном простое правило. Всё, что человек делает с самим собою и что не вредит никому другому, есть его право, и не тебе судить его за это. Но всё, что человек делает с другими, подлежит суду по тому вреду, который он причиняет. Этой мерой отделяй то, во что ты не вправе вмешиваться, от того, против чего ты обязан восстать.

Взаимность

Прежде чем поступить с человеком как-либо, примерь свой поступок на себя — стерпел бы ты того же от другого? Не нужно тебе ни закона, ни священных книг, чтобы отличить дурное от достойного, довольно лишь этой честной мерки. Тот кто лжёт, отнимает или унижает, никогда не пожелал бы того же себе, а потому в глубине знает за собой неправду, как бы складно себя ни оправдывал. И мир держится ровно настолько, насколько люди готовы мерить других той же мерой, что и себя. Сделай эту мерку привычкой ума, и большая часть твоих поступков выправится сама.

Мужские и женские занятия

Случается слышать от иных: «это не мужское дело» или «это не женское дело». Я же скажу тебе — такие приговоры удел недалёких; нет на свете дел мужских и женских, а есть лишь дела, к которым человек приложен или не приложен. Иной мужчина бывает даровит в том, что молва считает женским, и иная женщина — в том, что слывёт мужским, и нет в этом ничего зазорного. Пусть каждый занимается тем, в чём он хорош, не оглядываясь, мужчина он или женщина: дело спрашивает с делающего умения, а не пола. Запирать человека в кругу, очерченном для его пола, — значит зря терять и его дар, и труд, какой он мог бы дать. Способному не препятствуй по причине, к делу не идущей; меряй человека тем, что он умеет, а не тем, кем он рождён.

Добро и зло

Мир этот полон беззакония и неправды, и благонравный человек нередко вопрошает: «откуда же в нём столько зла?» Я же скажу тебе — большая часть зла на свете не от великих злодеев, а от небрежения и равнодушия: слишком

часто люди, видя беззаконие, проходят мимо — их-де не касается. Недаром сказано: чтобы зло восторжествовало, довольно бездействия добрых людей. Помни всегда, что зло, глупость и неправда, не встречая отпора, имеют свойство копиться, множиться и разрастаться; и порой, когда они коснутся наконец тебя самого, бороться с ними уже поздно — как с запущенной болезнью. Оттого, завидев заблуждение, зло или несправедливость, постарайся поправить их, коли это в твоих силах; а коли не по силам тебе самому — привлеки к ним внимание других, и прежде всего тех, кто властен их исправить. Иной скажет: «один я ничего не изменю» — и ошибётся: как целый дом сгорает от одной маленькой искры, так и малое твоё слово или дело способно повлечь за собою большие последствия. Не молчанием добра, а действием его и держится мир.

Истина выше удобства

Дорожи истиной выше удобства и приятности и не предпочитай ей сладкую ложь. Я же скажу тебе — много на свете утешительных обманов, в которые отрадно верить, и горьких правд, от которых хочется отвернуться; но кто любит себя и мир, тот хочет знать, как есть на деле, а не как приятнее думать. Сладкая ложь — что отравленное лакомство: мило на вкус, да губит; горькая правда — что лекарство: неприятна, да исцеляет. Не закрывай глаз на то, что есть, лишь оттого, что оно тебе не по нраву; не верь во что-либо лишь потому, что в это отрадно или выгодно верить. Кто строит жизнь на приятном самообмане, тот строит на песке, и рано или поздно правда, отвергнутая им, всё равно постучится и спросит за пренебрежение. Мужественно гляди в лицо тому, что есть, — ибо лишь зная правду, можно с нею что-то поделать; а закрывший на неё глаза остаётся беззащитен перед нею. Люби истину, хотя бы она была и не в твою пользу.

Память не сундук, а рассказчик

Ты полагаешь, что помнишь бывшее так, как оно было. Я же скажу тебе — память не хранит целиком, а всякий раз пересказывает заново, и в пересказе прибавляет складности, вычёркивает лишнее и подгоняет прошлое под то, что ты думаешь о себе нынче. И, пересказав, ты веришь уже пересказу.
Оттого двое честных людей помнят одну ссору по-разному, и оба не лгут. Оттого старая обида с годами делается всё ясней и всё несправедливей: ты пересказывал её себе сотню раз и всякий раз слегка правил. Помни это в двух случаях. В споре о том, «как всё было на самом деле», не пари головой: свидетель бывает честен и всё же неправ, а самый уверенный рассказчик не самый верный. И в суде над человеком: жизнь его решается по чужой памяти, а память — рассказчик, и чем страшнее дело, тем меньше довольно одного лишь чужого «я хорошо помню».

Пристрастный ум видит желаемое

Размышляя о чём-либо, мы куда легче впадаем в ошибку, чем нам мнится. Я же скажу тебе — на суждения наши исподволь давят корысть, гордыня, гнев, прежние ложные убеждения и даже минутное расположение духа; ими-то и вымощена прямая дорога к искажению истины.
Оттого приучайся взвешивать события и собственные мысли отстранённо и беспристрастно, будто глядишь на них со стороны, а не из гущи своих желаний и обид. Спрашивай себя не «что мне приятно думать?», а «как оно есть на деле?» — и отделяй, где в твоём суждении истина, а где лишь твоя выгода, наряженная под истину. Лишь постоянно упражняясь в таком отрешённом размышлении, ты станешь видеть подлинную природу вещей. Пристрастный ум видит не то, что есть, а то, что ему хочется видеть.

Труднее всего — честность с собой

Труднейшая из всех честностей — честность с самим собою; берегись обманывать себя самого. Я же скажу тебе — других обмануть трудно, а себя — легче всего, ибо себе мы лжём охотно и незаметно: выдаём желаемое за действительное, оправдываем свои дурные дела красивыми причинами, не видим в себе того, чего видеть не хочется.
Глаз видит всё вокруг, а себя самого не видит без зеркала; так и ум зорок к чужим заблуждениям и слеп к своим. Оттого, как сказано уже о том, что корысть и гордыня кривят наши суждения, особо строго проверяй те мысли, в которые тебе приятно и выгодно верить, и те оправдания, что ты находишь своим поступкам: тут-то ты и обманываешь себя вернее всего. Спрашивай себя честно: правда ли это — или лишь то, во что мне хочется верить? Не лгу ли я себе, чтобы не глядеть в глаза неприятному о себе? Кто научился не обманывать себя, тот сделал труднейший шаг к мудрости; ибо легче всего одурачить того, кто сам себе лжёт.

Следуй за истиной, куда ведёт

Ищущий истину должен быть готов следовать за нею, куда бы она ни вела, — хотя бы против собственного желания, выгоды и прежних своих убеждений. Я же скажу тебе — нечестен тот искатель, что ищет не правды, а подтверждения тому, во что уже уверовал или что ему выгодно; такой видит лишь то, что хочет видеть, и отворачивается от всего, что против.
Не подгоняй истину под свои желания, не отбрасывай довод лишь потому, что он тебе неудобен или исходит от противной стороны, не держись за мнение лишь оттого, что оно твоё или твоих. Если правда оказалась не такой, какой ты её хотел, — прими её такою, какова она есть, а не такою, какой тебе любо; и если она велит тебе переменить взгляд, перемени, как сказано и о готовности менять мнение. Любящий истину идёт за нею и тогда, когда она ведёт прочь от его прежней веры, его выгоды, его лагеря. Гнущий истину под себя не найдёт её, а лишь утвердится в своём заблуждении.

Семь раз проверь — раз поверь

Не верь всему, что слышишь и читаешь, легко и сразу, а испытывай и проверяй, прежде чем принять за правду. Я же скажу тебе — доверчивый ум, глотающий без разбора всё, что ему скажут, — лёгкая добыча для всякого обманщика, заблуждения и небылицы; разумный же не спешит верить, а взвешивает: правдоподобно ли это, откуда взято, есть ли тому доброе доказательство.
Особо проверяй то, что складно, громко и со всех сторон твердят, и то, чему верить тебе приятно, — тут обман подстерегает вернее всего, о чём сказано и о лжи, повторённой хором. Спрашивай: кто это говорит и почему, на чём это основано, согласны ли в том и другие, испытавшие дело? Не будь, однако, и из тех, кто из упрямства не верит ничему и сомневается даже в очевидном, — это другая крайность и тоже глупость. Держись середины: не легковерен и не упрям, а вдумчив; принимай за правду то, что выдержало проверку, и сомневайся в непроверенном. Семь раз проверь — один раз поверь.

Истина открывается по частям

Помни, что истина одна, но людям открывается она с разных сторон и по частям, и твой взгляд на неё — почти всегда лишь часть, а не вся она целиком. Я же скажу тебе — рассказывают, как слепцы ощупывали слона: один, взяв за ногу, сказал «слон как столп»; другой, тронув хобот, — «как змея»; третий, ухо, — «как опахало»; и всякий был по-своему прав в своей части, да неправ, приняв часть за целое.
Так и люди: каждый видит истину со своего места, под своим углом, и оттого спорят, приняв свой край за всю её. Не будь самонадеян, полагая, будто тебе одному она открылась вся, а прочие слепы; вернее, и ты видишь лишь грань. Оттого, ища истину, складывай свой взгляд с чужими, выслушивай видящих с других сторон — так полнее обнимешь целое, чем озирая с одного своего места. Спорящие нередко правы каждый отчасти, да приняли свою часть за всё. Кто помнит, что видит лишь грань, тот ближе к истине, чем уверенный, будто объял её всю.

Познанию нет предела, кроме смерти

Путь постижения в этой жизни ограничен лишь твоею смертью — иного предела ему нет. Я же скажу тебе — часто, уразумев какую-нибудь истину, мы тем и довольствуемся и останавливаемся; но так-то и впадают в ошибку и стопорятся в пути, приняв первый проблеск за полный свет.
Сперва приложи старание и усердие, чтобы понять; а поняв, не успокаивайся, но многократно поверяй усвоенное, дабы убедиться, что схватил суть, а не её подобие. Считай всегда, что ты ещё не достиг полного понимания, и тянись к нему дальше: истина не боится проверки, её боится лишь заблуждение. Только пребывая в постоянном поиске, размышлении и проверке себя, ты впустишь

свет в свой разум. Кто решил, что понял всё, тот закрыл себе путь; кто всё ещё ищет, тому и светит.

Принимай истину от кого угодно

Принимай истину и мудрость, от кого бы они ни исходили, — хоть от врага, хоть от малого ребёнка, хоть от человека простого и незнатного. Я же скажу тебе — не смотри, из чьих уст вышло слово, а смотри, истинно ли оно: золото не перестаёт быть золотом оттого, что подано в глиняной чаше или нечистой рукою.
Глупа гордость, что отвергает верную мысль лишь потому, что высказал её неприятель, или простак, или младший, или тот, кого ты считаешь ниже себя. И у врага бывает правота, которую стоит признать; и устами ребёнка глаголет порой простая истина, что ускользнула от мудрецов; и неучёный сосед иной раз скажет дельное, чего не доищешься в книгах. Бери зерно истины, где найдёшь, не брезгуя сосудом; а кто из спеси не желает учиться у тех, кого мнит ниже себя, тот сам себя обкрадывает. Мудрый берёт мудрость отовсюду; глупец и от мудреца не возьмёт, коли тот ему не по нраву.

Истина и суждение

Не спеши выносить окончательный приговор ни человеку, ни делу, ни слуху. Я же скажу тебе — время есть отец истины: что бы ни тщились скрыть, оно рано или поздно выводит на свет, и нет лжи столь искусной, чтобы устоять перед ним.
Позолота на дешёвом металле блестит не хуже золота, пока нова; но дай срок — она сотрётся, и проступит то, что под нею. Так и людская показуха, и ложное величие, и наветы на честного: время изотрёт позолоту с одних и смоет грязь с других. Кто поспешил поверить блеску или клевете, тот после не раз устыдится своей поспешности.
Оттого, столкнувшись с тем, чего не можешь проверить, не торопись ни осуждать, ни восхищаться. Скажи себе: поглядим, что покажет время, — и придержи суждение. Чаще всего довольно лишь подождать, и истина проступит сама, без всякого твоего усилия.

Учёность — не мудрость

Не смешивай учёность с мудростью: знать много — ещё не значит быть мудрым. Я же скажу тебе — можно вместить в голову премного сведений, прочесть тысячу книг и при том остаться глупцом в делах жизни, ибо мудрость не в количестве знаемого, а в умении судить здраво, видеть главное и поступать разумно и хорошо.
Бывают люди, как осёл, навьюченный книгами: несёт на себе груз учёности, а проку себе от неё не имеет, ибо не претворил её в разумение. И напротив, человек простой и неучёный бывает мудр житейски — рассудителен,

прозорлив, добр и верен в суждении, хоть и не читал мудрецов. Истинная мудрость есть знание, сплавленное со здравым смыслом, опытом и совестью; без них же и большая учёность — что острый меч в руке безумца: скорее во вред. Копи не одни сведения, а разумение; стремись не казаться знающим, а быть мудрым. Знание — материал, мудрость — умение им распорядиться.

Мудрость — знать нужное и жить по нему

Знай, что высшая мудрость — не в том, чтобы много ведать о далёком и отвлечённом, а в том, чтобы знать, как жить и как поступать. Я же скажу тебе — что пользы измерить пути звёзд и исчислить песчинки, если не умеешь управить собственную жизнь, обуздать свой гнев, выбрать достойное и отличить важное от пустого?
Иной знает имена всех царей и течение всех рек, а как прожить свой день по уму и совести — не ведает; такова учёность без мудрости. Истинно мудрый, может, и не учён во многом, да умеет главное: знает, что в жизни ценно, а что вздор, как держать себя в счастье и в беде, как обходиться с людьми, как встретить смерть; и это знание дороже всех прочих. Оттого, копя знания, не забывай о том, важнейшем знании — как жить хорошо и умереть достойно. Прочая учёность украшает, а это — спасает. Мудр не тот, кто много знает, а тот, кто знает нужное и живёт по нему.

Чем больше знаешь, тем шире неведомое

Заметь дивную вещь: чем больше человек узнаёт, тем яснее видит, как много ему ещё неведомо. Я же скажу тебе — невежда мнит, будто знает почти всё, ибо не ведает и пределов своего незнания; а истинно учёный смиренен, ибо с каждой познанной вещью открывается ему десяток новых загадок, как сказано уже о бесконечности пути и о скромности знающего.
Знание подобно острову в море неизвестного: чем больше остров, тем длиннее берег, граничащий с тайной, и тем больше видно, сколь необъятен окружающий океан непознанного. Оттого мудрейшие из людей всегда говорили о себе со смирением: «я знаю лишь то, что ничего не знаю». Не та глупость страшна, что чего-то не знает, — все мы многого не знаем; страшна та, что не знает и не желает знать своего незнания и потому самоуверенна и глуха. Чем выше ты взойдёшь в знании, тем шире откроется тебе окоём непознанного; и это не повод унывать, а повод к смирению и к радости, что есть ещё куда идти.

Умей сказать «не знаю»

Всякий раз, когда ты сказал «не знаю», ты потерял малость уважения у глупых и приобрёл много у разумных. Я же скажу тебе — люди боятся этих двух слов так, будто ими признают своё ничтожество; а между тем нет вернее приметы человека надёжного, чем умение прямо очертить край своего знания.

Погляди, чего стоит противное. Не знающий, но отвечающий, чтобы не показаться неучем, посылает других по ложной дороге; и чем увереннее он говорит, тем дальше они уйдут, прежде чем спохватятся. В деле лекаря, кормчего, строителя и судьи такая уверенность стоит жизней. Оттого приучись говорить ясно: вот это я знаю твёрдо, вот это предполагаю, а вот этого не знаю вовсе и знать не могу. И заметь: подлинно сведущие люди говорят так постоянно, а с апломбом рассуждают обыкновенно те, кто знает предмет по одному разговору.

Решай при неполном знании

Дожидаться, покуда всё станет ясно, — способ не решить никогда: полной ясности не бывает, а тот, кто медлит до неё, решает всё равно, только не выбором, а промедлением, и обыкновенно хуже. Я же скажу тебе — умение решать при нехватке сведений и есть работа разума, а не признак его слабости. Делай так. Собери, сколько успеешь в отведённый срок, и назначь этот срок заранее, не то будешь собирать до старости. Раздели вслух: вот известное, вот вероятное, вот неведомое. Спроси о цене ошибки — и выбирай ту дорогу, где ошибка поправима, ибо при равном незнании поправимое всегда лучше непоправимого. Испытай малым, где можно испытать. Назначь себе примету, по которой узнаешь, что ошибся, и срок, когда посмотришь на дело сызнова, — без такой приметы ты не узнаешь о своей ошибке никогда и будешь считать её удачей. И решив, действуй твёрдо: сомнение уместно до решения, а после оно только мешает рукам.

Переменить мнение — не позор

Люди держатся за раз сказанное крепче, чем за истину, и часто лишь оттого, что сказали это при свидетелях. Я же скажу тебе — тот, кто за десять лет ни разу не переменил ни одного своего мнения, не мыслил эти десять лет, а лишь повторял себя; и хвалиться ему нечем, хотя он обыкновенно и хвалится постоянством.
Меняй мнение, когда явились доводы, и делай это прямо: «я думал так, теперь думаю иначе, и вот отчего». Не выкручивайся, будто ты всегда это и имел в виду, — люди помнят и перестанут верить обоим твоим мнениям. Не жди, чтобы переубедивший тебя торжествовал: если он умён, он не станет; а станет — беда невелика, потому что прав всё равно окажешься ты, а не он. И спрашивай себя наперёд о всяком своём убеждении: что должно случиться, чтобы я признал его ложным? Не находишь такого — значит, это не убеждение, а привычка, и держишься ты за неё, как за старое кресло: не потому, что оно хорошее, а лишь потому что тебе в нем было удобно сидеть.

Скромность знания

Вернейший признак того, что человек мало смыслит в деле, — когда он заявляет, будто знает его в совершенстве. Я же скажу тебе — истинно сведущий, напротив, яснее прочих видит несовершенство своих познаний и оттого скромнее в речах и осторожнее в приговорах.
Чем меньше человек знает, тем ровнее и проще ему кажется предмет, и тем смелее он судит; чем больше знает — тем виднее ему все изломы и глубины, перед которыми всякая уверенность отступает. Громкая самоуверенность — чаще примета мелководья, а не глубины. Оттого не доверяйся тому, кто говорит, что постиг всё до дна, и не стыдись сам сказать «не знаю»: в этих словах больше ума, чем в ином многословном всезнайстве.

Путь совершенствования и смирение

Путь к совершенству бесконечен — и тем важнее идти им неустанно, не помышляя дойти до края. Я же скажу тебе — чем больше человек обретает знания и опыта, тем яснее видит он простор того, что ещё не постиг; невежде кажется, что он у вершины, а знающему открывается, как высока гора.
Не в том дело, чтоб однажды прийти, — прийти на этом пути нельзя, — а в том, чтоб всякий день делать шаг и быть хоть немного лучше вчерашнего себя. Осознав своё несовершенство и работая над ним без устали, ты смиришь гордыню, которая всего и держится на слепоте к собственному несовершенству, — и тем приблизишься к тому высшему, как бы ты его ни звал. Не корись, что путь без конца; радуйся, что есть куда расти. Совершенство — не место, куда приходят, а сторона, в которую идут.

У разума есть пределы

При всём почтении к разуму помни, что и у него есть пределы, и не всё на свете ему подвластно и доступно. Я же скажу тебе — разум — драгоценнейшее орудие, светоч, которым человек разгоняет тьму неведения; но есть тьма, которую и он не разгонит до конца, и тайны, перед которыми и мудрейший ум смолкает.
Не всё, что есть, можно измерить, исчислить и доказать; есть вещи, что больше нашего разумения, как море больше горсти, какою его черпают. Откуда всё взялось и к чему идёт, что есть жизнь, и смерть, и то, что за нею, отчего вообще есть нечто, а не ничто, — над этим бьётся мысль с начала времён и не исчерпывает дна. Оттого будь смиренен: пользуйся разумом во всю его силу, но не возомни, будто им одним можно объять и измерить всё сущее. Признавать предел своего понимания — не слабость ума, а высшая его зрелость. Мудрый знает не только то, что знает, но и то, что есть непостижимое для него.

Знание надмевает, мудрость смиряет

Примечай: пустое знание надмевает человека, а истинная мудрость его смиряет. Я же скажу тебе — кто нахватался верхов и возгордился своею

учёностью, кто чванится ею, презирает несведущих и спорит обо всём с видом всезнайки, тот выдаёт тем самым, что мудрости в нём мало, как бы много ни было сведений.
Пустая бочка гремит громче полной; и полузнайка обыкновенно самоуверенней и спесивее истинного знатока, ибо не ведает ни глубины предмета, ни своего незнания, о чём сказано особо. Истинно же мудрый — кроток и скромен: чем глубже он постиг, тем яснее видит, сколь немного знает даже он, и тем мягче судит, и тем меньше кичится. Оттого спесь и заносчивость в учёном — верный знак, что учёность его поверхностна; а простота и смирение — что глубока. Не учёностью своею гордись, а тем меряй себя, прибавила ли она тебе и доброты, и смирения. Знание, что надуло тебя спесью, ещё не стало мудростью.

Мудрость — из осмысленного опыта

Мудрость родится не из одних прожитых лет и не из одних прочитанных книг, а из опыта, осмысленного и обдуманного. Я же скажу тебе — иной прожил долгую жизнь, а не поумнел, ибо проживал её не думая, не извлекая уроков; годы сами по себе не приносят мудрости, как сказано и о том, что и седина не порука разуму.
Книги дают чужой опыт, жизнь — свой; но и тот, и другой делаются мудростью лишь тогда, когда ты над ними размышляешь, осмысляешь, извлекаешь урок, а не глотаешь без разбора и тут же забываешь. Переживший много, но не обдумавший пережитого, подобен наевшемуся, но не переварившему пищу: сыт, да не впрок. Оттого не просто живи и не просто читай, а размышляй над прожитым и прочитанным, спрашивай себя, чему оно тебя научило, что в нём правда и что урок. Так из опыта, пропущенного через размышления, и вызревает мало-помалу мудрость — медленно, как зреет доброе вино. Не года старят в мудрость, а размышления.

Передача знания

Достигая искусности и успеха в каком-нибудь деле, ты накапливаешь немалый опыт и знание. Я же скажу тебе — позаботься поделиться ими и передать их дальше; в этом и твой вклад в возрастание всех людей, и залог того, что дело твоё продолжит жить и развиваться, когда тебя уже не станет.
Знание, никому не переданное, умирает вместе со своим обладателем, и это горькая утрата — ибо добытое трудом целой жизни обращается в ничто, и идущим следом приходится начинать с пустого места там, где могли бы встать на твои плечи. Не уноси нажитого ума с собою в молчании; передай его ученику, слову, письму. Кто учит других тому, что узнал сам, тот длится в них и после смерти; кто таит — гаснет весь.

Держи убеждения со смирением

Имей убеждения, но держи их со смирением, помня, что и ты, как всякий человек, можешь ошибаться. Я же скажу тебе — иметь твёрдые взгляды хорошо, без них человек — что флюгер; но и держаться за них с такою слепою уверенностью, будто ты непогрешим, а все несогласные — глупцы и злодеи, — опасная гордыня ума.
Помни, что и ты видишь лишь грань истины, как сказано о слепцах и слоне, что и твои убеждения сложились из твоего ограниченного опыта, воспитания, времени, и что многое, в чём ты ныне твёрдо уверен, ты прежде мог считать иначе, а после, быть может, и переменишь. Оттого держи дверь своей уверенности приоткрытой: верь и стой на своём, но допускай, что можешь и заблуждаться, и слушай возражающего не как врага, а как того, кто, быть может, видит то, чего не видишь ты. Твёрдость в убеждениях хороша, спесь непогрешимости — нет. Будь твёрд в том, что считаешь истинным, и смирен в том, что можешь и ошибаться.

Берегись не знающих сомнений

Берегись людей, ни в чём и никогда не сомневающихся, абсолютно уверенных в своей правоте, — и в себе берегись такой уверенности. Я же скажу тебе — кто ни на миг не допускает, что может ошибаться, тот не проверяет себя, не слушает других, не останавливается перед сомнением — и потому ошибается крупнее и опаснее всех, да ещё и упорствует в ошибке до конца.
Сомнение есть узда: усомнившийся помедлит, переспросит, поостережётся; абсолютно же уверенный мчит напролом, не ведая узды, и оттого, что он так уверен, готов и на крайности. Замечено горько, что величайшие злодейства творились не столько злодеями, сколько людьми, до конца убеждёнными в своей правоте и в том, что творят благо. Оттого не доверяйся слепо тому, кто вещает с непоколебимой уверенностью, и сам не впадай в неё: чрезмерная уверенность чаще выдаёт не знание, а его недостаток, ибо знающий глубоко знает и свои сомнения. Толика сомнения в себе спасительна; полное отсутствие его — гибельно.

Берегись фанатизма

Пуще всего берегись фанатизма — слепой, яростной уверенности, что ты один знаешь высшую истину, а все инакомыслящие суть враги её и его. Я же скажу тебе — фанатик страшен тем, что творит зло с чистою совестью: уверенный, что владеет единственной правдой и служит высшему благу, он оправдывает этою правдою любую жестокость к несогласным, и нет предела, перед которым он остановится.
Из такой непогрешимой уверенности — будь она в вере, в учении, в деле — выросли костры, гонения и резня: мучили и убивали не злодеи, считавшие себя злодеями, а ревнители, твёрдо уверовавшие, что творят благо и спасают истину. Оттого опасна не сама вера или убеждение, а та исступлённая уверенность, что отнимает и сомнение, и жалость, и слух к чужому. Держись своей правды, но не делайся фанатиком: допускай, что и другой может быть в чём-то прав, не записывай несогласного во враги рода человеческого и не

дозволяй себе во имя своей истины того, что само по себе есть зло. Кто ради правды готов на любую жестокость, тот уже предал правду.

Сомнение — не слабость, а честность

Не считай сомнение слабостью или пороком ума: разумное сомнение есть честность и страж от заблуждения. Я же скажу тебе — кто умеет вовремя усомниться, переспросить себя «а так ли это? а не ошибаюсь ли я?», тот не даёт лжи и заблуждению так легко завладеть собою, как тот, кто верит всему сразу и навсегда.
Сомнение — точило, на котором правят и держат острой мысль; оно заставляет проверять, искать, не успокаиваться на первом попавшемся ответе, и тем ведёт к истине вернее слепой веры. Усомниться в том, что казалось незыблемым, бывает началом всякого нового знания: пока никто не усомнился, что солнце ходит вокруг земли, не открыли бы и обратного. Оттого не стыдись сказать «не знаю» или «я могу ошибаться» и не бойся подвергнуть сомнению даже привычное и общепринятое. Это не та разъедающая мнительность, что во всём отчаивается и ничего не решает; это здравое сомнение искателя, что любит истину больше, чем своё спокойствие.

Не утони в сомнении — решай

Но, ценя сомнение, не утони в нём вовсе: нельзя без конца сомневаться и ничего не решать, ибо жить и действовать всё же надо. Я же скажу тебе — есть и обратная крайность мудрого сомнения — расслабляющее безволие, что во всём усомнилось, ни в чём не уверено и оттого ни на что не решается, застыв, как осёл меж двух охапок сена.
Сомневаться должно, ища истину, но в свой час надо и остановиться на лучшем из доступного и поступить по нему, не дожидаясь полной, окончательной уверенности, какой в делах живых почти и не бывает. Решай и действуй по тому, что после раздумья счёл вернейшим, — но сохраняя готовность поправиться, если откроется, что ошибся. В этом и мудрость: не в том, чтобы или слепо верить, или вечно колебаться, а в том, чтобы действовать твёрдо, мысля смиренно. Корабль не может вечно стоять в гавани, взвешивая ветер; надо и выйти в море, держа, однако, руку на руле. Сомневайся, решая; решай, посомневавшись; но решай.

Усомнись и в своём

Учись сомневаться и в своём, не только в чужом, — вот труднейшее и важнейшее в сомнении. Я же скажу тебе — легко подвергать сомнению чужие верования и убеждения, выискивать прорехи в том, во что верят несогласные с тобою; а ты обрати тот же испытующий взгляд на то, во что веришь сам и во что верят твои.

Мы зорки к чужим заблуждениям и слепы к своим, как сказано и о суде над собою и другими; чужой кумир видим, а своего не замечаем, чужую веру пытаем, а свою принимаем на веру не проверяя. Спроси же иной раз и себя: а точно ли право то, что я и мои держим за несомненное? не оттого ли лишь я в это верю, что так верили мои отцы, так принято в моём кругу, так мне привычно и удобно? То, что выдержит такую честную проверку, ты будешь держать уже не слепо, а с разумением; а что не выдержит — то и держать не стоило. Сомневаться в чужом легко; усомниться в своём — вот честность искателя истины.

Совесть — внутренний судья

Есть в тебе внутренний судья и свидетель всех дел твоих — совесть; научись слышать её голос и чтить его. Я же скажу тебе — от чужих глаз можно укрыться, обмануть весь свет, скрыть содеянное от всех — но есть один свидетель, от которого не убежишь и которого не обманешь: ты сам, и в тебе — твоя совесть, что видела всё.
Оттого истинная честность не в том, чтобы не попасться, а в том, чтобы и наедине с собою, когда никто не видит и не узнает, поступать так, чтобы не было стыдно перед этим внутренним судьёю, о чём сказано и о том, чтоб быть праведным и в полной безнаказанности. Прислушивайся к её тихому голосу прежде поступка — он часто остережёт тебя от дурного раньше, чем ты успеешь его совершить; и после он скажет тебе правду о содеянном вернее всех льстецов и хулителей. Внешний суд можно обойти, внутренний — нет; и нет судьи строже и неподкупнее, чем своя пробуждённая совесть.

Чистая совесть — лучшая подушка

Знай, что чистая совесть — лучшая подушка и величайшее из спокойствий. Я же скажу тебе — кому не в чем себя упрекнуть, тот спит спокойно, глядит людям в глаза прямо и ничего не боится открыться; а у кого совесть нечиста, тот и в богатстве, и в почёте не знает истинного покоя: его точит изнутри червь содеянного, и ни пиры, ни лесть не заглушат этого беззвучного укора.
Нет подушки мягче чистой совести и нет жёстче нечистой. Оттого, выбирая меж выгодой с угрызением и честностью с уроном, помни про этот покой: иная прибыль, добытая против совести, обходится дороже потери, ибо отнимает сон и мир души на годы. Береги ясность совести как драгоценность — она и есть то богатство, которого не отнять и которое одно даёт спать спокойно. Лучше бедному с лёгкой душою, чем богатому с тяжёлой. И помни: оступившись, не казни себя без конца, а исправь, что можно, и впредь живи чисто — совесть дана вести и поправлять, а не вечно терзать.

Не криви против совести

Не криви против совести своей ради выгоды, страха или угоды кому-либо. Я же скажу тебе — всякий раз, поступая против того, что сам в глубине знаешь за правое, ты что-то надламываешь в себе; и хотя бы ты выгадал тем деньги, чин или похвалу, ты потерял больше — частицу согласия с самим собою, без коего нет ни покоя, ни самоуважения.
Совесть продают по мелочам и постепенно: раз уступил ей в малом ради выгоды, другой раз — уже легче, и так, шаг за шагом, можно докатиться до того, на что прежде и помыслить было страшно. Оттого не торгуй совестью и в малом: держись её и тогда, когда честность в убыток, а кривда прибыльна и безопасна. Лучше потерпеть урон, обиду, даже гонение, оставшись в ладу с собою, чем выгадать, предав себя: ибо потерянное можно вернуть, а преданную совесть — едва ли, и память о подлости своей носишь потом сам в себе, как занозу. Сохрани согласие с собою — оно дороже всего, что за него сулят.

Совесть надо и просвещать

Слушай совесть, но и воспитывай, и проверяй её, ибо и совесть может быть худо научена. Я же скажу тебе — голос совести не всегда сам собою безошибочен: он говорит то, чему тебя научили, и если научили дурному — выдавали зло за добро с детства, — то и совесть твоя может одобрять неправое и спокойно мириться с тем, что на деле есть зло.
Оттого фанатик и творит злодейства с чистою совестью, как сказано особо: совесть его не молчит — она извращена, приучена звать благом то, что есть зло. Не довольствуйся же тем, что «совесть моя спокойна»: спрашивай и саму совесть — а на правде ли она утверждена? не приняла ли за добро привычное, внушённое, выгодное? Проверяй её веления разумом, состраданием и той мерою — не вредит ли это другим, хотел бы я того же себе, — о коей сказано в основании. Совесть — драгоценный поводырь, но и поводыря надо вести к свету, питая его истиной и добром, а не оставлять во тьме заблуждений. Чистая, но непросвещённая совесть бывает страшна.

Не заглушай совесть

Берегись заглушать и притуплять свою совесть: попираемая часто, она мало-помалу немеет и замолкает. Я же скажу тебе — в первый раз, поступив дурно, человек мучится и стыдится; во второй — меньше; а попирая совесть снова и снова, заглушая её голос выгодою и привычкою, он под конец перестаёт и слышать её, как грубеет кожа, натёртая до мозоли.
И это страшнее мук совести: муки — знак, что она жива и зовёт тебя назад к добру; а молчание её, спокойствие в дурном, — знак, что она омертвела, и тогда человек творит зло, уже и не вздрагивая. Оттого не приучай себя к малым подлостям, говоря «это пустяк»: ими-то и стачивается совесть. Береги её чуткой и живой: прислушивайся к её упрёкам, не отмахивайся от них, исправляйся, пока она ещё говорит. Живая, хотя бы и мучащая совесть — спутник на пути к добру; омертвевшая — верный знак гибели души. Лучше болеть совестью, чем не иметь её вовсе.

Суд совести выше молвы

Цени суд своей совести выше суда людской молвы: лучше быть правым перед собою и порицаемым толпою, чем хвалимым всеми и виноватым перед собою. Я же скажу тебе — молва переменчива, слепа и часто несправедлива: она и доброго оболжёт, и дурного превознесёт; а совесть твоя знает о тебе правду, какой не знает никто из хвалящих или хулящих.
Оттого не делай зла ради похвалы и не страшись делать добро из боязни хулы: суд тех, кто не знает ни твоего сердца, ни твоих побуждений, не так важен, как суд того единственного свидетеля, что знает всё. Случается, что весь свет рукоплещет тебе, а на душе у тебя скверно, ибо сам знаешь цену делу; и случается обратное — все клянут, а ты спокоен, ибо прав перед собою. Держись же второго, а не первого. Похвала с нечистою совестью — сладкий яд; хула с чистою — горькая, но безвредная. Что скажут о тебе люди — важно; что скажет о тебе твоя совесть — важнее.

Семя зла в каждом

Не обольщайся, будто ты соткан из одного добра, а зло — это всегда кто-то другой: семя зла дремлет в каждом сердце, и в твоём тоже. Я же скажу тебе — черта, что отделяет добро от зла, проходит не между людьми, деля их на хороших и дурных, а через сердце всякого человека, и через твоё в том числе. Оттого важнее всего не дать этому семени разрастись: стеречь в себе первые ростки злобы, зависти, жестокости, лжи — и выпалывать их, пока малы, ибо, дай им волю, они заглушат в тебе всё доброе. Опаснее же всех как раз тот, кто уверен в собственной непогрешимости: он перестал стеречь себя и творит зло со спокойной совестью, мня его добром. Знай о тёмном в себе и держи над ним стражу; не тот хорош, в ком нет семени зла, а тот, кто не дал ему прорасти.

Смысл и цель

Человеку, чтобы вынести жизнь и не сломиться под её тяжестью, потребно знать, ради чего он живёт. Я же скажу тебе — у кого есть зачем жить, тот вынесет почти все. Дай человеку цель, которой стоит служить, — дело, любовь, замысел больше его самого, — и он снесёт лишения, перед которыми иной, ничем не занятый, давно бы пал духом.
Корабль без гавани, к которой он держит путь, носит по волнам без толку, и всякий ветер ему враждебен, ибо нет ветра попутного тому, кто не знает, куда плывёт. Так и жизнь без цели тратится впустую и страшится всякой бури. Оттого ищи и держи свою путеводную звезду — то, что придаёт смысл твоим дням и трудам. Не обязательно ей быть великой в глазах света; довольно, чтобы она была подлинной для тебя. И в самые тёмные часы держись за неё, ибо смысл — то немногое, что способно нести человека там, где силы и удача его уже оставили.

Смысл не подносят готовым

Не жди, что смысл жизни поднесут тебе готовым, как блюдо на пиру: его не находят лежащим на дороге, а наживают и творят сами — тем, чему отдают свои дни. Я же скажу тебе — кто спрашивает «в чём смысл жизни вообще?», спрашивает не о том; не жизнь должна ответить тебе, чем ей быть, а ты ей — чем наполнишь её ты.
Смысл рождается там, куда ты вкладываешь себя: в дело, которому служишь, в тех, кого любишь, в труд, который делаешь на совесть. Пустая жизнь — не та, в которой мало случилось, а та, в которую сам человек ничего не вложил и ничему себя не отдал. Оттого не сетуй, что жизнь бессмысленна, пока сам не попробовал придать ей смысл; смысл не выдаётся даром и не сваливается с неба, а взращивается, как сад, тем, кто его возделывает. Чем наполнишь свой срок, тем он и будет полон.

Обретёшь себя, забыв о себе

Вернее всего обретает себя тот, кто умеет забыть о себе ради чего-то большего. Я же скажу тебе — кто гоняется лишь за собственным счастьем, ловя его напрямик, тот чаще всего его упускает; а к тому, кто увлёкся делом, любовью, служением больше себя самого, и счастье, и смысл приходят как бы сами, прибытком, которого он и не искал.
Замкнутый на одном себе, на своих лишь выгодах и удовольствиях, человек тесен и пуст, и тоска находит на него скорее прочих, ибо тесен предмет его забот. Кто же служит чему-то сверх себя — ближним, истине, общему делу, замыслу, что переживёт его, — тот раздвигает стены своей жизни и черпает смысл из источника, который не иссякает с переменою его удач. Выходя за пределы себя, ты не теряешь себя, а впервые находишь. Кто живёт лишь для себя, тому скоро не для чего жить.

Найди своё дело и место

Сыщи то дело, к которому ты приложен и прилажен лучше прочего, — своё, а не чужое, — и держись его. Я же скажу тебе — лучше делать своё дело пусть несовершенно, чем чужое, хотя бы и блестяще; ибо на чужом месте и удача твоя будет чужой, а на своём и труды, и самые ошибки твои идут тебе впрок.
У всякого своя стезя, и горе тому, кто весь век завидует чужой да рвётся не на своё место: он и своего не сделает, и чужого не достигнет, и проживёт жизнь не свою. Ищи не самое почётное в глазах света, а самое твоё — то, что делаешь охотно и хорошо, к чему лежит рука и сердце. Найдя его, не бросай при первой неудаче и не меняй на блеск чужого удела. Лучше быть собою на своём месте, чем тенью великого на чужом.

Не вся жизнь — в дальней цели

Не откладывай весь смысл на одну дальнюю цель, будто жизнь начнётся лишь по её достижении: смысл живёт и в самом пути, в труде нынешнего дня. Я же скажу тебе — кто живёт лишь завтрашней наградой, презирая нынешний труд как досадную помеху, тот, и достигнув цели, не насытится, а тотчас затоскует и кинется за новою, ибо разучился находить смысл в самом процессе.
Награда мелькнёт и пройдет, а дни, что вели к ней, — вот они и есть твоя жизнь; и если ты проживал их лишь как помеху на пути к цели, то и жизнь свою провёл как помеху. Полюби самый труд, самую дорогу, а не только её конец: пахарь, что любит пахать, богаче того, кто терпит пашню лишь ради жатвы. Цель нужна, чтобы было куда идти; но идти — это и есть жить. Не вся радость в том, чтобы дойти; немалая — в самом пути.

И тихая жизнь осмысленна

Не думай, будто осмысленна лишь жизнь великая, громкая, у всех на виду, а малая, тихая, безвестная — пуста и не в счёт. Я же скажу тебе — не величиною дела меряется его смысл, а тем, как оно сделано и с каким сердцем; и скромный труд, исполненный честно и с любовью, полон смысла не меньше громких подвигов, о которых трубят.
Не всякому дано вершить великое на глазах у народов, но всякому дано делать своё малое хорошо: растить детей, держать своё ремесло на совесть, блюсти в порядке свой угол мира, быть опорою немногим близким. И если бы каждый делал своё малое как должно, мир стоял бы крепче, чем держится он на немногих великих. Не презирай скромный свой удел и не жди, чтобы жизнь твоя стала осмысленной лишь когда сделается великой: она осмысленна уже теперь, коли ты делаешь своё как должно. Великое и складывается из малого, сделанного хорошо.

Мерь жизнь тем, что оставишь

Меряй свою жизнь и тем, что останется после тебя, когда тебя уже не будет. Я же скажу тебе — высший смысл в том, чтобы жить не для одного своего короткого срока: вложить себя в то, что переживёт тебя, и уйти, оставив свой клочок мира хоть немного лучше, чем застал.
Вырасти доброго человека, выучи ученика, сложи дело или вещь, что послужит и тем, кого ты не увидишь, передай дальше добытое тобою знание — и часть тебя останется работать, когда сам ты умолкнешь. Не всё мерь тем, что успеешь вкусить сам: иное добро всходит, когда сеятеля уже нет, и в этом не горечь, а высокий род смысла. Кто живёт лишь для себя и своего века, умирает весь; кто вложил себя в большее нежели он сам, тот длится и после. Оставь по себе не пустое место, а сделанное доброе дело.

Страдание и его смысл

Не всякое страдание бессмысленно, как ни горько оно: чаще это урок, который душе должно выучить на пути своего возмужания. Я же скажу тебе — невзгоды и боли затем и посылаются, чтобы, проходя их с честью, человек взрослел душою, закалялся и усваивал то, чего в довольстве и неге не постичь вовек. Одно и то же горе одного ломает и ожесточает, а другого выпрямляет и умудряет — и разница не в горе, а в том, как его встретили. Не спрашивай лишь «за что мне это», спрашивай «чему оно меня учит и каким я выйду из него?». Страдание, принятое и осмысленное, не проходит даром: им душа добывает то самое, что пригодится ей, когда придёт час держать ответ за прожитое. Не ищи страданий и не беги от неизбежного, а выпавшее обрати в науку — и тогда даже боль послужит твоему возрастанию.

Прими, что ты смертен

Прими спокойно и трезво, что ты смертен, как смертно всё живущее, и не отворачивайся в страхе от самой мысли об этом. Я скажу тебе — рождённое умирает, расцветшее увядает, и в том не беда, не несправедливость, а порядок вещей: лист зеленеет и опадает, волна вздымается и опадает, и человек приходит и уходит, как все до него и все после.
Глупо и тщетно гнать от себя всякую мысль о конце, живя так, будто его не будет: смерти не отменишь тем, что о ней не думаешь, а лишь застанет она тебя врасплох и неподготовленным. Мудрый же не страшится глядеть на неё и принимает её как часть своей доли, не отравляя себе жизнь ни цепенящим ужасом, ни притворным забвением. Принять свою смертность — не значит звать смерть или не любить жизни; напротив, лишь приняв, что ты не вечен, начинаешь по-настоящему ценить отпущенный тебе срок, о чём ещё будет сказано. Тот, кто примирился с тем, что смертен, свободнее живёт.

Помни о смерти, чтобы ценить жизнь

Помни о смерти — но не затем, чтобы унывать, а затем, чтобы полнее ценить и не растрачивать впустую жизнь. Я же скажу тебе — кто живёт, будто впереди вечность, тот разбазаривает дни на пустое, откладывает на потом важное и доброе, ссорится из-за вздора, как будто всегда успеет помириться; а помнящий, что срок его краток и неведом, дорожит каждым днём и не тратит его зря.
Думай иной раз: а что, если этот день последний? И тогда увидишь яснее, что в нём важно, а что пустяк, кого стоит обнять, а на кого не стоит и сердиться, что отложить нельзя. Память о конце — не мрачная тень над жизнью, а соль, придающая ей вкус, и мера, отделяющая важное от вздорного. Не откладывай надолго того, что точно стоит сделать, — доброго слова, примирения, дела по душе: завтра не у всех бывает. Знай цену отпущенному тебе времени именно оттого, что оно не бесконечно; короткий срок, прожитый полно и хорошо, дороже долгого, растраченного впустую.

Не дай страху смерти отравить жизнь

Не давай страху смерти отравлять тебе жизнь и не цепеней перед ним. Я же скажу тебе — чрезмерный страх конца способен отнять у человека больше, чем сама смерть: трус, говорят, умирает много раз, ещё не умерев, а храбрый — единожды; и кто трясётся над каждым днём в ужасе потерять его, тот этого дня и не живёт по-настоящему, изводя его страхом.
Смерти всё равно не миновать, и страхом её не отведёшь — лишь измучаешь себя загодя тем, чего ещё нет. Оттого мудрые учили не страшиться её сверх меры, как не страшимся мы сна, и встречать её, когда придёт срок, спокойно и с достоинством. Это не значит звать её прежде времени или не беречь своей жизни — жизнь священна, и хранить её должно; но значит — не дрожать перед неизбежным так, чтобы из-за страха смерти забыть про саму жизнь. Освободившийся от рабского ужаса перед концом живёт смелее, полнее и свободнее.

Всё на свете преходяще

Помни, что всё на свете преходяще и переменчиво: всё проходит — и доброе, и злое, и радости, и горести, и сама твоя жизнь. Рассказывают о кольце с надписью «и это пройдёт», что в счастье смиряло, а в беде утешало владельца; держи и ты эту мудрость при себе, и она пригодится тебе и в той, и в другой поре.
В пору удачи и радости помни, что и они не навек, — и не возгордишься, не привяжешься к ним намертво, не сочтёшь их за вечное. А в пору беды, боли, утраты помни то же — и это пройдёт, — и легче перенесёшь: ибо нет горя, которое длилось бы вечно, и самая чёрная ночь сменяется рассветом. Не цепляйся же судорожно за уходящее и не отчаивайся в тяжёлом, как будто ему не будет конца: и то, и другое — гости, что приходят и уходят. Кто понял, что всё течёт и сменяется, тот и в счастье сдержан, и в несчастье крепок, и держит всё в руках легко, не сжимая до боли и не выпуская в отчаянии.

Готовься к концу тем, как живёшь

Лучшая подготовка к смерти — хорошо прожитая жизнь; живи так, чтобы, когда придёт твой час, тебе не было ни стыдно, ни горько оглянуться. Я же скажу тебе — кто прожил с пользою и совестью, сделал, что мог, доброго, любил и был любим, не оставил за собою тяжких обид, тот и смерть встречает спокойнее: ему не о чем терзаться и нечего судорожно доделывать в последний миг.
Как день, хорошо проведённый, дарит спокойный сон, так и жизнь, хорошо прожитая, дарит спокойную кончину. Оттого не откладывай на призрачное «потом» того, что велит тебе совесть и любовь: помирись, пока можно, скажи нужное, пока есть кому, сделай доброе, пока есть силы, — чтобы не пришлось на смертном одре жалеть о несделанном и несказанном. Не в том дело, чтобы прожить долго, а в том, чтобы прожить достойно: иной и в краткой жизни

успевает свершить и изжить главное, а иной и в долгой — нет. Готовься к концу не страхом, а тем, как живёшь нынче.

Живёшь и после смерти — в делах

Знай, что человек не весь умирает: он живёт и после смерти — в делах своих, в посеянном им добре, в тех, кого любил и кому помог, в том, что создал и передал. Я же скажу тебе — тело смертно, но добро, тобою сделанное, переживает тебя: дерево, тобою посаженное, даёт тень и плод, когда тебя уже нет; ученик несёт дальше то, чему ты научил; добрая память о тебе живёт в тех, кому ты был дорог.
Оттого, помня о своей смертности, заботься не только о том, как прожить, но и о том, что оставишь после: какой след, какую память, какие плоды. Живи так, чтобы было чему пережить тебя, — доброму делу, выученному ремеслу, выращенным детям, посаженному саду, доброй памяти в сердцах. Злой оставляет по себе руины и проклятия, и память о нём — как смрад; добрый оставляет свет, что светит и по его уходе. Это и есть та доступная человеку доля бессмертия — не в том, чтобы не умереть, а в том, чтобы и после смерти длиться в добре, тобою посеянном. Сей доброе — оно тебя переживёт.

Смерть равняет всех

Помни, что смерть равняет всех: и царя, и нищего, и сильного, и слабого, и красавца, и урода — всех ждёт один конец, и перед ним равны все, как ни разнились они при жизни. Я же скажу тебе — в могиле и под землёю не отличить праха владыки от праха раба; чем кичиться было одному перед другим, коли исход у обоих один?
Пусть же мысль эта смиряет тебя в гордыне: к чему надмеваться богатством, родом, силою, красотою, когда всё это смертно и ты сам смертен наравне с тем, кого презираешь? И пусть же она утешает тебя в унижении: общая доля не минует и тех, кто ныне вознёсся над тобою. Не оттого ли мудрые и не ставили так высоко ни знатность, ни богатство, что видели, как уравнивает их всех смерть? Живи, помня, что и ты, и всякий другой — лишь смертные, идущие к одному порогу; и эта память да родит в тебе и смирение к себе, и ровность ко всем.

Прими течение лет

Прими спокойно и достойно течение лет и самую старость; не цепляйся с горечью за уходящую молодость и не страшись седин. Я же скажу тебе — у всякой поры жизни свои силы, свои радости и свой плод: у юности — пыл, дерзание и свежесть; у зрелости — разум, опыт и крепость; у старости — мудрость, покой и право оглянуться на прожитое без спешки.
Глупо и горько тосковать в каждой поре по минувшей, не видя даров нынешней: старик, что плачет лишь о невозвратной юности, теряет и то

доброе, что есть в его летах. Зрей и старей в свой срок, как зреет и клонится к земле налившийся колос; в этом не упадок, а исполнение. Не пытайся ни удержать силою уходящее, ни казаться не тем, что ты есть; всякому возрасту — своё достоинство и своя красота. Кто принял свои лета, тот и в старости светел и хорош; а кто всё рвётся назад, в молодость, тот и жалок, и несчастен. Живи в ладу со своим возрастом, и каждая пора принесёт тебе своё.

Мал перед вечностью — но миг твой

И вот что важнее всего в думах о бренности: то, что ты мал и краток перед лицом вечности и что всё минует, — не повод счесть свою жизнь и дела пустыми и напрасными. Я же скажу тебе — иной, помыслив, сколь огромен мир и сколь ничтожен его собственный краткий век, впадает в уныние: к чему, мол, всё, если я лишь искра, что вспыхнула и погасла? Но это ложный вывод и опасная ловушка мысли.
Свет свечи реален и нужен, хоть свеча и сгорит; день мотылька краток, да прожит им весь, сполна. Так и твоя жизнь: то, что она коротка перед вечностью, не делает её ничтожной, а напротив — драгоценной, ибо она у тебя одна и вот она, единственная, здесь и сейчас. Твоя любовь, твоё добро, твой труд, твоя радость — настоящие и весомые в свой час, и не становятся пустыми оттого, что не вечны. Не давай мысли о бренности обесценить жизнь; пусть она, напротив, прибавит ей цены. Малость и краткость срока — не приговор смыслу, а оправа, в которой он только дороже. Живи полно в отпущенный миг — он твой и настоящий.

Убийство и мера вины

Едва ли сыщется преступление тяжелее убийства, ибо жизнь человека священна и невозвратна. Я же скажу тебе — здесь надо различать твёрдо. Где злодеяние нанесло урон имуществу, добру, достатку, но ничьей жизни не отняло, там есть место и милосердию, и снисхождению: соразмеряй кару, гляди на обстоятельства и на живого человека — как и сказано о справедливости, растворённой милостью.
Но где человек по злому умыслу лишил жизни другого, невинного, — там эти послабления для него недействительны: убийца теряет право пребывать среди живых, и ни годы темницы, ни ссылка на минутное помрачение или душевный недуг содеянного не искупят. Изъятие одно — те, чья рука пролила кровь не по злому умыслу: тот, кто причинил смерть по неосторожности, доказанной и непреднамеренной; тот, кто был вынужден убить нападавшего, защищая свою жизнь или жизни других — на войне ли, в обороне ли от смертоносного нападения; и тот, кто исполняет законный, судом утверждённый смертный приговор, воздавая убийце справедливое возмездие за отнятую им невинную жизнь. С этих спрос иной, ибо не злоба двигала их рукою. Меряй вину не по одному лишь исходу, а по умыслу: умысел и отделяет убийцу от невиновного.

Когда человек отчаялся в жизни

Если встретишь человека, которого жизнь измотала так, что он не видит более смысла её продолжать, — не суди и не стыди его. Ты не знаешь, какую битву он ведёт в себе и как давно она длится. Попрёки и презрение тут последняя жестокость, их у него и без тебя вдоволь. Но милосердие здесь не в том, чтобы отступиться и дать уйти. Милосердие в том, чтобы остаться рядом и помочь нести, покуда ноша не станет легче. Ибо тьма, в которой кажется что выхода нет, — сама обманщица: она застит глаза и шепчет, что всё кончено, как раз тогда, когда это неправда. Глубже всех сидящий в яме хуже всех и судит, есть ли из неё выход, ведь отнятие выхода и есть то, что с ним происходит. Не отворачивайся и не подталкивай — будь рукой, что держит, пока он сам не разглядит просвет. А просвет приходит чаще, чем верится из темноты.
Но если случится так что просвета нет, не попрекай и не стыди его — позволь ему уйти сохранив те последние крохи достоинства что у него остались.

Не утрать чувство благоговения

Не давай зачерстветь в себе чувству изумления и благоговения перед тем, что больше тебя и необъятно для ума. Я же скажу тебе — кто, глядя в звёздное небо или на безмерность мира, не чувствует ничего, кроме скуки, тот обеднил свою душу; способность дивиться и благоговеть — не ребячество, которое перерастают, а дар, который стоит беречь до седин.
Мир необъятно больше тебя, и есть в нём глубины, перед которыми всякий разум мал; и мудрый не стыдится трепета перед этой громадой, а глупец, ничего не ведающий, один лишь и не дивится ничему. Зови это как хочешь — Богом, тайной, природой, целым, — но не теряй чувства, что стоишь перед чем-то неизмеримо большим себя. Кто утратил благоговение, тот мельчает: для него не остаётся ничего высокого, всё делается плоским и обыденным. Сохрани в себе способность замирать перед великим — в ней начало и смирения, и мудрости.

Имей в жизни святыни

Пусть будет в твоей жизни хоть что-то, что ты держишь за святое и не отдаёшь на поругание, торг и осмеяние. Я же скажу тебе — есть род людей, что бахвалятся, будто для них нет ничего святого, и глумятся надо всем подряд, мня это за ум и свободу; но это не сила, а скудость: у того, для кого нет ничего высокого, и сам он невысок.
Цинизм, что обращает в шутку и в товар всё без разбора — любовь, верность, память умерших, чужую веру, — разъедает не предмет своих насмешек, а самого насмешника, и оставляет его в мире, где не осталось ничего, ради чего стоило бы жить и чем стоило бы дорожить. Не всё меряется выгодой и не всё годится на продажу и на потеху. Сбереги в себе чувство, что есть вещи неприкосновенные, перед которыми останавливаются и шутка, и расчёт. Кто ничего не чтит, тому скоро и самого себя нечем будет уважать. Богат душою тот, у кого есть святыни; нищ — у кого нет ни одной.

Ты часть большего целого

Помни, что ты не сам по себе и не сирота в мире, а часть чего-то неизмеримо большего: звено в череде поколений, малая нить в огромной ткани жизни. Я же скажу тебе — лист мнит себя отдельным и одиноким, пока не вспомнит о ветви, о дереве, о корне и о целом лесе, которым он живёт и дышит; так и человек. Ты связан несчётными нитями со всеми, кто был до тебя и будет после, со всем живым и со всем мирозданием, из вещества которого слеплен и в которое вернёшься. И в этой связи не умаление твоё, а опора: ты не пылинка, затерянная в пустоте, а часть великого целого, которому принадлежишь и перед которым в ответе. Чувствуя родство со всем, человек делается и смиреннее, и спокойнее: не так страшно быть частью большого, как мнить себя одиноким посреди чужого и враждебного. Ты в мире не гость и не чужак — ты сродни ему по самому веществу своему.

Удели место тишине

Удели в жизни место тишине, сосредоточению и предстоянию перед Видящим. Я скажу тебе — человек, что весь век в суете, в шуме, в делах и не остаётся ни разу наедине с собою и с тишиною, мало-помалу глохнет душою и теряет связь и с глубиной в себе, и с высоким над собою.
Назови это молитвою, размышлением, созерцанием — суть одна: время, когда ты отлагаешь суету, умолкаешь и обращаешься внутрь и ввысь, к тому, что больше повседневного. В такие часы человек выправляет в себе сбившееся, вспоминает главное за частоколом мелочей, черпает тишину и силу, каких не даёт суета. Не пренебрегай этим, мня недосугом: кто не умеет помолчать и побыть в тишине, тот не услышит ни себя, ни того, что выше его. Среди шума мира храни в себе уголок тишины, куда можно войти и предстать перед главным. Кто никогда не умолкает, тому некогда и услышать.

Чти свою веру, не навязывай

Чти свою веру и свои святыни — но не навязывай их силою другим и не глумись над чужими. Я скажу тебе — у разных людей и народов разные святыни, разные имена для высшего и разные пути к нему; и тот зрел, кто крепко держится своего, не презирая чужого, а в том, кто иначе верит или не верит вовсе, не видит за то ни врага, ни низшего.
Глумиться над тем, что свято другому, — низость и глупость разом: ты ранишь человека в самом дорогом и наживаешь вражду там, где могло бы стоять уважение. Но и навязывать своё силою, гнать и неволить за иную веру — такое же зло, лишь с другого края. Дай каждому искать высшее по-своему, как хотел бы, чтоб и тебе дали; за чужим обрядом и именем нередко чтут то же, что и ты, лишь иными словами. Свою святыню держи свято, чужую — не топчи. Разно

верующие и вовсе неверующие умеют жить в мире, коли научатся не посягать на святое друг друга.

Красота — окно к высшему

Не проходи мимо красоты, как мимо пустого украшения: в ней нередко приоткрывается окно к высокому, и через прекрасное душа касается того, чего не выговорить словами. Я скажу тебе — есть в музыке, в творении рук, в красоте мира и человека такая сила, что у внимающего на миг захватывает дух и сердце узнаёт что-то большее себя; и это не пустая нега чувств, а одна из дверей к священному.
Иной, кому не даётся высокое через рассуждение и догмат, находит его через красоту: через песнь, что пробирает до слёз, через тишину старого храма, через величие гор и моря, через лицо любимого. Не глуши в себе этот отклик и не отмахивайся от него как от блажи: красота — один из языков, которыми высшее говорит с человеком, не всякому внятный, но никому не лишний. Дай прекрасному трогать тебя и веди по нему, как по нити, к тому большему, на что оно указывает. Красота затем и дана, чтоб напоминать: мир глубже, чем кажется будням.

Святое в обыденном

Не думай, что святое и высокое сыщешь лишь в дальних горах, в храмах да в особых обрядах. Я же скажу тебе — в каждом доме есть свой алтарь, и в сутолоке каждого дня пролегает праведный путь: когда люди живут в ладу и говорят друг другу приветливое слово, когда родители и дети любят друг друга — это выше всякого мудрёного созерцания и тайного знания.
Не презирай обыденного в погоне за возвышенным: самое святое прячется в простом — в честном труде, в накормленном госте, в добром слове, сказанном вовремя, в нежной верности изо дня в день. Кто ищет небесное, отвернувшись от земного у себя под носом, тот с ним и разминётся. Высокое не в стороне от жизни, а в самой её сердцевине; святость — в том, как ты проживаешь нынешний обычный день.

Скрытое добро больше явного

Знай: добро, сотворённое тайно, дороже явленного напоказ, а зло сокрытое опаснее открытого. Я же скажу тебе — явное зло поверхностно, ибо его всякий видит и от него остерегается; зло же затаённое, что прячется под личиной добра, ранит глубоко, ибо подкрадывается незамеченным. С добром же наоборот.
Добро, что трубит о себе и ищет, чтобы его заметили, мелко и почти исчерпано той самой оглаской; а добро, сделанное втихомолку, без свидетелей и наград, велико и полно, ибо в нём ни корысти, ни тщеславия — одно лишь чистое даяние. Твори добро так, чтобы левая рука не знала, что делает правая; и пуще

всего страшись зла, что рядится в добрые одежды, — и в других, и в себе. Громкое добро мелко, тихое — глубоко; открытое зло поверхностно, скрытое — гибельно.

Знать добро мало

Знать, что есть добро, и не делать его — немногим лучше, чем не знать вовсе; вся цена доброго знания в том, сошло ли оно в дела. Я же скажу тебе — что проку знать наизусть, как должно жить, и жить не так? Целый воз прекрасных правил, выученных да непримененных, не весит и одного, по которому ты вправду живёшь.
Не тот хорош, кто красиво рассуждает о добре, а тот, кто делает его молча; и не тем меряется человек, что он знает и проповедует, а тем, что творит. Иной знает все добродетели по именам, а не имеет ни одной на деле — как голодный, что выучил названия всех яств, да не отведал ни одного. Оттого не копи знание о добре, как скупец монету, а пускай его в дело: всякую истину, что признал, поверяй поступком, всякое доброе правило — исполнением. Знание, не ставшее делом, мертво; лишь в поступке оно оживает. Не знанием добра жив человек, а деланием его.

Мерь знание переменой в себе

Меряй всё вычитанное и услышанное не тем, сколько ты узнал, а тем, переменило ли это хоть в чём-то твою жизнь. Я же скажу тебе — мудрость, что не сделала тебя ни чуть добрее, ни терпеливее, ни честнее, осталась пустым украшением ума, побрякушкою, которой тешат тщеславие, а не светом, по которому идут.
Можно прочесть все книги мудрецов и остаться тем же мелким, злым и суетным человеком, каким был, — и тогда вся учёность пошла прахом. А можно знать немного, но тем немногим жить — и быть мудрее многоучёного. Не спрашивай себя по прочтении «что нового я узнал?», спрашивай «что я теперь стану делать иначе?». Всякое наставление — и это в том числе — дано не затем, чтоб им любовались, а затем, чтоб по нему жили; не исполнил — всё равно что не читал. Суди свою мудрость по плодам её в твоих делах, а не по тому, сколько её улеглось в памяти.

Малое добро дороже обещанного великого

Малое добро, сделанное вправду, дороже великого, лишь замысленного да обещанного. Я же скажу тебе — благими намерениями вымощена дорога в никуда; кто весь век собирается делать добро «когда-нибудь», «когда устроится», «по-крупному», тот чаще всего так и не делает его вовсе, утешаясь намерением вместо дела.
Не жди случая совершить что-то великое и громкое, пренебрегая малым добром, что под рукою всякий день: подать, утешить, не солгать, помочь

ближнему в малом. Из такого малого, делаемого изо дня в день, и складывается добрая жизнь, а не из несбывшихся великих замыслов. Лучше сделать немного, чем наметить много и не сделать ничего. Доброе намерение, не ставшее поступком, — лишь тень добра, которою не согреешься и не накормишься. Делай добро малое и нынешнее, не откладывая его до великого и будущего, которое может и не настать.

Будь сам тем, чему учишь

Прежде чем учить других добру, будь сам тем, чему учишь, и не расходись делом со словом. Я же скажу тебе — нет зрелища противнее, чем проповедник добродетели, сам её лишённый: словам его не верят, и поделом, ибо громче всяких слов учит пример, а пример его говорит обратное.
Учи не столько речами, сколько собою: люди скорее перенимают то, что видят, чем то, что слышат, и один поступок твой убеждает сильнее сотни наставлений. Хочешь, чтоб дети твои были честны, — будь честен при них; хочешь видеть вокруг доброту — твори её сам. Кто требует от других того, чего не делает сам, тот сеет не добро, а лицемерие и озлобление. Сперва сам стань хоть отчасти таким, каким зовёшь быть других, — и тогда зов твой обретёт силу. Слово учит, пример влечёт; и горе тому, у кого они врозь.

Начни с себя и сейчас

Начни делать добро с себя и с нынешнего дня, не дожидаясь, пока станешь совершенным и пока сложатся идеальные условия. Я же скажу тебе — кто ждёт, чтоб сперва исправить весь мир, а уж потом делать в нём добро, или чтоб сперва самому стать безупречным, а уж потом помогать другим, тот не начнёт никогда: ни мир, ни он сам не станут безупречны.
Не нужно быть святым, чтобы делать добро; довольно делать его, какой ты есть, со всеми изъянами, начиная с малого и с ближнего круга. И не «когда-нибудь», а нынче: единственное верное твоё время — теперь, ибо «потом» имеет привычку не наступать. Исправляй мир с того его клочка, до которого дотягиваешься, — с себя, со своего дома, со своего дела. Кто ждёт идеального часа и идеального себя, тот хоронит добро под отсрочкой. Начни несовершенным и сейчас — другого начала не будет.

Жить этим, а не только знать

И вот тебе последнее, в чём сходится всё прежде сказанное: знать всё это — ничто, жить этим — всё. Я же скажу тебе — не затем собрано здесь по крупице добытое веками, чтоб ты прочёл и отложил, кивнув; собрано затем, чтоб ты этим жил — день за днём, поступок за поступком, до самого конца.
Мудрость — не груз, что сносишь в голове, а дорога, которою идут; и дорога эта не кончается, пока длится жизнь: всякий день поднимает тебя на ступень и всякий день требует новой. Не жди, что станешь на ней совершенен, — на ней

не бывает пришедших, есть лишь идущие; довольно и того, чтоб нынче быть хоть чуть лучше вчерашнего себя. Возьми из всего этого не букву, а путь: иди по нему, спотыкаясь и поднимаясь, покуда есть силы и дни. А придёт срок уходить — пусть скажется о тебе не «много знал», а «хорошо прожил и сделал добра больше, чем зла». В этом одном вся наука; прочее — лишь дорога к ней. Начни нынче, с малого, с себя, — и не останавливайся.

Книга третья. ЗАКОН

О том, как устроен этот закон
Фиделит живёт под законом страны, в которой живёт, и чтит его, как чтит уклад места.
Закон этой книги с законом страны не соперничает. Он идёт поверх. Где закон страны молчит — говорит этот. Где закон страны дозволяет дурное — фиделит держит свою планку выше дозволенного: дозволенное людьми не всегда дозволено складу души.
А над обоими стоит Вечное ядро: запреты и долги, не подлежащие ни времени, ни обычаю, ни голосованию. Законы стран меняются, и это их право. Ядро не меняется, и в этом его природа.
При каждом запрете назван его корень в устройстве пути — затем, чтобы ты видел: это не список, спущенный сверху. Это следствия. Вычеркнуть запрет можно, только сломав само устройство.

ВЕЧНОЕ ЯДРО

О жизни.

Не убий невинного. Губящий одного губит непостроенный свет — со всеми, кто в нём был бы.

Три исключения, и только три. Самооборона: о ней сказано в Заповедях — заслонивший жизнь не губитель. Оборонительная война: защищающий свой дом от пришедшего войной защищает жизни, что за ним. Но услышь твёрдо: убивающий в войне захватнической убивает невинных, и порчи не избегает — приказ не скидка, и знамя не скидка. Взятый же на чужую войну неволей судится по тому, что было в его воле: Видящий различит гнавшего и гонимого.

И казнь — по приговору суда, при вине, доказанной полностью. Но два гвоздя держат это исключение. Первый: сомнение любой величины запрещает казнь — полная доказанность означает полную, и где тень сомнения, там казни нет, ибо казнь необратима. Второй: ошибочная казнь есть убийство невинного, совершённое всеми сразу, — и порча её ложится на всякого, чья рука и подпись были в деле, от судьи до исполнителя. Пусть каждый входящий в такое дело знает это, входя.

Больше исключений нет. Ни обычай, ни обида, ни честь рода, ни воля толпы не прибавят к этим трём четвёртого.

Обычай не оправдывает порчи. Древность злодейства не делает его правом: то, что творили сто лет, творили сто лет неправо. «Так делали деды», «таков у нас порядок», «этого требует наша вера» — не ответы, а отказ отвечать. Спроси у всякого обычая, чего он стоит и кто за него платит; и если платит невинный своей кровью, своей свободой или своим детством, то перед тобою не обычай, а порча, обросшая годами, как пень мхом.

Назовём же вещи именами, чтобы после нельзя было сказать, будто мы не знали.

Убийство «чести» есть убийство, и притом из подлейших. Кто убивает или калечит дочь, сестру, жену за то, что она, по его мнению, опозорила род, — убивает невинную, и убивает ту, кого обязан был защищать; и делает это, зная, что она не окажет сопротивления, ибо это свои. Честь рода не смывается кровью и не восстанавливается ею: убивший свою дочь не снял позора с дома, он сам стал позором дома. И запомни твёрдо: позор в таком деле лежит на убийце, на подговоривших, на одобривших, на смолчавших родичах — и ни единой крупицей на убитой.

Самосуд есть убийство. Толпа, которая сжигает, вешает или побивает камнями, не суд, хотя бы кричала о справедливости и была уверена в вине: у неё нет ни разбирательства, ни защиты обвиняемому, ни возможности ошибиться и поправиться. И всякий, кто стоял в этой толпе, — участник, а не зритель, ибо толпа кормится числом, и один ушедший убавляет её на одного.

Казнь без суда — не казнь, а убийство, кто бы ни распорядился и по какому бы обычаю ни исполнялось. О казни сказано выше: суд, полная доказанность, право обжаловать, — и всё, что делается помимо этого, есть убийство невинного, покуда не доказано обратное.

Выдача ребенка в супруги, продажа человека, изгнание больного — всё, что творится в разных краях по старине, судится этими же строками. Старый уклад им не защита. А о прочем скажем поимённо и с мерою, дабы не судить сгоряча и не пропустить главного.

Не увечь тела человека. Увечьем зовётся не всякое вмешательство, а то, в котором сошлись разом четыре приметы: оно необратимо; оно отнимает у тела способность, данную ему от природы, — чувствовать, ходить, родить, видеть, слышать; оно делается не по нужде здоровья, а по обычаю, по красоте или по вере; и делается над тем, кто не может дать согласия сам, либо ради чужой цели — чтобы он был покорнее, желаннее для сговора, менее склонен к желанию, менее способен уйти.

Где сошлись все четыре — там увечье, как бы оно ни называлось и сколько бы веков ни творилось. Таково обрезание женщин, отнимающее у неё способность чувствовать ради чужого спокойствия за её верность; таково бинтование ног, отнимающее ходьбу ради красоты; таково откармливание девочек насильно, чтобы дороже сговорить; таково лишение потомства без спроса — у больных, у бедных, у чужого племени; таково и мнимое лечение, обещающее переделать в человеке то, что переделке не подлежит.

Где же все четыре не сошлись — там дело обычая и родительского разумения, и свод в него не входит: мы не судим того, что не отнимает способности и не творится ради власти над человеком. Мера дана не затем, чтобы объявить войну чужим обрядам, а затем, чтобы отличить обряд от увечья — нынче и через пятьсот лет, когда выдумают такое, о чём мы и не слыхали.

Не укрывай человека силой и не запирай его. Есть обычай, по которому мужчина решает, что и насколько может быть видно в его жене, сестре, дочери.

Сперва укрывают волосы, после всё тело, после лицо; а укрыв лицо, отнимают и человека — ибо существо без лица перестаёт быть для окружающих кем-то и делается свёртком. Дальше идёт то же, только грубее: не ходи одна, не говори с чужими, не учись, не работай, не выходи вовсе. Всякая ступень оправдывается предыдущей, и потому останавливать надо на первой.

Одежда есть дело того, кто её носит. Всякий волен одеваться по своему вкусу, по своей вере и по обычаю края, где живёт, и чтить принятое там, не чуждаясь его, — о том сказано в Укладе. Но чтит человек сам, своею волей; заповедь о том, чтобы не выделяться среди соседей, обращена к тому, кто одевается, а не к тому, кто хочет его одеть.

И запрет этот работает в обе стороны. Никто не вправе ни укрывать другого силой, ни силой его открывать. Надевшая покров по своей доброй воле и вере — вольна; и сорвавший его с неё именем свободы творит то же насилие, что и надевший силой, а разница меж ними лишь в том, каким словом каждый прикрывается. Спрашивай не о ткани, а о том, чья была воля.

О соблазне же скажем прямо, ибо им оправдывают всё. За свои глаза, свои мысли и свои руки отвечает их хозяин. Не бывает так, чтобы вина за чужую невоздержанность легла на того, кто просто шёл мимо. Заметь притом, какую обиду наносит это правило самим мужчинам: оно объявляет их существами, не властными над собою, которых от бесчинства удерживает одна чужая ткань. Не принимай о себе такого. Кто не умеет владеть своими глазами — пусть опустит их сам, а не укутывает весь свет.

Запирать же — уже неволя, как бы её ни называли заботой. Запрет выходить, запрет говорить с людьми, запрет учиться и кормиться своим трудом, надзор провожатого при взрослом человеке — всё это обращает человека в имущество, и о том сказано выше: не владей человеком.

И над детьми того не твори. Девочка, укрытая и запертая прежде, чем смогла выбрать, не выбирала; и, выросши, она вправе снять с себя выбранное за неё — а родня не смеет ни принуждать её, ни мстить, ни отлучать за это от своих.

Не убивай по обвинению, которого нельзя проверить. Колдовство, порча, дурной глаз, сношение с нечистым, кощунство и оскорбление святыни — обвинения, устроенные так, что оправдаться невозможно: чем горячее отпирается обвинённый, тем вернее он виноват. Оттого-то ими и пользуются: погляди всякий раз, кому достанутся земля, дом и скот убитого, и увидишь, отчего в ведьмах чаще всего оказываются вдовы, старухи и одинокие. Дитя, объявленное колдуном, — всегда невинно; изгнавшие и убившие его — всегда виновны. И убийство человека ради снадобья из его тела — из мерзейших, какие знает свет: тут и убийство невинного, и торговля людьми, и надругательство над мёртвым разом.

Не мсти роду за одного. Кровная месть, где отвечает брат за брата и сын за отца, есть отрицание того, что сказано выше о вине: она не наследуется.

Отомстивший невиновному родичу сам стал убийцей невинного, и род его теперь должен по тому же счёту, — оттого такие счёты и не кончаются никогда.

Не отдавай человека в уплату. Не отдавай девушку за чужую вину, чтобы примирить роды; не увози невесту силой и не зови это сватовством; не бери и не давай за человека выкупа, обращающего брак в куплю; не требуй приданого и не карай за его недостачу; не передавай долга детям должника. Человек не монета и не залог.

Не изгоняй за мнимую нечистоту. Ни женщину в её дни, ни родившую, ни вдову, ни больного проказой или иным недугом — не выселяй из дома, не запирай в хлеву, не оставляй без огня и помощи. Кто гибнет от холода и страха, выгнанный по обычаю, гибнет от руки выгнавших, а не от обычая: обычай никого не выносил на мороз.

Не отлучай ушедшего от его людей. Никто не вправе приказать родителям не говорить с сыном, братьям — с сестрою, соседям — с соседом за то, что человек оставил веру, обычай или общину. Отвернуться самому — дело совести и любви; понудить к этому других — растянутое во времени изгнание, и всякий, кто его устраивает, отвечает за него.

Не испытывай тела в доказательство чести. Осмотры девственности и подобные им проверки не доказывают ничего, кроме того, что проверяющий считает человека вещью, подлежащей осмотру.

Не посвящай через унижение. Ни в войске, ни в училище, ни в артели, ни в братстве не заводи обычая мучить новичка и звать это закалкой: закаляет труд и опасность, общая для всех, а не издевательство над тем, кто не может ответить. Начальник, знавший и допустивший, отвечает наравне с мучителями.

Не лишай ребёнка лечения. Вера родителей — их дело; жизнь ребёнка — его. Никакое исповедание и никакой обычай не даёт права отказать дитяти в лекаре, когда лекарь может его спасти: правило не выше живой жизни, а рискует тут не тот, кто решает.

Не убивай рождённого за то, каким он родился — за пол, за увечье, за близнечество, за примету, за то, что «не такой». А если в краю понуждают женщину избавиться от плода из-за того, что дитя не того пола, какого желает родня, — это принуждение, о котором сказано в узле о нерождённых: не принуждают ни к рождению, ни к прерыванию, и понуждающие отвечают за это.

А как быть фиделиту, живущему там, где это в обычае? Не участвовать — никогда и ни в какой мере: не бросать камня, не держать руки, не стоять в толпе, не быть свидетелем на таком сговоре. Не молчать, но соразмеряя с силами, как сказано о тенях в Каноне: можешь — останови рукою; не можешь рукою — скажи слово; не можешь и слова — хотя бы сердцем не соглашайся и уводи людей от этого места. Укрыть того, за кем пришли, — о том сказано в узле о госте: это прямой долг, и здесь он неотменим.

И знай: заповедь чтить обычаи места, где живёшь, — о хлебе, песнях, праздниках, одежде, приветствиях и порядке дней, а не о крови. Уважение к чужому укладу кончается там, где начинается невинная кровь; и кто прикрывает нашей заповедью своё соучастие, тот толкует сказанное прямо — а о таких у нас сказано отдельно.

И ещё о лжи: дозволена обороняющемуся военная хитрость. Обманывать пришедшего войной — таиться, заманивать, вводить в заблуждение — не порча: слово принадлежит миру между людьми, а пришедший войной сам вышел из мира слова. Но дозволение это глядит только наружу и живёт только войну: лгать своим — народу своему и солдатам своим — не дозволяет и война.

Не истребляй народа. Уничтожающий людей за род их, племя, веру или язык жжёт целую ветвь учеников разом. Класс один, и экзамен один — истребляющий часть класса поднимает руку на устройство света.

И знай, что народ убивают не одним железом. Есть три способа тихих, и судятся они этой же строкой.

Не отнимай детей у народа. Отбирать детей от родителей, чтобы вырастить их иными, — отнять родню, имя, язык и память, а после сказать, что сделано это для их же блага, — из самых холодных злодейств, какие знает свет: тут и кража человека, и убийство народа, и ложь, растянутая на поколения. Выросшие так не находят потом ни своих, ни чужих и всю жизнь бредут между двумя домами, ни в один не входя.

Не запрещай народу его языка. Кто запрещает язык, тот убивает народ, оставляя людей живыми: через два поколения от него останутся песни, которых никто не понимает. На своём языке человек думает, любит и поминает своих мёртвых. Учить общему языку страны — дело доброе; запрещать домашний — злодейство.

Не сгоняй народа с его земли. Увезти людей с места, где лежат их отцы, туда, где всё чужое, — казнь, растянутая на годы: в дороге и на новом месте умирает больше, чем убил бы меч, и умирают первыми старики и дети.

Не пытай. Истязание пленного и безответного — из худших порч: о звере сказано «он безответен, и в том, каков ты с ним, ты весь» — о человеке это звучит стократ строже.

Не глумись над мёртвыми. Парта опустела, ученик за дверью — но мёртвый безответнее зверя, и надругательство над ним читает твой склад до дна.

И не отказывай мёртвому в погребении: ни ушедшему до срока, ни отступнику, ни казнённому, ни чужому по вере, ни тому, кого при жизни считали нечистым. Всякому телу довлеет вернуться свету, из которого оно взято. Отказ этот бьёт уже не по мёртвому, которому всё равно, а по живым, что его любили: их наказывают за чужую жизнь, и наказывают тем, чего не поправить никогда.

Не ешь человека. Убить человека в пищу есть убийство, и говорить тут не о чем; но и умершего не ешь — ни по обычаю, ни ради мнимой силы, ни в поругание

врагу. Заказано это не оттого, что мёртвому повредишь: ему уже ничем не повредить. Заказано оттого, что съевший человека делается опасен живым — с этого часа всякий возле него не только сосед, но и мясо. Такова последняя черта, отделяющая людей от добычи: стирают её в один день, а восстанавливают поколениями.

А тех, кто уцелел в голоде, в осаде или на разбитом корабле, поев уже умерших, — не суди и не попрекай: правило не выше живой жизни, и стыд тут не на них. Спрашивают в таком деле об одном — не был ли кто убит ради этого.

Не убивай сложившего оружие. Сдавшийся выходит из числа воюющих: беспомощность возвращает ему невинность, и добивающий его убивает уже не врага, а безоружного одноклассника.

Не устраивай боёв насмерть и не гони людей биться неволей. Состязание в силе и умении по доброй воле обоих — дело доброе, и о нём сказано в Укладе. Но заказаны и мерзки: бой, в котором смерть одного есть условие, ожидание или потеха; бой, куда выставляют невольника, пленного, должника или ребёнка; бой, из которого нельзя выйти, сдавшись. Жизнь человека не зрелище и не ставка, и толпа, пришедшая смотреть, как один убьёт другого, платит за это своим складом наравне с устроителем.

Не воюй с беззащитными. Дитя, старик, лекарь, всякий, кто не поднял на тебя руки, — не война. Не по платью и не по полу считают воюющего, а по руке: поднял — воюющий, опустил — уже нет. Бьющий небоеспособного не защитник, а мародёр с оружием. И это верно в войне справедливой тоже: обороняющемуся дозволено не всё.

Не тронь посланника. Пришедший с вестью или для переговоров неприкосновенен, будь он хоть от врага. Посланник — это слово, обретшее ноги; убивающий его отрезает единственный путь, которым войны кончаются без новых смертей.

Держи перемирие и договор. Слово, данное врагу, есть слово: обещал не стрелять — не стреляй, обещал пропустить — пропусти, обещал обменять пленных — обменяй. Нарушивший перемирие ради малой выгоды платит после несоразмерно: ему уже не поверят, а значит, всякая следующая передышка, всякий вывоз раненых и всякий обмен станут невозможны, и умирать будут его же люди. На войне верность слову — не только честь, но и последняя работающая дорога к миру.

Не пройди мимо гибнущего. Тонущего, замерзающего, лежащего на дороге — выручи. Губящий одного губит непостроенный свет; стало быть, спасающий одного спасает непостроенный свет. Спасай по силам, а не сверх сил: утонувший вместе со спасаемым не спас никого. И не бросай спасённого на полдороге.

Не выдавай доверенного. Сказанное тебе в доверии — не твоё имущество: разглашающий чужую тайну ради выгоды или красного словца крадёт то, что дали подержать. Но тайна не покрывает готовящегося злодейства: молчащий о том, что готовится убийство, соучаствует молчанием.

Отвечай за сделанное твоими руками. Строитель — за дом, мастер — за орудие, лекарь — за снадобье. Пустивший в свет заведомо опасное положил препятствие перед всеми слепыми разом.

О свободе.

Не владей человеком. Всякий человек — душа на пути в Архитекторы; владеющий человеком объявляет ученика вещью. В классе не бывает собственности на одноклассников.

Не торгуй людьми. Продающий человека продаёт то, что не может принадлежать никому, — и сам становится вещью раньше проданного.

Не принуждай к близости. Никого, никогда, ничем — ни силой, ни страхом, ни властью, ни нуждой. «Будь тем, от чьей руки люди в безопасности» — здесь эта заповедь стоит в самой беззащитной точке человека, и потому здесь она абсолютна.

Не принуждай к вере. Ни к своей, ни к чужой — и не карай за уход из любой. В ворота входят своими ногами: это сказано о наших воротах, но это верно и о всех воротах на свете.

О вине.

Вина не наследуется и не раздаётся. Никто не карается за отца, за сына, за брата, за народ. Каждый пришёл начисто и отвечает своим складом — только своим. Наказание рода за одного, многих за немногих — не правосудие, а месть, надевшая мантию.

Не ставь в вину рождение. Никто не выбирал, от кого, когда и по какому обычаю ему родиться; ставить это человеку в укор — самый чистый вид наказания невинного, какой только бывает.

Дитя, рождённое вне брака, вне закона, вне приличий, — чисто, как всякое другое. Оно пришло начисто, как приходят все; греха родителей на нём нет, потому что грех вообще не переходит по крови, и склад его чист, покуда он сам не начнёт его строить. Прозвищ, какими метят таких детей, я повторять не стану: они и есть порча в чистом виде, и всякий, кто пускает их в ход, показывает не чужой позор, а свой.

То же и о прочих клеймах: дитя вора, дитя казнённого, дитя врага, дитя чужого племени, дитя, зачатое в насилии, — все они пришли начисто. Спрашивать с них за родителей — то же, что судить человека за погоду в день его рождения.

А отвечать за него надлежит тем, кто его родил, и обществу, в котором он растёт. Позор же — не на ребёнке, а на тех, кто вздумал его позорить.

Не лжесвидетельствуй. Солгавший суду убивает словом, чужими руками — и от невинной крови ложь не отмывается тем, что нож держал другой.

О детях и крови.

Не бери в жёны и мужья дитя. Ребёнок не может дать согласия, которого не понимает. Ломающий ученика прежде, чем тот сел за парту, творит тягчайшую из порч — и нет ей оправдания ни в обычае, ни в старине, ни в чьём-либо дозволении.

Не бери в супруги близкую кровь. Вырождение портит парты будущих учеников; готовящий испорченную парту грешит против ещё не пришедших.

Не бей ребёнка. Ни в поучение, ни в сердцах, ни по обычаю, ни «для его же пользы». Ссылаются тут обыкновенно на то, что и бившего самого били, а он вырос человеком; но вырос он не благодаря побоям, а вопреки им, и боль он забыл раньше, чем забыл страх. Погляди трезво, чему учит битьё: оно не учит различать доброе и дурное, оно учит одному — кто сильнее, тот и прав, его надлежит бояться, а попадаться нельзя. Дитя, воспитанное страхом, вырастает либо в того, кто бьёт слабейших, либо в того, кого бьют всю жизнь; и всякий раз оно выучивает, что от родного человека можно ждать боли, а этого после не выправишь ничем. Спрашивать с ребёнка нужно и наказывать можно — словом, лишением, трудом, — но не болью и не унижением при чужих.

Не заводи наследственной нечистоты. Нет и не бывает людей, нечистых от рождения. Обычай, по которому сын мусорщика обязан быть мусорщиком, а прикосновение к нему пачкает; по которому одним заказано пить из общего колодца, входить в общий дом и брать жену не из своих, — есть неволя, только рассеянная по целому народу и растянутая на века. Довод здесь тот же, что и о вине: она не наследуется. И заметь, кому эта нечистота выгодна: всегда тем, кто оказался чистым, и всегда даром.

Не оставляй рождённых тобою. Родивший отвечает: корми, расти, не бросай. Ты заказал ученику парту в этом свете — обеспечь её. О взятом под руку звере сказано «отвечай за него» — о приведённом тобою человеке это звучит стократ строже.

О чужом труде и чужой беде.

Не бери мзды и не торгуй властью. Продающий решение продаёт не своё: власть дана ему для дела, а он кормит себя чужой бедой — из кабинета. Это та же нажива на нужде, только в мантии и при печати.

Не ставь опытов на людях без их ведома и свободного согласия: ни на пленных, ни на заключённых, ни на больных, ни на бедных, ни на покорённых, ни на детях. Где человек не может отказаться — в тюрьме, в казарме, в приюте, у

своего лекаря, — там согласия нет, а есть распоряжение чужим телом. И знание, добытое так, не оправдывается пользой: полученное ценою неволи развращает и добывших его, и всех, кто после пользуется им, не спросив, откуда оно взялось.

Не мародёрствуй. Наживающийся на бедствии — на чужом пожаре, войне, голоде — ест из руки смерти. Ниже этого человек не падает почти никуда.

Не трави источников жизни. Вода, земля и хлеб, которыми живут люди, неприкосновенны — и в войну, и в корысти. Вредящий им вредит всем ученикам сразу, включая ещё не рождённых: это порча против будущих парт.

Не уничтожай невозвратного. Единственную книгу, последний свиток, древнее изваяние, старинную запись, память народа в его архивах — всё, чего не сделают заново, ибо сделавших нет на свете. Тут та же порча, что и с отравленным колодцем: платят не жившие при тебе, а ещё не рождённые, и предъявить тебе счёт им будет некому. Наказать живого можно и после, ошибку суда можно поправить, а сожжённое не возвращается ничем.

И меру решениям своим бери дальнюю: не детьми меряй и не внуками, а седьмым коленом. Спроси о всяком большом деле: что останется от него, когда умрут все, кто помнит меня по имени? Кто мерит ближним коленом, тот всегда находит, чем оправдаться: детей своих он как-нибудь обеспечит. Седьмым коленом не оправдаешься ничем.

Не удерживай платы работнику. Заработанное отдаётся в срок: держащий чужой заработок держит чужую жизнь.

Держи меру и вес честными. Обмер и обвес — ложь, сделанная руками.

Не обманывай в деле и торге. Не обещай того, чего заведомо не исполнишь; не бери платы за то, чего заведомо не дашь. Мошенничество — кража, растянутая во времени, и хуже кражи: вор крадёт вещь, мошенник — доверие, а доверие дороже вещей.

И знай: корыстная ложь остаётся мошенничеством в любом обличье — в торге, в бумагах, в речах. Всякое введение людей в заблуждение ради выгоды судится этой же строкой.

ЖИТЕЙСКИЕ УЗЛЫ

Здесь не тарифы — принципы. Меры и обычаи меняются от места к месту; принципы держат при любых мерах.

Семья и брак.

Брак — союз двух одноклассников по свободному согласию обоих. Никого не женят и не выдают чужой волей: ни родительской, ни родовой, ни чьей ещё.

Сосватанное без согласия — не брак, а сделка о человеке, и мы знаем, как это называется.

Внутри брака держит то же, что держит всё: слово. Брак — Дело двоих, взятое обоими.

И о близости супругов сказано в ядре, но повторим, ибо здесь чаще всего лгут себе: желание обоих, всякий раз. Брак не даёт права на тело другого и не отменяет его воли; взявший своё через нехотение — насильник, хотя бы и венчанный.

Что супруги должны друг другу. Уговор их не в одном сожительстве, и вот что в нём: верность данному слову — изменивший нарушил Дело, а не оступился в мелочи; забота в болезни и немощи, покуда есть силы; честность в деньгах — оба знают, сколько приходит, сколько уходит и сколько должно, а тайный долг есть обман, хотя бы и сделанный из стыда; труды дома делятся по уговору, а не по молчаливому обычаю, что кому-то одному положено всё; и право каждого на своё — на друзей, на дело, на время наедине с собою и на малые деньги, о которых не отчитываются.

Сверх того: не унижай супруга при людях и не жалуйся на него третьим прежде, чем сказал ему самому. Недовольство говори прямо и вовремя, а не копи до взрыва. Что касается обоих — решайте вдвоём; и не решай за другого, будто лучше знаешь, что ему нужно. Руки не поднимай никогда, и не грози.

Любовь не даёт власти. Заруби это, ибо здесь ошибаются и добрые люди: близость не прибавляет тебе прав распоряжаться человеком, а убавляет их — чем ближе он тебе, тем осторожнее надо быть с его волей.

А потому заказано и в браке: держать взаперти; отваживать от родни и друзей; читать письма и следить, называя это заботой; требовать отчёта в каждом часе; лишать своих денег; грозить уходом, чтобы добиться уступки; грозить, что с тобою самим что-нибудь случится; наказывать молчанием; попрекать сделанным добром. Всё это — насилие, только без синяков, и оттого его труднее показать людям, но легче узнать самому.

Мера же во всём этом одна и простая. Спроси: шире ли стала жизнь того, кого я люблю, с тех пор как мы вместе, — или тесней? Если тесней, то, как бы ты это ни называл, ты не любишь, а владеешь.

А расставание бывает, и закон о нём один: расходись без войны. «Не рань словом» нигде не нарушается страшнее, чем при разводе. Нажитое делите с прозрачностью складчины. Детей же не делайте оружием: дитя не снаряд и не трофей, и говорящий ребёнку дурное о втором родителе стреляет в ребёнка, целясь во взрослого.

О близости.

Запретов здесь два, и оба названы в ядре: не бывает близости с ребенком, и не бывает близости по принуждению. Первое — из тягчайших порч; второе — насилие, и ни брак, ни давнее знакомство, ни прежняя близость ему не оправдание.

Всё прочее, что делают двое взрослых по свободному желанию обоих, — их дело и больше ничьё. Свод не считает тело нечистым, желание — порчей, а радость — грехом: тело дано тебе на этот свет, и радость его не грязнее радости от хлеба, песни и работы. Нет у нас ни нечистых дней, ни нечистых деяний, ни списка дозволенных: где двое согласны и третьему нет вреда, там спрашивать не о чем и краснеть не о чем. Нет в способах соединения двоих мерзости, доколе оно приятно обоим.

Но раз всё здесь держится на согласии, о согласии скажем точно.

Согласие должно быть свободным. Не купленным нуждой, не выбитым страхом, не выпрошенным до изнеможения. Уступка от усталости — не согласие. Молчание — не согласие. Испуг — не согласие.

Согласие должно быть осведомлённым. Кто добыл близость обманом — солгав о своих намерениях, о том, что связан с другим, о заразной болезни своей, — взял её обманом, а обман есть кража; и кража эта из горших, ибо крадётся то, чего не вернуть.

Согласие отзывается в любую минуту. «Согласился прежде» не значит «согласен сейчас» — ни через год, ни через час, ни через мгновение.

Передумавшего отпускают тотчас, без укора, без торга и без обиды; торгующийся в такую минуту показывает, чего стоило его согласие.

Но отзыв действует вперёд, а не назад. Сказанное «нет» прекращает то, что происходит сейчас; оно не обращает вчерашнее согласие в насилие. Пожалеть о бывшем, застыдиться его, рассердиться поутру — не то же, что быть принуждённым: сожаление говорит о себе, принуждение — о другом.

Спрашивают об одном: было ли согласие в тот самый час. А кто задним числом называет насилием то, на что шёл добровольно, — ради выгоды, из стыда перед своими или чтобы отомстить, — тот лжесвидетельствует, и о том сказано ниже.

И тут же обратное, чтобы никто не укрылся за этой строкой. Согласия задним числом не создают ни то, что она пришла сама; ни то, что была весела прежде; ни то, что не кричала и не отбивалась; ни то, что не ушла тотчас; ни то, что вы женаты; ни то, что бывало между вами и раньше; ни то, во что она была одета.

Молчание и оцепенение — не согласие, а обыкновенный ответ тела на страх. Спрашивают всё о том же одном: было ли согласие в тот час.

Согласия не даёт тот, кто не в себе: спящий, беспамятный, пьяный до бесчувствия, одурманенный, лишённый рассудка. Взявший у такого не получил согласия, а воспользовался его отсутствием.

И согласие не бывает свободным там, где есть власть: у начальника с подчиненным, у учителя с учеником, у лекаря с больным, у стража с заключённым, у заимодавца с должником, у взрослого с тем, кто едва вышел из детства и от него кормится. Не оттого, что чувства меж такими невозможны, а оттого, что отказать свободно тут нельзя, — а где нельзя свободно отказать, там и согласиться свободно нельзя. Хочешь по-честному — сложи с себя власть, и пусть после сойдутся два свободных человека.

Сверх того держи данное слово: связавший себя обещанием верности и преступивший его нарушил Дело, и судится это не за близость, а за ложь.

И о том, что человек делает наедине с собою. Почти всякая вера на свете успела осудить самоудовлетворение, и всякая напрасно. Приложи нашу меру, единственную, какая у нас есть: кто здесь принуждён? кто обманут? кому причинён вред? Никого нет. Где нет другого, там нет и порчи, а стыд, который тут велят испытывать, — не совесть, а внушенная вина.

Скажем и о страшилках, которыми пугали: будто от этого слепнут, глупеют, сохнут и лишаются рассудка. Всё это сочинили лекари, ничего толком не знавшие, а повторяли охотно те, кому было выгодно держать людей в страхе перед собственным телом. Свет давно показал, что это ложь; а свет старше свода.

Не заказано это ни юноше, ни старику, ни женщине, ни живущему в браке, ни одинокому. Тем более тому, у кого нет близкого человека, или тому, кто в разлуке, в болезни, в старости: природа своё берёт, и запирать её наглухо — значит наживать себе мучение на ровном месте.

Мера же тут общая, как во всём: если оно потеснило работу, людей и жизнь — гляди приметы затянувшего; они одни на всё затягивающее, и особого греха тут нет. И держи это при себе: дело своё, совершаемое в уединении, и не должно оно доставаться в свидетели тому, кто того не хотел.

А детей за это не стыдите. Дитя, узнающее своё тело, не делает ничего дурного; напуганное же и осмеянное в такую минуту носит этот стыд десятилетиями и приносит его после в собственный брак. Скажите просто, что это делают не при людях, — и довольно; больше говорить ничего не надо.

А в чужое не лезь. Кто с кем живёт за своими дверями по обоюдному согласию — не твоё дело, не предмет пересудов и не повод считать себя лучше. Заповедь о том, что чужого склада со стороны не разглядеть, нарушается тут чаще, чем где бы то ни было; а кто громче всех рассуждает о чужих спальнях, тот обыкновенно меньше всех занят собственной жизнью.

Однако следует также помнить что если кто возляжет с ребенком или с кем-либо по принуждению, и тебе станет известно об этом, о том должно заявить во всеуслышание дабы не стать соучастником преступления.

Дети и родители.

Расти ученика, а не лепи из него себя: у него свой путь, своё заданное и свой экзамен. Корми, учи, храни — и отпусти, когда дорастёт.

В ворота учения не вводи — об этом сказано. Расскажи, когда спросит.

А о родителях помни заповедь: чти давших тебе жизнь. И помни, что она не кончается с твоим взрослением.

Но заповедь эта — о тех, кто вправду был родителем. Она не покрывает истязавшего ребёнка: бивший, унижавший, торговавший своим дитятей или бросивший его сам расторг её, и выросший не должен ему ни близости, ни любви, ни оправданий перед людьми. Долг его при этом остаётся один и малый: не мстить. Прочее — на его совести и никого более, и судить его за это никому не дано.

И о бездетности. Не всякому даются дети, а иные и не хотят их; закон не спрашивает с человека потомства и не считает жизнь без детей неполной.

Пристающий к бездетным с расспросами и утешениями делает дурное, хотя бы и по доброте.

Болезнь и старость.

Немощный — тот же ученик, только сосуд его души уж износился. Уход за больным и старым — дело, а не милость.

Родителей в старости не оставляй: они несли тебя, когда ты не мог ходить, — неси их, когда не могут они. Это не возврат долга, это тот же долг, продолжающийся.

Наследство.

Имущество — из того, что остаётся в этом свете. Грызущиеся над наследством грызутся над опустевшей партой — и показывают склады свои над гробом, где их видно всего яснее.

Воля ушедшего чтится, если справедлива и не велит дурного. Делёж ведётся с прозрачностью складчины. Спор — к разбору равными, и лучше рано: тяжба, протащенная через годы, съедает больше, чем делит.

Труд и торговля.

Работа — половина жизни, и она пишется в склад наравне со всем. Что заповедано о заработке, ты знаешь: не корми себя чужой бедой, плати в срок, держи меру честной, не обещай пустого.

Сверх того — правило мастера: делай наилучшее, что можешь сделать, и продавай только то, за что можешь стоять. Делающий заведомую дрянь лжёт руками, как лжёт обвешивающий.

И пусть весь свет знает: у фиделита покупают спокойно. Слава эта — общее имущество всех идущих, и роняющий её обкрадывает братьев.

Заём.

Дал в долг — помни: ты дал брату, не купил раба. Спрашивать своё — право; топтать должника — порча. Не дави сверх сил его.

Взял в долг — помни: долг есть Дело. Отдай, как обещал. Не можешь — приди и скажи прямо, до срока, не прячась: прятаться от заимодавца — дважды задолжать.

А простить долг тому, кто честно не может, — из высших помощей: сказано, лучшая помощь — та, после которой в ней не нуждаются.

И за долг не сажай. Должника, который не в силах отдать, не запирают: в затворе он не заработает ничего, останется должен и вдобавок разорит семью.

Спрашивай имуществом, работой, рассрочкой, поручительством — но не неволей. Тем более не бери в уплату его детей: дитя, отданное в работники за отцовский долг, есть кабала, а о том сказано в ядре — человек не монета и не залог.

Гость и странник.

Пришедшего прими: стол и кров по силам твоим. Странника в беде выручи, не спрашивая о вере его и племени: класс один.

А лишившемуся дома — погорельцу, изгнаннику, бежавшему от войны — дай не одну милостыню: дай работу, если есть, назови по имени и позови за стол.

Человек без дома теряет не одни стены, а место, где его знали; и возвращает ему себя самого не подаяние, а то, что с ним говорят как с гостем, а не как с бедой.

Гость чтит дом хозяина; хозяин чтит достоинство гостя. А гость, топчущий уклад дома, перестаёт быть гостем: в Каноне сказано о доме большем —

чтущего уклад края принимай, насаждающего своё силой гони. С малым домом то же.

И вот главное в этом узле. Прибежавшего к тебе от смертной опасности — укрой и не выдай. Невинного, за которым пришли, чтобы убить или погубить без вины, прячь, как прятал бы своего: выдавший его преследователю не хозяин и не человек, а подручный убийцы, и порча эта из тех, что не смываются.

Но различай беглеца. Одно дело — гонимый за кровь, за веру, за племя, за правду; другое — злодей, бегущий от правосудия за содеянное им. Первого укрой. Второго укрывать — соучаствовать в его деле: ты не убежище ему, а последний сообщник.

Не всегда легко различить, и потому спроси прямо: от чего бежишь? Солгавший тебе в этом ответе взял свою ложь на свой склад, а ты укрывал, кого думал укрыть.

Соседство.

Сосед — ближайший твой одноклассник: заповедь о голодном за стенкой начинается с него.

Не шуми в чужой покой, не двигай межи, не копи распри из мелочей.

Соседский спор туши малым и рано: распря растёт, как плесень, — от сырости молчания.

О книгах, песнях и памятниках.

Всякая власть рано или поздно обнаруживает книгу, песню или изваяние, которые ей неприятны, и всякая находит для запрета слова красивые: вредно, соблазнительно, оскорбительно, не ко времени. Держи здесь три различения, ибо в одну кучу валят три разные вещи.

Первое: отказать в своём — не то же, что запретить всем. Никто не обязан издавать чужое на свои деньги, вешать чужую картину на свою стену, ставить чужую пьесу на своей сцене или петь в своём доме песню, которая ему противна. Отказать — право всякого хозяина, и цензурой это не зовётся: отказанный идёт к другому хозяину, а вещь его цела и жива. Но своё «не хочу» не превращай в «никому нельзя».

И тут же оговорка, без которой это правило само станет лазейкой. Различение держится, покуда у отказанного есть куда пойти. Если же все двери у одного хозяина — если все типографии, все залы, все площади и все вестники в одних руках, — то «мы просто не выбрали эту книгу» и есть запрет, только переодетый в хозяйское право. Спрашивай не о словах отказавшего, а о том,

осталась ли у человека хоть одна другая дверь; не осталось ни одной — перед тобою цензура, как бы вежливо она ни говорила.

А из этого выходит и правило для власти: держи двери во многих руках.

Государство, скупившее все площади и всех вестников, потом может и не запрещать ничего вслух — ему довольно будет молчания.

Второе: запретить всем — уже произвол, и мера ему одна: наказывают за дело, а не за прочитанное и не за помысленное.

И не смешивай тут двух счётов. Помысленное и вправду ложится в склад, и о том сказано в Заповедях: порча начинается внутри, задолго до руки. Но склад читает Видящий, и читает он его целиком и в свой час; а суд человеческий видит одни дела и должен судить только их. Кто берётся карать за угаданное в чужой голове, тот присвоил себе чужую работу и непременно ошибётся — потому что судит не по видимому, а по своей догадке о невидимом. Дело — это когда зовут убивать вот этих людей вот сейчас; это не мысль, а начало убийства, и о нём сказано в ядре. Всё же прочее — заблуждение, дурной вкус, ересь, глупость, оскорбление чувств — лечится ответом, спором и смехом, а не запретом. Запрет к тому же и не работает: запрещённое читают вдвое усерднее, и лучшего рекламщика, чем цензор, у дурной книги не бывало.

Третье: уничтожить — порча, и порча непоправимая. О том сказано в ядре: сожжённое не возвращается ничем. И заметь притом, до чего коротка бывает память власти: что нынче жгут, то через тридцать лет печатают в школьных хрестоматиях, а через сто ставят в музей и водят к нему детей. Судящий книгу судит из своего десятилетия; книга же живёт веками и переживает всех, кто её запрещал, — а имена запрещавших остаются только в примечаниях, и всегда со стыдом.

Даже мерзкое — сохрани, не распространяя. Есть писания вправду гнусные: приказы убийц, наставления мучителей, воззвания истребителей народов. Их не надо ни печатать во множестве, ни навязывать детям; но сохрани хотя бы список в хранилище и дай доступ тем, кто изучает. Тексты палачей нужны, чтобы понимать палачей и узнавать их следующих; уничтоживший их оставляет потомкам голое утверждение «так было» — и первого же наглеца, который скажет «а не было ничего», нечем будет опровергнуть.

Не переноси вины автора на книгу и вины книги на автора. Негодяй может написать прекрасное, а праведник — вздор; и вина не наследуется даже от отца к сыну, тем менее от человека к сделанному им. Наказывай виновного, но не жги сделанного.

И чужого не тронь особо. Изваяния, храмы и святыни чужой веры, взятые тобою города, древности покорённых — не твоя добыча, а имущество всех, кто будет после. Разрушивший их не одолел чужого бога и не доказал ничего, кроме одного: что он был здесь и что после него стало беднее.

Когда пришёл захватчик.

Случится, что чужое войско войдёт в твою землю, останется в ней и станет требовать покорности и службы. Вот что тогда.

Покорность показная — не измена. Кланяйся, отвечай, что велят, и делай вид, что смирился: это тот же поклон под ножом, и обманут будет не доверившийся тебе, а пришедший с оружием. Слово, данное грабителю у твоего порога, не есть Дело: Делом становится слово, данное свободно, а у неволи слова нет.

Не помогать — обязанность всякого. Сражаться — право по силам и по совести.

Не требуй оружия от старика, от матери с малыми детьми, от больного и от того, у кого не хватает духу: они не трусы, а люди, и их посильный вклад иной — укрыть, накормить, промолчать на допросе, не выдать. Вспомни лестницу: можешь рукой — рукой; не можешь — словом; не можешь и словом — хотя бы не помогай. Лишь бы не ничем; ведь бездействие и есть помощь захватчику.

А кто может — тому и право, и дело. Отказывай в работе, тяни, порти, путай, уводи людей, укрывай беглых, не давай хлеба и покоя; а если способен — сражайся. Земля под захватчиком должна быть ему неудобна во всякий час, и это не разбой, а оборона, продолжающаяся после того, как войско разбито: пришедший не перестаёт быть пришедшим оттого, что он уже вошёл.

Но всё, что сказано о войне, стоит и здесь. Пленного не пытай, сдавшегося не добивай, посланника не тронь, с беззащитными не воюй — ни с их лекарями, ни с их детьми, ни с их женщинами. Ты потому и вправе драться, что они пришли, а ты защищаешься; сделавшись подобным им, ты потеряешь и правоту, и своих.

Считай, кто заплатит за твой удар. Захватчик мстит не тебе, а деревне, в которой ты укрылся. Прежде чем ударить, спроси: во что это станет тем, кто рядом, и стоит ли того сделанное? Иной раз стоит, и тогда бей; иной раз — нет, и тогда продумай лучше свой удар. Не бывает так, чтобы у смелости не было цены; бывает лишь, что платит её не тот, кто смел.

Различай покорившегося от служащего. Большинство под захватчиком просто живёт: пашет, лечит, учит детей, кормит семью. Это не измена, а жизнь, и попрекать этим нельзя. Виновен же тот, кто пошёл в их руки по своей воле: доносит, ищет, ловит, судит, мучит, наживается на чужой беде. Не смешивай двоих в одно слово, и особенно берегись тех, кто в такое время сводит с соседями старые счёты, назвав это чисткой.

И подозреваемого не убивай по слуху. Никакой донос, никакой шёпот и никакая ярость не заменяют суда. Если некому судить, довольствуйся тем, что можешь: отстрани, лиши доступа, предупреди своих. Убитый по слуху не воскреснет, если завтра выяснится, что шептавший метил в его дом.

А когда прогоните их — не начинайте с расправы. В первый день после освобождения всегда сыщутся охотники брить головы, водить по улицам и вешать без разбора тех кто работал на захватчиков; и мстят обыкновенно

самым слабым — женщинам, старикам, тем, у кого нет заступников, — а настоящие служители врага в этот час уже далеко. Судите судом, при доказательствах, с правом обжаловать. Народ, начавший свободу с самосуда, кончает тем, что боится собственной власти не меньше, чем боялся чужой.

Между равными.

Много сказано о том, каково быть под рукою и каково держать людей под своей. Но большая часть жизни идёт не так: люди сходятся равными — в товариществе, в артели, в общем деле, в дружбе, в соседстве, — и никто никем не командует. Тут свои правила, и они нужнее прочих, ибо здесь некому приказать и некому рассудить.

У всякого дела должен быть отвечающий, хотя бы все были равны. Не начальник, а именно тот, чьё имя стоит при этой части: он не решает за прочих, и старшинства это ему не даёт, — но с него спрашивают, сделано ли. Где отвечают все, там не отвечает никто, и общее становится ничьим прежде, чем успевает стать общим.

Уговаривайся на берегу. Всё, о чём противно думать в начале, — доли, труды, деньги, имя, выход — обговори и запиши, покуда вы друзья и покуда делить нечего. Уговор, писанный в согласии, стоит дёшево; уговор, писанный в ссоре, не пишется вовсе.

Считай разное разно. Один внёс деньги, другой труд, третий имя, четвёртый связи — и все считают своё дороже чужого, ибо своё вносили потом, а чужое видели со стороны. Условьтесь наперёд, как это меряется, и не тяните с этим до первой прибыли.

Условься, как решать при несогласии, покуда несогласия нет. Всякий уговор доживает до дня, когда мнения разойдутся пополам; и вот тогда-то поздно придумывать порядок. Решите заранее: единогласно ли, большинством ли, или у каждого последнее слово в своей части — и как быть, если двое из троих против.

Условься и о том, как разойдётесь. Всякое товарищество кончается: расходятся, умирают, устают, богатеют по-разному. Дверь наружу должна быть сделана в тот же день, что и вход: кто и на каких условиях выходит, что уносит, что оставляет, кому достаётся общее имя и общее дело. Уговорившиеся о разлуке заранее расстаются друзьями чаще, чем прочие остаются вместе.

Счёт держи открытым всегда. О складчине сказано в другом месте, но повторим: мутный счёт убивает дружбу вернее, чем прямая обида.

Отчитывайся сам, прежде чем спросят.

Не путай дружбу с делом. Дружба выдерживает многое, но не выносит двух вещей: мутного счёта и невысказанного недовольства. Хочешь сохранить и то и другое — говори о деле по-деловому, и говори рано.

Говори, когда один тянет за всех. Это самая частая смерть общего дела: кто-то везёт, прочие смотрят; везущий молчит из гордости и копит обиду, а прочие принимают молчание за согласие. Скажи об этом на второй неделе, а не на второй год: на второй неделе это разговор, на второй год — разрыв.

Внёсший больше не хозяин прочим. Ни деньги, ни возраст, ни знатность не делают равного старшим; кто хочет решать один — пусть и заводит своё дело один, и на своё несёт риск.

Учитель и ученик.

Знающий ремесло не запирает знания: учащий — несущий свет, и на нём благословение.

Учитель — проводник ремесла, не хозяин человека: власть его кончается за порогом мастерской. Ученик чтит учителя трудом, не поклоном.

А лучшая работа мастера — ученик, превзошедший его. Мастер, боящийся быть превзойдённым, уже не мастер: он сторож.

Ведущий и ведомые.

Взял людей под руку — отвечай за них. Формула эта уже звучала дважды: о звере и о детях. Вот её третье звено, и оно не мягче первых двух.

И колен от людей не требуй: ни поклонов, ни титулований, ни обрядов, в которых человек телом своим повторяет, что он ниже тебя. Кому нужно, чтобы перед ним падали, тот сам не уверен, что стоит прямо; а дело от этого не делается лучше ни на волос.

Ведущий печётся о ведомых, как отец о детях. Начальник смотрит, чтобы люди его были в благополучии: чтобы труд их был оплачен вовремя и сполна, чтобы было у них всё потребное для работы, чтобы спины их были прикрыты. Не давай своих в обиду и стой за них перед несправедливым обвинением: ведомый, которого предал начальник, не забудет — и будет прав.

Офицер — тем более: ему под руку даны не труды людей, а жизни. Корми солдат своих, обеспечь их и береги — и не води в самоубийственные атаки.

Солдатская жизнь не хворост, и жгущий её ради чина и славы предстанет у двери со всеми, кого сжёг.

И помни, что сказано в Кодексе Человека: раздели с ведомыми их тяготы и лишения — иди первым, и за тобою пойдут.

А кто не готов отвечать за людей — не бери их под руку. Вести людей — не честь, а тяжелая ноша, и берущий её ради чести уронит и ношу, и людей.

А вот каков ведомый.

Взявшись служить — служи честно. За что взялся, то исполни, приложив всё умение, какое есть, и всё старание, на какое ты способен. Работа твоя есть Дело, и слово «дело сделано» произносится над нею так же, как над всяким другим.

Радей о деле, а не о видимости дела. Притворяющийся занятым крадёт дважды: и час, за который ему плачено, и доверие того, кто на него понадеялся.

Не бери работы больше, чем сможешь сделать хорошо. А не поспеваешь — скажи, не дожидаясь срока: сказанное до срока есть забота, сказанное после — оправдание.

Береги дом, в котором работаешь: его добро, его час и его доброе имя. Дел его наружу не выноси.

Видишь ошибку или опасность — скажи. Скажи прямо и наедине, скажи до того, как беда случилась, и скажи один раз ясно, а не намёками, чтобы после сослаться на то, что ты предупреждал. Не сказавший вовремя становится соучастником беды.

А сказав — покорись решению, если оно принято вышестоящим. Спорить до решения — долг; спорить после — смута. Исполняй решённое как своё: не вполсилы, не назло и не спустя рукава. Работа, сделанная в обиде, портит и дело, и того, кто её делал.

Не льсти ведущему. Ты и есть тот самый, кто может ему возразить; а если замолчишь и ты, он ослепнет, и дом упадёт на всех, кто в нём.

Не выслуживайся, топя товарищей: возвысившийся чужим падением стоит на песке. И за глаза не говори того, чего не сказал бы в лицо.

Своего требуй прямо: недоплаченного, обещанного, забытого. Проси, а не копи обиду молча: копящий обиду вместо просьбы сам себе обидчик.

И помни границу. Ты служишь делу, а не человеку, и никакая служба не покрывает порчи: приказ, велящий нарушить Вечное ядро, не исполняется, а «мне было велено» ещё никому не помогло.

Если же дом, в котором ты служишь, творит дурное и исправляться не желает — уходи. Уходя, доделай начатое, сдай дела и не хлопай дверью: уходят с достоинством, а не в отместку. А когда дурное его — из тяжкого, о чём сказано в ядре, — тогда не только уйди, но и засвидетельствуй: молчание здесь и есть соучастие.

Знай же напоследок: верность — не покорность. Фиделит — самый надёжный работник, какого можно сыскать, и пусть это знает весь свет; но он не имущество и не должник по гроб. Он служит, покуда служит, и уходит свободно, когда решит уйти. Тем и дорога его верность, что она не от неволи.

Когда ты пишешь законы.

Случится тебе писать законы для страны или правила для города, цеха, войска, училища — помни, что ты пишешь не для нынешнего дня и не для нынешних людей, а для тех, кого никогда не увидишь. Оттого держи эти правила.

Пиши для худшего исполнителя. Всякий закон рано или поздно попадёт в руки дурака, лентяя и негодяя — не потому, что мир зол, а потому, что срок у закона долгий, а людей много. Не спрашивай себя, как употребит эту статью честный судья: спрашивай, что сделает с нею худший из тех, кому она достанется. Если при худшем исполнителе закон становится орудием — он уже орудие, а не закон.

Меряй беззащитным. Не тем меряй закон, как он ляжет на крепкого, богатого и знающего своё право, а тем, как он ляжет на самого слабого из тех, кого коснётся. Сильный обойдётся и без хорошего закона; слабый только им и защищён.

Пиши ясно. Закон, которого нельзя понять без толкователя, — не закон, а ловушка и кормушка: власть в нём достаётся не написавшему, а объясняющему. Зови вещи своими именами; пиши так, чтобы человек, которого это касается, прочёл и понял сам, — а если не выходит понятно, значит, ты и сам ещё не понял, чего хочешь.

Меньше законов, но исполнимых. Неисполнимый закон хуже отсутствия закона: он не исполняется, все к этому привыкают, и презрение переходит на прочие законы. Хуже же всего закон, нарушаемый всеми поголовно, — он не карает никого и всех делает виноватыми, а стало быть, отдаёт власть тому, кто выбирает, кого наказать нынче. Где виноваты все, там правит не закон, а выбирающий.

Не пиши в гневе и по свежей беде. Законы, написанные наутро после несчастья, при криках толпы и слезах на площади, выходят самыми жестокими и самыми бестолковыми: они мстят за вчерашнее и калечат завтрашнее. Дай гневу отстояться. То, что и через полгода останется нужным, останется; прочее было гневом, а не нуждой.

Не пиши против человека. Не сочиняй закона, чтобы достать врага, партию или неугодного: закон, писанный против одного, останется, когда одного не станет, и достанется другим — а вернее всего, тебе же. И вот верная проверка: представь, что писанное тобою завтра окажется в руках тех, кого ты боишься. А оно окажется, как всегда оказывается.

Обратной силы не давай. Не карай за то, что было дозволено, когда делалось. Иначе люди перестанут понимать, по чему им жить, и всякий станет заложником завтрашней перемены.

Назови плательщика. Всякий закон кому-то чего-то стоит: денег, времени, свободы, покоя. Прежде чем писать, назови вслух, кто заплатит, — и если выходит, что заплатят те, кого нет в этой комнате, позови их или хотя бы выслушай. Не может назвать плательщика тот, кто не понял собственного закона.

Не ломай старого, не узнав, зачем оно поставлено. Иной обычай кажется вздорным, покуда не узнаешь, какую беду им когда-то заслонили. Сперва доищись причины; и если причины больше нет — тогда ломай смело.

Испытывай малым и ставь срок. Новое правило сперва испробуй в малом — в одном городе, в одном деле, на малый срок, — и назначь день, когда его пересмотрят. Закон, писанный навечно, никто и не станет исправлять, а он состарится, как и всё; закон со сроком заставляет наследников подумать заново, и это лучшее, что ты можешь им оставить.

Оставь дорогу обжаловать. Решение, которое нельзя оспорить, есть не правосудие, а произвол, хотя бы и справедливый по случайности. Всякая власть, назначенная тобою, должна иметь над собою кого-то, к кому пойдёт обиженный.

Неотвратимость важнее жестокости. Умножать кары бесполезно там, где всякий надеется уйти безнаказанным: не строгость останавливает, а уверенность, что спросится. Жестокие законы обыкновенно пишут те, кто не умеет добиться исполнения простых.

Объяви заранее и дай срок. Тайный закон — не закон, а западня; и закон, вступающий в силу в день объявления, немногим лучше. Дай людям время узнать о нём и переменить свои дела: тот, кто уже связал себя по старому правилу, не виноват, что правило переменилось.

Не требуй невозможного. Правило, которого нельзя исполнить при всём желании, делает виноватым уже не за поступок, а за обстоятельства: за бедность, за болезнь, за место жительства, за незнание грамоты. Спроси о всяком долге, который налагаешь: может ли исполнить его самый бедный и самый неучёный из тех, к кому он обращён?

Пиши, зная, что его станут обходить. Всякое правило родит охоту его обойти, и обходят его умные и сильные, а попадаются простые. Прежде чем принять, посиди и придумай, как бы ты сам обошёл написанное, будь ты корыстен и ловок; что придумаешь — то и придумают.

Берегись награды, родящей обратное. Награждающий за убитых змей получает разведение змей; платящий за каждую пойманную вину получает изготовление вины. Гляди не на то, чего ты хочешь добиться, а на то, что станет выгодно людям после твоего закона: они пойдут за выгодой, а не за твоим замыслом.

Не корми стражу тем, что она собирает. Кто живёт со штрафов, тот будет штрафовать; кто кормится с изъятого, тот будет изымать. Отдели руку взыскующую от кармана, в который идёт взысканное, — и половина неправды исчезнет сама, без единого нового запрета.

Не давай исключений сильным. Всякая поблажка, выпрошенная богатым и знатным, обходится дороже, чем кажется: она не столько освобождает одного, сколько объясняет прочим, что закон — не для всех, а для тех, кто не сумел отпроситься. С этого объяснения начинается гниение всякого свода.

Пусть новое правило коснётся тебя первым. Прежде чем налагать тягость на других, наложи её на себя и на своих: испытавший на себе пишет короче и милосерднее. А тот, кто выводит себя из-под собственного закона, уже не законодатель, а тиран.

Записывай причину. При всяком законе оставляй запись: ради чего он писан и какую беду им заслонили. Наследники твои будут его пересматривать и не смогут отличить нужного от отжившего, если не найдут причины; а не найдя — либо сломают нужное, либо сохранят вздор из робости.

Не переменяй правил слишком часто. Люди строят жизнь по тому, что нынче дозволено; всякая перемена рушит чьи-то расчёты, и не всякая того стоит. Устойчивость посредственного правила часто полезнее суеты вокруг наилучшего.

И помни предел законов вообще. Закон удерживает руку, но не переделывает сердца: он может отнять у злого возможность, а доброты не выдаст никому.

Оттого не пиши законов о том, что человек должен любить, чтить и чувствовать: выйдет и глупо, и лживо — люди научатся изображать чувство, и ты получишь страну притворщиков.

И над всем — ядро. Никакой закон, писанный тобою, не смеет переступить Вечное ядро, а если переступил — он не закон, а порча в одеждах закона, и подписавший его отвечает своим складом наравне с исполнившим. Это не отменяется ни нуждою, ни войной, ни волей большинства: большинство может многое, но не может сделать невинного виноватым.

Когда по этим законам судят.

Писать законы — одно ремесло, судить по ним — другое, и правила у него свои.

Никто не судья в своём деле. Имеющий в деле выгоду, родство, вражду или страх — выходит из судей, как бы честен он ни был: не потому, что непременно покривит, а потому, что решение его никого не убедит, а суд, которому не верят, бесполезен.

Выслушай обе стороны. Решивший, не выслушав второго, решил не дело, а свою догадку. И слушать надо прежде, чем составил мнение, а не после — иначе слушаешь ты уже не человека, а поводы утвердиться.

Доказывает утверждающий. Не обвиняемый доказывает, что не виноват, а обвиняющий — что виноват; и покуда не доказал, человек невиновен.

Сомнение же толкуется в пользу того, кого судят: этак виноватый иной раз уйдёт, а этак невинный иной раз сядет, и первое исправимо, второе нет.

Не суди дважды за одно. Оправданного не тащат в суд снова, покуда не сыщется того, чего прежде не знали. Иначе суд превращается в травлю, где берут измором.

Суди открыто. Тайный суд развращается быстрее всякого другого, и не оттого, что судьи там хуже, а оттого, что их никто не видит. Пусть при разбирательстве присутствуют посторонние, и пусть решение будет записано и объяснено: судья, обязанный объяснить, судит внимательнее.

Не соединяй в одной руке. Кто писал правило, тот пусть не исполняет его один; кто исполняет — пусть не судит сам о своей правоте; кто судит — пусть не кормится с исхода дела. Разъединив эти три руки, ты сделаешь для правосудия больше, чем десятком добрых законов.

Оставь наказанному дорогу назад. Наказание должно иметь конец, а отбывший его — возвращаться в люди без вечного клейма. Кому закрыты все двери, тому остаётся одна — та, за которую его уже наказывали; и общество, не пускающее назад, само себе готовит завтрашних злодеев.

Соразмеряй. Кара, превышающая вину, не устрашает, а озлобляет и роняет уважение к суду; за малое карающий жестоко скоро обнаружит, что за большое ему уже нечем карать.

И не карай телом. Порка, отсечение руки, клеймение, ослепление — не наказания, а порча, наложенная от имени закона. Отсечение подходит под все четыре приметы увечья и потому заказано вовсе; порка же и клеймение суть пытка, совершаемая при народе, а о пытке сказано в ядре. Наказание должно отнимать у виновного время, имущество или свободу — то, что возвращается или возмещается. Тело не возвращается: суд, ошибившись, не пришьёт руки обратно.

О ложном обвинении — особо. Оговорить человека в насилии есть тягчайший вид лжесвидетельства, и тяжек он вдвойне. Первое: обвинённый в таком деле наказан молвою прежде всякого суда, а оправдание не возвращает ему доброго имени — люди помнят обвинение и забывают оправдание. Второе и худшее: всякая такая ложь отнимает веру у тех, кто скажет правду после. Лжец здесь губит не одного невинного, а ещё и неведомое число тех, кому потом не поверят, — и этого он не сможет ни сосчитать, ни починить.

А потому суди по доказанному, а не по тому, кто убедительнее плачет и кто громче негодует. Доказывает утверждающий; сомнение — в пользу того, кого

судят; и покуда не доказано, не выдавай на поругание ни имени обвинённого, ни имени обвинившего.

Клеветнику — по мере того, что он готовил другому. Кто пришёл в суд с ложью и требовал кары невинному, тот сам да ответит соразмерно той каре, какую готовил: обрекавший на разорение — да разорится, обрекавший на неволю — да пойдёт в неволю. Ибо в лжесвидетельстве всё уже сделано, кроме последнего шага, и не его заслуга, что ложь вскрылась.

Но три гвоздя держат это правило, и без них оно обратится в свою противоположность.

Первый: карают только за доказанный умысел. Различай три вещи, которые невежда путает: солгал нарочно, ошибся добросовестно, не сумел доказать правду. Карается одно первое, и умысел его должен быть доказан так же полно, как доказывают всякую вину, а сомнение и здесь толкуется в пользу обвиняемого — то есть теперь в пользу того, кто жаловался. Не доказавший своей жалобы не лжец: он не доказавший, и с него не спрашивают ничего.

Второй: смертью не карают за слово. Где оболганному грозила смерть, клеветник несёт тягчайшее из наказаний, кроме смертного. Ибо казнь у нас требует полноты доказательства, а умысел лгать — из труднейших для доказывания; и не должно случиться, чтобы за труднее доказуемое карали строже.

Третий: объяви это правило громко и с оговоркою. Пусть всякий в стране знает, что за неудавшуюся жалобу не карают, — иначе перестанут жаловаться вовсе, и первыми замолчат самые беззащитные, у кого доказательств меньше всего.

Закон, устрашивший клеветника ценою молчания обиженных, обошёлся стране дороже, чем всякая клевета.

И сверх наказания — верни имя. Взыщи с солгавшего в пользу оболганного за отнятое: за потерянную службу, за расстроенное дело, за прожитое в неволе. И объяви оправдание там же и так же громко, как звучало обвинение: на том же торгу, перед теми же людьми. Имя губится молвой, а молву не перебьёшь бумагой, лежащей в суде.

А если по лжи уже успели покарать — порча ложится и на тех, кто карал не разобравшись: на скорый суд, на охочих до расправы свидетелей, на всякого, чья рука была в деле. О том сказано выше, где говорится об ошибочной казни.

И не выведи из сказанного, будто обвинения обыкновенно ложны. Чаще бывает противоположное: молчат, а не выдумывают, и настоящих обид остаётся без ответа несравненно больше, чем случается ложных. Свод бережёт здесь обоих — и того, кого могут оболгать, и ту, которой могут не поверить. Кто ради одной заботы отбрасывает другую, тот печётся не о справедливости, а о своей стороне.

Починка порчи.

Испортил человеку — чини перед ним: Видящий чужих счетов не принимает.

Порядок починки трёхчастен, и все три части обязательны.

Признай — прямо, без «но» и без половины. Признание с оговоркой — не признание, а торг.

Возмести — что возместимо. Словами чинится сказанное, делом — сделанное.

Не повтори. И это главное: оказавшись в том же месте снова, поступи иначе.

Только это закрывает урок — заданное узнаёт починку по тишине.

Прощения проси, но не требуй: простить — его право, не твоя плата за труд. Не простил — твоё дело всё равно сделано, если сделаны три части.

Разбор споров.

Сперва — сами, глаза в глаза: большинство споров умирает от первого честного разговора.

Не вышло — зовите равных: незаинтересованных, по согласию обеих сторон.

Разбирающий — судья на час: роль его живёт один спор и умирает с ним.

Постоянных судей у фиделитов нет и не будет: постоянный судья — это посредник, отрастивший молоток. И платы за разбор нет никакой: платный суд — продажа правосудия, а о продающих решения сказано в ядре.

Решение разбора принимается доброй волей: у него нет стражи, есть только склады сторон. Не согласен — иди в суд страны, и это не грех.

Правда и вред.

Не лги — сказано в Заповедях, и это стоит. Но правда принадлежит живым, а не тем, кто пришёл за их жизнью.

Спрашивает убийца, где спряталась жертва, — солги ему в лицо и не назови этого нарушением. Правило не выше живой жизни; правда, требующая гибели невинного, — не правда, а порча в одеждах правды.

Лгущий убийце защищает жизнь, как защищает её заслонивший собою. И вот единственный корень, из которого растёт дозволенная ложь: защита жизни от занёсшего руку — на войне ли, у порога ли твоего дома, под приказом ли, велящим порчу. Всё, что растёт не из этого корня, — ложь и есть. Не путай её с

ложью для удобства, для выгоды и для покоя: та остаётся ложью и в самом малом.

А это ложью не считается вовсе, и не мучь себя понапрасну.

Умолчание — не ложь. Ты не должен никому своего нутра. На вопрос «как поживаешь?» ответить «хорошо», не выкладывая незнакомцу своих бед, — не обман, а обиход; лгать было бы, если бы ты выдумывал себе чужое благополучие и наживался на этом. Точно так же вправе ты не отвечать о своём здоровье, деньгах, вере, горе и о том, что было у тебя до нынешнего дня.

И вот приём, который стоит перенять. О чужих делах отказывайся говорить всегда, а не тогда лишь, когда есть что скрывать: у того, кто молчит постоянно, молчание ничего не выдаёт, а кто молчит изредка, тот молчанием своим и указывает. Так сберегается и чужая тайна, и твоя честность — тебе не придётся лгать, чтобы её сохранить.

Игра, вымысел и сюрприз — не обман. Сказка, песня, представление, придуманная история, шутка, которую тотчас откроют, подарок, приготовленный втайне, — во всём этом никто не введён в заблуждение к своему вреду; напротив, оба знают правила, а обманутый смеётся или радуется.

Не будь занудой, обращающим в ложь всякий пустяк: учение наше о честности, а не о сухости.

А вот ложь ребёнку — с разбором. Играй с ним во что угодно и рассказывай ему сказки: он и сам знает, что это сказки, а если ещё не знает, то узнает вовремя и не обидится. Но не лги ему о том, что важно: о смерти, о болезни, о разводе, о том, вернёшься ли ты и когда. «Мама скоро придёт», сказанное о матери, которая не придёт, стоит дороже всех сохранённых слёз: ребёнок узнаёт правду всё равно, а вместе с нею — что тебе нельзя верить в главном, и это уже не выправить. Говори ему правду соразмерно возрасту: не всю сразу, не подробностями, которых он не вынесет, — но правду, а не подмену.

И о поклоне под ножом. Случится, что тебя поставят перед выбором: поклонись чужому богу, назови его своим, отрекись от своего — или умри. Кланяйся. Говори, что велят, и повторяй столько раз, сколько потребуют. Ложь эта растёт из того же корня, и обманут будет не доверившийся тебе, а тот, кто приставил нож к твоему горлу; такому обману цена — по обманщику. А сверх того знай, что нам и предавать нечем. У нас нет обряда, который тебя связывает, нет храма, который ты осквернишь, нет образа, от которого ты отречёшься, и нет ревнивого бога, которого твой поклон обидит. Видящий не считает поклонов и не взвешивает слов — он смотрит склад; а склад твой от согнутой спины не переменится ни на волос. Пусть получат движение твоего тела и звук твоего голоса: тебя они не получат.

Но вот черта, и она твёрдая. Спасая себя, не твори порчи другому. Не называй имён, не указывай, где прячутся, не подписывай чужого приговора, не бери орудия при чужой казни, не свидетельствуй ложно о ближнем. Своею жизнью торгуйся сколько угодно — чужой не торгуй никогда: ложь, спасающая тебя ценою другого, уже не спасение, а лжесвидетельство, и о нём сказано в ядре.

И о тех, кто выберет иначе. Иной не станет кланяться и умрёт. Не зови его глупцом: он рассудил, что ему дороже стоять прямо, и это его право и его склад.

Мы не заповедуем ни кланяться, ни отказываться; мы говорим лишь, что поклонившийся под ножом не согрешил.

А поклонившихся после не судите. Когда гроза пройдёт и уцелевшие сойдутся, всегда сыщутся охотники спрашивать: а где был ты и что подписал? Гоните таких. Поклонившийся под ножом не отступал, и возвращаться ему некуда, ибо он и не уходил; требующий же от него покаяния добивает то, чего не добил палач, и делает за палача его работу.

Границы повиновения.

Приказ не покрывает порчи. Велящий тебе нарушить Вечное ядро велит того, чего ты не исполнишь: исполнивший отвечает наравне с приказавшим, и «мне было велено» не сказано ни на одном экзамене с толком.

Знай это, идя под чью-либо руку: под чужой рукой твой склад остаётся твоим. Ведущий отвечает за приказ. Ты — за руки этот приказ исполняющие.

А если выбор поставлен так, что за неисполнение — твоя смерть, дозволена хитрость: сделай вид, что исполнил, не исполнив; уклонись, промедли, промахнись, потеряй документ, сбеги сам. Учение не требует от тебя гибели там, где можно сберечь и склад, и жизнь. Но чего оно не дозволяет никогда — исполнить и оправдаться приказом.

Уход и врачевание.

Лечи и лечись — о том сказано в Укладе. Здесь о пределе, до которого доходит врачевание.

Продлевать жизнь — дело доброе. Продлевать умирание — не всегда. Больной вправе отказаться от лечения, которое лишь растягивает муку, не давая надежды: отказ этот не есть уход до срока, ибо человек не бежит от заданного — заданное его дочитано, и парта разрушается не по его воле.

И если неисцелимый, в ясном сознании и не в час первого отчаяния, просит прекратить его муку — просьбу эту дозволено исполнить. Три условия держат это дозволение: недуг неисцелим и мучителен; просьба тверда и повторена, а не вырвана болью одного вечера; и при решении не стоит никто, кому смерть его выгодна. Где нарушено хоть одно — это не милость, а убийство, как бы себя ни называло.

Безгласного же — того, кто в беспамятстве и не может сказать своей воли, — береги и держи в жизни. За немого не решают: не зная воли, склоняйся к жизни.

И о правде больному. Правда о его теле принадлежит ему, а не совету родни.

Часто бывает иначе: близкие сговариваются и скрывают от больного его срок — из жалости, а на деле из собственного страха при нём заплакать. Тем самым у него крадут последнее, что у него оставалось: он не простился, не устроил дел, не увидел, кого хотел увидеть, не сказал того, что говорят один раз. Не воруй у умирающего его последние месяцы.

Спрашивай его самого — прямо, но без напора: хочешь ли знать всё, или знать по частям, или не знать вовсе и довериться нам? Как скажет, так и делай, и переспрашивай изредка, ибо воля тут меняется. Хочет знать — говори правду; не хочет — не гони её на него силой. И правду говори без жестокости: не срок один, а и то, что можно сделать, кто будет рядом и что боли не оставят.

А детям в доме не лги о том, что происходит с их бабкой или отцом: они всё равно всё чувствуют, а ложь оставит их наедине со страхом, о котором не с кем говорить.

О нерождённых.

Здесь говорить тяжело: искра, сказано в Каноне, вспыхивает в утробе. Стало быть, речь идёт не о пустом, и лёгких слов эта глава не терпит.

Когда во чреве найден порок, различай, и различие это — главное во всём узле.

Если плод не может жить, а может лишь родиться и мучиться, и умереть, — прервать его путь есть милость, и погибший безвинно не теряет ничего: жизнь, которой он лишён, вернётся ему, он придёт в этот свет ещё раз.

Но если предстоит жизнь — пусть трудная, пусть иная, чем у прочих, — не тебе судить её цену. Незрячий, неслышащий, неходящий не порченая парта: он ученик на трудном билете, а трудный билет дают тому, кто может его поднять.

Тягость для родителей не приговор ученику. Отмерять чужую жизнь по её удобству для нас — то самое чтение чужого склада, которое нам заказано; помни, что и тебя когда-то отмеряли бы так же.

О беременности нежеланной Закон не назначает ни сроков, ни мер: не всякий узел режется общим правилом, а суд над чужим складом нам заповедан. Держи одно: решает та, кто носит. Не принуждают ни к рождению, ни к прерыванию — ни муж, ни родня, ни сосед, ни власть. Не срамят и не поминают потом. И знай: упредить легче, чем прерывать, — а нежеланное дитя, рождённое в укор, растёт при живых родителях сиротой, и это тоже порча, только медленная.

А кто носит и родит — тому весь свет в помощь: одинокой матери подать руку — дело всякого фиделита.

Дело.

У фиделита слово и дело — одно. Потому нам и запрещено клясться: слово фиделита нечем усилить. Оно уже полное.

Взялся за дело, дал слово, заключил уговор — исполни, приложив все силы и все возможности. Костьми ляг, но исполни: так это делается, и пусть весь свет знает, что так это делается у нас.

Но обещай трезво. Не бери дела сверх руки: половина честности обещания — в его трезвости. Раздающий обещания горстями раздаёт чужое.

Не смог — а бывает и так, — приди и скажи прямо, до срока, и возмести, что можешь. Это тоже честь, хоть и горькая: честно поднятые руки чище спрятанных глаз.

А исполнив, произнеси два слова, которыми закрывается твоя сторона уговора: **«Дело сделано»**.

Формула эта стара, как первый уговор между людьми, и священна, как сама честность. Сказавший её отчитался — перед тем, с кем уговор, и перед тем, кто видел уговор.

И знай: первое Дело всякого фиделита — слово, данное у ворот при Входе.

Свидетель его — Видящий. И это единственное Дело, над которым «сделано» произнесёшь не ты.

Оно закрывается целой твоей жизнью.

Книга четвёртая. ВОПРОСЫ

Здесь нет ответов. Отвечающий — ты.
Прочти вопрос и не спеши дальше, покуда не ответишь себе честно; а если ответ вышел красивый и приятный — прочти вопрос ещё раз.
Иные из этих вопросов не имеют ответа вовсе. Они и заданы не затем, чтобы на них ответить.

К Счёту дня.

Что сегодня было заданным мне?
Где я сегодня был глух?
Чем я стал за этот день — хоть на волос?
Кому я сегодня понадобился?
О чём я сегодня промолчал — и почему?
Кого я сегодня рассудил, не выслушав?
Что я сделал сегодня такого, чего не сделал бы, если бы на меня смотрели?
Что я сделал хорошо — и сумел ли признать это, не раздуваясь?
Сколько из сегодняшнего дня я вообще помню?
Что из сегодняшнего я не хотел бы повторить завтра?

Вопросы года
К Счёту года, в день рождения.

Чем я стал за этот год?
Что из заданного я выучил, а что отложил ещё на год — и который год я его откладываю?
Тише я стал слышать или ясней?
Что я обещал себе в прошлый раз? Где оно теперь?
Кто вошёл в мою жизнь за этот год и кто ушёл? По чьей вине ушёл?
Чему я кого-нибудь научил?
Стало ли вокруг меня больше порядка — или меньше?
Что я делал в этом году такого, чего не стану делать никогда больше?
Если бы этот год повторился в точности, что было бы в нём невыносимо?
А если этот год был последним — что я оставил?

Вопросы у ворот
Прежде чем дать слово. Отвечать наедине.

Ищу ли я истины — или ищу утешения?
Готов ли я слышать о себе то, что мне не понравится?
Есть ли во мне вопрос, ответа на который я боюсь? Назови его.
Готов ли я идти, зная, что подсказки не будет, а ответ придёт один раз и в конце?
Что я стану делать, если пойму, что жил не так?
Кому я собираюсь рассказать, что вошёл?

Вопросы начинающему
Тому, у кого всё ещё впереди и кто оттого думает, будто времени много.

Чего я хочу — или чего от меня хотят?
На кого я хочу быть похож? Знаю ли я, чего это ему стоило?
Что мне даётся легко? Что я делал бы и без платы?
Что я умею делать руками?
Кто говорит мне правду в лицо — и слушаю ли я его?
Чего я боюсь сильнее: ошибиться или показаться смешным?
От кого я завишу и чем? Эту зависимость я выбрал сам — или в неё попал?
Кем я стану, если не выйдет то, на что я рассчитываю? Думал ли я об этом хоть раз?
Что я откладываю на «потом, когда»? Когда наступит это «когда»?
Что я делаю сегодня такого, о чём пожалею в сорок?

Вопросы прежде, чем сказать
О всяком слове — сказанном, писанном и переданном дальше.

Правда ли это? Откуда я знаю?
Нужно ли это сказать — или мне просто хочется сказать?
Кому станет лучше от этих слов?
Сказал бы я это при нём?
Если это правда и она его порочит — есть ли в ней нужда?
Не рассказываю ли я о нём дурное затем, чтобы самому казаться лучше?
Что я хочу получить этими словами на самом деле?
Можно ли сказать то же короче и мягче, не потеряв правды?

Вопросы прежде, чем поверить
О вестях, слухах и всём, что тебе рассказали.

Кто это сказал? Видел ли он сам? А тот, от кого узнал он?
Кому выгодно, чтобы я в это поверил?
Проверил ли я это где-нибудь ещё — или мне просто повторили дважды?
Верю ли я этому оттого, что это правда, — или оттого, что это сходится с тем, что я и так думал?
Что должно случиться, чтобы я признал, что ошибся? Если ничего — я не думаю, я верую.
Стану ли я это пересказывать? Зачем?
Если это окажется ложью — кому она успеет навредить через меня?

Вопросы, когда тебя убеждают всем миром
О всяком общем гневе, общем страхе и общем восторге. Задавать именно тогда, когда некогда и когда все уже всё поняли.

Кто выигрывает от того, что я в это поверю? Что он получит завтра?
Кто мне это говорит и чем он кормится?
Что мне велят чувствовать прежде, чем успею подумать? Гнев? Страх? Стыд? Восторг?
Кого мне велят возненавидеть — и назван ли он по имени или назван целым народом?
Что мне запрещено спрашивать? С каких пор вопрос стал предательством?
Могу ли я пересказать доводы другой стороны так, чтобы она сказала: да, именно это мы и говорим? Если не могу — я не знаю, с чем спорю.
Что говорили об этом же год назад? Пять лет назад? Кто из говоривших признал, что ошибался?
Откуда мне это известно: видел ли кто-нибудь сам — или все ссылаются друг на друга по кругу?
Много ли я слышу подробностей и мало ли доказательств?
Меня убеждают доводом — или повторением?
Что должно случиться, чтобы я признал, что был неправ? Назови это вслух. Если ничего — со мною говорят не с разумом.
Что я стану делать со своей уверенностью: думать — или ударить?
И последний, самый неудобный. Если завтра окажется, что это была ложь и через меня она пошла дальше, — кому она успела навредить?

Вопросы о том, чем ты кормишь свой ум
Ум питается тем, что ты в него кладёшь, изо дня в день и незаметно.

Что я читаю, слушаю и смотрю каждый день — и что оно со мною делает?
Становлюсь ли я от этого спокойнее и умнее — или тревожнее и злее?
Сколько часов ушло на это вчера? Что я успел бы за эти часы?
Что я узнал за последний месяц такого, что переменило мои поступки?
Умеет ли то, что я слушаю, говорить «мы ошиблись»?
Кого я слушаю только потому, что он говорит то, что я и так думаю?
Что из того, с чем я спорю, я не читал ни разу?

Вопросы прежде, чем судить
Открывать до того, как откроешь рот.

Что я о нём знаю — и откуда?
Знаю ли я его самого — или только то, что о нём говорят?
Что бы я подумал, если бы так поступил мой друг? А если бы так поступил я?
Не мешает ли мне то, что он мне неприятен?
Знаю ли я, какую ношу он несёт?
Хочу ли я разобраться — или хочу оказаться правым?
Что я теряю, если он окажется прав?

Вопросы прежде, чем осудить целый народ или сословие

Ненависть к людям всегда начинается с того, что имена заменяют одним словом.

Кого именно я осуждаю? Назови имена. Скольких я знаю сам?
Приписываю ли я целому то, что видел у немногих?
Что я скажу о тех из них, кто этого не делал? Их больше или меньше?
Если бы то же самое говорили о моём народе за дела худших из нас — что бы я ответил?
Откуда мне это известно: видел сам, мне рассказали — или «все так говорят»?
Что мне даёт эта мысль? Не легче ли мне оттого, что виноват не я, а они?
Кому выгодно, чтобы я так думал?
Сказал бы я это в лицо старику из их числа? А ребёнку?

Вопросы, когда ты свидетель дурного
Их задают быстро, потому что времени нет. Но задают.

Что здесь происходит на самом деле — и не отвожу ли я глаза нарочно?
Могу ли я остановить это рукой? Если нет — могу ли словом?
Если нет и слова — что я могу после: позвать, увести, запомнить, засвидетельствовать, найти пострадавшего?
Чего я боюсь: за себя, за своих, за место? Назови страх по имени.
Кто ещё это видит? Может ли моё слово стать первым — тем, после которого заговорят другие?
Если нужна подмога — к кому из стоящих я обращусь по имени или в лицо? (В воздух не зовут: зовут одного.)
Чего я хотел бы от чужого человека, окажись на месте того мой сын?
Если промолчу — что я скажу себе вечером?

Вопросы чужому и о чужом
Первые — когда ты пришёл в чужой край. Вторые — когда чужой пришёл к тебе.

Когда ты пришёл:
Что здесь заведено такого, чего я ещё не понял? Кого я могу спросить, не обидев?
Что я приношу этому краю, кроме своих нужд?
Требую ли я от них того, чего сам не дал бы на их месте?
Что из здешнего уклада я принимаю, а чего принять не могу? Сказал ли я об этом прямо — или молчу и делаю по-своему?
Когда пришли к тебе:
Спросил ли я его самого — или сужу по молве о его племени?
Что ему здесь трудно такого, чего я не замечаю?
Спрашиваю ли я с него больше, чем со своих?
Чтит ли он здешний уклад — или ломает его? Различаю ли я одно и другое, или мне довольно того, что он не наш?

Вопросы, когда ты прав
Правота портит быстрее вина.

Что мне дороже — быть правым или чтобы вышло хорошо?
Прав ли я во всём — или прав в главном и неправ в мелочи, о которой умалчиваю?
Не тороплюсь ли я оказаться правым, покуда есть свидетели?
Как я сказал бы это, если бы любил его?
Что будет, если я промолчу и он дойдёт сам?
Если я одержу верх — что я выиграю и что потеряю?

Вопросы, когда решаешь, не зная
О всяком решении при нехватке сведений — то есть почти о всяком.

Что я знаю точно, что предполагаю, а чего не знаю вовсе? Раздели вслух.
Что мне нужно узнать, чтобы решить, — и можно ли это узнать в тот срок, который у меня есть?
Какая из ошибок здесь поправима, а какая нет? (При равном незнании выбирают поправимое.)
Можно ли испытать это малым, прежде чем решать за всех и навсегда?
По какой примете я узнаю, что ошибся? И когда я посмотрю на это сызнова?
Что должно случиться, чтобы я признал себя неправым? Если ничего — это не мнение, а привычка.
Кто знает об этом больше меня? Спрашивал ли я его — и дослушал ли?
Не выдаю ли я догадку за знание, чтобы не показаться неуверенным?
Не медлю ли я, называя это осторожностью? Промедление — тоже решение, только худшее.

Вопросы прежде, чем взяться
О всяком деле и всяком обещании.

По руке ли мне это?
Ради чего я берусь: ради дела — или ради того, чтобы меня видели берущимся?
Что я обещаю на самом деле? А что услышит тот, кому я обещаю?
Когда я смогу сказать «дело сделано»? Назови срок вслух.
Кому станет хуже, если я это сделаю?
Что я сделаю, если не смогу, — знаю ли я это уже сейчас?

Вопросы о ремесле
О деле, которым кормишься.

Делаю ли я это так, как сделал бы для себя?
Стыдно ли мне показать ту сторону работы, которой не видно?

Чему я выучился в ремесле за этот год — или я двадцатый год повторяю первый?
Передал ли я кому-нибудь то, что умею лучше всего? А если нет — кому передам?
Берусь ли я за то, что мне не по рукам? Ради чего?
Что я делаю хуже, чем мог бы, — и давно ли я себе это позволяю?
Кормлюсь ли я чужой бедой?
Если бы моё имя стояло на всём, что вышло из моих рук, — что бы я переделал?
Что останется от сделанного мною через десять лет?

Вопросы прежде, чем помочь
О всякой помощи — деньгами, руками, словом.

Нужна ли ему моя помощь — или мне нужно помочь?
Помогу ли я так, чтобы он встал на ноги, — или так, чтобы он приходил снова?
Смогу ли я не рассказать об этом никому? А если не смогу — точно ли я помогаю?
Не жду ли я благодарности? Что я почувствую, если её не будет?
Кто рядом со мной не просит — и когда я в последний раз смотрел в его сторону?
Что я могу дать, не отняв у тех, кто на мне?

Вопросы прежде, чем вступать в брак
Отвечать наедине и не спеша. Здесь сказано «он», но всё это равно относится к обоим.Ответы на эти вопросы стоят дёшево сегодня и очень дорого через десять лет.

Сколько я его знаю? Видел ли я его в усталости, в болезни, в нужде, в неудаче?
Видел ли я, как он ссорится? Чем у него кончается ссора и кто первым идёт мириться?
Бывает ли он жесток в ссоре — говорит ли то, что бьёт больнее всего, зная, куда бить?
Поминает ли он старое? Помнит ли обиды годами?
Слышал ли я от него хоть раз «я был неправ»?
Каков он с теми, кто ему не нужен, — со слугой, со стариком, с бессловесной тварью? Вот это и есть правда о нём.
Каков он со своими родителями? Таким он будет и со мной, когда я состарюсь.
Беру ли я его таким, каков он есть, — или таким, каким он, надеюсь, станет?
Назови прямо: что я собираюсь в нём переделать?
Что в нём раздражает меня уже теперь? Прими, что это не переменится никогда. Проживу ли я с этим сорок лет?
Отчего я тороплюсь? Кто меня торопит: годы, родня, соседи, страх остаться одному?
Могу ли я жить один? Если нет — не бегу ли я в брак от одиночества? Одиночество — плохой сват.
Ходил бы я за ним, если бы он слёг завтра и навсегда? А стал бы он ходить за мной?

Знаю ли я, чего он ждёт от нашей жизни, — или я решил, что и так понятно?
Сошлись ли мы о детях: быть ли им, сколько и кто станет их растить?
Знаю ли я, каков он с деньгами: копит, тратит, должает, играет?
Чья родня войдёт в наш дом и чьё слово будет в нём последним?
Кто из нас что делает по дому и в трудах? Говорили ли мы об этом прямо, а не намёками?
Не боюсь ли я его? Был ли хоть однажды страх — от руки, от голоса, от угрозы? Если был, ответ у тебя уже есть, и он не переменится.
Свободны ли мы оба? Не выдают ли его за меня? Не тороплю ли я его?
Скрываю ли я что-то такое, что, узнав, он передумал бы? Тогда я вхожу в брак с ложью, и она войдёт со мною.
Что я даю ему? Не что получаю — что даю.
Если отнять влюблённость, останется ли дружба? Легко ли нам молчать вдвоём? Хочу ли я рассказывать ему пустяки своего дня?
Если бы это кончилось разводом — из-за чего? Ответь сейчас: об этом и надо говорить до свадьбы, а не после.
А об этом спрашивают не себя, а друг друга — вслух и до, а не после.
Чего ты ждёшь от нашей жизни через десять лет?
Чего ты не простишь никогда?
Как в твоём доме ссорились и как мирились?
Чего ты не станешь делать даже ради меня?
Чего ты боишься в этом браке?
Какие долги и обязательства ты вносишь с собою?
Кто будет решать, когда мы не сойдёмся?

Вопросы о близких
О каждом по отдельности. Не о «семье вообще».

Когда я в последний раз спрашивал его о нём самом — и дослушал ответ до конца?
Что он говорил мне трижды, а я так и не услышал?
Знаю ли я, чего он боится?
Что я в нём люблю — назови не общими словами.
Что он терпит во мне?
Расту ли я рядом с ним — или чиню его под себя?
Шире ли стала его жизнь с тех пор, как мы вместе, — или тесней? А моя?
Что он не может сделать без моего согласия — и почему так вышло?
Ставлю ли я ему в счёт то, что для него сделал?
Наказываю ли я его молчанием? Знает ли он, когда это кончится?
Грозил ли я уходом, чтобы добиться своего?
Чему мои дети научатся у меня, глядя на меня, а не слушая?
О чём я не успею спросить родителей?
Что я откладываю сказать ему до подходящего часа — и сколько лет уже откладываю?

Когда ревнуешь.

Чего именно я боюсь? Назови словом: что уйдёт? что я хуже кого-то? что меня выберут не первым?
Есть у меня факт — то, что я видел или знаю, — или одна картина, которую я сам же и нарисовал?
Если факта нет: сказал ли я о своём страхе прямо — «мне тревожно», — вместо обвинения?
Если факт есть: почему я до сих пор не поговорил об этом один раз и прямо, вместо намёков?
Что я стану делать, если худшее окажется правдой? (Ответив, перестаёшь бояться неизвестности.)
Не мучаю ли я себя тем, что было до меня и чего не переменить?

Об отдалившихся.

С кем из дорогих мне я не говорил дольше всего? Сколько уже?
Кто ждёт, что позову я? А кого жду я — и отчего решил, что теперь его очередь?
Что мешает позвать: обида, гордость, неловкость от долгого молчания — или просто некогда?
Знаю ли я его сторону того, что между нами вышло? Спрашивал ли?
Что я могу сделать сегодня малого: письмо, звонок, зайти на час?

Вопросы, когда наказываешь ребёнка
Отвечать прежде наказания, а не после.

Чего я хочу: научить его — или отвести душу?
Спокоен ли я сейчас? Если нет, почему я не подожду?
Понял ли он, за что? Спрашивал ли я, каким он сам это видит?
Наказываю ли я за проступок — или за то, что он осрамил меня при чужих?
Соразмерно ли это? Не поминаю ли я ему заодно и старого?
Не поднимаю ли я руку? Что я скажу ему в тот день, когда он поднимет руку на слабого?
Что он вынесет отсюда: как поступать — или как не попадаться?
Знает ли он, что я люблю его, — сегодня, после всего этого?

Вопросы прежде, чем взять власть
Отвечать до того, как согласишься. После будет труднее.

Зачем мне это место? Что я сделаю на нём такого, чего не сделает другой?
Хочу ли я делать дело — или хочу, чтобы ко мне обращались?
Готов ли я решать так, чтобы меня возненавидели?
Кому я буду обязан этим местом — и чего он попросит потом?
Чего я не сделаю никогда, даже если это будет стоить мне места? Назови вслух теперь, покуда ты свободен.
Кто скажет мне, что я стал хуже? Есть ли такой человек — и что я сделаю, чтобы он не исчез?

Когда я уйду? Назови срок сейчас, покуда его легко называть.
Кем я буду, когда перестану быть этим?

Вопросы, когда ты под чужой рукой
О всякой службе и всяком месте, где решаешь не ты.

Делаю ли я своё дело так, как сделал бы, будь оно моим собственным?
Занят ли я делом — или видом дела?
Что я вижу такого, чего не видит ведущий? Сказал ли я ему это прямо и наедине — или берегу до того дня, когда можно будет сказать «я предупреждал»?
Решили не по-моему: делаю ли я решённое как своё — или вполсилы и назло?
Когда я в последний раз возразил ему в лицо? А за глаза — часто ли говорю?
Не выслуживаюсь ли я за чужой счёт?
Просил ли я о том, что мне недодано, — или коплю обиду молча?
Не велят ли мне здесь того, чего я не сделаю никогда? Знаю ли я, где эта черта, — до того, как меня к ней подведут?
Если бы мне пришлось уйти отсюда завтра — ушёл бы я с достоинством и доделав начатое?

Вопросы прежде, чем написать закон
О всяком правиле, которое станет обязательным для других: в стране, в городе, в цехе, в войске, в училище, в собственном доме.

Что сделает с этим правилом худший человек, которому оно достанется? Не лучший — худший.
Как оно ляжет на самого слабого из тех, кого коснётся?
Поймёт ли его тот, кого оно касается, прочтя один раз и без толкователя? Если нет — понял ли его я сам?
Можно ли его исполнить? А если нельзя — что будет, когда нарушат все и наказывать станут избранных?
Пишу ли я это по нужде — или по свежему гневу? Останется ли оно нужным через полгода?
Не пишу ли я это против одного человека или против одних людей? Что станет с этим правилом, когда оно попадёт в руки тех, кого я боюсь?
Кто за это заплатит — деньгами, временем, свободой, покоем? Есть ли эти люди в комнате, где мы решаем? Если нет, кто их спросил?
Знаю ли я, зачем поставлено старое правило, которое я собираюсь сломать?
Можно ли испытать это в малом и назначить день, когда мы пересмотрим написанное?
Куда пойдёт тот, с кем поступят по этому правилу несправедливо?
Согласился бы я жить под этим законом сам — если бы применял его ко мне мой враг?
Может ли исполнить это самый бедный и самый неучёный из тех, к кому оно обращено?
Как бы я сам обошёл написанное, будь я корыстен и ловок? (Что придумал ты — придумают и они.)

Что станет выгодно людям после этого закона? За выгодой они и пойдут, а не за моим замыслом.
Записал ли я, ради чего это писано, — для тех, кто станет пересматривать?
Наложил ли я эту тягость сперва на себя и на своих?
Не переступает ли написанное мною черты, которую переступать нельзя никому и ни при какой нужде?

Вопросы, когда под твоей рукой люди
Задавать не в день назначения, а каждый год.

Знаю ли я, как живут те, кем я распоряжаюсь?
Когда мне в последний раз возразили в лицо? Что стало с возразившим?
Всё ли, чего я требую, я делал бы сам?
Заплачено ли им вовремя и сполна? Спрашивал ли я, довольно ли им?
Кого я не защитил, когда мог?
Делаю ли я так, чтобы мои люди умели больше? Или мне спокойнее, когда они умеют меньше моего?
Если я уйду завтра — устоит ли дело? Если нет, чья это вина?
Что я оставлю тому, кто придёт на моё место?

Вопросы о достатке
О своём кошельке, а не о чужом.

Трачу ли я больше, чем получаю? Давно ли?
Что я купил в этом году такого, чего уже не помню?
Это нужда — или чтобы видели?
Кому я должен, и знает ли он, когда я отдам?
Есть ли у меня запас на чёрный день — или я надеюсь, что чёрного дня не будет?
Что я стал бы делать, если бы завтра доход мой уполовинился? Почему я не делаю этого сейчас?

Вопросы в час удачи
Их задают, когда всё хорошо. Тогда они и нужны.

Давно ли мне было по-настоящему трудно?
Не перестал ли я слышать оттого, что перестало болеть?
Что из доставшегося мне я успел записать в свои заслуги?
Кого из помогавших мне в начале я перестал звать?
Больше ли стало вокруг меня поддакивающих?
Что я делаю теперь такого, чего не одобрил бы я сам десять лет назад?
Чем я занят, когда мне ничего не нужно?
Если бы завтра всё это исчезло — что осталось бы при мне?

Вопросы, когда тебя хвалят

За что именно меня хвалят — и правда ли это моё?
Чьими руками сделано то, за что хвалят меня? Назвал ли я их вслух?
Он хвалит дело — или меня? Зачем ему это?
Не начал ли я работать ради похвалы? Что я стану делать, если хвалить перестанут?
Кто из хвалящих меня сегодня сказал бы мне неприятную правду?

Вопросы в час соблазна
Соблазн не терпит отсрочки — уже поэтому стоит помедлить.

Чего я хочу на самом деле: этого — или того, что, мне кажется, за этим?
Не устал ли я, не голоден ли, не обижен ли? Соблазн приходит к пустому.
Что я потеряю, если поддамся? Назови поимённо тех, кого это заденет.
Сделал ли бы я это, если бы об этом узнали все, кого я уважаю?
Через год я буду этим гордиться — или прятать это?
Что случится, если я подожду до завтра?
Кому я могу сказать об этом прямо сейчас — вместо того чтобы сделать?

Вопросы в трудный час
Когда гнетёт ноша.

Что здесь в моей власти, а что нет?
Что я могу сделать сегодня — хоть самое малое?
Кому я могу сказать об этом вслух? Почему я до сих пор не сказал?
Что я посоветовал бы человеку, которого люблю, окажись он на моём месте?

Когда обидели.

Что я потеряю, если отпущу это?
Что я приобрету, если понесу это дальше?
Хочу ли я, чтобы он понял, — или хочу, чтобы ему было больно?

Когда хочется отомстить.

Вернёт ли месть то, что отнято?
Что станет со мною, когда я это сделаю? Кем я стану для своих?
Сколько лет моей жизни на это уйдёт — и на что этих лет уже не хватит?
Есть ли путь, где виновный ответит, а я останусь чист: суд, огласка, разрыв?
Кого, кроме него, заденет моя месть?
Если я не сделаю ничего — что останется во мне?

Когда виноват.

Признал ли я — прямо, без «но» и без половины?
Что из испорченного чинится руками, а не словами?
Окажись я завтра в том же месте — поступлю ли иначе? Чем я докажу это себе?

Когда пусто.

Когда мне в последний раз не было пусто? Что я тогда делал?
Чего я не делаю из того, что умею?
Что я глушу этой пустотой — и что она хочет мне сказать?

Когда лишился дома.

Что уцелело у меня из того, что не стены: руки, ремесло, имя, люди?
Кто здесь знает меня по имени? Кому я могу сказать, что мне трудно?
Что я могу сделать сегодня, чтобы это место стало чуть более моим?
Тоскую ли я по дому — или по себе прежнему? Это разные тоски.
Не откладываю ли я жизнь до возвращения, которого может не быть?

Когда гневаешься.

На него ли я гневаюсь — или на себя, на усталость, на другое?
Он сделал это против меня — или просто сделал?
Сказал бы я это, будь он сильнее меня?
Что я разрушу этим словом — и сколько лет уйдёт, чтобы это починить?
Что я стану думать об этом через час, когда отпустит?

Вопросы, когда хочешь переменить путь
Не о бегстве от трудного, а о перемене ремесла, дела или всего склада жизни — в любые годы.

Чего я хочу: другого дела — или другой жизни вообще? И не путаю ли я одно с другим?
Если бы я нынче был свободен и ничего сюда не вложил — вошёл бы я в это заново?
Что меня держит: дело — или жаль потраченных лет?
Пробовал ли я это малым: по вечерам, по выходным, вполсилы? Что показала проба?

Что я унесу с собою из нажитого? Терпение, знание людей, умение доводить — это идёт со мной.
Сколько мне нужно на переход: денег, времени, умения? Есть ли у меня запас — или я прыгаю в пустоту?
Кто пострадает от моей перемены и говорил ли я с ними?
Через пять лет мне всё равно станет столько же лет — с новым делом или без него. Кем я предпочту эти пять лет быть: идущим или жалеющим?
Что я скажу себе, если попробую и не выйдет? Готов ли я к этому ответу уже теперь?

Вопросы прежде, чем уйти

О всяком уходе: из дела, из дома, из города, из дружбы.

От чего я ухожу — или к чему?
Пробовал ли я починить — или мне просто легче начать заново?
Уходил ли я так же прежде? Сколько раз?
Что здесь моё, а что чужое, и не путаю ли я одно с другим?
Кому я должен сказать сам, а не через других?
Что останется здесь после меня?

Вопросы в немощи и на склоне лет

Не для того, чтобы корить себя. Для того, чтобы успеть.

Что мне ещё по силам — и делаю ли я это?
Что я перестал делать раньше, чем стало нельзя?
Кому я не сказал главного? Он ещё жив?
Кого я обидел и могу застать?
О чём я жалею — и что из этого можно поправить сегодня, хоть частью?
Что я знаю такого, что уйдёт со мной, если я не передам?
Кому тяжело со мной — и что в этой тяжести моего?
Не стал ли я мерить всё вокруг своей немощью?
Чего я хочу для тех, кто останется, — и знают ли они об этом?
Что я хочу успеть, покуда есть силы? Начал ли я?

Вопросы, когда ходишь за больным

О долгой болезни близкого — и о себе при ней.

Спрашивал ли я, чего хочет он, — или решаю за него?
Оставил ли я ему то, что он ещё может делать сам?
Говорю ли я с ним как с человеком — или как с болезнью?
Не превращаю ли я заботу в заслугу, которую ему предъявляю?
О чём мы не говорим — и почему? А он хотел бы об этом говорить?
Кто ходит за мною, покуда я хожу за ним? Кому я могу сказать, что не справляюсь?
Что я делаю сегодня такого, чтобы после не корить себя?

Вопросы, провожая
В день Проводов и после.

Что в нём было такого, что стоит сказать вслух — правдиво, а не гладко?
Что я не успел ему сказать? Кому из живых я могу сказать это сегодня?
Не держу ли я на него обиды теперь, когда он не может ответить?
Что из его дела я могу продолжить?
Что во мне сделано его руками — его словом, его терпением, его выучкой?
Назови поимённо: это единственное, что уйдёт с тобою дальше.
О чём я жалею — и что из этого я ещё могу переменить с другими?

Вопросы, которые задают себе редко

Чем заняты большинство моих дней — и это ли я выбирал?
Что я делаю только потому, что так делают все?
Если бы ни один мой поступок никогда не стал никому известен — что бы я перестал делать? А что начал бы?
Чему я научился настолько, что оно осталось бы при мне, даже если бы я забыл все слова?
Что во мне есть такого, чего я не показывал никому?
Кому я нужен так, что моё исчезновение переменило бы его жизнь?
Кто станет обо мне жалеть — и о чём именно?
Чего я жду, чтобы начать жить?
Что я делал бы сегодня, если бы знал, что этот день последний? Почему я этого не делаю?

Дочитавшему: если ни один из этих вопросов не задел тебя, вернись к первому разделу и ответь на предпоследний вопрос вечера.

Книга пятая. ПРИМЕТЫ

Многое из сказанного в Каноне легко узнать в чужом и трудно — в своём. Здесь собраны приметы: по чему узнаётся то, о чём говорят прочие книги.

Примета — не приговор. Одна примета не значит ничего; три приметы вместе стоят разговора с собою.
О чужих приметах помни заповедь: по ним читают дела, а не склад.

Приметы глухоты — в себе
Самая важная страница этой книги: глухота не ощущается остро, оттого её и не замечают.
Дни перестали отличаться один от другого.
Ты не можешь вспомнить, чем был занят прошлый месяц.
Всякий вечер тебе нужно чем-нибудь себя занять, лишь бы не остаться в тишине.
Тебе давно ничего не было по-настоящему трудно.
Ты давно ни в чём не признавал себя неправым.
Весть о чужой беде не задевает тебя дольше минуты.
Важное ты откладываешь, потому что «сейчас не время», — и не помнишь, когда это время началось.
Тебя давно никто не удивлял.

Приметы гордыни — в себе
Её труднее всего заметить: она подаёт себя как достоинство.
Ты объясняешь, а не спрашиваешь.
Похвалу ты принимаешь как должное, а укор — как обиду.
Ты часто вспоминаешь, чего добился, и редко — чьими руками.
Тебе стало трудно сказать «не знаю» и «я был неправ».
Чужой успех ты первым делом объясняешь удачей, а свой — заслугой.
Ты перестал советоваться с теми, кто ниже тебя в деле.
Ты замечаешь, кто поздоровался первым.

Приметы зависти — в себе
Зависть редко приходит под своим именем: она приходит под именем справедливости.
Ты рад узнать о его неудаче и объясняешь себе, что рад справедливости.
Тебе легче хвалить его при нём, чем за глаза.
Ты хорошо помнишь, где ему повезло, и плохо — сколько он работал.
Тебе неприятно, когда его хвалят при тебе, и ты добавляешь «да, но».
Ты сравниваешь себя с ним чаще, чем думаешь о своём деле.
Об одном ты не думаешь никогда: пойти и научиться у него.

Приметы самообмана
Как узнать, что ты лжёшь себе.
Ты объясняешь свой поступок дольше, чем совершал его.
Твоё объяснение всякий раз выходит немного другим.

Ты обижаешься на прямой вопрос сильнее, чем на упрёк.
Ты говоришь «у меня не было выбора» — и не можешь назвать тот выбор, которого не было.
Ты называешь своё поведение мягкими словами, а такое же чужое — грубыми.
Ты знаешь, что сказал бы об этом человек, которого ты уважаешь, — и не хочешь с ним об этом говорить.

Приметы того, что ты знаешь меньше, чем думаешь
Неведение своего неведения — из самых дорогих заблуждений: за него платят другие.
Ты объясняешь легко и без запинки то, чего никогда не делал руками.
Ты не можешь назвать, что бы тебя переубедило.
Тебя сердит вопрос «откуда ты это знаешь?».
Чем меньше ты знаешь предмет, тем короче и увереннее твоё суждение о нём.
Ты знаешь ответ прежде, чем дослушал вопрос.
Ты не помнишь, когда в последний раз сказал «не знаю».
Ты объясняешь сложное одной причиной, и причина эта всегда одна и та же.
И самая верная: те, кто вправду знает этот предмет, говорят о нём осторожнее тебя. Если знающие сомневаются, а ты нет, — сомневаешься не ты, а знание.

Приметы кривого суждения
Ум лжёт не по злобе: он торопится и хватает первое, что подвернулось под руку. Вот его обычные кривизны — и всякая узнаётся по своему слову.

Всё или ничего. Ты говоришь «всегда», «никогда», «вечно ты», «ни разу».

Примета: из твоей речи пропали «иногда», «часто», «в тот раз». А между «всем» и «ничем» умещается почти вся жизнь.

По одному — обо всех. Один обманул — «все они таковы». Раз не вышло — «у меня никогда не выходит». Один случай надел на себя мундир правила.

Чтение чужих мыслей. Ты знаешь, что он подумал, и не спросил его. Примета: «он решил, что я…», «ему было противно», «они там смеялись надо мной».

Ворожба на дурное. Ты знаешь наперёд, чем кончится, и оттого не начинаешь. Примета: «всё равно откажут», «всё равно не выйдет». Гадание, выданное за опыт.

Раздувание. Ты проложил дорожку от малого к погибели: не ответил на письмо — сочтут ненадёжным — отстранят от дела — останусь без хлеба. Примета: цепочка из «а потом», где всякое звено правдоподобно, а вся цепь — нет.

Тирания слова «должен». Ты живёшь под приказом: должен успевать, должен нравиться, должен быть сильным. Примета: после «должен» никогда не сказано, кто велел.

Две мерки. Свою оплошность ты объясняешь обстоятельствами, чужую — нравом. Одно и то же дело у тебя зовётся твёрдостью, а у него упрямством.

Чувство вместо доказательства. «Мне тревожно — значит, опасно». «Мне стыдно — значит, я виноват». Чувство есть весть о тебе, а не о мире.

Просеивание. Из десяти слов о твоей работе девять были добрые — а помнишь ты десятое, и оно одно стоит у тебя перед глазами месяц.

Ярлык вместо разбора. «Я неудачник», «он подлец» — одно слово, надетое вместо человека и вместо случая. После ярлыка думать уже не о чем, и в этом его удобство.

Всё про тебя. Он не поздоровался — значит, ты чем-то ему нехорош. Он ответил коротко — значит, ты надоел. Обыкновенно же у людей просто болит голова.

Что делать: не спорь с чувством — проверь суждение. Спроси себя: что я знаю точно, а что додумал? Как рассудил бы я, будь это не со мною? Что я сказал бы другу, скажи он мне то же самое о себе? И назови кривизну по имени: названная, она слабеет.

Приметы того, что ты становишься тем, кого осуждал
Ты стал говорить: «жизнь заставила», «все так делают», «иначе не выжить».
То, что ты прежде называл подлостью, теперь называешь опытом.
Тебе неприятны люди, которые поступают так, как поступал ты сам десять лет назад.
Ты избегаешь разговоров о том, чем занимаешься, с теми, кто знал тебя прежде.
Ты объясняешь молодым, что они «ещё не понимают».

Приметы страха, который правит тобой
Он редко называет себя страхом. Он называет себя осторожностью и здравым смыслом.
Ты объясняешь, почему нельзя, прежде чем подумал, как можно.
Ты годами не делаешь того, чего хочешь, и всякий год находишь новую причину.
Ты выбираешь не лучшее, а наименее опасное — и зовёшь это разумностью.
Ты соглашаешься, чтобы не было ссоры, и потом злишься на согласившегося.
Ты откладываешь трудный разговор так долго, что говорить уже поздно.
Ты остаёшься там, где плохо, потому что там знакомо.

Приметы скупости
Она ходит под именем бережливости.
Ты помнишь, кто сколько тебе должен, точнее, чем то, что должен ты.
Ты считаешь чужой кусок за столом.

Тебе легче дать в долг, чем подарить: в долге ты остаёшься хозяином.
Ты подаёшь и тут же прикидываешь, не много ли подал.
Ты откладываешь на завтрашний день, которого всё нет, и лишаешь себя и своих сегодняшнего.
Тебе неприятно, когда кто-то рядом тратит легко.

Приметы того, что тебя затянуло
О вине, об игре, о зрелищах — обо всём, к чему тянет.
Ты назначил себе меру и не раз её переступил.
Ты стал делать это в одиночку и не рассказываешь об этом.
Ты сердишься, когда об этом спрашивают.
Ты уже возмещаешь этим не радость, а тяжесть: скуку, усталость, обиду.
Ты обещал себе бросить и назначал сроки — и они прошли.
Ты говоришь: «захочу — брошу», но давно не пробовал.
Кто-то из близких сказал тебе об этом вслух — и ты объяснил ему, что он преувеличивает.

Приметы усталости, которую принимают за конец
Прежде чем рушить, проверь себя по этому списку: усталый человек — плохой судья своей жизни.
Тебе разонравилось всё сразу: и дело, и дом, и люди.
Ты давно не спал вдоволь и не отдыхал по-настоящему.
Ты стал раздражаться на мелочи, которых прежде не замечал.
Тебе кажется, что переменить надо всё, и немедленно.
Ты не помнишь, когда в последний раз тебе чего-нибудь хотелось.
Что делать: сперва выспись, отдохни и вылечись, а решай после. Решения, принятые в изнеможении, редко бывают о том, о чём кажутся.

Приметы заданного
Оно возвращается.
Оно меняет одежду, но не суть: иные люди, иные места, а беда одна.
Всякий раз виноваты разные — а сходятся все в тебе.
Тебе неловко говорить о нём вслух, и ты сводишь разговор на другое.
Ты уже знаешь, что нужно сделать, и уже придумал, почему нельзя.
Приметы случайного: ударило и прошло; случилось бы с любым на твоём месте; чтобы сказать, чему оно учит, приходится тянуть за уши.
Приметы выученного: тишина; ты оказался в том же положении и поступил иначе — и это не стоило тебе усилия; тебе больше не хочется рассказывать об этом.

Приметы теней

Безразличие.

Ты знаешь, что происходит, и знаешь, что мог бы сказать слово.
Ты чаще прежнего говоришь «это не моё дело».
Ты успокоился на мысли, что один ничего не изменишь.
Ты ждёшь, пока вмешается кто-нибудь, кому положено.
Что делать — и это знание спасает жизни. В толпе не помогает никто именно потому, что толпа: всякий видит, что видят и другие, и всякий ждёт, что вмешается другой; так стоят и смотрят десятеро, из которых любой один помог бы, случись он тут в одиночку. Ломается это просто — обратись к одному человеку поимённо и в лицо: «ты, в синей куртке, зови помощь; ты, в очках, помоги мне поднять». Названный откликается почти всегда, безымянная толпа — почти никогда. И если беда с тобою самим, а вокруг стоят и смотрят, не кричи «помогите» в воздух: выбери одного, укажи на него и скажи, что делать.

Оглядка.
Ты рассказываешь одну и ту же историю о своей ошибке — и она не меняется годами.
Ты помнишь обиду подробнее, чем то, что было хорошего.
Ты просишь прощения у того, кто давно простил.
Ты бережёшь вину, как имущество.
Как отличить жевание от размышления: по вопросу, который ты себе задаёшь. Жующий спрашивает «почему я такой?», «за что мне это?», «отчего он так со мною поступил?» — и может спрашивать так годами, не сдвинувшись с места. Размышляющий спрашивает «что теперь сделать?» — и через час встаёт и делает. Тяжесть одна и та же, а вопрос разный, и от вопроса всё расходится. Поймав себя на «почему я такой», переставь на «что теперь».

Уныние.
Ты уже не спрашиваешь, что делать: ты знаешь, что ничего.
Всякое предложение помощи кажется тебе насмешкой.
Тяжело даётся малое: умыться, ответить, выйти за дверь.
Ты стал говорить о себе в прошедшем времени.

Приметы затаённой обиды
Для того, кто уверен, что простил.
Ты рассказываешь о нём охотно.
Тебе приятно узнать, что у него неудача.
Ты простил — но помнишь по пунктам, что именно простил.
Услышав его имя, ты первым делом объясняешь, как всё было на самом деле.

Приметы того, что ты простил по-настоящему
Пара приметам затаённой обиды. Их немного, и они спокойные.
Тебе не хочется рассказывать эту историю.
Ты можешь вспомнить её без внутренней речи, которую ведёшь в свою защиту.
Весть о его удаче не задевает тебя.
Ты помнишь, что было, но перестал вести счёт.
Встретив его, ты не готовишься заранее.

Приметы искреннего раскаяния
Как узнать, что человек вправду переменился, а не переждал.
Он говорит о сделанном без «но» и без «ты тоже».
Он не торопит твоё прощение и не ставит ему срока.
Он не требует, чтобы ты признал его перемену.
Он чинит молча и за свой счёт то, что чинится.
Он переменил не только слова, но и обстоятельства: место, привычку, круг, — то, что привело его туда.
Он не рассказывает о своём раскаянии посторонним.
Прошло время — и в том же самом месте он поступил иначе.
Приметы обратные: он просит прощения горячо и часто; он сердится, что его до сих пор не простили; он ведёт счёт своим извинениям.

Приметы того, что ссора не о том, о чём вы ссоритесь
Повод мелок, а жар велик.
Одни и те же слова повторяются из ссоры в ссору годами.
Вы вспоминаете давнее, к делу не идущее.
Спор кончается, а тяжесть остаётся: значит, спорили не о том.
Оба хотят не решения, а признания правоты.
Что делать: спроси не «кто прав», а «о чём мы на самом деле». Настоящий предмет ссоры почти всегда старше повода.

Приметы того, что брак разлаживается
Замечать их надо рано: разлаживается медленно, а рушится враз.
Вы перестали рассказывать друг другу пустяки прошедшего дня.
О важном каждый советуется с кем-то другим.
Молчание вдвоём стало неловким.
Насмешка над другим при чужих сходит за шутку.
Каждый ведёт свой счёт: кто больше сделал, кто больше уступил.
Вы говорите о делах, о детях, о деньгах — и не говорите о себе.
Ты стал думать «когда дети вырастут» или «когда станет полегче» — и не думаешь о завтрашнем дне вдвоём.
И самая тяжёлая примета — презрение. Не ссоры губят дом: ссорятся все. Губит презрение — закатывание глаз, усмешка сверху вниз, разговор как со слабоумным, передразнивание при детях. Где завелось презрение, там уже не спорят равные: там один судит другого, — и это вернее прочего предвещает конец.
А примета крепости — не то, что вы не ссоритесь, а то, что умеете помириться. Гляди не на саму ссору, а на то, что внутри неё: подаёт ли кто-нибудь из вас руку, шутит ли невпопад, уступает ли в мелочи, говорит ли «постой, мы не о том». Дом, где посреди самой злой ссоры кто-то умеет протянуть руку, крепок. Дом, где всякая ссора идёт до конца, — нет.

Приметы дружбы, которая кончилась
Иные дружбы кончаются, и в этом нет ничьей вины. Хуже делать вид.
Вы видитесь только по случаю и всякий раз вспоминаете старое.
О новом в своей жизни ты рассказываешь ему в последнюю очередь.
После встреч ты чувствуешь не тепло, а исполненный долг.
Вам не о чем говорить, кроме тех, кого вы оба знаете.
Ни один из вас давно не звал первым.

Приметы льстеца
Он согласен со всем.
Он одинаково сладок со всеми — погляди, каков он с теми, от кого ему ничего не нужно.
Он хвалит то, о чём ты не спрашивал.
Он исчезает, когда дела твои плохи, и возвращается, когда поправились.
После разговора с ним ты больше нравишься себе — но ничего яснее не видишь.

Приметы друга: он говорит нелестное и остаётся; он рад твоей удаче прежде, чем успел подумать; спорит с тобою при тебе, а хвалит за глаза.
Приметы зависти в другом — и честного упрёка
Их путают чаще всего: одного объявляют завистником за правду, другому верят как другу.

Зависть.
Он хвалит тебя при всех и вредит тихо.
Он обесценивает именно то, что тебе дороже всего.
Он говорит о твоей удаче и никогда — о твоей работе.
Радость от твоей неудачи опережает у него сочувствие.
Он говорит, что плохо, и никогда — как было бы лучше.

Честный упрёк.
Он говорит тебе, а не о тебе.
Он называет дело, а не человека: не «ты бездарен», а «здесь криво».
Он говорит наедине.
Он рад, когда ты поправил.
Он и хвалил тебя прежде — тем же голосом.
Правило: зависть говорит о тебе, упрёк — о деле. Прежде чем обидеться, разбери, о чём была речь.

Приметы лжи в чужом рассказе
Гляди не на лицо, а на рассказ.
Подробности меняются при втором пересказе, а суть остаётся гладкой.
История слишком складна: в правде обычно есть лишнее и ненужное.
На прямой вопрос он отвечает не на тот вопрос, который задан.

Он обижается вместо того, чтобы ответить, и обида приходит раньше объяснения.
Он часто клянётся и призывает в свидетели, а честному слову подпорки не нужны.
Проверить его слова легко — и как раз этого он и не предлагает.

Приметы того, кто тебя использует
Он появляется, когда ему нужно, и пропадает, когда нужно тебе.
Всякая ваша встреча оканчивается просьбой — и никогда не начинается вопросом о твоих делах.
Он помнит, что сделал для тебя, и не помнит, что сделал ты.
Твой отказ он встречает не пониманием, а обидой или укором за прошлое.
После общения с ним ты чувствуешь себя должным, хотя ничего не занимал.

Приметы любви, ставшей тиранией
Это не про побои: побои узнают все. Это про власть, которая называет себя любовью и оттого не видна ни соседям, ни часто тебе самому. Читай эти приметы на обе стороны: так держат и мужья жён, и жёны мужей, и родители взрослых детей, и дети состарившихся родителей.
Круг твоих друзей за эти годы сузился — и всякий раз тому была причина, и всякая причина казалась разумной.
Собираясь рассказать о самом простом, ты заранее придумываешь, как это подать, чтобы не вышло беды.
Ты отчитываешься, хотя тебя не просили: где был, с кем говорил, отчего задержался.
Тебе напоминают, сколько для тебя сделано и чем ради тебя пожертвовали.
После ссоры с тобою не разговаривают день, два, неделю — и мира ищешь ты, часто не зная, за что просишь прощения.
Тебе говорят, что без него ты пропадёшь, что никому такой не нужен, что он один тебя терпит.
Твои деньги считаешь не ты. Ты просишь на своё.
Твою переписку читают и называют это заботой; а на твою просьбу так не делать обижаются, будто ты в чём-то виноват.
Тебе грозят уходом, чтобы ты уступил, — или грозят, что с ним самим что-нибудь случится.
Всякая твоя радость, случившаяся без него, встречается холодом, и потому ты о ней больше не рассказываешь.
Ты стал меньше — тише, осторожнее, глуше, — и не можешь вспомнить, когда это началось.
Мера, которая проверяет всё разом: шире ли стала твоя жизнь с тех пор, как вы вместе, — или тесней? Больше ли ты умеешь, свободнее ли дышишь, крепче ли стоишь? Любовь растит человека. То, что уменьшает его, зовётся иначе, как бы себя ни называло.
Что делать: прежде всего — расскажи о происходящем кому-нибудь вне этого дома: тому, чьё мнение ты ценил до него. Тирания живёт тайной и одиночеством, и первое, что она делает, — обрывает связи; первое, что делаешь ты, — восстанавливай их. Не начинай с того, чтобы уличать и спорить:

доказывать такому человеку, что он таков, — дело безнадёжное и часто небезопасное. Загляни и в приметы жестокого: если совпало хоть что-нибудь, читай то, что сказано делать там. И помни простое: уйти можно. Всегда, из всякого брака, и стыдиться тут нечего — ни перед людьми, ни перед этими книгами.

Приметы жестокого
Замечают их обыкновенно поздно — а видны они рано. Сказано «он», но жестокость пола не имеет: так же бывает и с женщиною, и мужу, которого истязают дома, вдобавок ещё и не верят, отчего он молчит вдвойне.
Он весел, когда унижают другого, и зовёт это шуткой.
С теми, кто ниже его, он говорит иначе, чем с равными.
Он мучил в детстве бессловесных, и в его рассказах об этом нет стыда.
В ссоре он бьёт не в спор, а в самое больное — и запоминает, где у тебя больное.
Он извиняется горячо и повторяет всё сызнова.
Он говорит: «ты сам меня довёл».
Что делать: поверь первому разу — он и есть правило, а не исключение. Не рассчитывай переменить его любовью и терпением: этого не выходило ни у кого. Не оставайся с ним наедине там, откуда трудно выйти. Расскажи о происходящем тем, кому доверяешь, вне его дома и вне его слуха.

Приметы того, кому можно доверить тайну
Он не приносит тебе чужих тайн.
О людях, которых знает близко, он говорит сдержанно.
Он не выспрашивает; он ждёт, когда скажешь сам.
Он не рассказывает историй, в которых сам вышел мудрецом, а другой дураком.
И примета обратная, самая простая: тот, кто пересказал тебе чужое, перескажет и твоё.

Приметы того, что человек готов услышать
Правда, сказанная не вовремя, не работает — она только ранит.
Он спрашивает, а не оправдывается.
Он замолкает и слушает, а не ждёт своей очереди говорить.
Он сам называет часть своей вины.
Он спрашивает «что мне делать», а не «правда же, я прав?».
Он говорит об этом спокойно и не в первый час после случившегося.
Если примет нет: промолчи и останься рядом. Скажешь после — и тогда услышат.

Приметы чистого человека
Он не просит.

Он одинаков с тем, от кого ему ничего не нужно.
О нём вспоминают, когда что-то нужно, и забывают, когда не нужно.
Ему часто нелегко, и он редко об этом говорит.
Дети и собаки идут к нему без опаски.
Уходя, он оставляет место не хуже, чем застал, — и не оглядывается, заметил ли кто.

Приметы зрелого человека
Зрелость не в летах: иные приходят к ней рано, иные не приходят вовсе.
Он держит слово в мелочах.
Он говорит «я был неправ» без театра и без надрыва.
Он не спорит о пустом и легко уступает в неважном.
Он умеет ждать и не требует ответа сейчас же.
Он не пересказывает чужого.
Он одинаково говорит с сильным и со слабым.
Он не рассказывает, как ему тяжело, — но и не делает вида, что легко.
Он умеет и отдавать, и принимать.
Он не мстит — и не хвалится тем, что не мстит.

Приметы того, что человеку рядом худо
Он не скажет: чистые не просят. Твоё дело — заметить.
Он перестал звать, отвечает коротко и всегда «нормально».
Он пропал из тех мест, где бывал всегда.
Он раздаёт или бросает то, чем прежде дорожил.
Он перестал говорить о завтрашнем: о планах, о деле, о лете.
Он смеётся вовремя, но не первый.
Он благодарит за мелочи слишком горячо.
Что делать по этим приметам: не рассуждай о них, а спроси прямо и просто — как ты, что у тебя, — и не удовольствуйся первым «нормально». Побудь рядом дольше, чем удобно. Не отделывайся советом. Приди ещё раз, когда обещал прийти.

Приметы дома, где неладно
Для соседа, для гостя, для родни — тех, кто может увидеть.
При старшем в доме младшие замолкают и следят за его лицом.
Отвечая гостю, в этом доме сперва оглядываются.
В доме заведено объяснять гостям происхождение синяков и поломок.
Из дома перестали ходить в гости и перестали звать к себе.
Кто-то один в доме распоряжается всеми деньгами и знает всё обо всех, а о нём не знает никто.
При посторонних там неестественно ласковы.
Что делать: не суди издали и не разноси по улице. Найди случай остаться с человеком наедине и спроси прямо. Дай понять, что дверь твоя открыта в любой час. Помни: спрашивают не один раз.

Приметы доброго дома
Пара приметам дома, где неладно. Хорошее тоже надо уметь узнавать.
При госте там смеются, а не только угощают.
Там перебивают друг друга без страха.
Там спорят и мирятся при вас, не понижая голоса.
Дети приводят туда своих приятелей.
Вошедшего сажают есть, не спрашивая, надолго ли он.
Там знают, кто чем занят, и не следят друг за другом.
Уходя оттуда, ты вспоминаешь не стол, а разговор.

Приметы того, что ребёнку плохо
Дети редко говорят прямо и почти никогда — сразу.
Он вдруг разучился тому, что уже умел.
Он не хочет идти туда, куда ходил охотно, и не может объяснить почему.
Он стал бояться оставаться с кем-то одним — и вы оба знаете с кем.
Он говорит «я плохой» чаще, чем «мне плохо».
Он ластится больше обычного или, напротив, не даётся в руки.
Он рассказывает о чём-то как будто про другого ребёнка.
Что делать: слушай не перебивая и не подсказывая ответов. Не спрашивай при том, кого он боится. Верь сказанному и не начинай с того, что он выдумал. И помни: ребёнок открывается тому, кто не пугается.

Приметы того, что ребёнок вырос
Родители замечают это обыкновенно на пять лет позже, чем следовало.
Он не спрашивает разрешения, а извещает.
У него есть своё, о чём он тебе не рассказывает, — и это не беда.
Он спорит с тобою доводами, а не слезами.
Он утешает тебя.
Он зарабатывает и распоряжается заработанным сам.
Он держит слово перед чужими, а не только перед тобой.
Его ошибки стали его ошибками.
Что делать: отпусти прежде, чем он вырвется. Отпущенный возвращается; вырвавшийся — не всегда.

Приметы дурного дела, в которое тебя втягивают
Тебя торопят и говорят, что думать некогда.
Тебе не велят советоваться с близкими: «они не поймут».
Прибыль обещана верная, большая и без труда.
Тебе льстят и объясняют, что ты не как все.
Обещанное на словах — а на бумаге другое или бумаги нет вовсе.
Первый шаг мал, и после него уже неловко отступить.

Что делать: возьми день. Всякое честное дело переживёт одну ночь; переживёт и твой вопрос, и твою проверку. Расскажи о нём тому, кого они не знают, — и слушай, как это прозвучит вслух.

Приметы толпы, готовой на дурное
Ищут виноватого, а не причину.
Все говорят «мы» и никто не называет своего имени.
Смеются одинаково и одновременно.
Кто усомнился вслух — тот уже подозрителен.
Обещают, что отвечать не придётся никому.
Впереди тот, кто сам не сделает ничего.
Что делать: уйди. Тут не переспорить и не пристыдить; спорить будешь завтра, с каждым по отдельности.

Приметы приставшего к своим
О том, кто пришёл к фиделитам не за путём, а за людьми, которые к нему ходят.
Он появился вскоре после того, как узнал, кто у вас бывает.
Прежде чем спросить, чем вы живёте, он спрашивает, кто чем занят и кто с кем знаком.
Он щедр на согласие и скуп на дело: соглашается со всем и не берётся ни за что.
Помощь он принимает охотно, а свою предлагает словами.
Он заводит речь о выгоде там, где о ней не спрашивали.
В его рассказах много имён и мало работы.
Он спрашивает, что даёт принадлежность, и никогда — чего она требует.
Он торопится назвать себя фиделитом при чужих — там, где это может пригодиться.
Он ссылается на ваши имена там, где вас нет.
И самая верная примета. О своём Входе он говорит охотно и подробно — а Вход у нас тайный, и знать о нём не должен никто из живых. Кто рассказывает о нём, тот либо не входил, либо не понял, куда шёл.
Как проверяется: попроси его о деле, от которого нет ни прибытка, ни огласки, — снести стариковы дрова, посидеть с больным, отработать за того, кого он не знает. Дело покажет вернее всяких примет.
Что делать: не обличай и не гони — может статься, ты ошибся, а человек просто неловок. Просто не давай ему того, за чем он пришёл: имён, поручительств, доступа к чужим дверям. Пришедший за путём этого и не заметит. Пришедший за связями уйдёт сам, и довольно скоро.

Приметы власти, которая боится
Боящаяся власть узнаётся не по строгости, а по тому, чего именно она не выносит.
Она жжёт книги и запрещает песни — и всякий раз объясняет, что бережёт вас от вредного.
Она не терпит смеха над собою: за шутку карают злее, чем за воровство.

Она переписывает старые книги и учебники, а не спорит с ними.
Она вымарывает имена из записей, будто людей и не было.
Ей нужен внешний враг, и он всегда находится к нужному сроку.
Она чаще говорит о том, что о ней подумают, чем о том, как живут люди.
Всякий вопрос она слышит как нападение и всякую жалобу — как измену.
Тех, кто уехал, она называет предателями, а не спрашивает, отчего уехали.
Она множит запреты там, где не умеет добиться исполнения простых правил.
И примета верная, короче всех: гляди, что ей смешнее — насмешка над нею или чужая беда. Уверенная в себе власть переживает первое и не переносит второго; боящаяся — наоборот.

Приметы дурного обычая

Их стоит знать затем, что дурные обычаи не приходят под своим именем: они приходят под именем старины, веры, чести и порядка. Прикладывай эти приметы и к обычаям своего края — особенно к тем, которые тебе привычны.

Он требует жертвы от тех, кто не может возразить: от детей, от женщин, от бедных, от чужих, от бессловесных.
Выгоду от него получают одни, а платят другие — и никогда наоборот.
Яростнее всех защищают его те, кому он выгоден.
Спрашивать о нём считается оскорблением, а сомневаться — изменой своим.
Он не может объяснить себя иначе, как «так делали деды» и «у нас так принято».
Ему нужны зрители: он совершается при народе, и народ в нём — не свидетель, а соучастник.
Он требует, чтобы жертва молчала, а после — чтобы молчали и все прочие.
Он растёт в тайне от чужих: его прячут от приезжих, а сами уверяют, что гордятся им.
Дети, выросшие при нём, повторяют его на слабейших раньше, чем поймут, что делают.
Проверка, годная для всякого обычая: назови вслух, кто за него платит и чем. Если платит невинный своей кровью, своей свободой или своим детством — перед тобою не обычай, а порча, обросшая годами, как пень мхом.
И примета обычая доброго: он никого не приносит в жертву; от него теплее и слабому, и сильному; его не стыдно объяснить чужому; и он не рассыплется, если о нём спросить.

Приметы того, что заводится толкование

Каста не объявляет о себе. Она заводится тихо и всегда из добрых побуждений — чтобы был порядок и чтобы люди не путались.

Появился знающий, к которому ходят спрашивать, «как правильно», — и ходить к нему стало привычкой.
Кто-то начал собирать прежние решения и говорить: вот как решали, стало быть, так и надо.
Ссылка на чужое решение стала весить больше, чем сами книги.
Появились слова «наше учение считает», «у нас так не принято» — сказанные не о себе, а за всех.

Собравшиеся стали делиться на тех, кто говорит, и тех, кто слушает, — и порядок этот держится из встречи во встречу.
За несогласие перестали спорить и начали поправлять: «ты неверно понял».
Кто-то заговорил о том, что книги устарели и надо бы разъяснить их для нынешнего времени.
Что делать: не жди, пока это окрепнет, и не обличай человека — обличай порядок. Спроси прямо и при всех: «это ты рассудил так — или это теперь обязательно для нас?» Честный ответит первое, и всё уляжется само. А начавшего отвечать второе — не слушай, и пусть его слушают те, кому охота ходить за чужим разумом.

Приметы ложного учения

Не о том, во что верят, а о том, что учение делает с человеком.
Оно требует денег — и говорит, что на святое дело, а отчета не даёт.
Оно отделяет тебя от родни и старых друзей: «они не поймут», «они тянут назад».
Оно обещает избранность: вы не как все, прочие слепы.
Оно винит несчастного в его несчастье: больного — в болезни, бедного — в бедности, обиженного — в том, что он это сам себе накликал.
У него есть виноватые — народ, сословие, вера, — на которых всё зло.
Вопрос в нём считается неверностью: усомнившегося сперва жалеют, потом сторонятся.
Его вождь неприкосновенен: дурного о нём нельзя, возразить ему нельзя, а ошибки его — испытание твоей веры.
Оно ставит посредников между тобою и небом и берёт за проход.
Оно спешит: решай сейчас, вступай сейчас, отдай сейчас.
Оно требует тайны от твоих близких.
Из него трудно выйти: уходящего проклинают, стыдят и пугают.
И самое главное. Прикладывай эти приметы и к нашему учению тоже. Если однажды по ним узнается учение фиделитов — вставай и уходи, и будешь прав; а книги оставь, они ни в чём не виноваты.

Приметы тех, кого гонят

По этим приметам узнаётся тот, о ком сказано в Предостережении — в первых строках Канона. Их довольно одной.
Он говорит, что ведома ему воля Видящего.
Он называет себя написавшим Кодекс.
Он берёт деньги именем учения.
Он обещает заступничество у двери.
Он творит чудеса и зовёт смотреть.
Он толкует сказанное прямо и растолковывает истинный смысл написанного.
Он собирает вокруг себя и ведёт счёт собравшимся.

Приметы засидевшегося

Для всякого, у кого под рукой люди.

Ты стал считать место своим имуществом.
Ты говоришь о себе и о деле как об одном.
Ты объясняешь, почему именно теперь уходить нельзя. В прошлый раз ты объяснял то же.
Свои заслуги ты помнишь подробнее, чем свои ошибки.
Тебе стало неприятно, что кто-то под твоей рукой умеет больше тебя.

Приметы того, что тебе перестали говорить правду
Для всякого, у кого под рукой люди. Это случается тихо и всегда раньше, чем кажется.
Совещания стали короткими и согласными.
Дурные вести доходят до тебя последним и всегда с опозданием.
Тебе приносят готовое, не спрашивая совета, но и не споря.
При тебе замолкают и оживляются, когда ты выходишь.
Ты давно ни от кого не слышал слова «нет».
Когда ты спрашиваешь, все смотрят на того, кто ответит первым.

Приметы порчи в деле
О том, с кем ты собрался вести дело.
Он торопит.
Он обижается на вопросы о цене и сроке.
Он охотнее говорит о будущем, чем показывает сделанное.
На всякую задержку у него готова причина, и всякий раз новая.
Он берёт вперёд и не даёт счёта.
Условие, о котором ты не спросил, оказывается не в твою пользу.

Приметы честного в деле
Их стоит знать не только чтобы выбирать, но и чтобы самому быть таким.
Он сам называет то, чего не может.
Он говорит о сроке прежде, чем ты спросишь, и предупреждает, если срок поплыл.
Он показывает сделанное, а не рассказывает о будущем.
Он берёт плату по уговору и объясняет, за что.
Ошибку свою он поправляет молча и за свой счёт.
Он одинаково работает на большом заказе и на малом.

Приметы доброго наставника — и дурного
Кому можно отдать себя в ученики.

Добрый.
Он отвечает на вопросы и не сердится на трудные.
Он показывает, как делает, а не только рассказывает.

Он признаёт при тебе то, чего не знает сам.
Он поправляет работу, а не человека.
Он радуется, когда ты сделал лучше него.
Он отпускает, когда ты вырос.

Дурной.
Он унижает при других и зовёт это закалкой.
Он придерживает главное: «рано тебе».
Он требует преданности себе, а не делу.
Он говорит, что без него ты никто.
Он не отпускает.

Приметы того, что общее дело гниёт
Для артели, товарищества, всякого дела, которое ведут вместе.
Счёт стал мутен: спросить неловко, а ответ долог.
Лучшие уходят первыми и не объясняют почему.
Обещания заменили плату.
Виноватых стало больше, чем работы.
Решают не там, где говорят.
Новых берут охотнее, чем удерживают старых.
О деле говорят «мы» при чужих и «они» между собой.
Приметы того, что твоё ремесло портится
Ты давно не учился ничему новому в своём деле.
Ты стал говорить: «и так сойдёт», «никто не заметит».
Тебе стало скучно доделывать.
Ты сердишься на замечания, вместо того чтобы проверить.
Ты берёшь работы больше, чем можешь сделать хорошо, и утешаешься тем, что все так делают.
Ты не помнишь, когда в последний раз тебе нравилось то, что вышло из твоих рук.

Приметы того, что тебе пора уйти
О деле, о службе, о месте — не о людях.
Ты давно не делаешь здесь ничего, чего не сделал бы другой.
Тебя держит не дело, а привычка, жалованье или страх.
Ты стал говорить о работе только дурное — и всё же остаёшься.
Ты перестал предлагать и начал пережидать.
Лучшее из того, что ты можешь дать, здесь уже не нужно.
И примета обратная: если ты уходишь всякий раз, как становится трудно, — уходишь не ты, а тень оглядки.

Приметы того, что ты на верном пути.
Тебе бывает трудно, и ты знаешь, ради чего.
Ты вспоминаешь свой вчерашний поступок без желания его пересказать.
Тебе перестало быть важно, узнают ли.

Кто-то стал приходить к тебе за прямым словом.
Ты замечаешь непросящих.

ПРОЩАНИЕ

Последнее слово того, кто это оставил

Вот и все.
Первое, что скажу тебе на прощание: читай эту книгу время от времени, когда почувствуешь в этом необходимость. Сверяй по ней путь своей души. Эта книга не сам путь, но описание пути. Помни что на Экзамене будет оценена твоя душа и то кем ты стал пройдя этот путь. А эта книга всего лишь подсказка, как карта морехода, показывающая ему опасные мели.

Можно выучить её наизусть и не сделать ни шагу; можно не прочесть ни строки и пройти половину лестницы. Прочитанное не зачтётся. Зачтётся прожитое.

Не пугайся, что написано много, а ты один и невелик. Никто не берёт это всё разом, и я не брал. Возьми одно: одно дело, одну заповедь, один вопрос, который тебя сегодня задел, — и начни с него нынче вечером, покуда не остыло. Не жди охоты, чтобы начать; начни, чтобы явилась охота. А через год оглянись — и увидишь, что дорога прошла сама, покуда ты шёл.

Ты будешь падать. Будешь глохнуть, оглядываться, унывать; будешь судить чужой склад и молчать там, где надо было сказать; будешь давать слово и не держать его. Не считай это крушением пути — это и есть путь: он весь из падений и подъемов, и другого ни у кого не было. Лестница не спрашивает, скоро ли ты взошёл.

И не думай, что ты один. У нас нет ни собраний, ни знаков, ни списков, — и всё же в твоём городе живут люди, которые держатся этого, не слыхав слова «фиделит»: нас сонмы по всему свету и в каждом народе мы есть. Ты узнаешь их прежде, чем поймёшь, по чему узнал. А узнав осознаешь что ты не один.

Книг этих больше не будет. Что должно было быть сказано — сказано; кто станет прибавлять к Канону и к Кодексу, тот прибавляет своё, а не наше, и лжёт, называя это нашим. Кодекс учения фиделитов закрыт. Оно и должно быть закрыто, иначе всякий, кому что-нибудь понадобится от тебя, допишет от себя то, что ему нужно, исказив и извратив само учение.

Имени моего ты не узнаешь никогда, и вот отчего: я хотел, чтобы ты спорил со словами, а не с человеком; чтобы не было распри над моими костями; чтобы никто не сказал тебе: «я знал его — слушайте меня». Меня уж нет среди живых, где ты читаешь эти строки. Может статься, я уже сдал свой экзамен и теперь я ученик в другом свете; а может, остался на пересдачу и в эту самую минуту начинаю всё сначала, начисто, ничего этого не помня. Не знает никто, да это и не важно.

Важно другое: ты сейчас закроешь книгу, встанешь и пойдёшь жить. Вот там и будет твой Путь.
Иди же.
А тот, кто построил этот свет, смотрит на тебя — не сурово и не ласково, а внимательно, как смотрят на Дело, которое ещё делается.

В добрый путь.